Евгений Краснов

Принц Персии

Часть первая: «Пески Времени»

Первая книга фэнтезийного романа-трилогии повествует о молодом принце, наследнике персидского престола и выдающемся воине, который вместе с отцом отправился на войну с Индией. По роковой ошибке он выпускает на свободу смертоносные Пески Времени, захваченные во дворце индийского магараджи. В одно мгновение привычный мир рушится, и герою предстоит иметь дело с невероятными противниками и могущественной стихией.

Враг моего врага – мой враг.

Глава 1. Наследник

Камень крошится и превращается в песок. Вода высыхает или впитывается в землю. Солнечный огонь однажды гаснет и превращается в безжизненный ветер, который не греет – в нём нет жизни. Он волен лишь разбрасывать песчаные вихри по необъятным просторам. Огромная свобода, которая ничего не стоит. А что станет с нами? Мы все станем Призраками и уйдём туда, откуда пришли. И останется лишь Время...

Многие люди думают, что Время – это река, несущая свои воды в одном направлении. Но могу уверить: они ошибаются. Время – это океан, объятый бурей, это могущественная и неукротимая стихия. Я видел истинное лицо времени и могу поведать историю, подобную которой тебе ещё никогда не доводилось слышать!

***

Рассвет... Солнце, радостно играя лучами, начало потихоньку выползать из-за горизонта. Ночная прохлада уходила куда-то далеко, туда, за дюны. Город начинал постепенно отходить ото сна. На улицах появились люди. Нельзя было не обратить внимания на величие этого города: он занимал огромнейшую площадь; стены, окружавшие и охранявшие город, были столь высоки, что людям, жившим неподалёку от них, ночь казалась даже длиннее обычного. Имя этому городу – Вавилон.

Сначала солнце осветило макушку дворца. Это высокое остроконечное здание внушало какое-то непонятное чувство: не то страх, не то трепетное восхищение. Постепенно сползая вниз, солнечные лучи открыли взору всё здание царского дворца. В обычные дни никто, кроме прислуги, не обращал внимания на пришедший рассвет. В такой ранний час ни одна из высокопоставленных персон даже и не думала пробуждаться. Но сегодня был особенный день. В больших залах дворца слышались чьи-то радостные возгласы, крики, эхом разносило их до его самых удалённых уголков. Сегодня у Шахрамана, царя Великой Персидской Империи, наконец-то появился наследник.

Зороастр, имевший титул «глаз царя», взял мальчика на руки и сказал:

– Славный мальчуган, – и, немного задумавшись, добавил, – он изменит этот мир...

Неизвестно почему, но никто не обратил внимания на его слова: возможно, в силу всеобщей суеты, а скорее из-за того, что

его уже давно никто не слушал, считая Зороастра чудаковатым стариком. Но вот что странно: когда он взял безутешно плачущего мальчика на руки, тот почему-то умолк. Он лишь продолжал дёргать своими маленькими ручонками и один раз схватил бороду старца так, что тот даже ойкнул от неожиданности.

Вообще, людям, не знавшим Зороастра, он мог показаться странным. Кто-то говорил, что он из Индии, а кто-то – что он путешествующий странник, который однажды забрёл в Вавилон. Неизвестно, что отправило его в скитания по всему Востоку, но на его лице были видны следы давней бродячей жизни. Однако с тех пор он сильно изменился. Он уже несколько лет не покидал Вавилон и занимал почётную должность при царе. Его сухощавое и вытянутое лицо, покрытое глубокими морщинами, имело неестественный коричневатый цвет. Густые седые брови и борода выдавали в нём глубокого старика. Но более всего поражали его глаза: казалось, что они горели красным огнём, будто их кто-то подсвечивал изнутри. Взгляд его пугал и походил на взгляд ожившего мертвеца. Сами же глаза были окружены чёрными пятнами, постепенно переходившими в морщины лица, лучами расходившиеся от глаз. Большая же часть головы была скрыта под красной чалмой со свисавшим с одного бока концом. Но внешность вовсе не соответствовала его характеру. Это был добродушный старичок, никому и никогда не делавший зла. Единственное, за что все недолюбливали его, так это за то, что он ужасно любил рассказывать всякие истории, которым, конечно же, никто не верил и которые вообще никто не дослушивал до конца. Любимой его байкой был рассказ о каком-то Магарадже и его путешествии за Песками Времени. Но рассказ этот был столь длинным, что всех приводил в уныние, и Зороастру приходилось замолкать, не рассказав даже трети своей истории, после которой и начиналось самое интересное. Поэтому никто даже не знал, что это были такие за Пески Времени. И со временем даже сам Зороастр начал постепенно забывать эту историю и все её подробности, о которых он так энергично когда-то рассказывал. И уж тем более он даже не подозревал, что эта история получит продолжение.

***

Маленький Принц рос без матери. Ему всё время говорили, что она умерла от болезни, вскоре после его рождения. В детстве он мало видел своего отца: тот постоянно был занят командованием своей армией и империей. И маленький Принц помнил, как отец каждый раз возвращался с победой, его

радостно приветствовали, чествовали и звали величайшим царём. И заслуженно – при нём не было проиграно ни одного сражения. И в каждом сражении он участвовал сам, всегда с одним и тем же мечом. Сам он считал, что тот приносит ему удачу, и почти никогда не расставался с ним.

Дождавшись, когда все вокруг разойдутся, Принц выбегал к отцу, стараясь быть как можно тише, и в самый последний момент пытался напугать его, изображая врага. Шахраман разворачивался, хватался за меч и говорил:

– Защищайся!

А потом всегда по-доброму смеялся и обнимал сынишку. И это всегда приводило Принца в восторг. Его отец был для него идеалом. Мальчик мечтал поскорей вырасти и стать таким же, как он. Заслужить в сражениях такие же почести и прославить своё имя. Стать великим воином, как его отец. И таким же мудрым и достойным правителем, когда придёт время.

Он хотел познать этот секрет, благодаря которому его отцу удаётся всегда выглядеть бодрым даже после долгих войн и походов. Вместо того чтобы отдыхать, он всегда шёл гулять с маленьким Принцем в сады, что росли вокруг дворца, и часами рассказывал ему о том, как они сражались с полчищами врагов, осаждали и захватывали города. И Принц верил, что отец и его армия всегда поступают верно, что враги заслуживают свои поражения. И в то, что его отец всегда будет победителем. И он тоже.

***

Зороастр был учителем Принца. Несмотря на его неусидчивость последнего, старику всё же удалось обучить его чтению и письму. Иногда ему даже удавалось заинтересовать мальчика, когда он рассказывал что-нибудь особенное, то, к чему Принц не привык, или то, чего он не понимал, но что звучало интригующе для детского разума. И тогда он прекращал считать его скучным и занудным стариком. Особенно маленького Принца поразило то, что не все люди говорят на одном и том же языке. Он был непоколебимо уверен, что все говорят и думают в точности теми же словами, что и он. И вдруг получалось, что это вовсе не так.

– А как же тогда люди понимают друг друга? Или они воюют потому что не понимают? – спросил тогда Принц у учителя.

– Они специально учат чужие языки. А воюют вовсе не поэтому, – ответил Зороастр.

– А как это – чужой язык? Можешь что-нибудь сказать на чужом языке? – не унимался мальчишка.

– Конечно, – сказал Зороастр и произнёс по-индийски: – Всегда бы вы были таким любопытным, юный Принц!

Мальчик широко раскрыл глаза от удивления. Эта странная речь совсем не походила на то, что он привык слышать.

– Что это значит? Повтори ещё раз! – сказал он.

Зороастр повторил свои слова, на этот раз более растянуто и плавно, отчего его речь звучала для Принца по-настоящему завораживающе.

– Вам следовало бы почаще быть таким любопытным, – объяснил учитель и добавил ещё фразу на индийском: – Особенно, когда учитесь письму.

Принц вопросительно взглянул на него и спросил:

– А это?

– Особенно, когда учитесь письму, – перевёл старик.

– В какой стране люди так говорят? – не унимался мальчуган.

– В Индии. Это индийский язык, – отвечал Зороастр.

– Индия? А что это за страна? Где она? Какие там люди? Как они выглядят? – Принц продолжал забрасывать уставшего к вечеру старика потоком вопросов.

Тот по-доброму усмехнулся и сказал:

– В свои шесть лет вы так много хотите знать! Вам стоило бы родиться путешественником, а не принцем.

Вместо того чтобы задавать следующие вопросы и требовать ответа на предыдущие, он, вдруг, задумался. Эта идея, случайно высказанная Зороастром, крепко засела в детском уме и вот уже воображение Принца рисовало необычайные картины, в которых он видел неведомые страны, чудесных животных, необычных людей. Хотя он даже не представлял, как всё это может выглядеть. Но недостаток впечатлений, как ни странно, способен рождать замечательные образы, которые вместе с детской фантазией превращаются в целые миры.

Зороастр в это время отвечал на вопросы Принца. Он вообще любил рассказывать и особенно любил, когда его слушали при этом.

– Я родился в Индии, но так случилось, что я попал в Персию и стал служить вашему отцу. Индия находится далеко отсюда, туда придётся несколько дней добираться на лошадях. Там много лесов и рек. Люди там выглядят почти так же, но у них темнее волосы и кожа чуть более смуглая.

– А скажи ещё что-нибудь! Мне так нравится этот индийский язык! – Принц оторвался от своих грёз и вновь принялся докучать Зороастру.

Тот произнёс слово «кувшин». Это было первое, что попалось ему на глаза. И, предупреждая новый поток вопросов, сказал:

– Кувшин. Я сказал слово «кувшин».

Принц непонимающе нахмурился.

– Зачем называть кувшин так странно? Ведь это кувшин! Зачем было придумывать всё это?

– Все народы берегут свой язык. Каждый из них появился когда-то очень давно, когда ещё не было тебя, твоего отца и даже меня. Даже этого города ещё не существовало. В конце концов, позвольте, но животные ведь говорят на своём языке? – терпеливо объяснял Зороастр. Его терпение было поистине безграничным, и он был в состоянии часами рассказывать или объяснять Принцу что-либо, лишь изредка вздыхая от усталости.

– Они глупые и не понимают того, что им говорят люди. Люди в Индии такие же глупые? – вновь спросил Принц.

– Если ты не понимаешь кого-то или он не понимает тебя, это совсем не значит, что один из вас глупец. Ведь важны сами мысли и чувства, которые человек хочет передать. И поэтому даже глупое животное поймёт громкий пугающий или гневный крик, а человек, не знающий языка, отличит добрые слова от злых, – пояснил учитель.

Сейчас Зороастр был даже рад, что их беседа перетекла в это русло. Он мог, незаметно для Принца, поделиться с ним кусочком мудрости.

– И, в конце концов, другой язык поможет тебе по-другому смотреть на вещи, – добавил он.

– Что значит – по-другому смотреть на вещи? – задумчиво и непонимающе спросил Принц.

– Вырастешь – поймёшь, – буркнул Зороастр себе под нос. – Вырастешь – поймёшь.

Получив такой невразумительный и неразборчивый ответ, Принц быстро забыл о самом вопросе. И интерес в его глазах сразу стал потухать. Увидев это, Зороастр, изображая сильную усталость, сказал:

– Уже поздно, отправляйтесь к себе!

Всё это время Принц находился у Зороастра, который жил в одном из отдалённых уголков дворца. Мальчик невольно запомнил груды книг повсюду, сложенных так и эдак, и огромное количество свечей, освещавших комнату. Он даже любил этот полумрак, любил наблюдать за десятками огоньков, и ему был приятен запах плавленого воска.

***

Когда Принц немного подрос, его жизнь стала разнообразнее. Вместо того чтобы всё время проводить с Зороастром, он начал обучаться военному ремеслу. Шахраман

доверял эти занятия своему главному боевому командиру или занимался с мальчиком сам. Ещё в детстве Принц отказался брать в руки лук, считая, что это нечестно. Трудно представить, откуда в детской голове появилась такая мысль, но он предпочитал честную схватку с вооружённым противником. Хотя вместо противника часто выступало учебное чучело, а вместо острого клинка – простой деревянный меч.

Принц быстро избрал свою тактику боя. Ему не нравилось то, что ему показывали другие, и он всегда придумывал что-то своё. Он считал, что в схватке оружием является не только меч, но и его тело и разум. Его движения отличались ловкостью и вместе с тем холодной резкостью. Не было детской неуклюжести, не было веселья во время тренировок. Но было наслаждение схваткой.

Потом, когда он тренировался с живым человеком, он стал привносить ещё больше своих идей. Часто, засыпая, он старался придумать что-то новое, неожиданное, что поможет ему стать ещё более умелым воином.

Туаммак, боевой учитель Принца, часто не мог справиться с юным противником из-за его проворности. Конечно, если бы сражение было настоящим, то взрослый воин легко бы одолел мальца. Но Принц был его учеником, поэтому Туаммак относился к нему совсем по-другому.

А Принц воспринимал всё предельно серьёзно, хотя и отлично понимал, что это не битва насмерть. Но он не мог позволить себе ошибки. И чтобы застать врасплох своего учителя, он часто выделывал всякие фокусы. Например, уворачивался от удара, резко приседая и ударяя по ногам, или прокатывался под ногами и прикладывал меч к спине того, с кем сражался. Принц жалел, что во время тренировок рядом нет ничего из того, что бы можно было использовать: никаких стен, деревьев или чего-нибудь подобного. Так же, как вести бой не только мечом, он предпочитал передвигаться не только по ровной поверхности, но и любил взбираться на всевозможные препятствия или карабкаться по деревьям. В свои восемь лет он чувствовал себя практически неуязвимым, способным одолеть кого угодно и пробраться куда угодно.

Принц старался не показывать всё это своему отцу. Он считал, что однажды ему доведётся сражаться с царём плечом к плечу, и тогда он покажет себя по-настоящему. Всё необычное, что придумал Принц, произведёт на того впечатление. Однако он не стал меньше наслаждаться временем, проведённым с отцом и его рассказами о дальних странах и о героических сражениях.

Глава 2. Старый друг

Однажды, когда Шахраман находился в Вавилоне и гулял по саду с Принцем, к нему подошёл один из слуг и сказал:

– Ваше величество, только что прибыл гонец от султана Азада и сообщил, что к вечеру он будет здесь.

– О, отлично! Я давно не видел моего друга! Поставьте караул на высокую смотровую башню у ворот и сообщите мне, когда он будет совсем близко. Я хочу лично встретить его.

– Слушаюсь, мой повелитель, – ответил слуга.

– Да, и подготовьте моего славного коня. И расскажите боевым командирам о прибытии Рифата, – добавил Шахраман.

Слуга медленно кивнул, давая понять, что всё будет сделано именно так, поклонился и поспешил уйти прочь.

– Сегодня, сын, я познакомлю тебя с моим старым другом. Раньше мы вместе с ним отправлялись в походы, но потом что-то случилось, и он перестал воевать. Засел в своём дворце. Азад – чудесный город, мне доводилось там бывать. Пожалуй, можно даже понять, почему Рифат не хочет лишний раз покидать его. Когда-нибудь и ты там обязательно побываешь! Во дворце султана есть отличный зверинец! – рассказывал Шахраман Принцу.

Тот смотрел на отца с нескрываемым восхищением и даже с благодарностью. Он очень хотел бы побывать в зверинце султана. Ему представлялись какие-то чудесные животные, которых он никогда не видел. И ему почти не было дела до какого-то друга отца. Его отец и так лучший. Ему не нужны друзья. Хотя случай на этот раз был особенный.

***

Вечером Шахраман посадил Принца на коня, перед собой – мальчик ещё был слишком мал, чтобы в одиночку управиться с взрослым скакуном – и в окружении охраны и боевых командиров они направились к вратам богини Иштар – самому главному и крупному из путей, ведущих в глубь города. И самому необычайному, великолепному и завораживающему. По крайней мере, так считал Принц, безотрывно рассматривавший врата каждый раз, когда ему доводилось оказаться близко.

Врата казались мальчику огромными. Они росли из высоких стен, окружавших город, были покрашены в синий цвет и украшены изображениями разных животных. Принцу эти изображения казались чуть ли не живыми, ему всегда хотелось потрогать их. И он всегда жалел, что этого сделать нельзя и что у ворот он бывает редко и совсем недолго.

Ворота открылись, и показались путники, подходившие к стенам города. Вслед за ними бежала толпа бедняков, состоящая в основном из детей, звонко что-то выкрикивавших. Для них происходящее тоже было важным событием. Но совсем не потому, что Рифат был другом их царя. А оттого, что в такой суматохе и неразберихе можно было довольно легко стянуть что-нибудь ценное. Хотя и риск попасться был тоже велик.

Принц совершенно не ждал появления самого Рифата среди этой толпы, он был ему почти безразличен и он потихоньку начинал даже недолюбливать его, за то, что он украдёт у него отца, пусть даже всего на несколько дней. Принцу казалось, что Шахраман и так слишком мало проводит времени с сыном. И теперь его наверняка отправят к занудному старику.

Но когда среди приближающихся гостей он увидел маленькое пухлое тельце, неуклюже раскачивающееся на спине у коня, то внимание Принца невольно переключилось на него. Трудно было вообразить, как он вообще попал в седло. И Принц враз забыл о своей неприязни. Вид Рифата его просто рассмешил. Он попытался представить его с мечом в руках, командующим армией в сражении, и ему стало ещё смешней.

Но ещё Принцу казалось, что от Рифата веет какой-то слабостью. Он не умел по-настоящему злиться. И Принц чувствовал в нём эту мягкотелость, слабый характер. Совсем не такой, как у его отца.

– Приветствую тебя, Рифат! Что привело тебя в Вавилон? – заговорил царь.

– Дурные вести. Мне нужна твоя помощь, – отвечал султан.

– Что случилось? – уже удивлённо спросил Шахраман.

– Слишком участились набеги на границе с Индией. Наши аванпосты постоянно подвергаются атакам. Это грозит настоящей войной! А ты знаешь, я уже давно не связан с военным ремеслом.

Сейчас даже Шахраман заметил, что Рифат изменился со времени их последней встречи: он постарел, располнел и стал каким-то боязливым.

– Это действительно серьёзно, нам нужно обсудить всё наедине. Я покажу тебе свою гордость – висячие сады. Отличное место для любой беседы. Я люблю проводить там время с сыном. А кстати, вот и он, – Шахраман жестом указал на сидевшего перед ним Принца. – Мой сын, наследник трона. Мой будущий герой!

Последние слова подействовали на Принца самым невероятным образом. Отец ещё никогда не называл его героем, пусть и будущим. Значит, он действительно верит в него, считает его достойным быть своим сыном? Принц не слишком-то и

сомневался в этом, но лишь потому, что вообще не задумывался. А теперь ему открылись новые горизонты, хоть и воспринимал он всё совершенно по-детски. Когда из уст отца прозвучали такие воодушевляющие слова, Принц поклялся самому себе, что непременно оправдает все его ожидания и даже превзойдёт их. Особенно ярким это желание выглядело на фоне Рифата. Принц не замечал того, как контраст между его отцом и султаном усиливал его собственные мысли, придавая образам, возникавшим в них, преувеличенность и масштабность.

Рифат, услышав о чудесных садах, как-то заторопился и тронулся с места в направлении дворца – он был виден от самых ворот, потому что они соединялись широкой и совершенно прямой дорогой. Султан явно чувствовал себя здесь в безопасности. И даже толпа бедняков, гнавшаяся за ним и его сопровождением, осталась где-то позади, за воротами и мгновенно исчезла из его памяти. По пути ко дворцу его внимание всецело поглощало самое великолепное и самое высокое строение в городе – огромная башня, немного напоминавшая ствол гигантского древа, росшего из скалы. Но только древа без веток и листвы. Он представлял, как бы великолепно смотрелась такая же башня в Азаде. Она выглядела даже прекрасней его любимой башни Рассвета, в которую он перенёс свою сокровищницу и которая по сути была самой неприступной и хорошо защищённой частью его города. Но это каменное великолепие было выше всяких похвал, на которые султан был способен. И ему казалось, что нет ничего неприступней. Чрезмерный восторг при виде всего необычного и любопытство – отличительные черты Рифата. А самой главным было то, что он ещё и желал заполучить многое из увиденного.

***

Когда Рифат и Шахраман добрались наконец до висячих садов, каждый из них принялся рассматривать всё вокруг, но каждый – по-своему. Шахраман, видя восторг своего друга, смотрел на них с особенной гордостью, а Рифат был просто обескуражен величественностью и красотой того места, в котором он оказался. В садах не было какого-то особенного, богато украшенного входа, потому что они и так были лучшим украшением всего дворца.

Трава казалась какой-то особенно мягкой и пышной. Повсюду были выложены специальные тропинки, чтобы люди не испортили её. Казалось, что вокруг была только зелень, яркие цветы, солнце и небо. Даже великая Вавилонская башня словно бы терялась из виду. По саду были расставлены великолепные

фонтаны и просторные ротонды, обвитые причудливыми растениями, концы которых свисали низко к земле, отчего казалось, что всё это – целиком творение природы, а не человеческих рук. Среди всего этого не было места гневу, злу, войнам. Только безмятежность и спокойствие, нарушаемое лишь лёгким ветерком и солнечными бликами. Даже горевшие алчностью глаза Рифата казались просто полными восхищения и преклонения перед торжеством природы.

И это было лишь начало. Пройдя вглубь, Рифат обнаружил, что сады превращаются в целый зелёный город: повсюду были небольшие домики, крыши которых держались могучими белыми колоннами и были превращёны в островки зелени. Они были засажены всевозможными цветами и травами, часть из которых так же свисала вниз, а часть тянулась к яркому солнцу. Повсюду росли пальмы и папоротники. Они были посажены аккуратными группками и нигде не казались лишними. Оттого всё находилось в совершенной гармонии. Человек здесь не был лишним, но присутствовал, казалось, с чьего-то разрешения. Город рос и становился огромным единым строением, тут и там украшенный колоннами из белого мрамора, статуями людей и животных, круглыми озёрами, от которых веяло свежестью. Во все стороны разбегались лестницы, одни маленькие, другие – крупнее, уводившие в глубину садов. Они состояли из нескольких ярусов и поражали тем, как рукотворные каменные постройки сливаются с потоками зелени в единый живой организм и становятся похожими на дикую природу. Повсюду можно было встретить лавочки, устроенные специально в тени больших деревьев. Они отлично подходили для того, чтобы отдохнуть и даже вздремнуть, сидя на них. Вдоль всех дорог тянулись каналы с водой – она доставлялась сюда прямо из реки Евфрат, которая вплотную примыкала к городу.

– Я вижу, что тебе очень нравится это место? – нарушил тишину Шахраман.

– О, да! Эти сады… они великолепны! – сказал Рифат, уделив словам не больше четверти внимания. В остальном же он весь был поглощён созерцанием природного великолепия, разительно отличавшегося от всего того, что ему прежде доводилось видеть.

– Здесь можно гулять часами. Отличное место. Когда я возвращаюсь в город, я поскорее стремлюсь попасть сюда, – говорил Шахраман протяжно, с удовольствием.

Он действительно любил эти сады, словно бы черпал из них покой для души, умиротворение, доброту и веру в лучшее. Он словно сливался с ними воедино, когда находился здесь, представляя себя огромным деревом, обхватившим своими корнями весь сад. Оттого на весь остальной мир он смотрел

совсем не так, как положено царю, без особой хитрости или расчёта. И во всех его словах и поступках не было зла или чёрных замыслов. Он искренне верил в то, что делает, в то, что говорит. И так сложилось, что практически всё случалось именно сообразно его мыслям. Поэтому он часто не замечал плохих черт в людях. И не только в окружающих, но и в самом себе. Все войны, которые он развязывал, не казались ему несправедливыми, он не видел в них никакого разбоя и всегда считал, что поступает верно и его победы не могут быть ничем иным. Возможно, оттого он и был отличным воином – потому что ни на секунду не сомневался в себе. И ему было знакомо милосердие. Он не был убийцей. Он был именно славным воином, заслужившим в сражениях честь для себя и своей страны. Поэтому мог не замечать за собой ошибок или несправедливых действий.

Рифат был вовсе не таким. Со своей жадностью он всегда искал возможность что-нибудь заполучить в свою коллекцию. Ему были почти чужды геройство, отвага. Он тоже много заботился о своём величии, о чести. Но она была скорей показной и надуманной, обусловленной лишь его положением. И при всём этом он был довольно глуп и был скорей баловнем судьбы, чем настоящим султаном, который мог бы сам разобраться с набегами врага. Впрочем, так было не всегда. Когда-то он действительно был настоящим союзником Шахрамана, помогал ему в завоеваниях и охране границ. Но даже тогда Рифат постоянно оставался в тени Шахрамана, не отличался инициативностью и героизмом. Тем не менее вместе они дошли практически до границы Индии, но там остановились: силы были равными и исход войны мог оказаться не в их пользу. На переговорах были достигнуты соглашения о новых границах, и с тех пор Рифат остался в Азаде, столице своей страны, Бактрии, что располагалась к северу от новой границы. Рифат был верен своему долгу: Шахраман поручил ему охранять эти земли, и потому он всегда держал несколько сменяемых гарнизонов вдоль границ. Но сам он всё больше начинал отходить от дел, лишь номинально контролируя ситуацию. Он превратился в старого и трусоватого коллекционера. Ему везло: с севера его защищали горы, с запада располагалась дружественная Персия, а восточные соседи не нарушали границ. И его очень устраивало такое положение дел. Настоящий подарок судьбы! Рифат был слишком труслив, чтобы посягнуть на могущество Персии, и выбрал иную тактику, которая сулила ему хоть и не такое большое величие, но всё же большее, чем то, какого он бы сумел достичь в одиночку. Именно поэтому между ними сложился довольно прочный союз, который с годами даже действительно

стал напоминать дружбу. Во всяком случае дружественными их считал персидский царь, ведь он знал ещё отца Рифата, и уже тогда между их странами не было столкновений. И всё это досталось ему в наследство вместе с прекрасным Азадом, настоящей жемчужиной тех краёв.

– Значит, ты хочешь, чтобы моя армия помогла тебе справиться с этими набегами? – спросил Шахраман.

– Да. И мой советник сказал, что это не просто набеги. Они могут быть началом большой войны против наших стран. Сначала Индия разобьёт Бактрию, как более мелкую и слабую, а затем бросит вызов Персии! – с умным видом ответил Рифат, стараясь казаться как можно серьёзнее и беспокойнее. Причиной всему была всё та же трусливость султана. Его устраивала тихая жизнь, единственным украшением которой были горы всяких безделушек, украшений, дорогих подарков и странных грёз. Он совершенно не желал решать все проблемы своими силами. А дружба с персидским царём – такая удача!

Но Шахраман вовсе не замечал этого и даже радовался тому, что его друг заботится о судьбе сразу двух стран. Шахрамана в любом случае гораздо сильней волновала его безопасность. И конечно же, он не хотел прослыть недостойным правителем, обрекшим свой народ на зависимость от кого-либо.

– Индия собрала свежие силы и сильна как никогда, – Рифат говорил словами, которые ему сказал советник. Тот при желании смог бы легко управлять султаном, потому что достаточно было лишь знать две основные черты Рифата – трусливость и страсть к богатствам. И поэтому вовсе нетрудно было внушить ему что угодно. Но советник, как ни странно, заботился о государственных вопросах, а не о власти.

– Индия? Но мы всегда жили в мире с этой страной, – озадаченно отвечал Шахраман. – Нам удалось договориться, и многие годы никто не нарушал этот договор.

– Нельзя доверять никому. Кроме старых друзей, конечно, – Рифат даже поразился, как искусно звучат его слова, как верно они доносят весь смысл. И так же искусно прячут истину.

– Значит, через несколько дней я со своей армией отправляюсь в Азад. Ты готов принять гостей? – улыбнувшись, спросил Шахраман.

И через несколько дней Шахраман, на прощание потрепав Принца по голове, подошёл к своему коню, оседлал его и отправился в очередной поход.

Глава 3. Сахирра

Для Принца опять потянулись долгие дни ожидания. Туаммак – главный боевой командир царя и учитель Принца по военному делу – отправился в поход вместе с царём, поэтому тренировок Принц был практически лишён, не считая возможности сразиться с деревянным чучелом, которое вызывало у мальчика лишь чувство отвращения. Поэтому он с раннего утра отправлялся в сад и гулял там до тех пор, пока его не находил Зороастр. Вернее, не просто гулял, а отрабатывал странные движения, придуманные им самим. Ведь никому, кроме него, не приходило в голову забираться на высокие стены. А если кому-то и доводилось делать это, то совершенно не так, как придумал Принц. Отойдя от стены на расстояние, достаточное для хорошего разбега, он мчался к ней, а, приблизившись, взбегал на неё, выбрасывая руку как можно выше и цепляясь за самый верх. Вместо того чтобы спускаться по лестнице, он перемахивал через каменные перила и оказывался внизу намного быстрее. Ему нравились скорость и ощущение полёта. И он уже понимал из своего небольшого опыта, что неожиданность очень важна в сражениях. Понимал, что, не имея достаточной силы, можно сразить противника, будучи просто ловким, быстрым и неожиданным.

Но вскоре в его голове родилась ещё более дерзкая идея. Он изучил сад вдоль и поперёк, знал в нём каждое дерево, каждый камень и чуть ли не каждую травинку. Он исследовал всю башню и дворец, не сумев проникнуть лишь за несколько дверей. Его тянуло к чему-то новому, тому, что лежало за пределами дворца: городу, его крышам. Принц хотел полностью почувствовать себя птицей. Вместо того, чтобы пробираться по узким, пыльным и шумным улицам города, которые его совершенно не интересовали, он хотел пробежаться по крышам, легко и быстро перемахивая с одной на другую. Оставалось лишь выбрать удачный момент для осуществления плана.

И таковой не заставил долго себя ждать. Было раннее утро, и Зороастр исхитрился поймать Принца ещё до того, как тот сбежал в сад. Но так случилось, что, рассказывая что-то, старик задремал, и упускать этот шанс было нельзя.

Осторожно, стараясь не шуметь, Принц выбрался за дверь и самой короткой дорогой направился к выходу из дворца. Его самого охватывало невероятное возбуждение. Он мчался вперёд в предвкушении приключений и новых ощущений. Только сейчас он до конца осознал, как же ему надоели дворцовые своды: они были слишком хорошо знакомы Принцу. Поэтому побывать за пределами дворца было для него словно отправиться в

путешествие. Та самая мысль, случайно высказанная Зороастром, прочно укрепилась в его сознании, и Принца тянуло к чему-то неизведанному.

Попав в город, он словно очутился в другом мире. Он казался Принцу непривычным и незнакомым. Пробравшись в какой-то безлюдный переулок, он решил поскорей забраться на крыши. Здесь, внизу, ему было неуютно, всё вокруг было каким-то серым, чужим и пугающим. Принц, конечно же, не думал о реальной опасности, но что-то всё равно тревожило его. И тянуло вверх. Иногда он спрашивал у Зороастра:

– Почему люди не летают, как птицы?

Но никогда не понимал ответов старика. А тот отвечал, что у каждого человека должна быть мечта, пусть и несбыточная, и поэтому существуют вещи, которые не под силу человеку. Но у него есть шанс стремиться к ней, надеяться на её осуществление, верить в возможность невозможного и в то, что при определённых условиях всё осуществимо, даже если на первый взгляд обстоятельства не слишком располагают к этому. Зороастр был мудр, а Принц был слишком молод и неопытен, и между ними не было полного понимания.

Но каким-то образом из слов старика Принц выхватил мысль о том, что хоть человек во многом ограничен, он сам решает, стоит ли ему бороться за расширение своей свободы. Хотя само слово «свобода» он понимал совершенно не в том смысле и не в том масштабе, которое имеет это понятие. Можно даже сказать, что эти недопонимание и недоосознание были частью его несвободы.

Принц видел свободу в умении отлично владеть собой, своим телом во время схватки и во время своих тренировок, к которым он сам относился с особой любовью и гордостью. И совсем не догадывался о том, что свобода нужна и его разуму. Любая свобода начинается со свободы мысли. Свободная мысль вовсе не пуста, она гораздо глубже, может достигать любой вершины и помогать человеку в чём угодно, являясь частью его самого. Чистое, незамутнённое сознание – вот первоисточник свободы. Чистая мысль, не испорченная излишне долгим и ненужным обдумыванием, которое не рождает новых идей, а лишь умерщвляет старые.

Сейчас ему предстояло проверить всё то, чему он научил самого себя. Он не сомневался в своём теле. Если сейчас это была детская самоуверенность, то потом это действительно станет частью его.

Рядом с одним из домов была навалена груда из мешков с чем-то плотным и тяжёлым. Взобравшись по ним, можно было легко дотянуться до деревянных выступов на уровне второго

этажа. В последний раз оглянувшись по сторонам, Принц начал карабкаться наверх. Ухватившись руками за одну из досок, подпиравших деревянный балкон, и упершись ногами в стену, Принц понял, что это ничуть не сложнее, чем карабкаться на дерево. И даже интереснее, ведь никто, кроме него, не делал так. А даже если бы он был не один, то происходящее сделалось бы ещё интересней. Хотя сам Принц вряд ли желал чьего-то присутствия. Он бы не смог оценить его важности. Главным было то, что он делал необычное с обычным; то, для чего оно не было предназначено. Сам Принц ощущал восторг и был всецело им поглощён. Он чувствовал эту пьянящую свободу, которая тянула его вверх. Мало того, что он был оторван от земли и чувствовал себя при этом великолепно, он был ещё оторван от людей, а вернее, от их привычки ходить только по улицам между домами и не рваться ввысь, не думать о небе, не мечтать. Принц же обрёл сейчас, пусть и ненадолго, эту свободу. Его душа была сейчас подобна птице, и, если бы он мог взглянуть на неё, он навсегда забыл бы о том нелепом предположении, что люди не могут летать. Воистину, детская душа может совершать невозможные вещи, совершенно притом не осознавая, что же именно ей удаётся. Одна случайная детская мечта может быть настолько яркой, что, воплотившись, она смогла бы родить целый новый мир и подарить ему вечный свет.

Очутившись наверху, Принц осмотрелся. Вокруг него были разбросаны крыши домов – одни чуть выше, другие пониже. Как гигантский часовой, над городом высилась башня. По сравнению с ней все остальные дома могли казаться крошечными и ненужными, но на самом деле она походила на царя среди подданных.

Принцу тоже почему-то показалось, что эта башня напоминает его отца. Конечно же, он был не таким высоким, но его отвага, мужество и сила делали его таким же великим. Принцу было далеко до него, но он уже оторвался от земли и был чуть ближе к небу. Если бы он мог летать, то он мгновенно устремился бы вверх, чтобы оказаться наравне со своим отцом. Принц даже не думал быть лучше, чем великий Шахраман. Он и без того олицетворял собой всё лучшее, к чему Принц стремился. А ведь он запросто мог быть лучше. Мог добиться большего. Ведь никому не приходили на ум те мысли, что витали в его голове. Никто не лазил по деревьям или крышам без какой-то особой необходимости. Только он. И только он умел целиком превращаться в меч во время схватки. Причём всё это – практически играючи, словно бы для забавы. И наверняка такая изобретательность смогла бы открыть ему новые, доселе не изведанные горизонты. Оставался лишь один вопрос – стоит ли

ему задуматься об этом и бросить все силы на их поиск или всё нужно оставить как есть и всё придёт само собой, как сейчас?

Однако дети прекрасны тем, что их разум вовсе не задумывается над подобными вещами. Дети мыслят яркими образами, которые надолго остаются в их памяти, поражают новизной и красками. И совершенно неважно, что это – какое-либо новое, впервые услышанное слово, новый звук или нечто, увиденное в первый раз.

Принц впервые оказался не просто вне дворцовых стен, но и вне всяких правил. Единственное правило – это он сам. И ограничен он лишь своей фантазией.

Он безбоязненно подошёл к краю дома и взглянул вниз. Принц находился довольно высоко над землёй, и от этого в его кровь хлынул ещё больший азарт. Отойдя назад и разбежавшись как следует, он перемахнул на соседнюю крышу, которая была чуть пониже. В одну секунду Принцу казалось, что ноги сами его несут, а в другую – что он чётко контролирует своё тело и оно идеально выполняет его приказы. Его радовала лёгкость, с которой он двигался. Полный свежих сил, он готов был прыгать целый день и всю ночь. Самое сильное чувство его захлестнуло именно в тот момент, когда он оттолкнулся правой ногой от самого края и оказался в воздухе, оторванный от земли, от ограничений, от невероятно надоевшего однообразного хождения, даже словно бы свободным от самого себя. От своего разума. Только бурлящий поток чувств. Каждой своей частичкой он ощущал слабый ветерок, обдувавший его. Ощущал невероятно остро, будто бы столкнулся с настоящей бурей. Восторг заглушал всё происходящее, и Принц оставался один на один со стихией. Не слышал звуков города – голосов, цоканья копыт и скрипа колёс. Здесь он был в совсем ином мире, в мире, где нет войн, нет смерти, нет сильных и слабых, нет хозяев и рабов, нет добра и зла. И, словно доказывая это, над ним раскинулось огромное и бесконечно глубокое небо. Принц уже не различал грани между небом и землёй, они сливались воедино, поэтому, поменяйся они местами, он бы не заметил и этого.

Удивительно было то, с какой грацией, несмотря на свой юный возраст, он двигался. Каждое движение было точным, стремительным и одновременно плавным. Уверенным, будто бы он работал над ним десятилетиями. И оттого безошибочным, своевременным.

Принца не пугало то, что между некоторыми домами расстояние было действительно велико. Чувства и эмоции, кипевшие в нём, придавали ему пятикратную силу, и он продолжал перелетать с крыши на крышу и забираться на отвесные стены. Один раз прыжок был настолько длинным, что

Принц смог лишь зацепиться за край кончиками пальцев. Но и это ни на секунду не остановило и даже не замедлило его. Одним резким толчком, превратив тело в стрелу, он взлетел на крышу и побежал дальше. Особую краску в его восторг добавляла новизна. Несмотря на то, что все движения были ему знакомы, он применял их в совершенно иных условиях. И сейчас они как нельзя лучше подходили ему.

Вдали показались врата богини Иштар. Подобраться к ним совсем близко Принц и не надеялся: он осторожничал, зная, что может быть пойманным, и это враз оборвало бы его приключение. Но взглянуть на них с высоты, совершенно по-новому, он всё же мог. И это было вполне достаточной для него наградой. Наградой потому, что смотреть ему придётся не снизу вверх, как обычно, а просто вперёд.

Постояв с минуту, созерцая врата, Принц развернулся и вновь ринулся по верхушкам домов навстречу новым впечатлениям и ощущениям. Навстречу свободе, которая ветром обдувала его лицо, которая подхватывала его в воздухе и до последнего мгновения пыталась задержать его в полёте. Это чувство охватило Принца настолько, что он не помнил ни о чём другом, не помнил о своём отце и даже позабыл, кто он сам. Но при этом он был собой.

Вряд ли он смог бы сам найти хоть слово для того, чтобы описать свои впечатления. Но запомнятся они ему навсегда. И, может быть, однажды ему будет не хватать их, их новизны и яркости. Может быть, со временем то, что он делает сейчас, станет для него серым и чуть ли не обыденным, и он сам уже не сможет открыть для себя нечто новое. Но всё то, что происходит в первый раз, стоит того, чтобы оставить в памяти самый глубокий след.

Через какое-то время внимание Принца начали привлекать не только крыши, но и невысокие башни, оканчивавшиеся остроконечными шпилями, и узенькие перекладины между домами. Он ещё не был готов осознать и признаться себе самому в том, что начинал уставать. Поэтому он часто останавливался и вместо прыжка аккуратно перебирался на другой край по этим самым перекладинам, легко балансируя на них при помощи рук. Когда ему довелось оказаться рядом с одной из башен, он загорелся идеей очутиться на её вершине, обхватить руками шпиль и оказаться ещё ближе к небу. Его тянуло ввысь независимо от того, думал он об этом или нет. И зачем было думать? И о чём? Он просто совершал то, к чему рвалась его душа. Поэтому он живо забрался почти на самый верх по решётчатым окнам и кое-где выступавшим из камня брёвнам, после чего оставалось последнее – схватиться за железный край

крыши, резко оттолкнуться ногами и уцепиться за шпиль. Сделав это, он лишь подтянул вторую руку, перебрался ещё немного повыше и глубоко вдохнул. От этого воздуха у него чуть не закружилась голова. Он был особенный, вовсе не тот, каким Принц дышал каждый день. Воздух был сладким, как мечта. И доставался он ему одному. От радости Принцу захотелось закричать изо всех сил, но в последнее мгновение он понял, что этого всё же лучше делать не стоит. И тогда он ещё раз вдохнул и вновь окинул город вокруг него, теперь с ещё большей высоты. Город виделся Принцу вовсе не мрачным и неприветливым, а наоборот, живым и добрым. Для него город не был ограничен лишь улицами, вычерчивавшими строгие линии, превращая потоки людей в однообразные послушные ручьи, которые были вечно согласны на эту зависимость. Город был для него и дверью в небо, он с радостью открывал для Принца всевозможные, даже самые немыслимые, непривычные для обычного человека пути, взамен желая лишь любви. Ведь лишь любя можно было видеть его таким. Вряд ли многие люди вообще задумываются об этих серых, порой обветшалых постройках, если только это не их собственный дом. А для Принца сейчас домом было всё небо. Он сам был частичкой голубого неба, о чём ярко кричали его полные восторга глаза.

Но, пожалуй, на самом деле он не принадлежал полностью ни той, ни другой части мира. Да, он стремился ввысь, видел мир совсем по-иному, но он всё же оставался человеком. Поэтому он словно бы находился на грани. И он смог бы стать величайшим из людей, если бы нашёл ответ на вопрос: на грани между чем и чем?

Как любой человек, после стольких часов на жаре Принц, помимо усталости, почувствовал жажду. И довольно скоро она стала настолько острой, что ей стало невозможно сопротивляться. Ему стоило спуститься вниз и разыскать воды, оставшись при этом незамеченным. Именно поэтому он не ринулся сразу вниз, на поиски, а аккуратно высматривал сверху, подыскивая нужное место.

Через несколько минут ему на глаза попался крупный чан, стоявший в узком переулке. По виду довольно трудно было сказать – пуст он или полон. Подозрение вызывали капли, скопившиеся на одной из сторон посудины, которые не исчезали лишь благодаря тому, что она стояла в тени.

Крыша, на которой стоял Принц, венчала собой дом, стены которого были почти совершенно гладкими, окна были посажены непривычно низко, так что слезть не представлялось никакой возможности. Поэтому, глубоко вдохнув, Принц разбежался и перепрыгнул на соседнюю крышу, которая оказалась даже ниже

этой. Принц успел заметить, что этот прыжок дался ему намного трудней остальных, хотя он всего лишь несколько минут был не в движении. Но он не заметил, что поутих его восторг. А этот прыжок он совершил лишь по необходимости, а не для того, чтобы испытать прекрасное чувство полёта.

Теперь ему ничто не мешало спуститься вниз, к заветной цели. Он ещё раз посмотрел по сторонам – вокруг по-прежнему никого не было. Конечно же, вдали слышались какие-то голоса, чьи-то шаги и ворчание, но всё это было далеко отсюда. Сейчас он был вновь наедине с очередным препятствием. И опять оно было не для удовольствия, а как необходимость.

Свесившись на руках, Принц аккуратно спрыгнул вниз, на небольшую деревянную площадку. От неё по стене дома тянулся узенький дощатый уступ, который на деле оказался предательски скрипучим. Но, пройдя по нему, Принц мог наконец-то спуститься вниз по лестнице.

Примерно на середине уступ преподнёс ещё один неприятный сюрприз – одна из досок оказалась гнилой и сломалась под Принцем, несмотря на то, что он был очень лёгким. На счастье, он успел схватиться рукой за выступавшее из стены бревно и не упал вниз, но при этом поранил и сильно ушиб ногу, соскользнувшую вниз. И всё это сопровождалось громким треском. Покрепче стиснув зубы, он стал передвигаться дальше, и через полминуты его старания были вознаграждены: он смог спуститься вниз и оказался на земле. О боли Принц практически не думал: она была не такой уж сильной, а он сам был полон уверенности, что ему вообще не подобает замечать боль. Вместо этого он подошёл к чану, снял с него крышку и с радостью обнаружил, что тот действительно был полон прохладной воды, видимо, не очень давно кем-то заботливо набранной.

Вдоволь напившись, Принц позволил себе маленькую слабость – он закатал правую штанину и немного обмыл рану, чувствуя приятное облегчение всякий раз, когда вода касалась её.

Близился вечер. Принц вдруг подумал, что ему пора отправляться обратно во дворец, но вдруг раздался голос, который Принц почему-то сразу определил как неприятный:

– Что это ты тут делаешь? Кто тебе позволял притрагиваться к воде? И запускать в неё свои мерзкие ручонки? – чуть ли не торжествующе прозвучали эти слова. Они принадлежали довольно рослому парню, крупнее Принца. Внешне, из-за оборванной одежды и пыльного лица, он походил скорее на уличного попрошайку или воришку, поэтому неудивительно, что он повёл себя так. Вокруг него стояло ещё несколько мальчишек помладше. В их глазах было абсолютно то же самое выражение,

что и у вожака, однако никто из них не произносил ни слова и не пытался что-либо предпринять.

– Ты что, оглох? Я с тобой разговариваю!

Удивительно, но Принцу не пришла в голову мысль о драке. Не потому что он испугался – это было не так. Просто он не чувствовал своей вины. Неужели вода настолько ценна, что кому-то может быть жалко несколько глотков? Эту мысль он и озвучил в ответ:

– Я просто сильно захотел пить! Неужели тебе жалко простой воды?

– Меня совершенно не волнует то, чего ты хочешь! Кто ты? Я вижу здесь тебя впервые! Похоже, придётся научить тебя здешним правилам! – глаза вожака угрожающе сверкнули, и он двинулся к Принцу, потирая кулаки.

Теперь он понял, что схватки не миновать. И с неудовольствием почувствовал, что его охватило лёгкое волнение. Одного врага он не боялся, но что если остальные вступятся за своего предводителя? Вряд ли им хорошо знакомо чувство справедливости. Пытаясь отогнать эти мысли, Принц решил принять этот практически не озвученный и бессмысленный вызов. Но, сделав шаг, он вдруг понял, что его нога на самом деле болит сильнее, чем ему казалось раньше. И он не может нормально идти, а может только хромать.

– Глядите-ка! Да он ещё и калека? Жаль, что я совсем бессердечный! – сказал Принцу его новый враг, громко и злобно рассмеявшись.

Принц уже приготовился к худшему, как вдруг произошла очередная неожиданность.

– Али, остановись! Прекрати немедленно! – раздался тонкий голосок маленькой девочки. Принц как-то сразу догадался, что она была сестрой этого парня.

– Сахирра? Опять ты? Почему ты всегда путаешься под ногами в самые ненужные моменты? Ты что, не видишь? У меня серьёзный разговор с этим воришкой! – с огромным недовольством и некоторым смятением в голосе, словно бы оправдываясь, ответил Али.

– Никакой он не воришка! Он просто захотел пить! Знала бы мама, чем ты опять занимаешься! Ты привёз мешок зерна от дядюшки? Нет? Я так и знала! Ты опять расстраиваешь нас всех. Жаль, что с нами нет отца! – выпалила девочка. Она совершенно не боялась, говоря всё это. Видимо, она знала, как можно управлять братом. Знала, что у него не поднимется рука на собственную сестру, что Али не хотел нарушать волю матери и низко пасть в её глазах. И что он вовсе не был таким уж бессердечным, просто ему чего-то не хватало, и это что-то он

находил в своей шайке, не задумываясь о том, что остальные его не уважают, а скорее просто боятся.

Али стоял в явной нерешительности. Несколькими фразами маленькая сестрёнка сумела его переубедить, но он не мог сдаться вот так, в одну секунду, поэтому он какое-то время изображал сомнения.

– Ладно, тебе повезло, чужак! – наконец сказал он, после чего развернулся и ушёл прочь. Остальные ребята, стоявшие вокруг него, постояв немного, тоже начали расходиться, пока Принц не остался наедине с маленькой Сахиррой. Та смотрела на него с нескрываемым любопытством.

– Кто ты? И откуда ты? – спросила она у него.

– Я живу там, – сказал Принц, указывая пальцем на башню, высившуюся над городом.

По глазам девочки было видно, что она сразу всё поняла и поверила. Принц сейчас испытывал что-то необъяснимое. Он видел в словах, поступках и даже во взгляде девочки что-то почти совсем новое и по-своему захватывающее. Приставания драчуна не были для него такой уж неожиданностью, а вот то, что сделала эта незнакомая ему девочка… Она просто так помогла ему, может быть, даже спасла его. Хоть эта мысль и задевала самолюбие Принца, но он не мог ей сопротивляться. Отчего она поступила так? Почему она так странно смотрит на него? Он не знал, что всему этому есть простое название – доброта. Несмотря на тяжёлую судьбу, эта девочка сумела сберечь в своём сердце доброту, хотя даже сама ещё не до конца понимала, что это такое и зачем она ей нужна.

Принц словно бы и сам пропитывался этой добротой – настолько она была чистой и неподдельной, что забиралась прямо в его сердце. Она была настолько сильной, что отгоняла от него дурные мысли, мысли о том, что он мог недостойно проиграть битву. В его душе поселилось нечто новое и ему теперь придётся считаться с этим. Нечто такое, что в каком-то смысле перевернуло его жизнь. Даже если он будет спать годами.

– Уже вечер! Тебе не пора домой? – пропищал нежный голосок.

Принц обвёл взглядом всё вокруг, посмотрел на дворец и, опустив голову, сказал:

– Наверно пора, только… я не могу.

Девочка непонимающе посмотрела на него своими большими чистыми глазами, а потом сказала:

– Помни, что у тебя здесь есть друг!

И развернувшись, быстро куда-то убежала.

Принц действительно чувствовал, что не может вернуться обратно. Он думал о том, как будет смотреть в глаза отцу, когда

начнёт рассказывать о несостоявшейся схватке, в которой он едва не позволил страху овладеть собой и в которой он мог позорно оказаться побитым. И где-то по соседству с этими мыслями оставался крошечный уголок для других. Мыслей о том, что напоследок сказала ему эта девочка. Друг? Хорошо известное слово сейчас казалось ему таким непонятным. Он никогда не задумывался, есть ли у него друзья и может ли он сам быть другом, поэтому такое столкновение с реальностью очень сильно удивило его.

Вместо того чтобы идти домой, он вновь забрался на крышу, нашёл место поуютней и сел, после чего принялся рассматривать небо. Через какое-то время на нём начали зажигаться звёзды, и вечер стал плавно перетекать в ночь. Принц сидел и обдумывал всё произошедшее за день и размышлял о том, что ему стоит делать дальше. Потом усталость одолела его, и он не заметил, как уснул.

***

Рассвет растопил ночную тьму, и город вновь стал оживать, наполняясь звуками. Принц проснулся именно от этого – он привык к тишине по утрам, поэтому чьи-то разговоры неподалёку не давали возможности спать.

Удивительным образом за ночь изменились его мысли: он уже не отказывался вернуться во дворец. Виной тому был хотя бы голод, из-за которого живот Принца порой издавал рычащие звуки, словно это был какой-то зверь. Сон вообще чудесным образом влияет на наши мысли и запросто может превращать их в противоположные, делая тьму светом, невидимое – видимым, а непонятное – понятным.

Принц спустился вниз и побрёл к дворцу. Он не чувствовал в себе сил на путешествие по крышам, поэтому и выбрал путь по земле.

Едва он успел вывернуть из небольшого переулка, как к нему подбежал солдат и быстро и сбивчиво заговорил что-то о том, как хорошо, что мальчик нашёлся. Вслед за ним подбежал ещё один, схватил Принца за руку и торопливо потянул его за собой.

***

Впервые Принц видел отца таким грустным. И ещё больше удивило его то, что он прихрамывал на одну ногу. Когда мальчика привели, он подошёл поближе и молчаливым жестом приказал солдатам уйти. На его лице не промелькнуло даже улыбки. Конечно, он был рад тому, что Принц нашёлся и с ним ничего не

произошло, но у него не осталось сил на эту радость, и тревога всё ещё владела им, поэтому к грусти во взгляде вместо радости прибавилась скорее суровость.

Принц пристыженно опустил голову вниз. Оба молчали. Принц не знал, что говорить, а Шахраман слишком устал от тревожных мыслей и не в силах был выбрать из них одну нужную.

– Что с твоей ногой? – очень робко и нерешительно попытался спросить мальчик.

– Лучше скажи – что с моим сыном? – с горечью в голосе ответил Шахраман.

После этих слов Принц почувствовал, что он немедленно хочет провалиться под землю, испариться, улететь – что угодно, лишь бы оказаться в другом месте вместо этого. Ощутил, как его самого сдавливает эта горечь и обида в голосе отца – самого дорогого человека, что есть в его жизни.

– Я возвращался в Вавилон не за тем, чтобы узнать, что ты куда-то исчез! Я желал поделиться радостью моей победы! За всю ночь я не сомкнул глаз! – накопившаяся обида, всё ускоряясь, покидала Шахрамана, превращаясь в слова. Иногда он напоминал большого ребёнка, и его голос в такие моменты мог даже показаться смешным. Однако Принцу по-прежнему было не до смеха. Он постепенно начал ощущать всю тяжесть свалившейся на него вины. Вернее, он думал, что всю.

– Когда ты убежал? Как это произошло? – строго спросил Шахраман.

– Утром. Прямо от Зороастра, когда он уснул… – робко, чуть ли не шепча, ответил Принц.

– Уснул? Он уснул? Значит, не зря я прогнал его! – со странным ликованием в голосе, перемешанным с неподдельным гневом, сказал Шахраман.

– Прогнал? – недоумевающе переспросил Принц.

– Именно! Вместо того, чтобы следить за тобой, он спал! Это непростительно! Теперь я найду тебе нового учителя, – пояснил Шахраман.

Хоть Принц и не смел сказать ни слова против, он, неожиданно для самого себя вдруг почувствовал, как что-то в нём зашевелилось, всем своим существом протестуя против услышанного. Маленький Принц даже не задумывался, как он привязан к старику. Конечно же, не так, как к отцу, но всё же с этим человеком он проводил большую часть времени в те дни, когда отца не было во дворце и даже в городе.

Прошло ещё несколько секунд, прежде чем Принцу в голову пришла мысль о том, что и в этом виноват он. Он захотел приключений и заставил волноваться отца, и из-за него выгнали

Зороастра. Принцу почему-то вспомнилось, как он мечтал научиться у него индийскому языку.

– А он научит меня говорить по-индийски? – спросил Принц.

Шахраман совершенно не ожидал такого вопроса, отчего поначалу даже смутился. Но потом, немного подумав, сказал:

– Пожалуй, да. Это может тебе пригодиться. А теперь живо ступай в сад! И не вздумай опять сбежать куда-либо! А мне нужно отдохнуть, я слишком устал.

В голосе отца Принц слышал совсем непривычную для него тревогу. Она давила на него сейчас особенно сильно, поэтому он всё же решился сказать главные слова после того, как Шахраман уже отвернулся:

– Отец, прости меня!

Шахраман повернулся. Принц запомнил его на всю жизнь именно таким, каким увидел сейчас. Вновь сильным, твёрдо стоящим на обеих ногах, с улыбкой на лице. Ему запомнилась каждая деталь: седеющая густая борода, занимавшая пол-лица, большие серые глаза, в которых, несмотря на всю силу и мужественность, читалось нечто ребяческое, совсем детское. Его кожа поблёскивала на солнце, щёки были слегка круглыми, но это не мешало проявляться строгости. Голос был сильным и уверенным, но сам Шахраман вряд ли задумывался об этом – он просто говорил. И это у него зачастую получалось как-то распевно, гудяще. В голосе ещё не слышались отзвуки близящейся старости, но они напрашивались уже сами собой – ему было около пятидесяти лет.

Шахраман был одет в сиреневую чалму и мантию того же цвета. Это делало любое его движение таким же плавным, как и голос, таким же величественным и мощным.

Но внимание Принца захватила улыбка. На него обрушился град мыслей. То новое чувство, которое он ощутил вчера, когда оно буквально исходило от маленькой девочки, вновь нашло его. Он наконец-то осознал в полной мере – отец очень добр к нему, он любит своего единственного сына. И лучше всего доброта читалась в улыбке Шахрамана. Сейчас она уже была лишена всякой злости или обиды. В ней была доброта, было прощение, которое он дарил Принцу. И невольно тот тоже улыбнулся. Это было подобно рукопожатию, скрепляющему союз. Даже больше. Это было не простое доверие, а чувственное, выражавшееся во взаимной доброте, смешанной с необычным и новым взглядом друг на друга. Постояв ещё несколько секунд, молча и всё с той же улыбкой на лице, отчего та ещё сильнее впечаталась в память Принца, он развернулся и пошёл прочь, по-прежнему прихрамывая на одну ногу.

Сейчас Шахраман так и не рассказал сыну, что же произошло. Но потом Принц узнал от него, что поход, в который он отправился с Рифатом, оказался вовсе не похожим на простую прогулку. Неподалёку от Азада они были втянуты в схватку с индийцами. Победа далась им чудом и не сразу – именно поэтому Шахраман так долго не возвращался в Вавилон. Трижды его войску приходилось отступать. Во главе индийской армии стояло два лучших командира – Магараджи, знакомые с военным ремеслом не хуже простого солдата и умевшие искусно управлять при этом своими воинами. Но однажды ночью кому-то из отряда Шахрамана удалось найти тайный лагерь противника, и, напав под покровом тьмы, персы одержали победу, застав неприятеля врасплох. Именно в эту ночь царь был ранен. Рана оказалась не такой уж серьёзной, но какое-то время он не мог уверенно ходить и прихрамывал.

В Индии после такого разгрома произошли невероятные события: оттого, что лучшие военачальники погибли тогда, в стране произошёл раскол, и каждый Магараджа стал править в своих землях. Между ними не было вражды, но не было и дружбы. Ни одного из них не волновали проблемы другого. Магараджи писали свои законы и устраивали жизнь в своих владениях сообразно своим представлениям. А персидский царь мог спокойно возвращаться к себе, в Вавилон, не опасаясь новых нападений. Если бы они и могли повториться, то не скоро, хотя тревога долго не покидала Шахрамана. Он достаточно глубоко ощутил опасность, грозившую ему и его народу. Может быть, отчасти ему помогло и то, что он сам был в гуще сражений и не понаслышке знал индийцев, каковы они в бою и какую опасность представляют.

Глава 4. Шанс

С тех пор прошло много лет и почти всё забылось. Принц уже не помнил старика Зороастра, хотя к другому учителю он так и не привязался, пусть даже тот и научил его – совсем немного – говорить на другом языке, как когда-то мечтал Принц. Через столько лет ему уже не казалось диким, что одни и те же слова могут звучать по-разному, сохраняя при этом свой смысл. Наверно, он даже рассмеялся бы, если вспомнил свой давний разговор с Зороастром. Хотя, пожалуй, смеялся он нечасто.

Принц – теперь уже юноша лет восемнадцати – за эти годы стал настоящим воином. Вполне намеренно и осознанно, преследуя примерно всё те же цели, что определил ещё в детстве. Вряд ли ему нашёлся бы достойный противник во всей Персии, несмотря на все его молодость и неопытность – он ни разу не сражался совершенно по-настоящему за свою жизнь, когда каждый вздох может стать последним и смерть ходит вокруг на расстоянии вытянутой руки. Однако он был невероятно ловок, уверен в себе и хитёр.

Шахраман сильно постарел. Его борода и волосы были почти полностью седы, на лице появились какие-то пятна, кожа покрылась морщинами и стала немного дряблой, хотя он всё ещё крепко держал меч в руке и мог отлично сражаться. Время не тронуло лишь его глаз. Всё такие же глубокие, мужественные серые глаза смотрели сейчас на Принца.

– Отец, разреши мне отправиться с тобой! Я так ждал этого! Всю свою жизнь! – просил тот.

– Нет. Ты нужнее здесь. Персии нужен правитель, и, я уверен, ты сможешь защитить этот город, – отвечал Шахраман с грустью в голосе. Его тянуло дать своё согласие, потому что он верил в то, что его сын сможет действительно многого добиться, с оружием в руках отстоять свою жизнь, бесстрашно смотря в лицо опасности. Он мог оставить Туаммака охранять Вавилон и пойти в бой вместе с сыном, как подсказывало ему сердце. Но в таких вопросах ему прежде всего следовало думать о престоле и судьбе страны.

Этот разговор был уже третьим за последнюю неделю. Сейчас у Принца был последний шанс: рано утром отец со своим войском отправлялся на войну. Он страстно желал отправиться вместе с ним и сражаться плечом к плечу – всё именно так, как придумала когда-то в детстве его собственная фантазия. Сейчас Принц легко ей доверял, будто бы по-прежнему был ребёнком. Он всё никак не мог смириться с волей отца. Но и не мог позволить себе возражать против неё.

***

От накала чувств Принц не мог уснуть в эту ночь. Она казалась ему невозможно длинной, тёмной и холодной. Размышления в его голове быстро превратились из подвижных и глубоких в совершенно беспорядочные, бесполезные и притом совершенно неизменные, будто кто-то высек из них статую и оставил стоять навечно.

Нужно было что-то делать! Эта мысль пришла к нему уже на рассвете, пробившись сквозь толщу обиды, глупой надежды, гнева и грусти. И он выбрал уже изученный путь. Он просто сбежит. Но не сейчас, а через несколько часов после отъезда отца. И отправится вместе с ним.

Он знал, что ему это сулит. И в этот раз всё будет даже серьёзнее. Но юный принц ещё был не способен сдерживать свои желания, свой азарт и пыл. Он передал особые полномочия начальнику охраны, утаив от него волю отца и разыграв всё-так, будто отец берёт его с собой, занялся сборами. Когда обман раскроется, будет уже поздно и никто не доложит Шахраману об этом вовремя. Остальное Принца почти не волновало.

***

За десять лет меняются не только люди, но и целые государства. Индия из ослабшей и раздробленной страны вновь сделалась сильной и опасной. Всё началось с того, что один из трёх братьев, что были сыновьями одного из полководцев, погибших десять лет назад, стал Магараджей. Пользуясь властью, он постепенно сумел наделить ею и двух своих старших братьев. Один из них был безразличен к войнам, предпочитал всему мирную жизнь и не ввязывался в дела двух других братьев, живя в отдалённых землях на востоке страны. Поэтому его земля так и оставалась обособленной, независимой и самобытной.

Два других брата меж тем планировали не только вернуть стране былое могущество и величие и взять реванш за старое поражение, но и осуществить кровную месть. Поэтому даже они, довольно мирные по нраву, скопив силы, предприняли поход в Персию, причем, действуя так чтобы не ввязываться в битву в стране неприятеля, а заманить его как можно глубже в свои края и погубить всё его войско без остатка. После нескольких молниеносных набегов индийской армии Персия ввязалась в новую войну, и теперь Шахраман отправлялся в поход для того, чтобы с мечом в руке и огромной армией вновь разрушить коварные планы индийцев.

***

Рифат стоял неподвижно и смотрел на магараджу, младшего из трёх братьев. Во взгляде султана было что-то вроде испуга, и казалось, он вот-вот падёт ниц перед… Кем? Врагом? Союзником?

Магараджа, в свою очередь, наблюдал за Рифатом. Порой ему казалось унижением разговаривать с этим неуклюжим трусливым карликом. Но зато он не сомневался в том, что его предложение Рифат примет.

У магараджи были сильный и властный взгляд, словно дышащий огнём, точь-в-точь как у его отца, который почти десять лет назад точно так же стоял перед Рифатом и предлагал ему союз против Персии. То же самое сейчас предлагал султану и сын того человека. Делал это так же тонко, оставляя путь для отхода: если что-то пойдёт не так, то Шахраман даже не заподозрит предательства со стороны старого друга.

Магараджа сулил чудесные богатства, процветание страны из-за союза с Индией. Он знал, как можно убедить Рифата. И тот вновь согласился, как и десять лет назад, только уже без разговора с советником. Тогда индийские войска были разгромлены, и он так и не успел перейти на их сторону. На этот раз всё должно было сложиться иначе, и в самый решающий момент Рифат мог направить своих воинов против персидских и нанести по ним удар, практически лишая шанса на победу. И даже шанса на жизнь. Всё, что требовалось от султана, – дождаться гонца от магараджи с вестью о том, что время пришло, и выдвинуть своё войско из Азада в тыл персам.

***

После нескольких схваток, видя силу противника и его хитрость, Шахраман со своими военачальниками решился на довольно отчаянный поступок. Любая война заканчивается разгромом одной из сторон, убийством сотен и тысяч мирных людей и разрушенными городами. А что если начать войну с этого?

Персидские войска в обход индийского лагеря устремились прямиком в Индию, туда, где почти не осталось солдат, готовых защищать свои города. А когда индийцы поймут, что же произошло, и вернутся обратно, то будет наверняка уже слишком поздно. Почти без сопротивления персы захватили несколько городов. Им даже не понадобились специально построенные гигантские катапульты. Города остались почти нетронутыми, но находились теперь полностью в руках персидского царя. И когда прибыли обратно армии двух Магараджей, то сражения за города

развернулись так, будто бы персы были настоящими их хозяевами, а индийцы – захватчиками.

Столь необычные меры были в диковинку даже Шахраману. Он привык чаще всего драться в открытую, честно и бесстрашно. На этот раз он не мог так рисковать: судьба всего государства зависела от исхода войны. Старые страхи до сих пор преследовали его, и он был готов на многое, ради того, чтобы избавиться от них раз и навсегда. Не может же он предать своих предков, которые основали город и империю, превратив её в грозную силу.

И хитрость сработала. В таких условиях индийцы не могли одержать победу и после нескольких попыток сдались. Один из Магараджей был убит, другой ранен. Выживший попал в плен, и ему грозило до конца своих дней гнить в тюрьме.

***

Война была выиграна, опасность миновала. Теперь Персия сможет диктовать свою волю даже в этих далёких землях. И, возможно, во время следующего похода Шахраман продвинется ещё дальше. Но сейчас пора было отправляться домой. Однако по воле судьбы произошло то, что заставило царя и его армию задержаться в Индии.

Однажды, когда солнце уже клонилось к закату, окутывая всё вокруг ярко-красными лучами, к городу подъехали несколько человек на лошадях. Персидские солдаты впустили их, но сразу же отобрали оружие и скакунов. Эти люди оказались посланниками от третьего Магараджи, который не участвовал в походах своих братьев, – визирь и сопровождавшие его солдаты. Когда Шахраман узнал об этом, он приказал, чтобы визиря привели к нему.

Придя к персидскому царю, тот рассказал сначала лишь о том, что прибыл по поручению третьего брата. В качестве посла он должен был договориться о мире. Условия были таковы: владения третьего брата сохраняли свои границы и независимость; выживший брат должен быть выпущен из плена, а взамен давались бессрочные гарантии мира. Магарадже было что терять, а вот противопоставить персидской армии он мог немного. И этот ход должен был ему помочь. Но потом визирь вдруг предложил помощь Шахраману (видимо, это была случайная идея, потому что в один момент глаза визиря ярко вспыхнули, зажглись жизнью и не угасали до конца разговора).

– Как же ты можешь помочь мне? – спросил Шахраман.

– Я помогу вам захватить Каши, город моего господина, – отвечал ему визирь. – После смерти третьего брата прервётся целая династия, и Индия вновь станет разобщённой и слабой.

Амар – так звали визиря – был уже стариком, худым и слабым на вид, постоянно кашляющим и передвигавшимся, опираясь на посох. Глаза его казались хищными и злыми, нос был чуть вытянутым и крючкообразным. Кожа кое-где уже почернела, а на лбу, поверх тонких седых бровей, было нарисовано несколько аккуратных красных точек. Голос его был услужливым и одновременно очень твёрдым. Предлагая принять предательство своего Магараджи, он произносил почти каждое слово с особым удовольствием.

Шахраман согласился лишь после того, как Амар всё разъяснил. Рано утром он откроет городские ворота и впустит персов внутрь города. Сигналом будет огненная стрела, пущенная вверх. Остальное – дело времени. Застигнутые врасплох, индийцы не смогут так просто отбиться от нападающих. Главная цель – сокровища Магараджи. Визирь обещал, что в сокровищнице есть нечто такое, что затмит собой всё остальное, даже саму победу.

И помимо всего этого визирь поставил условие: за помощь он возьмёт что-нибудь из сокровищницы Магараджи на своё усмотрение. Буквально одну вещь. Голос у визиря был мягкий и заискивающий, но при этом каждое слово казалось продуманным, нацеленным на достижение цели и оттого очень убедительным и располагающим.

Шахраману было очень важно и то, что он сможет на многие года вперёд отделаться от врага, подчинить его своей воле и обезопасить Персию, хотя третий Магараджа вроде бы и не собирался ввязываться в войну с персами сам. Это казалось царю даже важней сокровищ. Пожалуй, только ради этого он и соглашался на все эти хитрости и уловки. И трудно было не согласиться, что они уже показали свои потрясающие результаты – эта победа была самой быстрой из всех. Может, даже слишком быстрой.

***

Для Принца весь его план в первые же несколько часов был безнадёжно испорчен. Покинув город, он сбился с пути и потом долго искал следы на песке. Иногда те обрывались, и приходилось двигаться наугад. И так продолжалось несколько дней. Однажды утром он наткнулся на лагерь индийцев и обнаружил, что никаких сражений не шло, а его отца с войском нет нигде поблизости. Долгие поиски Принца также оказались

тщетными. Что такое могло произойти? Неужели индийцы так легко победили его отца, что их силы даже не пострадали в схватке? Но это невозможно, Принц мгновенно отбросил эту мысль как нелепую. Оставалось одно – тайком пробраться в лагерь и всё выяснить.

Вечером Принц, найдя брешь в кольце караула, сумел проникнуть в лагерь и спрятаться в поросли густого кустарника, довольно надёжно скрывавшей его от посторонних глаз. Никому бы и в голову не пришло искать его там. Да и никто не вздумал бы искать врага в своём лагере – слишком дерзкая идея посетила Принца. На подобное мог решиться или отчаянный безумец, или человек, жаждавший опасных приключений.

Когда ночной мрак покрыл лагерь, Принц выбрался из кустов и отыскал воды и еды – он отправился в путь практически без припасов, и несколько дней пути вымотали его, лишив сил. От жажды резало горло, а от голода голова отказывалась до конца ясно соображать. Держало Принца в здравом уме лишь стремление, с которым он отправился в это путешествие, – желание чести и славы и надежда испытать свой клинок в бою. Но для этого ему придётся посидеть тихо и понаблюдать.

Наутро, проснувшись очень рано, когда солнце ещё только начинало разрывать тьму яркими свежими лучами, Принц обнаружил, что лагерь уже не спит. То и дело мимо него проходили люди, по-прежнему не догадываясь о том, что он рядом. Принц чувствовал, как бешено колотится его сердце. Он даже боялся, что кто-нибудь услышит его, боялся, что этот стук выдаст его. Но самое страшное, что произошло, заключалось в том, что один из солдат вылил чан с какими-то помоями прямо в кусты, и зловонная жижа растеклась у ног Принца, добавляя особый оттенок в его страсть к приключениям. Каплю (а скорее целую лужу) реальности, которая показывала, что не всё так уж просто и романтично. Однако приходилось терпеть. В самом деле, не идти же ему к Магарадже с жалобой на плохой приём гостей?

Наблюдая из укрытия, Принц видел, как прибыл гонец с новостью о том, что персы захватывают города. Теперь Принц всё понял, и у него по-прежнему был только один путь – отправиться вслед за врагом, всё время оставаясь незамеченным, чтобы найти отца.

Однако всё по-прежнему было не так-то уж и просто. Один раз Принцу пришлось заночевать в лесу, прямо на сырой земле. Наутро тело побаливало от долгого лежания на корнях деревьев и холодной траве. Усталость брала своё, и Принц отстал от индийцев – те шли почти без перерывов, и вскоре от неприятеля его отделял почти день пути.

Один день на самом деле играет в войне очень большую роль: он может враз изменить всё, и Принц, который добрался до войска отца уже после схватки, обнаружил, что подраться ему вновь не удастся. Поняв, в чём дело, он, не раздумывая, пошёл прямиком к царю. Принц знал, что может от него сейчас услышать. Сам Шахраман был сейчас в одной из комнат дворца.

Подходя к дверям комнаты, Принц столкнулся взглядом со странным стариком, который просто сиял, хотя при этом даже не улыбался. Всё, что нужно, говорили его глаза. Странный разрез придавал им хищное выражение даже при совершенно спокойном лице. Поверх головы была повязана красивая дорогая чалма, обвязанная красной лентой – возможно, особенный знак отличия, украшенный золотым кружком по центру и дающий особый почёт. Сам старик был одет в длинную робу с острым, резко-очерченным воротом и длинными размашистыми рукавами. Одежда скрывала болезненную худобу его тела, но сморщенная кожа на лице и руках всё равно выдавала его возраст.

Посмотрев мгновение в эти глаза, Принц вновь мысленно переключился на предстоящий разговор с отцом. В памяти оживала картина из детства, когда он стыдливо стоял перед ним и подбирал слова, которые упорно не желали находиться. Сейчас история могла вновь повториться. Набрав воздуха в грудь, он толкнул дверь и вошёл внутрь, готовый почти к чему угодно.

Шахраман ничего не знал о прибытии сына. Но, увидев его, вместо того, чтобы хмуриться и ругать его, он вдруг выхватил меч и крикнул:

– Защищайся!

Принц оторопел и лишь непонимающе смотрел на отца. А тот с широкой улыбкой подошёл к сыну, спрятав меч в ножны, и обнял его. Свершилось то, чего желал он больше всего – кто-то по-настоящему близкий оказался рядом с ним. Тот, с кем он мог поделиться радостью. Радостью победы.

Когда буря эмоций стихла, Шахраман рассказал Принцу обо всём, что случилось. Принц смог в голове достроить мозаику из недостающих кусочков.

Несколько минут они стояли молча. Шахраман даже было заскучал и начал ходить стороны в сторону. А Принц всё пытался усмирить поток мыслей внутри себя. В конце концов он задал вопрос:

– Что это был за старик?

– Это визирь, который предложил свою помощь, – сказал Шахраман.

– Помощь в чём?

– В победе над нашим врагом!

В его голосе прозвучало что-то необычное. Торжество. Торжество, которое было практически пропитано хладнокровием.

И Шахраман рассказал сыну весь план. Он даже ещё не успел довести его до своих боевых командиров. Принц оказался первым.

И, на сей раз даже не дав одуматься, Шахраман, по-прежнему улыбаясь, ликующе сказал Принцу:

– И я думаю, что ты заслужил свой шанс! Покажи себя в настоящем бою!

Глава 5. Танец в пустоте

Лагерь спал в последнюю ночь перед атакой на город. Отдыхал и Принц. Не спал только лес вокруг лагеря. А вместе с лесом и вся природа. На этот раз она решила преподнести небольшой сюрприз: уже вечером небо затянулось тучами, так что даже закатное солнце едва-едва пробивалось сквозь них. Поэтому ночь была темнее обычного, а вскоре после заката закапал крупный дождь и разразилась гроза.

***

– Мы выступим, когда на небе появятся первые признаки рассвета. Остановимся на выходе из леса так, чтобы войска из города не было видно, и будем ждать сигнала, – медленно, будто нараспев, произнёс Шахраман и обвёл глазами окружавших его командиров. Собравшись в самой большой палатке, они обсуждали план действий. Войско уже было готово, единственное, что сейчас ему было необходимо, – хорошо отдохнуть после длинного похода при изнуряющей жаре.

– Но что же мы будем делать, если план сорвётся? – нерешительно пробормотал Туаммак, самый старый из всех собравшихся здесь, но всё ещё сохранивший часть жгуче-чёрной шевелюры – сколько он себя помнил воином, он воевал под предводительством своего царя и привык доверять ему, мыслить, как он. И сейчас Туаммак просто хотел быть полностью в курсе дела, знать, чего ему ожидать и что делать.

В следующий момент все взгляды с жадным любопытством устремились на Шахрамана. Тот же просто ответил, даже не задумываясь, словно ответ был готов заранее:

– Город почти неприступен и сможет держать осаду очень долго, – ответил он. – Нам останется лишь принять предложение о мире и возвращаться в Персию.

Все молча переглянулись, кивая в знак согласия. На том и порешили, ведь, исходя из здравого смысла, Шахраман был совершенно прав: даже ценой огромных потерь захватить город, не ворвавшись в него, будет почти невозможно. А война была и без того выиграна.

– Очень многое зависит от этого предателя. Он не подведёт? Что если это ловушка? – спросил Туаммак, выходя последним.

– Похоже, у него какие-то личные счёты с Магараджей. Он с огромным удовольствием поведал мне свой план. Думаю, ему можно доверять, – ответил Шахраман.

Ответ устроил Туаммака, и он вышел из палатки вслед за остальными. Дождь к тому времени уже набрал силу и стучал

повсюду. Шахраман потушил факел, освещавший шатёр изнутри, и отправился спать. Ему было проще всех: в его голове не было ни одной лишней мысли, а все те, что всё же поселились там, были свежими, ясными и не плодили лишних вопросов. Так он и уснул под звон дождя, гром, редкие вспышки молний, безмятежно, будто дитя. Воин. Царь.

***

Весь лагерь тоже погружался в сон, несмотря на дождь, который лил не переставая, казалось, желая остановить своими водами всё войско. Там, куда дождь почти не попадал, – под плотными кронами деревьев – всё ещё стояли длинные, почти в человеческий рост факелы, царапая ночной мрак своим тусклым светом; остальные же давно погасли, выпуская вверх тонкую струйку дыма. Засыпало всё. Даже караул, поставленный вести бдительное наблюдение, казалось, погружался в сон. Те, кто ходил взад-вперёд, постепенно останавливались и прижимались к деревьям, чтобы отдохнуть. Те же, кому предстояло наутро сражаться, уже были далеко от этого мира. Они крепко спали и набирались сил.

Только вода не спала в эту ночь. Она текла и будет течь всегда, пока идёт время. Сейчас это был дождь, всё усиливавшийся, всё больше резавший тишину грустной музыкой. Будто дождь вознамерился вылить за раз все слёзы мира и остановить боль раз и навсегда.

***

Принц шёл по узкому тёмному коридору. Впереди, где-то недостижимо далеко, мерцал свет. Воздух был спёртым, душным и пыльным. Но он будто бы проходил сквозь него, Принц его не чувствовал… – он попросту не дышал! Все его чувства были словно притуплены. Он ничего не слышал, будто мира не существовало вообще и звукам было неоткуда взяться. Он не видел своих рук или ног – причиной тому была тьма, поглотившая коридор. Не было мира – не было и солнца. Свет вдали был золотистым, манящим и, казалось, каким-то сладким. Сладким, как… Он был единственной целью движения Принца. Ни на секунду не останавливаясь, он брёл дальше, стараясь идти как можно тише, хотя он по-прежнему ничего не слышал. Принцу казалось, что он скользит на месте, словно его кто-то держит.

Возникало ощущение, что он будто бы уже видел это свечение. Однажды. А в следующую секунду оно казалось ему практически родным. А потом чужим. Незнакомым.

Затем в какое-то мгновение Принц понял, что стоит всего в паре шагов от источника свечения. Но сейчас оно было столь сильным, что он не мог рассмотреть того, что скрыто под его пеленой. Он протянул руку и увидел, как из-под ног ушла опора. Но он не падал. Он висел в пустоте. Да, именно в пустоте, снизу не было ничего.

Его рука почувствовала что-то живое. Сама мысль о существовании жизни в таком невероятном месте пугала. Он почувствовал удар. Затем ещё один. Трепетный и сильный. Живое сердце. Он сжимал в руке живое, бьющееся человеческое сердце. Свечение враз погасло, всё вокруг исчезло и превратилось в пустоту. Вокруг не было даже темноты – *абсолютная* пустота – то, чего не может быть, не было даже самой пустоты.

Стук сердца. Его Принц расслышал отчётливо, хотя и непонятно как. Он его прочувствовал, пропитался им, этот гулкий звон разнесся по нему до самых отдалённый частей тела, до каждого волоска. По сердцу протекла маленькая капля крови, медленно, неспешно, а сердце, боясь спугнуть эту каплю, будто бы ждало, пока та проделает свой путь. Затем она вытянулась в нить, последний раз неуверенно качнулась и сорвалась в бездну.

Внезапно из пустоты прямо перед глазами Принца появилась дверь. Сквозь щели по её контуру пробивался яркий свет. Странный мир вокруг него стал ещё богаче: теперь в нём были крошечные брызги света и дверь в никуда. А может, что-то и было за этой дверью. Принцу ужасно захотелось выяснить это: раз оттуда доносится свет, значит, там что-то есть. Он подошёл к двери – мир не был так пуст, как ему казалось изначально: всё-таки он по чему-то шёл, хотя и не разбирал, по чему же именно, потому как ничего не слышал, а свет из-за двери начинал слепить его. Принц схватился за ручку и дёрнул за неё. Дёрнул с силой – заперто намертво, дверь даже не шелохнулась. Нужен ключ. Но где его взять в этом месте? Сердце застучало сильнее – он догадался, мысль озарила его невообразимо резко, как кнут, ударивший в спину. Ключом было сердце. Принц поднёс его к двери, а в следующую секунду он замер от удивления. Он был готов поклясться чем угодно, что мгновение назад, до того как мысль посетила его, он видел на двери обычную замочную скважину под небольшой ключ, может быть, даже неестественно маленький. А теперь она растянулась, приняв форму сердца. Принцу ничего не оставалось – он протянул руку к двери и вложил это сердце туда. Дверь поглотила его, не тронув руки Принца, лишь мягко прошелестев по ней и будто бы оттолкнув прочь, но нежно, ненавязчиво. И сама распахнулась, залив светом всё вокруг, хотя вокруг ничего и не было. А может, что-то и было, но Принц просто ничего не замечал? Как бы то ни было,

он думал определённо не об этом. Он шагнул за дверь, а она мягко закрылась за ним, легонько скрипнув. Что-то было в этом скрипе такое, на что обратил внимание даже сам Принц – он обернулся и протянул руку, сам не понимая зачем. Так надо. Так хочет дверь. Протянув руку, он почувствовал, как в неё вложили обратно то же сердце, только стучало оно сильнее прежнего. Как-то испуганно. Вокруг – Принц решил наконец-то осмотреться, вернее, решился – всё застилал золотой свет. Он не грел. От него не становилось светло, как от рассвета. Это был холодный блеск. Такой же, как от золота. Он зачерпнул пригоршню этого света – да, он мог почувствовать его, как, например, песок. И он так же, как песок, мягко проскользнул сквозь пальцы. Убежал, утёк, перемешался с остальным светом. Привыкнув к нему, Принц отметил, что он течёт как-то неестественно. Маленькие струйки его стекали вниз будто по каким-то невидимым стенам, где-то он вихрился, как клубы пыли от ветра. Маленький бушующий океан света, которого нет.

Принц прошёл вперёд несколько шагов. Почувствовал ещё одну дверь: «Сквозь неё наверно тоже утекает свет», – подумал Принц. Прошёл ещё немного и увидел эту дверь. Сердце забилось ещё тревожнее, вернее оба сердца. Но каждое по-своему. Он повторил операцию. Дверь опять поддалась, на этот раз не так охотно, с б*о*льшим скрипом и медленнее. Но открылась. Выпустила-таки Принца наружу. Но только его. Он, выйдя за порог (если у этой двери он вообще был, так как всё, что было за ней, обрывалось как-то мгновенно, резко и… как угодно, но только не нормально), обнаружил это, бросив недолгий взгляд на дверь, поспешно закрывшуюся – она будто бы и не открывалась вовсе, только видимость – она по-прежнему не выпускала наружу ни одной пылинки. Казалось, они бьются о нечто невидимое, стремятся вырваться прочь из своей тюрьмы, но не могут. А Принц смог, даже легче, чем сам на то надеялся. И он опять ступил в пустоту. В новую, другую пустоту. Хотя как можно судить об этом, если в этой пустоте ничего не было и разницы быть не могло? Но она всё же была. В этом мире не было капельки крови. Было сердце, но не было капли. Он прошёл ещё немного. Каждый шаг всё больше и больше вселял в него новое чувство – страх. Того, что он не вернётся обратно. Застрянет здесь навсегда, как в болоте. Он остановился и развернулся. Попробовал сделать шаг. Не получилось. Сделал шаг назад – получилось с лёгкостью. Вперёд, то есть обратно к двери – никак. Он посмотрел на сердце. Оно было в его руке. В его руках. В его власти. Он разжал руку, продолжая пристально смотреть на сердце. Оно осталось там, где он его держал секунду назад. Висело в пустоте. Не падало, не взмывало, не колебалось даже от

ударов, которые гулким звоном доносились до ушей Принца. Но это не было похоже на обычный звук. Скорее всего он слышал… глазами, просто разум его рисовал иллюзию обычного восприятия ушами. И этот же разум отрезвлял его, давая ему правдивую картину происходящего.

Посмотрев на сердце ещё более пристально, он будто бы приказал ему отодвинуться немного подальше от него самого – поближе к двери. Ещё ближе. Оно летело, пребывая в его власти. Он наслаждался этим чувством, ощущая себя в тысячу раз сильнее, чем в те моменты, когда просто шёл, неся его в руке. Теперь же Принцу не надо было даже шевелиться, попусту тратить силы. Теперь он тратил только крупицы сознания, двигая ключ вперёд. На этот раз дверь совсем не отличалась радушием. Она будто бы не хотела подпускать сердце ближе. И тогда Принц устремил всё своё сознание в это сердце, словно соревнуясь с дверью. Его мысль, всё его сознание превратилось в острейший кинжал и вошло в сердце глубоко, до самой рукояти и даже глубже. Затем насквозь. Кинжал пропал, сделав своё дело, а сердце испустило последний вздох. Последний удар. И взорвалось. Лопнуло, разбрызгав миллионы осколков по всему миру. Да, теперь эта пустота тоже стала миром, миром разбитого, мёртвого сердца.

Дверь мгновенно распахнулась. Принц смог сделать шаг. Потом ещё один. Он не оглядывался назад, хотя казалось, что сердце, даже разбитое, зовёт его, вздымает к нему руки, истекая кровью, вернее, кровавыми слезами. Но он прошёл дальше. Зашёл в дверь. Та беззвучно захлопнулась. Он вернулся. Куда? Непонятно. Откуда вернулся? Ещё непонятнее! Казалось, каждая пылинка света задаёт ему вопрос. Но он не слышал ничего. И не помнил. Он проснулся.

***

Небо на востоке подёрнулось алым заревом, туман постепенно рассеивался. Рассвет вступал в свои права, лес наполнялся звуками. И вот она, долгожданная вспышка – горящая стрела, пущенная высоко над вратами города. Как это всегда бывает перед дождём – первая крупная капля падает с небес, проскальзывает по листку, зависает на мгновение и звонко падает вниз, будто бы призывая за собой остальные капли, так и персидское войско двинулось вперёд, повинуясь этому зову, этой стреле, которая пропала из виду буквально через несколько мгновений. Послышался звон амуниции, стук копыт – лошади перешли на лёгкую рысь.

Очень странно это войско выглядело бы для кого-то постороннего, если бы такой нашёлся – молчаливое, ровное и неспешное, будто туман, хлынувший из леса, холодный и пугающий. Словно шествие мертвецов – это трудно представить, если не видеть: вроде бы обычные солдаты, кони, кольчуги, копья, мечи, но что-то было в них не так, они будто действительно шли на зов с помутнённым рассудком.

Всю эту предрассветную идиллию нарушил боевой крик командира войска – персидский царь, махнув рукой, приказал перейти к бегу. Теперь звон кольчуг, топот копыт и лязганье мечей стали слышны по-настоящему отчётливо.

Путь от леса до крепостной стены был проделан очень быстро. В этом и состоял замысел – стремительная атака, которая должна была застать врасплох городскую охрану. Однако персы не были единственными, кто заметил стрелу: встревоженные индийские солдаты бросились в атаку, сумев прямо на бегу слиться в единый отряд, способный дать отпор врагу.

Сначала битва развернулась у стен города, но никто не успел закрыть врата, и имевшее громадное численное превосходство персидское войско хлынуло в город, взяв городские ворота и часть крепостной стены под свой контроль.

Повсюду были слышны крики и звон клинков, пахло кровью. Всадники нещадно скакали по раненым и убитым, рассекая, будто воздух, одного за другим индийских солдат. Раздался свист снарядов катапульт – на этот раз, осадные орудия тоже решено было пустить в бой.

Принц был ослеплён азартом, годы тренировок не пропали впустую: он сражался, как тигр; сила, ловкость, мгновенная реакция – всё это помогало ему разить врагов одного за другим. Удар – кровь, стон или крик, тонувший в новом стоне. Руки стали липкими, одежда была запачкана, местами порезана, на плече красовался неглубокий порез – такой пустяк, что Принц даже не заметил его. Мечты о чести, о геройстве помутили его разум, его глаза невозможно было узнать – чёрные и исполненные яростью.

Но внезапно произошло то, чего не ожидал даже Принц: обезумевший, возможно, раненый конь нёсся на него с бешеной скоростью, не видя ничего на своём пути. Затем юноша каким-то невероятным образом почувствовал, что сзади над ним занесён очередной меч и он может просто не успеть его отбить или избежать. Случай один на миллион – и он прыгнул на коня сбоку, чудом попав ногой в одно стремя и кое-как ухватившись рукой за седло. Затем рывок – и вот он уже в седле. Но конь был неуправляем, словно его гнало что-то и Принц нёсся вперёд, в город, через открытые врата, навстречу битве, победе, чести и славе, – как думал он сам, и поэтому даже решил, что судьба

благоволит к нему и так будет лучше. Однако, оказавшись в городе, он всё же поспешил покинуть коня.

Во всём случившемся Принц видел перст судьбы – она даёт ему шанс – теперь, попав в город, он быстрее доберётся до дворца и, может быть, даже до сокровищницы индийского Магараджи.

К этому времени утреннее солнце уже вовсю вступило в свои права: стало намного светлее, первые лучи уже забегали по самым высоким зданиям города. Ночная прохлада бежала прочь, вода, оставленная ночным дождём, местами высохла, но где-то ещё виднелись ручейки или лужи – скоро в них будут купаться солнечные лучи.

Будучи смельчаком, но всё же не глупцом, Принц мгновенно влился в отряд персидских воинов. Так у него было несравненно больше шансов быть всюду в первых рядах и остаться в живых.

И вновь им овладел азарт, казалось, его глаза стреляли направо и налево искрами – будто дикий зверь вырвался из клетки и никак не мог насытиться чужой болью. Но всё же он был человеком – это и пугало и, наоборот, успокаивало – сейчас его разум всего лишь затуманен иллюзиями – вполне человеческая ошибка, но в действительности Принц не был по-настоящему хладнокровным и безжалостным убийцей, каким сейчас он казался даже сам себе.

В небе свистели огненные стрелы и снаряды катапульт. Повсюду царил хаос. Многие защитники города бросались в бегство. Звон клинков, постоянные крики – всё было так же, как и несколько минут назад, там, у стен города, только громче и резче, а затем всё сливалось в единый поток, отдававшийся звоном в ушах и пугавший до смерти.

Отряд, к которому примкнул Принц, был достаточно крупным – около сотни бравых воинов, лучников и несколько наездников. Хоть и с сопротивлением, но они продвигались всё дальше и дальше в город, разя всех и вся на своём пути: группа из десяти врагов – десять стрел, десять смертей, и отряд шёл дальше.

Самая страшная битва разразилась у стен дворца. Он, как оказалось, находился отнюдь не в центре города, а примыкал к городской стене, однако это не было глупостью – та часть дворца, что выглядывала за стену, была скрыта от взгляда густым, труднопроходимым лесом. Да и сама стена в этом месте была несравненно выше. Сам же дворец вызывал восторг – да, именно детский восторг. Он был похож на огромную игрушку, с которой можно поиграть или разломать на множество кусочков.

Для обороны дворца на площадь перед ним высыпала чуть ли не целая армия, и мгновенно две волны схлестнулись в страшном поединке. На этот раз не всё шло так гладко для персов. Перевес

был явно не на их стороне – они начали нести первые потери. Стрелы индийцев были пропитаны ядом, и даже самая маленькая рана вскоре лишала человека жизни.

Стрелы свистели над головой Принца. Прежние представления о собственной непобедимости и самоуверенность улетучились, но это ему не помешало: он был одним из первых, кто оттеснил индийцев и сумел прорваться во дворец. В этом отряде было около десяти персов. Одного из них, Фироуза, он даже знал лично.

Вбежав внутрь, Принц остановился и осмотрелся – здесь было намного тише, охрана, оставшаяся внутри дворца, видимо, ещё не сообразила, в чём дело, и не сильно торопилась прогнать непрошенных гостей – в этот раз эффект неожиданности сработал.

Внутри дворец выглядел много прекраснее. Он уже не был похож на игрушку, теперь он радовал взор, повсюду царила красота: изящно расписанные стены, мозаики с изображениями каких-то великих битв и белый мраморный пол, что блестел до слепоты в глазах. Каждый шаг отдавался бесконечным эхом по залу. Лестница была из того же мрамора, покрытая богатым ковром, с широкими ступенями и невообразимо высокая.

Послышался и одновременно почувствовался удар страшной силы, он сотряс стены дворца, в первую секунду казалось, что он рухнет. Так оно и было отчасти. Откуда-то сверху молчаливо начала падать огромная каменная глыба.

***

Страх и непонимание читались в его глазах. Страх не за себя. За чужую жизнь. За множество чужих жизней. Страх за будущее. Непонимание – как всё так получилось и что же будет дальше?

Странный, непонятный страх, не такой, какой обычно бывает у людей перед лицом смерти. Казалось, он её не боялся, хотя дрался, как мог. Один против всех. Все стражники разбежались или уже были повержены. Левая рука ныла от страшной раны – глубокого пореза, а кровь текла без остановки, она запачкала одежду и теперь капала на пол. Массивные редкие красные капли одна за другой будто отсчитывали последние мгновения его жизни.

Свист стрелы рассёк воздух… Мимо! Ещё немного жизни. Немного боли и страха. Зачем бороться, если умрёшь? Зачем умирать, если можно бороться?

И он набросился на очередного врага. Звон мечей. Удар, ещё удар, крик. Он был искусным воином и не боялся битвы, хотя

сильно их не любил. Один он мог выстоять против целого отряда. Лицом к лицу, но не…

Страшный обжигающий удар в спину. Медленный и оттого доставляющий ещё больше боли. И чувство, что умереть сразу не удалось – теперь в последние минуты страшная мысль не отпустит, она добьёт и не оставит шансов. Он не смог, не справился, не устоял, не выдержал. Он подвёл всех. Всё потемнело, и Магараджа упал замертво.

Амар, визирь-предатель, возвышался над его телом. Это он нанёс удар. Со спины, воспользовавшись уже притуплённым вниманием своего магараджи. Сейчас он был горд собой, тем, что смог сделать то, что не смог сделать целый отряд персов. Тем более они могли оставить его в живых. А это было бы просто недопустимо.

Отняв жизнь Магараджи, он отнял жизнь у всего – город был обречён. Сокровищница будет разграблена, многие уже убиты, и очень многие ещё будут убиты. Огромный пожар охватит весь город, многое будет разрушено беспощадными, невероятной мощи выстрелами катапульт. Каши превратится в развалины. В груду осколков и море слёз.

***

Едва Принц прошёл несколько шагов, как через мгновение со страшным грохотом, напоминавшим крик сотен голосов, глыба ударилась о пол, рассыпавшись на множество кусков и осколков именно в том месте, где он совсем недавно стоял. Сердце заколотилось сильнее обычного. В другое время Принц остановился бы, ошарашенный произошедшим. Но что-то звало его дальше. Он побежал в ближайший коридор, увидев мелькнувшую в нём фигуру Фироуза. Он даже не обратил внимания на то, что ни один из осколков не задел его. Принца лишь окатило клубами пыли, и у него немного звенело в ушах.

***

Небрежно вытащив кинжал, он повертел его в руках – с него капала кровь, он блестел в лучах солнца – мерзкий холодный блеск, как и в глазах визиря. Нечеловеческие глаза, смотрящие на смерть сквозь чужую кровь. Своей же смерти он боялся, как ничего другого.

– Найдите вашего царя и передайте, что его воля выполнена. Напомните ему о его обещании. Я дождусь его здесь! – сказал Амар двум персидским солдатам.

И тут он закашлялся. Сначала это казалось безобидным, но затем он чуть не рухнул – страшная болезнь мучила его. Платок, которым он прикрыл рот, окрасился в багряный цвет его собственной крови, вид которой пугал его и делал ещё злее. Пошатнувшись, но совладав с собой, Амар грозно посмотрел на солдат, и те бросились с донесением к Шахраману.

Подойдя к одному из окон, визирь насладился зрелищем битвы. Воздух над городом был наполнен дымом, крики сюда почти не проникали. Большая часть персидского войска уже проникла в город. Индийские солдаты были разбиты на маленькие отряды, уже не было никакой организации или порядка, они были обречены – ими двигало лишь фанатичное желание жить.

Тут он почувствовал привкус собственной крови. Странно, почему он заметил его только сейчас? Застыв на секунду, он зашагал прочь от окна, к центру зала, опершись на свой посох. Сейчас он почему-то чувствовал себя хозяином в этом огромном вместилище боли.

***

Рассвет как рассвет: лёгкий холодный ветерок, щебетание птиц и мягко вкрадывающийся в комнату солнечный свет. Похоже, что ночью был дождь. Но она не помнила – пролежала всю ночь словно в забытьи.

Что-то щемило ей сердце. Никаких предчувствий, просто ощущение пустоты. Отсутствия чего-то или даже кого-то.

Она села на кровати и протёрла глаза. Спать всё ещё хотелось, но лежать было мучительно больно. Просто невыносимо, будто на остриях самых острых в мире клинков. Казалось, будто все они одновременно пронзали её сердце. И каждый она чувствовала в отдельности, сердце готово было разорваться на миллион клочков, разлететься на тысячи осколков. Оно часто билось, подгоняя кровь к вискам, отчего у Фары закружилась голова. Никогда прежде её не охватывало такое сильное чувство тревоги.

Кое-как справившись с собой, она нащупала сандалии и натянула их одну за другой. Всё ещё пошатываясь и держась за сердце, она вышла на воздух – вдохнуть аромат утра, почувствовать последние брызги ночной прохлады. Но какой-то другой запах донёсся до неё, не тот, что она привыкла чувствовать всякий раз по утрам. Дым, запах чего-то горящего. В следующую секунду ветер донёс до её слуха обрывок чьего-то крика, и это подействовало на неё отрезвляюще. Она просто

забыла о щемящем сердце, удар за ударом сотрясавшем её изнутри, как о чём-то незначительном.

В следующее мгновение она кинулась в комнату, а затем прочь из неё. Странная тишина окутывала всё вокруг. Фара остановилась и осмотрелась. Ни души. Обычно неподалёку была видна дворцовая охрана – сейчас не было никого. Она шла и уже почему-то знала, что за следующим углом вновь никого не увидит. И ничего не услышит. Только стук своего сердца и звук своих же шагов.

Когда она подходила к тронному залу, ещё один обрывистый крик донёсся до неё. Она глянула в ближайшее окно – в этой части дворца их было множество – и у неё задрожали колени, а к горлу подступил комок. Теперь ей всё стало ясно.

Сама не понимая как, она дошла до тронного зала, но не стала входить в него сразу же – какое-то предчувствие её остановило. Разум ещё отказывался до конца принимать происходящее, и ей нужно было время, хотя бы несколько секунд, прежде чем она смогла заставить себя идти дальше. Войдя в зал, она увидела визиря, его странную властную походку, позёрство. Комок подступил к её горлу ещё ближе. На глазах навернулись слёзы. Она задыхалась. Разум уплывал прочь, всё в один миг будто бы потеряло смысл, разрушилось, разбилось. Отец… Вот чьё отсутствие она почувствовала, и сейчас сердце заныло ещё сильнее.

Она не могла позволить себе всхлипнуть. Нет, ей не важно было, что её услышат и схватят. Зачем бороться, если ты уже умерла? В эти мгновения она просто перестала жить. Статуя. Живая, но мёртвая. Вырванная из реки жизни, она была огромной, незарастающей раной на водной глади. И каждая следующая секунда была полнее болью, чем предыдущая. Будто кто-то рушил и эту статую, разбивая её тяжёлыми ударами на куски, на острые осколки, выточенные болью и режущие ноги сквозь любую подошву.

***

Догнав Фироуза, Принц чуть слышно окликнул его. Им нужно было попасть в сокровищницу, а значит, действовать сообща. Нелегко было найти дорогу в незнакомом месте, но их словно бы кто-то вёл.

Они подошли к сокровищнице уже совсем близко. Ещё не видя входа, они догадывались об этом: убранство дворца становилось всё более и более пышным, повсюду горели зажжённые факелы. И вот за очередным поворотом Принц и Фироуз увидели вход. Вряд ли за такими дверями могло быть что-

то иное: искусно отделанные, но при этом массивные и высокие, они служили отличной защитой для сокровищницы Магараджи.

Охрана не покидала этих дверей никогда. И даже сейчас не исключение. Шестеро рослых солдат охраняли вход. На их лицах не было видно усталости, хотя наверняка они не спали в эту ночь. Принцу показалось странным в этот миг, что сокровищница находится под такой охраной, как будто сейчас золото могло иметь какое-либо значение.

«А может, там что-то большее, чем просто золото? Тогда почему охрана так малочисленна?» – мысли одна за одной жалили его распалённый интересом и азартом разум.

В следующий миг они вдвоём бросились к входу. Охранники действительно были подобраны на славу – они мгновенно отреагировали на чужаков, застать их врасплох не получилось, но всё же казалось, будто всеобщее отчаяние донеслось и до них. Они сражались, но будто бы вполсилы. Без азарта и рвения. Или это лишь впечатление раззадоренного юнца? Принц поразил ближайшего из охранников почти мгновенно, просто выбил из него жизнь, отобрал и выкинул её прочь. Второго сразил Фироуз. Он дрался как лев: будучи весьма рослым и крупным, он имел перевес в силе. Он не отличался такой же ловкостью, как Принц. Его удары были мощными, а защита – непробиваема. Затем последовала ещё одна смерть. Двери были забрызганы кровью. К этому моменту чувствовалось, как отчаяние действительно пропитало оставшихся в живых. В глазах одного читалось безразличие, нежелание бороться или даже двигаться. Второй был напуган и, казалось, замыслил сбежать. Третий же бросился на чужаков, собрав в кулак остатки воли, но не для того, чтобы нанести удар, а скорее, чтобы просто умереть.

Игрушка была сломана, разобрана по частям, которые теперь лежали по отдельности друг от друга, безо всякого смысла.

Последнее препятствие – большие высокие двери, вход в сокровищницу – никак не хотели открываться, будто были заперты изнутри. Они были слишком массивны для того, чтобы выбить их ногой или плечом. Поиски ключей на телах охранников ни к чему не привели, да и на двери не было даже замочной скважины. Необходимо было найти другой путь.

Принц и Фироуз вновь пошли незнакомыми коридорами. Почувствовав лёгкий ветерок, персы свернули в коридор направо и не ошиблись – они вышли на балкон, смотревший в небольшой внутренний двор. Внизу виднелась примерно такая же дверь, что и у того входа в сокровищницу, но на этой был виден замок. Однако найти ключ и спуститься туда было попросту невозможно – слишком высоко, а на поиск другого пути нужно было опять

тратить драгоценное время. А любопытство сейчас брало верх над обоими. Желание утвердиться, удовлетворить свой интерес – вот что двигало ими обоими, и этим они были похожи. Всё лежит за теми дверьми. Сокровища Вселенной, способные открыть все истины – всё это рисовало их воображение, они будто думали вместе, и от этого жар их любопытства становился ещё горячее.

Подойдя к краю балкона, Принц обнаружил, что высоко над дверьми, как раз на уровне балкона, расположены окна, несущие сейчас свет солнца внутрь сокровищницы. Оценив расстояние, он понял, что можно попросту запрыгнуть в ближайшее из окон, если получше разбежаться. И он даже не подумал, что будет там, на окне – как он слезет вниз или вернётся обратно, если его постигнет неудача. Прыжок навстречу судьбе… или против неё!

– Возвращайся к тем дверям, где стояла стража… или нет! Сходи и приведи людей, чтобы можно было выбить те двери, если я не смогу открыть их изнутри сам, – сказал Принц Фироузу.

***

Фара так и сидела, застыв, словно навечно. Крупные слёзы медленно сползали по её щекам и капали на холодный мраморный пол.

В таком состоянии её и схватили – казалось, на неё это вообще никак не подействовало, будто схватили не её, а кого-то другого, совсем ей безразличного. Её глаза выражали какое-то понимание происходящего, но эти настроения были весьма переменчивы, лишь изредка прорываясь сквозь её слёзы. Понукаемая каким-то солдатом она шла, если это можно было назвать шагами. Ступала, будто по лезвию ножа, раня ноги об осколки собственных слёз. Она даже не взглянула на визиря – сейчас в ней не хватило бы места для злобы, желания мстить. В ней даже не оставалось места для жизни, она держалась в принцессе каким-то чудом. Чудом, которое Фара тоже ненавидела бы, если бы могла. И вот она просто рухнула, не выдержав страданий, и погрузилась в забытье.

***

Прыжок оказался для Принца удачным, причём вдвойне: во-первых, он твёрдо стоял на ногах, а, во-вторых, спуститься вниз не представляло никакого труда. Длинные полотна ткани, напоминавшие занавеси, начинались чуть выше окон и сходили к самому полу.

Взявшись за полотно с вышитыми на нём золотыми буквами и упершись ногами в стену, Принц плавно соскользнул вниз

буквально за несколько секунд. Чем ближе он приближался к вечности, тем быстрее бежало время. Теперь он мог ещё раз оглядеться по сторонам. Здесь, внизу, было достаточно светло, солнце, висевшее уже довольно высоко, несло много света сквозь окна. Но свечение происходило ещё и от необыкновенно больших песочных часов, стоявших по левую руку. Принцу доводилось видеть песочные часы размером с человеческую голову, но никак не больше; эти же были почти в два человеческих роста высотой! Окинув взглядом всё остальное, он понял, что здесь светло и оттого, что повсюду россыпи золота, и всё вокруг имело этот же оттенок. Даже стены отливали этим холодным жёлтым цветом.

Странным было то, что почти ничего этого Принц не заметил сверху, как будто оно не имело совершенно никакого значения. А здесь, внизу, всё это казалось таким всепоглощающим и важным. Если бы у него было время, то он бы обязательно задумался над всем этим. Но времени у него не было, кто-то отобрал у него всё время мира. Внезапно он развернулся и пошёл прочь от часов, будто ища что-то ещё. Что-то звало его к себе, Принц чувствовал, словно ощущение времени вновь вернулось к нему; причём на этот раз он воспринимал его намного острее, словно породнился с ним. В ушах Принца стоял непонятный звон, он не чувствовал реальности, он погружался в какую-то новую, неведомую ему стихию. С каждым шагом это чувство усиливалось, и каждый шаг отдавался в его голове новым звоном.

Среди всего этого золотого блеска, холодного и безразличного Принцу, его внимание привлекло слабое голубоватое свечение. Это сияла рукоять кинжала. Он взял его и в это мгновение окончательно погрузился в эту стихию. Они будто слились с кинжалом воедино, в нечто неразделимое и непредсказуемое.

Затем Принца посетило новое чувство – будто бы стихия отпускает его, совсем ненадолго, как дельфина, который вырвался на доли секунды из пучины, чтобы искупаться в невероятно тёплых лучах заходящего солнца. В этот самый миг перед ним пронеслись мысли о том, что он смог, справился, доказал право быть настоящим сыном своего отца. О том, что честь и слава для него теперь это те самые лучи заходящего солнца, которые на секунду взяли его в плен и вряд ли просто так отпустят, даже когда он погрузится обратно в неведомую стихию.

Всё это время вокруг стояла нестерпимая для нормального человека тишина. Но Принца сейчас трудно было назвать нормальным – казалось, он существовал вне этого мира или как бы параллельно с ним – мог свободно уйти, когда захочет, а потом вернуться. Затем тишину нарушил громкий удар по дверям.

– Фироуз вернулся, – сказал чуть слышно Принц сам себе.

Этот стук вмиг вернул его к реальности. Или так ему показалось. Следующий удар оказался для дверей роковым: они просто не выдержали – одна створка разлетелась буквально в щепки, другая упала целиком, слетев с петель. Упавшая дверь наделала ещё больше шума в этом царстве тишины. После этого Принц бросился к образовавшемуся проходу – в него уже заходили несколько солдат, визирь и отец Принца. Конечно же, их внимание точно так же привлекли часы и россыпи золота повсюду.

– Ваше величество, надеюсь, вы помните своё обещание… – наконец-то ещё один человеческий звук ворвался в эту пустоту. Визирь, не договорив, услышал ответ царя:

– Да, да, конечно же! Выбирай среди всего, что здесь есть. Кроме этих часов. Они будут хорошим подарком моему другу!

– Тогда я выбираю этот кинжал! – визирь с дьявольской алчностью в глазах указал на только что добытый Принцем трофей. Сам Принц стоял неподалёку.

– Ну, Амар! Ты же не отнимешь у молодого воина трофей его первой победы? Пусть кинжал останется у него, выбирай что-нибудь ещё!

Искры гнева брызнули из глаз визиря. Вновь кашель, вкус собственной крови и ещё большая ярость. Он сжал крепче обычного свой посох, вытер платком кровь с губ и заковылял прочь, не сказав ни слова.

Принц же при всей этой сцене испытывал ещё одно странное чувство. Он бы мог отдать кинжал визирю при обычных условиях. Не так уж он ему был нужен. Но он что-то давал ему, Принц не мог оторваться от клинка, будто действительно прирос к нему. Самое большее, что он мог сделать, – убрать его в ножны, но, делая это, Принц знал, что кинжал рядом, его никто не собирается отнять, и потому он был спокоен.

– Что ж… Если Принц не хочет отпускать из рук свою новую игрушку – тем лучше: он от неё и погибнет! – чуть слышно прошипел визирь сквозь едва сдерживаемую бурю гнева и ярости.

Глава 6. Время

Бескрайняя пустыня и бесконечный караван. Казалось, он тянулся от горизонта до горизонта, так же, как и их путешествие. Много дней назад персы покинули разрушенный и сожжённый Каши. Теперь их путь бесповоротно лежал в Азад, к старому приятелю персидского царя. Хотя, пожалуй, трудно рассуждать о таком понятии, как дружба, когда она касается двух правителей. Множество подарков – вот то, что могло с лёгкостью обеспечить радушие с его стороны. А в ответ – гостеприимство. Бесконечный караван – люди, лошади, верблюды – нескончаемый поток. Конечно же, далеко не всё должно было попасть к Рифату – ни один властитель сам себя не обидит. Однако огромные песочные часы по-прежнему были предназначены для него. Внешний блеск, таинственная красота и отсутствие всякой пользы. Главное – они производят впечатление, а больше ничего и не надо.

Солнце было нестерпимо жарким. Постоянно мучила жажда и головная боль. Вокруг – море песка. Повсюду. И даже в часах – песок.

Принц до сих пор был под впечатлением. Слава. Честь и слава – вот что вертелось в его голове. Он мечтательно вспоминал каждую секунду, каждый миг того дня. Во многом ему просто сопутствовала удача, но его успехи ослепляли его, он был доволен собой. Доволен тем, что достоин быть сыном своего великого отца, бесстрашного воина, тем, что первым пробрался в сокровищницу.

Весь день тянулся очень медленно и как-то особенно мучительно. Возможно, оттого что все уже устали от пути. Дюна сменялась дюной. Камни, редкая растительность и песок. И множество следов на песке. Очень скоро подует ветер, и они пропадут, как будто и не было персидского войска в здешних краях.

Принц пару раз встретился глазами с одной из пленниц. Один раз – мельком, второй раз – подольше: ему стало интересно. Её глаза были исполнены грустью, но одновременно с этим взгляд был очень сильным, полностью не соответствовавшим её образу, хрупкому и нежному. И более всего удивляло, что в них не было настоящей злобы и желания мстить – только грусть и, может быть, обида.

Но всё это заняло разум Принца лишь на несколько минут, после чего его мысли опять плавно переключились на переживание недавних событий. Он прошёл ещё несколько шагов по обжигающему даже сквозь подошву песку, держа узду в руке, затем вскочил на коня и понёсся вперёд. В этот день не было

ветра, поэтому он был очень рад пусть и горячему, но всё же дуновению.

Среди солдат слышны были ленивые разговоры. Они тоже вспоминали недавние события. Кто-то из тех, кто был в самых первых рядах, рассказывал о том, как ему чудом удалось выжить, когда он противостоял сразу трём индийским солдатам.

– Их было не меньше семи, я клянусь! Может даже десять или около того!

Раздался взрыв смеха. Видимо, никто не поверил ему:

– Брось ты, совсем от жары с ума сошёл, – ответил ему кто-то из шедших рядом.

Но он упрямо продолжал свой рассказ:

– Один даже ранил меня, вот смотрите! – говорил он, показывая всем руку. – Видите? А потом…

Рассказывая, солдат один раз прервался, вытащил флягу с водой из-за пояса, отхлебнул, а затем продолжил, но его слова затерялись в общем гуле, хотя, кажется, Принц слышал ещё один взрыв смеха.

Неподалёку Принц увидал Фироуза, того самого воина, с кем он прошёл последние шаги на пути к цели. Он пересказывал именно тот момент, когда они с Принцем прибежали к сокровищнице, к самой первой двери. Принц приостановил коня, затем спрыгнул с него и пошёл рядом – слушал рассказ. Вспоминал всё ещё раз. Вновь и вновь. Как они добежали до сокровищницы, как разделались с охраной, как он, уже один, шёл навстречу зову, как его пальцы впервые сомкнулись вокруг рукояти кинжала. И сейчас, возможно, не заметив этого, он вынул кинжал и крепко сжал его в руке, будто бы соединяясь с ним, перенося в него все свои мысли о тех мгновениях прошлого. А затем он остановился, крайне удивлённый. И стоял бы как вкопанный, если бы не конь, медленно, но верно тянувший его вперёд. А причина у такой остановки была: секунду… нет, чуть больше, но всё равно совсем недавно, он шёл, слушая рассказ Фироуза, и услышал слова вроде: «и я побежал что есть сил…», а в следующий миг что-то чуть слышно треснуло, щёлкнуло у него в ушах, а потом… он услышал эти слова вновь. Точь-в-точь. И тот же жест руки. Вдобавок Принц заметил, что сам второй раз наступает на один и тот же камень. Затем он удивлённо посмотрел на кинжал в руке – он только заметил, что держит его – и его посетила дерзкая мысль, безумная по своей сути, но настолько цепкая, что он уже не мог от неё освободиться: кинжал может управлять временем.

Принц шёл дальше и мысленно повторял то, что только что делал недавно – переживал те недавние события, стараясь

вспомнить всё как можно подробнее и точнее, пытаясь окунуться с головой во Время, уловить его мощное, но незаметное течение.

И вот оно! Вновь! Опять он услышал одну и ту же короткую фразу дважды, но в этот раз он заметил, что шагнул немного по-другому, не так, как мгновение назад. Его поразило то, что он пережил. Причём пережил дважды. Попробовал так и эдак. Его самая дерзкая и безумная догадка оправдалась, он не ошибся. И он, с лицом ребёнка, обманувшего весь мир, спрятал кинжал, вспрыгнул на коня и полетел к голове каравана, вздымая клубы пыли и песка.

Принц был всецело поглощён и даже обескуражен своим открытием. Это даже заставило его всерьёз забыть обо всех глупостях, вроде чести воина или чего-то такого, что ещё недавно вертелось в его голове, будучи чуть ли не смыслом жизни.

В это время чуть поодаль солдаты поили пленников, не давая им умереть от жажды и изнуряющей жары, не думая о том, что им, возможно, наоборот, хочется скорее умереть. Выглядело это омерзительно: с пленниками обращались будто с животными, их просто окатывали водой с головы до ног, приводя таким образом в чувство и ещё больше распаляя жажду. Те редкие капли, что пленники слизывали с губ, пьянили их, они бессильно тянулись за водой вновь и вновь, за каждой её случайной каплей. Фара иногда чувствовала в воде солёный привкус – виной тому были её слёзы; беззвучные рыдания, разрывавшие её, выражались этими редкими слезами. Моменты вроде этих выводили её из беспамятства, и она, вернувшись из мира грез, чувствовала боль ещё острее, у неё дрожал подбородок, и через несколько минут она вновь уходила из реальности.

***

Принц, вырвавшийся из ленивого потока, скакал вперёд, навстречу чему-то новому и, как он думал, прекрасному. Со стороны он смотрелся довольно необычно: маленькая крупица, отделившаяся от всех остальных, он продолжал двигаться, абсолютно самостоятельно, не подчиняясь никому и ничему – ни ужасно медленно ползущему каравану, ни усилившемуся встречному ветру. Тот поднимал вихри песка и нещадно кидал Принцу в лицо миллионы песчинок, причём с таким рвением, что он чувствовал каждую, но по-прежнему не обращая на всё это никакого внимания.

В этот момент Принца посетила ещё одна мысль, ещё более дерзкая и безумная. Он, не сбавляя скорости, попытался сконцентрировать всё своё внимание на том, что, как ему казалось, произойдёт в следующую секунду: он пытался

предугадать каждый порыв ветра, прочувствовать его ещё до того, как он подует, пытался представить следующие мгновения каждой из роящихся в воздухе песчинок. Его сознание, казалось, полностью перетекло в кинжал – он совершенно не следил за дорогой, а скакун резво нёс его вперёд и немного вправо, постепенно удаляясь от каравана. Но всё было безрезультатно: кинжал будто бы превратился в самый что ни на есть обычный серебристый клинок. Казалось, что даже его голубоватое свечение угасло; будто солнце, закрытое лунным диском – именно так действовало на кинжал столь сильно сконцентрированное сознание Принца. Но постепенно, осознавая то, что ровным счётом ничего не происходит на этот раз, Принц будто бы возвращался в реальный мир. Он двинул своего коня чуть левее и начал вновь сближаться с караваном, его будто тянуло обратно в этот поток. Затем Принц внимательно посмотрел на кинжал, взяв его так, чтобы увидеть и лезвие и рукоять одновременно. Поначалу его больше занимала рукоять: поднеся её близко к глазам, он увидел внутри сквозь слабое желтоватое свечение те же клубы песчаной пыли, что сейчас повсюду вздымал ветер, но всё как бы в миниатюре – маленький, скрытый от человеческого взгляда мирок. Затем это движение медленно переползло куда-то выше, будто бы переливаясь по кинжалу, просачиваясь сквозь гарду всё выше и выше, к острию. Пронзительный серебристый блеск, несмотря на необычайно яркое солнце, сменился на более тусклое матовое свечение, но уже не жёлтое, а искристо-голубое.

Принц, на сей раз сбавив ход, как можно аккуратнее, держа в голове как можно меньше деталей, постарался вспомнить кинжал, вернее, его вид в тот момент, когда он впервые заставил его действовать. Всё так же аккуратно и неторопливо, спускаясь вниз по ступеням своего сознания, Принц всё более и более отчётливо вспоминал то, что в тот момент кинжал ни на секунду не переставал испускать этот мягкий голубой свет. Да, в тот момент он действительно работал. Принцу даже вспоминалось (хотя и не исключено, что это было лишь разыгравшееся воображение), что кинжал будто бы начинал светиться чуть сильнее, а его рукоять становилась прохладнее, отдаваясь в руке приятным холодком, тем самым, которого так не хватало в этом месте, нещадно выжигаемом жарким солнцем пустыни. Казалось, кинжал реагировал даже на самые мелкие и робкие воспоминания, всплывавшие в сознании Принца, и вспоминал он именно то, что хотел вспомнить. Это ещё больше распаляло его интерес, он ещё больше замедлил своего верного скакуна – тот перешёл на лёгкую рысь. Сейчас Принц напоминал ребёнка, заполучившего наконец заветную игрушку и не знавшего, при

этом, что с нею делать. Теперь он проверял кинжал, вспоминая какую-либо маленькую деталь из своего детства, такую, которую он едва помнил, а затем вновь всем своим сознанием погружался в воспоминания, будто переливаясь в кинжал, вернее, сливаясь с ним, и они вспоминали уже вместе. Рисуемые кинжалом воспоминания были отчасти знакомы Принцу, они отложились в его памяти именно такими, – кинжал не лгал; и он же привносил в эти воспоминания нечто новое, возможно, доселе неизвестное самому Принцу: некоторые детали, то, что происходило в действительности, но по каким-то причинам ускользнувшее от его внимания. От этого воспоминания, делаясь невообразимо яркими и сильными, будто бы превращались в реальность, перетекали и вливались в неё, а потом заменяли и вытесняли прочь. Причём последняя словно бы и не сопротивлялась, будто бы её связали по рукам и ногам, не давая шелохнуться.

Иллюзии, невообразимые для нормальной головы мечтания и мысли пленили разум Принца незаметно для него самого. Но тем не менее он ещё сохранил трезвость ума, пусть уже не ту, что раньше – сейчас он размышлял о кинжале, о его силе, возможностях и предназначении.

Кинжалу подвластно время, вернее, прошлое и настоящее – сейчас это уже было ясно как день. Но будущее скрыто от него так же, как и от людей, при мысли о нём его силы гаснут как свеча, он будто бы боится будущего. Но эти силы легко восстанавливаются тогда, когда сознание начинает цепляться – и кинжал вместе с ним – за клочки воспоминаний, пусть даже самых незначительных или вообще не собственных воспоминаний человека, владевшего им. Принц попробовал нарисовать в воображении картину, основываясь лишь на рассказе своего отца. Помнил он его смутно, но уже в следующую секунду тот был полон воспоминаниями… чужими воспоминаниями, но настолько яркими, что они ослепляли разум – Принцу даже сделалось не по себе – он чуть было не потерял равновесие и не выпал из седла – настолько ослепительными оказались чужие воспоминания.

Ещё не растеряв последние крупицы рассудка, Принц решил до поры до времени отложить эту игру с кинжалом, возможно, до тех пор пока он не поймёт лучше его природу и предназначение. Хотя что-то внутри самого Принца подсказывало ему, что он ещё не раз испытает все эти чувства, его рука ещё не раз сожмёт кинжал, его сознание ещё не раз утонет в пучине времени.

Опомнившись таким образом, будто от беспамятства, Принц вложил клинок в ножны, стараясь забыть о нём, будто бы убегая от него по лабиринтам времени в будущее, хотя это было не так уж и просто.

Ветер, резко переменивший направление, теперь дул Принцу в спину, будто бы подгоняя его, стараясь уберечь от какой-то незримой опасности. Опасностью этой были сами мысли Принца – они всё ещё жалили его одна за другой, но уже не так явственно, сбивчивое дыхание приходило в норму, выравнивалось. Ветер, вздымая песок, гнал и мысли Принца прочь, так далеко, как только может ветер. Мысли, смешиваясь с песком и пылью, терялись в бескрайней пустыне – там, где невозможно было бы их найти.

Догнав наконец-таки голову каравана, Принц сбавил прыть, вдохнул жаркий воздух и, встав на песок, неспешно побрёл, слушая недавно начатый разговор.

– Азад находится примерно в дне пути отсюда. Часть сегодняшнего дня, ночь – и завтра наутро вы должны до него добраться. По пути вам встретятся несколько поселений, в основном нищенских, единственная настоящая ценность, которой они обладают – питьевая вода, – одним разом, но вежливо и с уважением в голосе, выпалил один из проводников, тот, что был чуть ниже ростом и более смуглым.

Второй же проводник всем своим видом выражал согласие с первым, и поглаживал по шее своего верблюда – верного друга и весьма неплохое средство передвижения.

Во время своего рассказа первый проводник много размахивал руками, однако одному из направлений он уделял особое внимание: Азад находился на северо-западе, немного правее того места, куда уже собиралось закатиться солнце. Закончив своё небольшое выступление, проводник бросил чуть заметный взгляд на своего напарника:

– Свою работу мы выполнили – всё так, как мы и договаривались, – сразу же, но через силу выдавил из себя второй.

И затем они, придав лицам крайне почтительное выражение, вопросительно посмотрели на царя. Тот в свою очередь переглянулся с Туаммаком, чуть слышно бросил ему пару фраз и, получив одобрительный кивок, произнёс:

– За хорошую службу – хорошая плата!

В этот момент Туаммак вытянул из своего рюкзака довольно увесистый мешочек, который время от времени позвякивал, – в нём было золото.

– Здесь чуть больше, чем мы условились в самом начале пути, – сказал Шахраман.

В следующее мгновение, мешочек, пролетев по воздуху, звонко плюхнулся прямо в руки второму проводнику. Судя по весу, золота в нём было определённо больше, чем они договаривались.

Не говоря более ни слова, но всем своим видом выражая благодарность и счастье, проводники, откланявшись, оседлали верблюдов, развернули их в сторону, противоположную движению каравана, двинулись восвояси. Ещё с минуту до ушей царя, его свиты и Принца доносился явно довольный говорок этих двоих, но уже на каком-то другом, совершенно непонятном языке.

Глава 7. Вслед за Сердцем

Два всадника мчались по пыльной дороге, иссушенной солнцем так же, как и лица всадников усталостью. И болью. Им многое пришлось пережить за последние дни. Они познали боль, страх, отчаяние и фанатичную смелость, державшую их обоих у края пропасти и не дававшую упасть в эту пропасть. Узнали вкус крови. Вкус смерти. Боль потери друзей и близких. И поэтому сейчас их путь по пыльной дороге, дополненный невообразимой усталостью, был для них наслаждением. Впереди маячила какая-то цель. Или иллюзия, но дававшая надежду.

Она стала для них новым ориентиром в сознании. Подобно тому, как самая хрупкая веточка придаёт необычайно много уверенности движению в пространстве тогда, когда, казалось бы, уходит из-под ног последняя точка опоры и каждый следующий шаг грозит падением. Сама по себе она не является опорой – её очень легко сломать любым резким движением. И тем не менее она не ломается. А человек не падает. Веточка будто бы твердеет, впитывая веру человека, а человек ещё больше верит, продолжая свой шаткий путь.

Двое из тех, кто не был побеждён. Оба были изранены – из-под полуоборванной одежды местами виднелись ссадины, кровоподтёки и несколько повязок – видимо, самые сильные раны. Ещё каких-то несколько дней назад они не знали друг друга. Аджит служил во дворце начальником караула. В то злополучное утро он был одним из тех, кто встал на его защиту. Одним из тех, кто бежал прочь, спасая свою жизнь, тогда, когда основные индийские силы были разгромлены. Но дело было не в трусости – он хотел защитить своих детей, жену и всех близких ему людей. В те моменты он себя ненавидел – он знал, что с каждым шагом он предаёт своего Магараджу и свой город всё больше и больше. Несмотря на все данные обещания и тот неоплатный долг, в котором находился Аджит. И даже не стоит описывать то, что было с ним, когда он узнал, что все близкие ему люди погибли. Он не смог, он не справился, он подвёл всех. Но сам он так и не был побеждён. За это он себя и ненавидел. Он чувствовал, что способен жить дальше. Отчаяние так и не смогло поглотить его.

Аша был одним из тех, кто попал под первую волну нападения. Он храбро сражался у стен города. Ещё храбрее сражался внутри города. Затем он был ранен стрелой в правое плечо. Первое, что он помнил, – не боль, а просто слабость, растекающаяся от плеча по всему телу, потом вдоль руки. Потом он услышал звон металла о камни – рука выпустила меч. Затем забытье, сильно ноющая рана – за всё время он даже не видел, но

зато постоянно чувствовал её, и этого хватало. И в нём жило подобное чувство – он знал, что будет жить дальше. Вернее, не знал, а надеялся. Надеялся очень сильно, не зная зачем. И сейчас, глядя на закат, чувствуя дыхание тёплого ветра и его свист в ушах, он продолжал надеяться на что-то.

Немного странно, что судьба свела вместе этих двух людей. Они были достаточно разными. Хотя бы по возрасту. Аша – молодой смелый воин, дерзкий и непредсказуемый. Чем-то он напоминал Принца, причём не только внешне. У него были свои иллюзии. Его тоже посещали мысли о воинской чести. Отчасти поэтому он старался верно служить своему магарадже: у него не было семьи, жизнь солдата была ему близка и привычна. И ничего менять он не собирался. Аджит был много старше своего юного напарника, ему было около сорока лет, в то время как первому было немногим больше двадцати. Аша, раненный в плечо, не перенёс и десятой части той боли, которую перенёс Аджит, хотя ни одна рана на теле последнего не была такой серьёзной. Боль бушевала внутри него, в его душе, в его голове, в его сердце. Оно лихорадочно колотилось каждый раз, когда он вспоминал хоть что-либо из того утра. И всё же судьба зачем-то свела их вместе. Не для шутки. Не для проверки. Для выживания, для достижения общей цели. Цели, которой ни один из них не добился бы в одиночку. Именно сочетание характеров давало им особую силу.

Столкнулись они совершенно случайно. И всё произошедшее перед этим – тоже миллион случайностей, сплетающихся в единую судьбу. Судьбу, определяющую всю их дальнейшую жизнь. Судьба это и есть одна огромная случайность, состоящая из множества других, более мелких, происходящая с человеком раз в жизни и преследующая его постоянно, до самой смерти.

Аджит брёл со стороны погребальных костров, с унылым и уставшим видом. Он просто шёл, ни на что не обращая внимания. Бесцельно бродил, порой кругами. Единственное, что ему пришло в голову, – нужно устать как можно сильнее, чтобы ночью уснуть, а не терзаться тяжкими мыслями, как это было в предыдущие две ночи. Еда, которую он пробовал, потеряла свой вкус. Весь мир потерял свой обычный порядок вещей. И, наверное, Аджит бы так и затерялся среди этих мрачных мыслей, если бы вдруг его внимание не привлёк звук, который показался ему чуть ли не странным – так он успел отвыкнуть от людей – ему навстречу кто-то двигался.

Он увидел, как к нему приближается юноша на коне, а звуком, выцепившим его из мира одиночества, был стук копыт и лязг стремени. Аша, только с утра опомнившийся после ранения, пролежав перед этим два дня практически без сознания,

направлялся прочь от города. Он желал догнать персов – не знал зачем, но обязательно собирался сделать это, что-то тянуло его туда. Нечто большое. Та боль, которую пережил Аша от ранения, была совершенно непохожа на то, что пережил Аджит. У первого боль сильнее проявилась телесно, всё три дня он её чувствовал, и она никак его не отпускала, однако его надежда, все его стремления помогали ему бороться, постепенно сводя боль на нет. И он помнил каждый из этих дней, конечно же, не в подробностях, но, несмотря на забытье, они продлились для него именно столько, сколько идут три обычных дня. Очнувшись этим утром, Аша собрался с силами и привёл себя в чувство. Обработал и перемотал, как умел, свою рану и отправился в путь. Аджит же, три дня назад потерявший всё в жизни, кроме неё самой, не чувствовал времени, порой ему казалось, что прошёл месяц. Или год. Год незатухающей, пульсирующей боли, которая разгоралась как костёр при малейшем дуновении, и жгла его изнутри. Порой ему казалось, что это расплата за прошлое.

Аша остановился. Вернее, он сначала пролетел мимо, но остановился почти сразу же. Во-первых, людей в городе было мало, большинство выживших за первые два дня уже успели покинуть эти места и лишь немногие остались восстанавливать нормальный порядок жизни.

Сначала он просто хотел задать пару вопросов, поподробнее выяснить о последних событиях, о персах, о слухах в городе. Но почему-то почувствовав, что разговор будет длинным, он спрыгнул с коня, легко и плавно, стараясь поменьше шевелить плечом, отчего его движения становились немного неуклюжими.

Аджит заговорил первым. Это даже напугало юнца: вид его нового знакомого выдавал в нём упорного молчуна, и Аша никак не ожидал такого поворота.

– Кто ты, юный воин? – первые слова Аджита были вопросом. Он захотел узнать, куда так торопится Аша, но сначала должен был узнать, с кем он говорит.

– Меня зовут Аша, я солдат великого Магараджи; до нападения служил в охранном гарнизоне у главных ворот. Сейчас я ищу людей, у которых можно хоть что-то выяснить о персах, о Магарадже, о… – он запнулся, потому что сказал всё что надо, и не мог, как ни пытался, выдумать больше ни слова.

– Я – Аджит, – представился темноволосый мужчина средних лет, ростом чуть пониже юнца. – Магараджа мёртв. Большинство солдат и жителей города тоже погибли. Раньше я был начальником дворцового караула, но теперь это не имеет смысла…

Его взгляд упал на плечо Аши и на то, как он неестественно водит им при ходьбе. Сквозь лохмотья одежды и некачественную

повязку на его плече проступала рана, по-видимому, достаточно серьёзная, но уже слегка затянувшаяся и почти не кровоточившая. Аджит обратил внимание и на его походку – она всё ещё была неуверенной. Он не хромал, но ходил как-то излишне аккуратно.

Аша рассказал ему о первом столкновении с персами, о своём ранении, о своём беспамятстве. Теперь Аджит понял, почему солдат, воевавший за Магараджу, был совершенно не в курсе всех последних событий. Молча внимая яркому и красочному повествованию молодого воина, – да, несмотря на свои года, Аша уже был воином и телом, и духом – Аджит размышлял и о своей жизни. Боль не утихла и не отступила, но он впервые думал о том, что же будет дальше. Тем временем Аша закончил свой рассказ. Его задумчивый собеседник, заметив это, но не подав виду, продолжал сидеть молча, водя ногой по песку. И, сидя на камне, жестом пригласил сесть Ашу на соседний, и поведал ему свою историю, более длинную и печальную. Сейчас горе было общим для всех, но Аджиту просто нужно было выговориться. И освободившись от оков, от огромного груза на плечах (пусть лишь и на время), Аджит неожиданно для себя вдруг подхватил идею Аши догнать персов и поддержал её, со словами:

– Тебе опасно отправляться в одиночку. Я могу быть полезен.

Хотя внутренне он осознавал, что скорее идёт на верную смерть, но Аджит видел в ней избавление.

***

Уже после заката солнца, в те минуты, когда оно только лишь закатилось за горизонт, но вокруг ещё достаточно светло, большинство людей из каравана действительно увидели маленькое поселение, черневшее вдали, по правую руку от них. А потом его силуэт растворился в ночной тьме, накрывшей мир стремительно, как стрела впивается в жертву, – молниеносно и безоговорочно. Без солнца пустыня отдыхала, воздух свежел, песок уже не был обжигающим, подул прохладный ветер и почувствовалось присутствие какой-то жизни.

На ночлег в этот раз караван не останавливался. Несмотря на изматывающий день, проведённый в пути, все тянулись к заветной цели – Азаду. Некоторые даже утверждали, что видели его, причём ещё днём – видимо, это был обычный мираж.

Почти полная луна загоралась всё ярче; одна за другой на небе вспыхивали звёзды. Всё это напоминало какой-то невероятное представление, поставленное кем-то наверху для того, чтобы доставить наслаждение людям. Наслаждение

красотой и величием звёздного неба. Оно заполняло всё вокруг, перетекало в сознание каждого, успокаивало, расслабляло, будто бы отпуская ещё один прожитый день прочь.

***

Их путь лежал в Азад. Но они этого ещё не знали; просто расспросив тех, кто попался им в городе, они узнали о том, что персы ушли в пустыню, на северо-запад. Собрав весьма скромные запасы еды и воды, найдя второго коня – для Аджита, – воины наутро двинулись в путь. Оставаться в городе просто не было смысла, хотя они и были привязаны к нему, каждый по-своему, но всё же очень крепко. Каждый из них молча убеждал самого себя, что всё это ненадолго – они или погибнут, борясь за, как они считали, правое дело, либо вернутся сюда вновь, с победой, пусть небольшой, но победой. По слухам они узнали, что осталась в живых дочка Магараджи – юная принцесса Фара, пожалуй, единственная теперь живая душа из всей семьи. И её спасение – было тем единственным, чем они оба могли почтить память своего владыки, сослужив ему в последний раз, уже после его смерти. А для Аджита это было ещё и делом долга.

Солнце палило всё жарче, а воздух становился всё суше: пустыня вступала в свои права, вытесняя всю влагу и растительность. Третий день пути катился к концу и мало чем отличался от первых двух – такое же молчание, тишина, нарушаемая лишь топотом копыт. Больше всего они рассказали друг другу именно в тот вечер, когда встретились, сейчас же им ещё просто не о чем было разговаривать. Скорее было над чем поразмыслить. Главным было то, что у них была общая цель, остальное же не имело на тот момент совершенно никакого смысла.

Однако к вечеру третьего дня Аджит решил нарушить молчание. Впереди показалась зелёная рощица, одна из таких, которые скрывают от невнимательных путников ценнейшее сокровище пустыни – воду.

– Аша, возьми чуть левее. Там, – он вскинул руку и указал на рощу, – скорее всего, есть вода.

Аша хотел что-то спросить или возразить, но, видимо, оценив уверенность, с которой его спутник произнёс свои слова, он повиновался, сбавил скорость и дёрнул коня немного влево.

Оба устали от беспрестанного молчания и Аша, цепляясь за ситуацию, решил продолжить разговор:

– Тебе знакома пустыня? Путешествовал ли ты по ней когда-либо прежде?

– Да… – Аджит замялся, потирая челюсть, которая практически отказывалась шевелиться после стольких часов неподвижности. Он достал флягу и допил последние глотки невкусной, тёплой воды.

Едва Аша раскрыл рот, чтобы спросить что-то ещё, как Аджит продолжил, отводя взгляд:

– Я не всегда жил в этой части Индии. Родился я в пустыне, на окраине страны, но провёл там лишь часть детства. Моя мать умерла очень давно, я не помню даже её лица. Моего отца убил индийский воин, причём совершенно случайно, не желая того. Видимо, он не ожидал его появления и был чем-то сильно напуган, и при первом же шорохе вскидывал лук. Стрела угодила прямиком в сердце. Этот воин посадил меня, маленького и напуганного, на своего коня, которого он вёл рядом. Так я и попал в Каши. Странно, моя жизнь всегда так резко меняется после смерти близких мне людей.

– Откуда ты так хорошо знаешь всё это? Ты же не можешь помнить? – удивлённо спросил Аша.

– Тот человек, что подобрал меня, стал мне словно отец, но он не стал скрывать того, что произошло. Он рассказал мне всё, когда я подрос.

Тем временем они приблизились к небольшой пальмовой роще, и действительно, она окружала маленькое озеро с чистой водой. Остановив коней, путники молча слезли с них и направились наполнять фляги.

Проходя через низкий кустарник, Аша спугнул стайку каких-то небольших пёстрых птиц, и те с прерывистым улюлюканьем ринулись на противоположную сторону озерца. Невольно вздрогнув, он осмотрелся по сторонам: у него возникло ощущение, что здесь не проходил ещё ни один человек, всё вокруг казалось каким-то нетронутым, девственно чистым, неземным.

Аджит подошёл к воде первым, запустил в неё руки, и, почувствовав живительную прохладу, обдал лицо водой, стараясь не упустить ни капли, а затем жадно пил – пил, будто последний раз в жизни.

Глава 8. В гостях у бури

Солнце встретило караван по-прежнему – в пути. Оно ударило в спину каждому, и каждый ощутил этот удар, некоторые даже обернулись – сегодня рассвет был зловеще красный, не такой как обычно, и с каждой секундой он разрастался, кидая сотни брызг по спинам, по песку, по небу, по всему миру. Красный песок, по которому шли люди, напоминал теперь огромное море, бескрайнее, пугающее море крови. И солнце, грозно вздымаясь над ним, пугало ещё больше, делая его краснее и бескрайнее.

Вообще было странным то, что ночью не было привала – сейчас кто-то буквально спал на ходу, лениво передвигая ноги, кто-то брёл чуть резвее, но его лицо выдавало в нём ту же усталость. Возможно, из-за этого никто не обращал внимания на то, что происходило вокруг. Принц провёл всю ночь в седле – его конь медленно брёл вровень с караваном, хотя к утру он всё же отстал от его головы.

Наоборот достаточно бодрыми выглядели Туаммак и Шахраман. Два опытных воина, много перенесших в своей жизни, они были привычными к такого рода переходам и к подобным ночам без сна.

И только тут Принц заметил – чуть поодаль от его отца ехал визирь. Сейчас он почему-то показался ему жалким – угрюмый, с морщинистым лицом, он едва держался в седле. Даже восходящее солнце, видимо, палило его так, что он впадал в полузабытье. Но, конечно же, тому виной была и ночь без сна. Его конь, так же как и наездник, брёл в полудрёме, и они вместе вызывали лишь жалость.

– Я надеюсь, что Рифату понравятся эти птицы! Они станут отличным дополнением его коллекции! – произнёс Шахраман, обращаясь к Туаммаку и к кому-то ещё – один из старых воинов ехал неподалёку от царя.

– Какие птицы, отец? – поинтересовался Принц, отвлёкшийся от наблюдений за визирем и подъехавший чуть ближе.

Шахраман хотел что-то ответить, но тут ветер кинул пыль ему в лицо, и он закашлялся.

– Когда дворец уже был захвачен, мы с твоим отцом и небольшим отрядом обошли окрестности и наткнулись на небольшой, но чудесный садик. Повсюду росли такие же чудесные деревья и кусты, а по центру стоял небольшой фонтан, у которого разгуливало несколько птиц. Мы изловчились и поймали штук семь – можешь глянуть на них, они в золотых клетках где-то в середине каравана, – ответил за него Туаммак.

– Прекрасные птицы! – прокашлявшись, выдавил Шахраман.

Принц остановил коня, развернул его, но не тронулся с места: он решил попросту дождаться, когда половина каравана пройдёт мимо него и он увидит этих птиц.

Время шло, и солнце поднималось всё выше и выше, разбрасывая повсюду палящий зной. Теперь пустыня плавно превращалась в обычную, возвратился обычный золотистый цвет, таившийся в каждой песчинке, в каждом камне и каждой дюне, которым, казалось, не было конца. Принц почувствовал жаркое дуновение ветра, смешанного с песком, и зажмурил глаза. Прошло несколько минут, прежде чем он их разомкнул вновь. И сразу же он увидел их. Чёрные птицы в золотых клетках, с золотистыми клювами и удлинёнными глазами. Размером они были с ребёнка и, видимо, утомлённые жарой и длинным переходом, практически не шевелились.

Проводив их взглядом, Принц вновь не сдвинулся с места и даже не развернулся – сейчас он смотрел на солнце, которое неспешно взбиралось по небу. Он почувствовал усиливавшийся ветер, что трепал его волосы, и ощутил, как маленькая капелька пота, пробежав по шее, скользнула по спине и потерялась там, впитавшись в одежду.

Он стоял так очень долго, пока мимо него не проплыл почти весь караван. С усилием оторвавшись от своего занятия, Принц развернул коня и двинулся дальше. Почти мгновенно он почувствовал приступ необычайной сонливости, слабость в руках и тяжесть век. Через несколько минут он напоминал Амара: ехал, так же низко склонив голову и почти потеряв связь с остальным миром; он лишь иногда приоткрывал глаза и глубже вдыхал, почувствовав очередное дуновение.

***

Песок разбудил Принца. Гонимый ветром, он забивался в глаза, в уши, в нос, хлестал в лицо и прилипал к волосам. Надвигалась страшная песчаная буря. Ветер стал намного сильнее, свет солнца становился прерывистым – то и дело повсюду мелькали тени облаков пыли и песка. Караван ещё продолжал двигаться, но всё медленнее и медленнее, люди шли, склонив головы, стараясь хоть как-то спрятаться от песка. Но уже сейчас это было почти невозможно, он проникал повсюду, и ничто не могло преградить ему дорогу.

Лишь сейчас, проведя рукой по волосам и смахивая с них пыль, Принц понял, как сильно успело солнце напечь ему голову – удивительно, как он вообще выдержал столько часов один на один с солнцем.

Он запустил руку в свой мешок, порылся в нём, утопив руку до самого дна и достал оттуда свой походный головной убор, куфию, уже не раз спасавший его от дождя и жгучего солнечного зноя. Лежавший на самом дне, тот до сих пор не успел впитать всю жару, и поэтому от него веяло приятной прохладой, которую Принц сразу почувствовал, взяв его в руку. В последний раз, проведя рукой по волосам туда-обратно, Принц набросил его на голову, вновь почувствовал чудесный холодок, который пробудил его окончательно. У куфии было ещё одно замечательное свойство – благодаря большой синей полоске плотной ткани, равномерно свисавшей с него и стелящейся по плечам и спине, волосы трепались не так сильно и в них не попадало столько песка, а солнце больше не обжигало шею.

Прижавшись как можно сильнее к коню, прильнув головой к его шее, Принц стремглав бросился вперёд, разрывая песчаные потоки и вздымая за собой новые.

Приблизившись к началу каравана, Принц чуть шире открыл глаза и рассмотрел визиря – тот ехал уже по-другому, немного распрямившись, но был почти скрыт от взгляда огромным куском серой грубой ткани, успевшей покрыться пылью и постоянно колыхаемой ветром. Ещё одна деталь, на которую Принц обратить внимание – из-под этой ткани время от времени показывался посох визиря, причём он был в вертикальном положении, хотя в прошлый раз он лежал на спине коня, поперёк его движения. Но значения этой детали Принц не придал – ну мало ли почему старик так держал свою дрянную палку? Может, так ему было удобнее удерживать накидку, порывавшуюся улететь прочь? Все мысли на эту тему покинули Принца вместе с очередным порывом ветра.

Шахраман ехал, лишь немного склонившись вперёд, закрываясь рукой от ветра и пыли, немного выставив вперёд локоть. Туаммак же последовал примеру Амара и так же спрятался под накидку, чуть поменьше, такую, что закрывала его только до пояса. Одной рукой изнутри он крепко сжимал оба края своей накидки, так чтобы ветер не сорвал её и не унёс прочь, а другой, лишь немного выпустив её из-под своего одеяния, придерживал поводья.

Громко прокашлявшись, Туаммак подвёл своего коня ближе к Шахраману и изрёк:

– Повелитель, я считаю, нам стоит остановиться. Люди сильно устали от жары и бессонной ночи, и, боюсь, эта буря выбьет из них последние силы.

– Думаю, ты прав. Надо устроить привал и переждать бурю, – ответил царь после небольшой паузы, пристально посмотрев

куда-то вдаль. – Сын, передай всему каравану приказ остановиться!

Принц развернулся и ринулся в обратном направлении и сразу же почувствовал, насколько проще и приятнее скакать по ветру, чувствуя его дуновения лишь спиной. Сейчас ветер будто бы подгонял его и уже не был так страшен. В последний момент, когда Принц покидал начало каравана, его взгляд скользнул по фигуре визиря, выцепив его морщинистое лицо, скрывавшееся в тени своеобразного капюшона. И незаметно для себя Принц отметил в этом лице одну странность – широко раскрытые глаза, будто бы не боящиеся ветра, песка и пыли. Даже казалось, что они горят каким-то слабым, почти незаметным огоньком, который то угасал, то вспыхивал вновь. Принц не заметил ещё одной небольшой детали – губы Амара беспрестанно шевелились, он неразборчиво что-то нашёптывал, и любому, кто увидел бы нечто подобное, наверняка сделалось бы жутко. Но эту неуловимую мелочь смог запомнить лишь кинжал. А он вряд ли умел чувствовать, да и говорить он мог лишь время от времени.

Принц скакал навстречу бредущим людям и, стараясь перекрыть ветер, кричал:

– Останавливайтесь! Впереди сильная буря!

На измождённых лицах читалась лёгкая радость, люди мгновенно останавливались, останавливали коней и верблюдов, заставляя последних ложиться на песок и сбивая лошадей в небольшие группы по пять-шесть животных и накидывая им на головы куски мокрой ткани, а затем с радостью валились на горячий песок и тоже закрывались от надвигавшейся песчаной бури всевозможными способами: ложились близко к верблюдам, укрываясь за их спинами, накидывали на себя куски плотной ткани, закутываясь в них как можно тщательнее, и придвигали к себе поближе фляги с водой. Всё это, конечно, не слишком сильно помогало во время подобных бурь, но это была почти единственная возможность выжить. И, видимо, из жалости пленников, всё ещё держа их связанными, бросили на песок и даже закрыли их от ветра жалкими обрывками грязной и пыльной ткани.

Через какое-то время новость об остановке начала распространяться по всему каравану, буквально обгоняя Принца. Убедившись в том, что она облетела уже всех, он вновь бросился в начало каравана. Он стремглав мчался по песку, впиваясь лицом в ветер, будто бы пытаясь взлететь. От всего этого у него заслезились и заболели глаза. Подъехав к отцу, Принц протёр их руками, несколько раз быстро моргнул и спрыгнул с коня.

– Мой Принц! Возьмите вот это, – услышал юноша голос Туаммака.

И мгновенно среагировав, в следующий миг он встретил рукой в воздухе нечто большое и мягкое – большое полотно тяжёлой, но не слишком грубой материи, после чего он поспешил лечь на песок и накрыться ей.

И затем, буквально через считанные секунды, налетела буря, обрушивая мириады песчинок повсюду, а затем вздымая их в воздух, перемешивая с ветром и обрушивая вновь. Крепко зажмурив глаза, Принц чувствовал, как песок облепляет его лицо, забивается в волосы. Казалось, его защита была совершенно бесполезна – для подобного ветра эта ткань была ничем, он вместе с пылью пронизывал её насквозь. Подобная огромной волне буря, обрушившись в один миг на путников, не переставала катить свои песчаные воды по всему каравану, повсюду разбрасывая пыль. Слышались редкие далёкие крики – возможно, кто-то терял свой спасительный кусок ткани и оставался один на один с бушующей стихией.

***

Буря продолжалась уже много часов подряд. Однажды среди этих криков Принцу послышался голос, не похожий на крик; в нём слышался какой-то… приказ. Но уже через секунду этот голос потерялся в свисте ветра, который в тот миг усилился ещё больше, стал холоднее и превратился в тысячи маленьких лезвий, пронизывающих абсолютно всё.

Так продолжалось ещё несколько минут, а затем, будто по команде, буря начала резко стихать. Ещё минута, и солнечные лучи стали робко пробиваться сквозь слой песка, который осел на накидке. Невероятная тишина после стольких часов беспрерывного шума и свиста больно резала слух. Прекращая эту пытку, Принц резким движением вскочил на ноги, скидывая с себя накидку и вздымая вокруг клубы пыли. Встретившись взглядом с солнцем, он отшатнулся и рухнул на землю – его глаза, привыкнув к полумраку, не справились с таким ярким светом. Сидя на песке, он отвернулся, протёр глаза пыльной ладонью и взглянул на солнце вновь. На сей раз тёплые нежные лучи намного мягче приняли его в свои объятия, не обжигая глаз и не слепя их.

Повсюду послышалось движение, шорохи, все начинали отходить от бури и потихоньку выбираться из своих рукотворных укрытий. Некоторые поступили очень разумно и ещё перед бурей и перед тем, как укрыться кусками плотной ткани, вырыли в песке неглубокие ямки, длиной в собственный рост, тем самым дополнительно обезопасив себя.

Принц поспешил к своему коню и резким движением он сбросил с его головы всё ещё немного влажный кусок такой же плотной материи. Конь, будто бы очнувшись от долгого сна, резко вздёрнул голову, помотал ей из стороны в сторону, фыркнул и громко чихнул. Его большие ноздри непрерывно шевелились, жадно втягивая свежий, по сравнению с тем, что был во время бури, воздух. Смахнув песок с его гривы, хвоста и спины, Принц прыгнул в седло и понёсся осматривать караван. Напоследок он успел заметить, как его отец с достаточно бодрым видом привстал с земли, протёр глаза и пропал из его поля зрения. Теперь его взору предстал караван, медленно возвращавшийся к жизни, подобно какому-то огромному невероятному существу, отходившему от длительного и глубокого сна.

Проезжая мимо, он обращал внимание на то, что не все смогли пережить бурю. Кто-то просто лежал без сознания, и даже спасительные капли воды, катившиеся по их губам, не были способны вмиг вернуть этих людей в чувство. А кто-то попросту умер. Их тела лежали в неестественных позах, в глазах застыл ужас смерти.

С пленников, которые были не в состоянии освободиться самостоятельно, сдёргивали накидки и уводили обратно на большую повозку, где привязывали их к невысоким, в их рост, столбам.

Вдруг Принц обернулся на удивлённый и одновременно возмущённый вздох, донёсшийся откуда-то сбоку. Он увидел на земле ту самую пленницу, с которой уже пересекался взглядом прежде. Одна её рука была полностью свободна, на другой всё ещё болтался обрывок верёвки. Опершись на обе руки, дрожавшие от усталости и боли, она попыталась привстать. Один из солдат, невысокого роста и с хищным жестоким взглядом, заметил это и испустил этот самый вздох удивления. Его глаза вмиг загорелись властной яростью, и он, подбежав к пленнице, толкнул её ногой в бок, так сильно, чтобы она упала вновь, но не настолько, чтобы оставить след от удара. Послышалось короткое всхлипывание, которое потонуло в крике солдата, полном неоправданного презрения:

– Мерзавка! Хотела сбежать?

Он схватил пленницу за плечо, грубо приподнял и отвесил звучную пощёчину, от которой её щека вмиг покраснела, по ней прокатилась слеза, и бедняжка вновь упала. Затем он присел рядом с ней, приподнял за волосы её голову и с мерзким шипением бросил:

– В следующий раз не захочешь!

Что-то встрепенулось внутри Принца, отдавшись короткой дрожью в спине. Но он даже не обратил внимания на этот

секундный порыв – какое ему было дело до жалкой девчушки, которая сама виновата в таком обращении с ней? Затем он посмотрел на то, как солдат заново связал ей руки, на сей раз нестерпимо туго, так, что от боли она закрыла глаза. Когда она открыла их вновь, Принц встретился с ней взглядом и, словно испугавшись чего-то, что было сильней недавно пережитой бури, резко отвернулся и бросился прочь.

Глава 9. Азад

Буря задержала караван почти на целый день пути. Ещё утром персы должны были подойти к стенам Азада, но сейчас был уже почти вечер, а они лишь только вновь двинулись в путь.

Принц далеко не сразу осознал, сколько же времени они все пережидали бурю:

– Час, два – ну никак не больше. Но уже вечер… – говорил он про себя.

Сейчас, словно почувствовав прохладу, его разум работал как-то по-особенному. Мысли проносились в его голове одна за другой, некоторые – совершенно бессвязные, а иные выстраивались в своеобразную цепочку, и одна плавно перетекала в другую. Принц смотрел на бредущий караван и думал о том, как скоро они прибудут в Азад. Он лишь смутно представлял город по рассказам отца, которые отчасти сохранились в его воспоминаниях из детства. Солнце раскидало по песку краснеющие лучи, отчаянно выбрасывающие остатки дневной жары. Принц, погружённый в мысли, смог уловить и эту деталь. Сейчас его взгляд был устремлён в землю, поэтому он не мог оценить всей красоты картины, открывшейся его взору. Он просто чувствовал, как солнце слабеет и постепенно пропадает за горизонтом. Когда Принц особенно сильно погружался в мысли или воспоминания, его восприятие реальности ограничивалось ещё более простым: «что-то красное ускользает от него, и он не может этого догнать». Однако он не был так далёк от этого мира, как могло показаться со стороны: его реакция была, наоборот, острее обычного. Несколько слепившихся между собой песчинок, вскинутых лёгким ветерком, полетели Принцу прямо в лицо – рывок головой в сторону, и они пролетели мимо. Прошло несколько секунд, прежде чем Принц осознал то, что он сделал. Широко открыв глаза, он обернулся назад, ещё раз оценил неожиданность произошедшего и двинулся дальше. Вернее, его мысли поползли дальше, а он просто повернул голову и продолжал скакать, но теперь он смотрел на солнце. Сейчас уже трудно было не заметить всей силы заката, буквально бьющего в лицо. На секунду мысли Принца затихли, будто бы ожидая чего-то, а затем потекли вновь. Его слух уловил крик, похожий на птичий. Он оглянулся по сторонам в поисках того, кто мог бы его издать. Ему вдруг вспомнилась побитая пленница, её глаза, полные грусти, её горящая красным щека и… Конечно же! Те самые чёрные птицы! Одна из них, возможно почувствовав приближение ночи, проснулась и издала этот крик. Он был немного пугающим, а кому-то мог показаться даже мерзким. Красное-красное солнце. Красная щека… Слеза. Кинжал. Мерзко.

Тот солдат поступил мерзко. Принц вновь ощутил то странное чувство, которого он будто бы испугался и кинулся прочь. Он терял солнце, он хотел броситься за ним и никогда его не отпускать взглядом, так, будто бы оно закатывалось за край земли в последний раз и больше никогда не появится на небе. Почему, чёрт возьми, эта пленница приковывает почти всё его внимание? Принц чувствовал, как всякий раз, когда он вспоминает её, его мысли приостанавливаются, к сердцу подкатывают чувства наподобие жалости или сочувствия, причём он никак не мог определить, какое же именно. Солнце продолжало убегать, кидая красные слёзы на сухой песок, превращая его в море, веющее прохладой, возвращавшей мысли Принца в обычное для этого вечера русло.

Он резко обернулся назад. Первая звезда уже робко пробивалась сквозь остатки дня. Принц чувствовал, как все его мысли незримо охвачены временем. Он чувствовал его и одновременно никак не мог уловить его ход. Он мог и резко среагировать на какую-либо мелочь и одновременно не замечал, как, погружённый в свои мысли, упустил почти целый час собственной жизни. Огромная красная капля крови медленно скатилась по его руке и сорвалась вниз, в темноту, сквозь песок. Затем песок исчез, и Принц ещё долго продолжал видеть каплю. И ничего, кроме неё, – он даже сам будто бы таял в её свете. А затем кинжал рассёк воздух, и пустота превратилась обратно в пустыню и караван. Азад был величественным городом, укреплённым и почти неприступным: его окружали высокие белокаменные стены или отвесные скалистые склоны. Белые, не запятнанные кровью. Эти мысли принадлежали не самому Принцу, и он чувствовал это, он не помнил ничего подобного. Ночная прохлада, сливаясь с лёгким жжением в спине, неустанно боролась с последними обрывками солнечного тепла, которое иссякало на глазах. Но победить однажды не значит победить вообще: солнце всем своим видом обещало вернуться. Красное, как слеза, против белого, как холодный свет одинокой звезды. Мысли приобретали всё более странные формы. Они перестали быть мыслями. Это были обрывки света разных цветов, которые будто бы боролись за место в его голове. Последний луч скользнул по жёлтому песку и пропал, зажигая одну за другой миллионы песчинок, брошенных на небо чьей-то могущественной, но невидимой рукой.

– Будь осторожнее! Потерявшись в пустыне однажды, можно остаться в ней навсегда! – голос Туаммака раздался где-то неподалёку и мгновенно вернул Принца в настоящую ночь.

– Даа… – неопределённо протянул Принц, протирая глаза.

Он не заметил, как мысли захватили его и утянули вдаль, погрузив разум в глубокий сон. Он удалился на приличное расстояние от каравана, приличное настолько, что караван был едва различим, даже под светом луны и звёзд. Принц помотал головой, приводя себя в чувство, и поскакал вслед за Туаммаком, чувствуя, как новый поток мыслей, ещё более бессвязных, роится в его голове.

***

Вдоволь напившись и набрав полные фляги воды, двое путников двинулись дальше. Проскакав мимо своеобразного оазиса, они, каждый молча, отметили, что окончательно попали в пустыню. На земле исчезла всяческая растительность, на смену ей остался лишь песок. Сухой и безжизненный, как и всё в пустыне.

Путники вновь скакали молча, каждый думал о чём-то своём. Аша всё ещё вспоминал то место, которое они покинули – оно как-то по-особенному врезалось ему в память. Это место в полном смысле слова пришлось ему по душе. В нём чувствовалась постоянная жизнь – полная противоположность угрюмым пустынным дюнам. Всё, куда ни посмотри, радовало глаз, солнце светило как-то совсем по-другому, так, как не светит нигде. От всех этих воспоминаний по лицу Аши медленно расползлась улыбка, не слишком большая, чтобы её можно было назвать радостной, но и не такая маленькая, чтобы её не заметить. Он сам заметил её и смахнул, как нечто ненужное в этом суровом месте.

На лице Аджита не читалось ровным счётом ничего. Оно не улыбалось, но и не было хмурым. Даже усталость куда-то пропала. Он был погружён в какие-то раздумья или, возможно, в воспоминания. За годы своей жизни он научился быть очень сдержанным, сдержанным настолько, что многие люди считали его вечно чем-то опечаленным. И действительно – улыбка на его лице была редкостью.

Так они и ехали, и казалось, что даже лёгкий ветер говорил больше, чем эти двое: он постоянно что-то нашёптывал и бросался песком и жаром. Тем временем солнце, постояв в зените, начало сползать вниз, постепенно ослабляя зной. Уже тогда, когда оно, совсем красное, закатывалось за горизонт, тот начал расплываться, и казалось, что вся даль, которая простиралась впереди, превратилась в огромное, но необычайно спокойное море. И поэтому поначалу ни один из путников не обратил никакого внимания на две почти незаметные точки, замерцавшие среди всей этой далёкой песчаной глади. Но через

какое-то время они стали настолько отчётливыми, что уже нельзя было их не заметить. Всё ещё расплывающиеся в горячем вечернем воздухе, они приобретали всё более явственные очертания, превращаясь из миража в нечто реальное – в двух путников. Они передвигались на верблюдах, не были похожи на воинов – скорее простые странники. По их одежде было видно, что пустыня – их дом.

Приблизившись к ним, Аша поскакал вперёд чуть быстрее, на ходу снимая ремень, переброшенный через плечо, – на нём были закреплены ножны с мечом. Затем он демонстративно вытянул руку с этим ремнём в сторону и разжал пальцы – ремень выскользнул из ладони и упал на землю. Видимо, поняв и приняв этот своеобразный жест мира, два незнакомца подъехали ближе, на расстояние нескольких шагов. Бросив другому что-то на непонятном для Аши языке, один из странников подвинулся ещё ближе и неожиданно спрыгнул с верблюда. Аша молча повторил его действие. Затем незнакомец подошёл к тому месту, куда упал меч, неспешно поднял его и вложил в руки Аши. Этот своеобразный немой разговор однозначно определил их взаимное доверие друг к другу.

– Кто вы? – первым спросил Аша.

– Мы – проводники в здешних местах. Проводим по пустыне караваны и этим зарабатываем, – ответил незнакомец.

Аша внимательно выслушал его, задумался ненадолго, взвешивая каждое слово и оценивая обоих всадников на вид. Затем он взглянул на Аджита – взглянул просто так, сам не зная зачем.

– Стало быть… – наконец-то сказал и вновь замялся индиец.

– Совсем недавно мы провели здесь огромный персидский кара… – будто бы угадав его мысль, проговорил проводник.

Когда Аша услышал это, его глаза словно загорелись, он подошёл чуть ближе, схватил незнакомца за край одежды и, не дав договорить последнего слова, чуть ли не крикнул:

– Где… Куда они направились?

Аджит, внимательно следивший за разговором, испугавшись, что Аша может отпугнуть и даже озлобить проводника своей несдержанностью, спрыгнул с коня и подошёл ближе. Незнакомец молча оценил всю картину, мельком бросил взгляд сначала на руку Аши, всё ещё сжимавшую его одеяния, посмотрел ему в глаза – Аша медленно, будто бы осознавая странность своего поведения, разжал пальцы и отошёл на шаг назад.

– Если продолжать идти в ту же сторону, чуть левее заката, то вы дойдёте до Азада, славного бактрийского города. Туда же направились и персы, – ответил проводник.

Затем он чуть вздёрнул брови и вопросительно посмотрел на двух путников из Индии. Те, не обращая на него почти никакого внимания, переглянулись и пошли к коням. Проводник удивлённо раскрыл рот, словно собираясь что-то сказать, но его слова начали тонуть в этом немом вздохе и были окончательно заглушены словами второго незнакомца всё на том же непонятном языке, которые, по-видимому, обозначали что-то вроде:

– Оставь! Едва ли у них есть что-то ценное…

Услышав это, он резко развернулся, подошёл к своему верблюду и оседлал его. Затем всадники и проводники молча проехали мимо друг друга, бросив по последнему взгляду. Двое, довольные последним заработком, ехали восвояси, возможно, на поиски новых караванов или богатых путников. Ещё двое ехали за солнцем, которое сейчас убегало от них. Но солнце нередко прячется за тучу или за горизонт, чтобы однажды светить ещё ярче. И они гнались за ним, жадно ловя каждый его луч, будто бы опасаясь, что в следующую секунду, когда они разомкнут веки, солнце исчезнет. Сейчас оно было для них всем. Далёкая призрачная мечта, оно было их лучшим и единственным проводником.

***

В эту ночь караван, утомлённый бурей, остановился на ночлег. Все с радостью устраивались на остывающем песке. Небо уже пестрело звёздами, лунный свет заливал песок, придавая ему беловатый цвет.

Принц, более не погружавшийся в свои думы слишком глубоко, тоже устроился на земле неподалёку от костра и погрузился в сон. Мысли, измучившие его за этот вечер, растаяли и развеялись в ночи. И Принц спал абсолютно спокойным и очень крепким сном. Никаких сновидений и кошмаров. Мерный треск костра, его тепло и практически идеальная тишина.

В такую ночь, казалось, можно было только спать, особенно после такого перехода и страшной бури. Не спали лишь луна и звёзды – бессменные жители ночного неба. И один человек, сидевший, склонив голову, у костра. Длинной палкой он шевелил угли, взбрасывая в воздух сотни рыжих искр, быстро терявшихся в лунном свете. Глаза, в которых дрожали слёзы, время от времени поднимались к луне и безотрывно следили за ней. Они что-то вспоминали, и от этого в них оседало ещё больше грусти. Вдруг отчаянным жестом он смахнул с глаз навернувшуюся слезу и привстал, впиваясь взглядом в луну. Кроме неё он не видел

ничего, но зато очень много помнил. Он медленно провёл ладонью по лицу, от подбородка, сильно прижимая к носу, и до самого лба, скользя пальцами по волосам, а сквозь эти самые пальцы он продолжал смотреть на холодный белый свет. А затем, опустив руку, он уткнулся взглядом в землю и провёл ногой по песку. На нём остался след – небольшое углубление, по краям которого скатывались песчинки и медленно засыпали его. Но след не мог исчезнуть полностью. Ни с песка, ни из его жизни. Та ночь осталась в его памяти навсегда. Он старался как можно реже про неё вспоминать, но иногда, когда он оставался наедине с самим собой и собственными мыслями, воспоминания подкатывали к горлу и буквально мешали дышать. И приходилось выпускать их. Все события будто вновь оживали: её требовательный тон, жгучая рана, которая никак не хотела заживать и делала его раздражительным и даже злым.

– Я не могу пойти против закона! Ты родила мне сына, но я не могу делать своей женой кого захочу! – эти слова горели в его голове. Их он произнёс в ту ночь.

Она что-то возразила ему, но он отвернулся и зашагал прочь. И тогда она набросилась на него сзади, случайно зацепив рану. Взвыв от боли, он схватился за меч и махнул наотмашь. Не издав ни звука, она рухнула на пол, успев лишь бросить последний непонимающий взгляд на него. Именно этот взгляд запечатлелся в памяти Шахрамана навсегда. То, как он превращается в мёртвую пустоту. И то, как ярко светила проклятая луна в злополучную ночь. Точно так же, как и в эту.

Тяжело в последний раз вздохнув и не чувствуя больше сил, Шахраман рухнул на землю и мгновенно уснул.

***

К середине следующего дня Азад предстал перед караваном во всём своём великолепии. Он появился перед глазами путников достаточно неожиданно: поднявшись на очередной песчаный холм, довольно высокий, они увидели величественный город, окружённый белой стеной. Благодаря ей Азад резко выделялся на фоне золотого песка и был виден издалека. Поверх стены виднелись вершины домов, остроконечные башни и, видимо, дворец – самое крупное и красивое здание.

Было опасно сразу приближаться к городу: Рифат не был предупреждён о визите персидского друга, и поэтому городская охрана могла легко принять их за врагов – в караване было множество воинов в латах и с оружием в руках. И уже издали было видно, как по стенам города начала рассредотачиваться

охрана, были видны вскинутые луки, и чувствовалась готовность дать отпор.

Поэтому, не доходя города, караван остановился, и две фигурки отделились от общей массы – Шахраман и Туаммак вдвоём, без охраны, подъехали к городским вратам:

– Сообщите Рифату, вашему султану, что из дальнего похода к нему прибыл Шахраман и привёз множество даров! – уверенно крикнул царь.

Затем оба неспешно развернулись и поскакали прочь к каравану. А тем временем с донесением к султану уже летел молодой солдат.

– Услышав подобную новость, Рифат незамедлительно откроет ворота и впустит нас! – сказал Шахраман, обращаясь к Принцу, уже когда они с Туаммаком вернулись обратно.

Новость настигла султана в тот момент, когда он, держа в руках гроздь винограда, стоял у края балкона и наслаждался видом на один из своих любимых садиков, полный зелени, с огромным фонтаном посредине. Услышав эту весть, он чуть не выронил виноград. Его маленькие глазки мгновенно загорелись, и он сразу же приказал открыть ворота, при этом как-то странно прикрикивая, отчего его голос становился скорее смешным, чем властным или пугающим. Услышав очередной приказ, молодой воин бросился прочь. И Рифат тоже убежал с балкона, куда-то во дворец, бросив при этом виноград, который он между прочим очень любил.

Через некоторое время до каравана долетели звуки открывающихся ворот – звучный скрип и лязг массивных цепей, – и все, повинуясь вскинутой вверх руке Шахрамана, двинулись в сторону города.

От самых ворот простиралась широкая дорога, которая уводила немного вверх и обрывалась прямо у дворца. Проходя мимо стен, каждый оценил их крепость и одновременно с этим их красоту. Белые, местами изрезанные узорами, они были огромной толщины. По другую сторону, уже внутри города, к ним было пристроено множество таких же белых лестниц, достаточно широких, чтобы по ним могли подниматься сразу несколько человек.

По краям огромной дороги попеременно встречались красивые богатые дома, небольшие рощицы или просто отдельные, редко посаженные пальмы и небольшие кустарники. Городская охрана мгновенно утратила всю свою враждебность и теперь просто сопровождала караван. Кто-то с удивлением рассматривал огромные песочные часы – никто из них не видел ничего подобного прежде, чьё-то внимание привлекли птицы и другие звери в клетках, а кто-то практически безучастно

шествовал рядом, так, будто бы прибытие подобных караванов было для них совершенно обыденным делом.

Сейчас в Азаде находилась почти вся армия Рифата – он был готов направить её против Персии, если только поступит сигнал. Но специальный лагерь располагался в другой части города, и никто из персов не увидел бы эту армию при всём желании, а значит, и ничего не заподозрил бы. Такой исход нравился Рифату даже больше. Он боялся Индии, но раз уж Шахраман снова одержал победу, то ему вообще не придётся ничего делать. А если тот что-нибудь спросит, то Рифат просто соврёт, сказав, что его армия по-прежнему охраняет границы и он почти ничем не мог помочь Шахраману, сдерживая врагов чуть ли не у стен Азада.

Солнце висело в зените и палило невероятно жарко, но всё же в городе чувствовалась прохлада, чуть сдерживавшая яростную жару. Частично виной тому была прохлада, исходившая от камня зданий и дороги, успевшего остыть за ночь; тень, бросаемая пальмами, берегла глаза от ярких лучей; лёгкий ветер, дувший будто с реки или из-под земли, пахнувший сыростью, приятно холодил кожу, покрытую мелкими капельками пота.

Постепенно взору открывался величественный дворец. Огромный, построенный из белого камня с золотыми вкраплениями, он поражал воображение. Дорога подходила к самому главному и крупному его зданию. Но вокруг дворца было посажено множество остроконечных башен – некоторые совсем близко, а другие – чуть поодаль, но все они были соединены многочисленными переходами, широкими стенами, поросшими кое-где зеленью и тонувшими в огромных пальмовых рощах. Благодаря дворцу, весь город разительно отличался от пустынных пейзажей, к которым путники уже успели привыкнуть за эти долгие дни, – повсюду виднелась зелень, чувствовалась жизнь, вода здесь не была чем-то крайне необычным, – она была во многих местах: – в фонтанах, в небольших прудиках. Казалось, в этом городе обрывается пустыня и начинается огромный тропический лес, дышащий жизнью и не скупящийся на живительную влагу. И даже песок, устилавший каменную дорогу до дворца, был каким-то другим. Тот же золотистый цвет, и одновременно нечто трудноуловимое. Он был чуть влажным, от него тоже веяло прохладой, и он был не таким рассыпчатым.

Приблизившись вместе с караваном ко дворцу, Принц рассмотрел крупные двери, впускавшие внутрь. Они были высотой почти в три человеческих роста, и сейчас обе створки были распахнуты наружу, встречая гостей и будто бы приглашая их поскорее войти. Навстречу персидскому каравану вышел

Рифат и, остановившись на верхних ступеньках, вскрикнул своим визгливым голосом:

– Шахраман! Какой сюрприз!

Затем он мгновенно начал обшаривать глазами весь караван в поисках чего-либо интересного и необычного. И почти сразу же его взгляд застыл как прикованный на большом силуэте песочных часов, скрытых от взора накидкой. Его глаза наполнились искромётным, по-детски наивным восторгом. Рифат, любивший подобные вещи, загорелся необычайным любопытством и чуть не забыл о реальности на несколько секунд, после чего вытянул руку вперёд, указывая в сторону часов, закрытых огромным полотном ткани, и спросил:

– Что это такое?

И с теми же глазами, полными восторга, он обратил взор на персидского царя. Тот улыбнулся и сказал:

– Дождись вечера. Нам всем следует отдохнуть после дороги. А после этого ты всё увидишь! Где нам можно расположиться?

– Да… – чуть разочарованно произнёс султан. – Ах да, ну конечно же, отдохнуть… Я помогу тебе и твоим подданным устроиться дворце, а все воины смогут переночевать в солдатской казарме!

– Вот и отлично! – решительно и с улыбкой изрёк Шахраман, развеивая сомнительное и разочарованное настроение Рифата.

Тот, видимо в предвкушении, жадно потёр руки и жестом позвал царя за собой, одновременно подзывая к себе одного из стражников.

– Разведи наших гостей по казармам, дайте каждому место под ночлег и сытный ужин, – быстро, но достаточно громко, чтобы Шахраман и ещё несколько человек слышали его, бросил Рифат последнему и удалился в тень дворцовых стен, зовя за собой царя, Принца и людей, приближённых к ним.

***

Принц чувствовал, что перед отдыхом хочет полностью расслабиться. В то время как его отец, Туаммак и ещё несколько особенных людей легли спать, чтобы сбросить усталость, Принц вышел в закрытый дворик, сбросил одежду и нырнул в небольшой бассейн. Вода приятной прохладой пощипывала кожу, и движения стали намного легче. Принц смотрел на своё отражение, мелькавшее в водной ряби, и искал раны, полученные в своей первой битве. Они были его настоящей гордостью. Ведь он не прятался за спинами солдат, он сам был в гуще битвы. И если бы кто-нибудь попросил его рассказать о ней, то он бы

изложил всё в мельчайших деталях с нескрываемым удовольствием.

После купания он вылез из воды и решил последовать примеру остальных и вздремнуть. Усталость, всё ещё чувствовавшаяся в теле, помогла Принцу уснуть очень быстро.

Он видел странный сон. В нём он стоял на огромном зеркале, по которому бегала мелкая рябь так же, как и по воде, но он почему-то не проваливался под воду. Посмотрев под ноги, он увидел своё отражение. Вокруг и над его головой была темнота, но себя он видел отчётливо. Не понимая, где он находится, Принц решил пройти вперёд. Но тут же ощутил, что не может сделать ни шага. Что-то держало его. Он попробовал пошевелить рукой. Тщетно, тот же результат. Но он чувствовал, что на его руках нет никаких оков, цепей или верёвок. Он совершенно свободен, но всё равно словно бы в плену.

И вдруг он сделал шаг. Но не по собственному желанию. Этот шаг сделало его отражение в зеркале. Затем Принц увидел, как оно наклоняет голову и смотрит на него самого. Потом делает ещё шаг. Сколько Принц ни пытался, ему не удавалось сделать что-либо самому. Он всецело зависел от отражения. Оно решало, куда ему идти, какой частью тела пошевелить. И больше всего напугало Принца то, что даже его собственные мысли зависят от того Принца, по другую сторону зеркала. Он старался тянуть их в одну сторону, но отражение направляло мысли в другое русло, оттого Принц с трудом понимал, что с ним происходит. Он что, действительно попал в такое странное заточение? Он – это не он, а собственное отражение, лишённое воли и своих мыслей?

После очередного шага Принц, наконец, почувствовал, что может двигаться сам, и тут же провалился под воду. Но он не желал этого. Его просто затягивало туда. Отражение впитывало его в себя. Посмотрев наверх, он вновь увидел его. Но на сей раз, отражение слушалось его. Повторяло его движение и мысли. Но могут ли быть мысли у отражения? Побывав по ту сторону, Принц не сомневался в этом. Но от этого в его собственные мысли не вернулся порядок. И он не понимал, по какую сторону была реальность. И была ли она вообще…

Лишь тонкая грань казалась реальной. Может, стоило держаться именно за неё? Не тонуть и не погибать в плену, а держаться хрупкой грани, тонкого равновесия? Но сможет ли эта бесконечно тонкая грань вместить его? Что если ему придётся самому стать её частью? Опять плен? Тогда где же свобода? Существует ли она? Или, хотя бы, существовала? И он сам лишает себя её? Тем, что просто находится здесь. Но где ему ещё быть, если все три стороны отвергают его, привносят необъяснимый страх в его душу? И не было пути. И не было того,

кто указал бы его. А Принц вновь не мог сделать и шага. Он видел лишь один способ справиться со всем – уничтожить всё. И стоило ему об этом подумать, по поверхности воды побежали трещины, после чего грань рассыпалась, и в каждом осколке он видел себя. Стоял один, в абсолютной пустоте, наедине с собой и со своей победой.

Проснувшись, Принц ещё помнил то, что видел во сне. Он оставил какое-то неприятное чувство, напоминающее обречённость и неизбежность. Постаравшись отделаться от него, Принц усмехнулся над мыслью о том, что человек как-то может зависеть от своего отражения. Ведь человек реален, а всё остальное – его тень и его отражение – зависит от него самого. Туда, куда пойдёт он, придут и они, причём в ту же самую секунду. Без возражений и опозданий.

Но лишь до тех пор, пока им это нужно.

***

Так же быстро, подобно тени, бегущей за человеком, пришёл и долгожданный вечер. Рифат деловито сидел на троне и сгорал от нетерпения. Он знал, что на сей раз у Шахрамана особенные подарки, и не мог дождаться мгновения, когда он их получит.

Наконец распахнулись двери и вошёл сам Шахраман, а рядом с ним несколько людей, включая Принца и визиря.

– Приветствую вновь тебя, мой друг! – сказал персидский царь и слегка поклонился. – Я привёз тебе чудесные дорогие подарки! Пришло время взглянуть на них!

– Наконец-то! Я готов! – сказал Рифат и вскочил с трона, что он делал очень редко. Значит, он действительно не мог ждать больше ни секунды.

В зал вошли персидские солдаты. Кто-то из них нёс мотки отличной ткани, расшитой драгоценными камнями. Кто-то нёс клетки с птицами. Рифат жадно провожал глазами каждого нового солдата, проходившего через двери.

– Эти птицы станут отличным дополнением к твоему зверинцу! – говорил Шахраман.

Затем в зал ввели несколько пленных, среди которых была принцесса и несколько других девушек. Их руки не были связаны, но никто уже не пытался сбежать – это было бы глупо. Среди пленных было и несколько рослых мужчин с туманными взглядами. Причиной тому была обречённость, которую они чувствовали.

Огромные часы вносили в последнюю очередь. Увидев их, Рифат мгновенно позабыл об остальных подарках и спросил:

– Что это?

Около двух десятков солдат несли часы. По их лицам было видно, что им очень тяжело. Дойдя до середины зала, они аккуратно опустили часы на пол, потом пятеро из них взяли толстые канаты и стали поднимать их с одного края, а остальные двигали часы так, чтобы они постепенно вставали вертикально.

Когда с часов сдёрнули ткань, скрывавшую их от взора, Шахраман с особой гордостью в голосе сказал:

– Я дарю тебе Песок Времени!

Зал залился золотистым свечением. Оно исходило из самих часов, внутри которых что-то находилось. Свечение пульсировало и привлекало внимание всякого, кто был в зале.

Рифат подбежал к часам и положил обе ладони на стекло. Его восторгу не было предела, его ладони даже вспотели от возбуждения.

– А что он может? Зачем он? – говорил он, не отводя взгляда от таинственного свечения.

– Позвольте мне рассказать об этих Часах, – вмешался визирь, не дав вставить слова Шахраману. – Пески хранят величайшее из сокровищ, которое может получить человек. Но если просто смотреть на них, то они бесполезны. Нужно открыть их, чтобы узнать, чем они являются. Даже вечная жизнь по сравнению с тем, что они могут дать, – жалкий пустяк.

Шахраман слушал с интересом и чувствовал, что начинает жалеть, что отдаёт в дар такое сокровище. Рифат же вообще позабыл обо всём на свете:

– Скажи, как они открываются? Я хочу увидеть все эти сокровища! Они дороже золота?

– Они дороже всего золота мира, султан! – отвечал визирь.

Принц удивлённо смотрел на Часы, но думал немного о другом. Он не понимал, как может всего лишь одна красивая вещь быть ценнее всех других сокровищ? Неужели она настолько особенная и исключительная, как говорил Амар?

– Я помогу вам увидеть Пески. Для этого мне нужен лишь кинжал, но он находится в руках человека, который куда могущественнее меня, и ему решать, как распоряжаться им, – продолжал визирь с лёгкой ухмылкой. Договорив слова, он повернулся к Принцу и сказал: – Мой Принц, вы поможете нам?

Тот в нерешительности шагнул вперёд, чувствуя, что он опьянён возможностью первым прикоснуться к Пескам, которые так многообещающе нахваливал визирь. От этого его ноги сами вели к Часам.

Поравнявшись с визирем, он вопросительно взглянул на него. Тот указал на щель на шейке Часов и, с самой мягкой улыбкой, на какую был способен, произнёс:

– Вставьте кинжал сюда, и Часы будут открыты.

Принц повернулся к Часам, достал из-за пояса кинжал и медленно стал приближать лезвие к заветной цели. Кончик кинжала вспыхнул голубым светом, и Принцу вдруг показалось, что весь остальной свет, кроме того, что исходил от кинжала и Часов, погас. И исчезли все люди. Остался лишь он один. И он открывал Часы и первым вкушал тайну. Он смотрел на них и думал о том, что он обязательно должен их открыть. Теперь Принца тоже сильно привлекал этот чудесный блеск внутри Часов, он любовался им. Открыть, чтобы каждый увидел это свечение так, как видит его он. Чтобы дать этой силе развернуться, встать в полный рост и показать себя и свои великие тайны. Он уже представлял, что они несут несказанную славу, ощущал гордость за своё первенство. Это было даже лучше, чем просто заработать их в бою. В последний миг, когда от него ещё зависело, достигнет кинжал цели или нет, его голубые глаза вдруг вспыхнули жёлтым. Любой, присмотревшись, решил бы, что это отражение Песка. Наверно, так оно и было.

Справа от Принца, за солдатами стояла девушка в красном платье. Видя происходящее, она шептала:

– Нет… нет!

Когда Принц уже почти закончил начатое, она перешла с шёпота на крик и бросилась вперёд, в отчаянной надежде прорваться сквозь строй персидских солдат. Но те поймали её за руки и не дали пройти дальше. Принц повернулся, и она увидела его жёлтые глаза. Она поняла, что уже поздно что-либо менять.

Доведя кинжал до конца, тот услышал мягкий щелчок, после которого дно Часов раскрылось, и из него сразу же поползли клубы странного золотого тумана, напитанного Песком. Одновременно с этим задрожали стены и послышались тревожные голоса. И Принц почувствовал, что его сердце будто бы рвётся надвое. Без боли. Оттого он не испугался сразу. Просто кровь стала по-другому течь по телу. Просто пустота внутри. И пустота снаружи. И он сам – пустота.

Туман медленно полз по полу и касался людей. Поначалу он не поднимался выше их ног. Но затем, добравшись до султана, он начал разрастаться.

Рифат испуганно завизжал:

– Что это? Уберите это от меня! Стража!

Но стража уже была занята тем, что отмахивала туман от себя. Однако их попытки были жалкими и бесполезными. Песок расползался повсюду и обволакивал всё. Принц, стоявший у Часов, почувствовал, как немеют его ноги и, пошатываясь, попятился назад.

Внезапно рядом с ним упал камень. Довольно большой и тяжёлый. Он легко мог убить Принца. После этого раздались

первые крики. Принц видел, как люди хватаются за головы, в панике разбегаются в стороны и … превращаются в чудовищ. Прямо на глазах. Высыхала кожа, рвалась одежда, руки и ноги вытягивались, принимая уродливые очертания, пропадали человеческие черты лиц. Словно бы время состаривало их за несколько секунд. И каждый сопротивлялся как мог. Кто-то пытался отогнать непонятный туман руками. Кто-то рвал на себе одежду и царапал грудь, словно бы пытаясь залезть внутрь, под кости, и вынуть оттуда Песок.

Стены стали дрожать сильнее, и в следующую секунду сверху раздался треск и вниз полетели огромные каменные глыбы, которые в один миг обрывали жизни людей. В потолке, как раз над Часами, образовалась огромная дыра и показалось ночное небо, но почему-то на нём не было звёзд. Вместо этого были видны всполохи молний, которые переросли в одну гигантскую вспышку, породившую столб света, ударивший в Часы. Сразу после этого Пески начали вести себя по-настоящему агрессивно. Крики людей стали ещё отчаянней. Кричали уже не они, а их души, терзаемые страшной и таинственной стихией.

Песок, словно во время бури, забирался в глаза, в уши и в горло. Вдохнув раз случайно, Принц ощутил, как что-то режет его изнутри и, поддавшись всеобщей панике, ринулся к выходу. Уже сейчас он чувствовал, что Песок давит на его сознание, разрывает в нём связь с действительностью. В этот момент он думал лишь о себе и даже позабыл о том, что где-то рядом стоял его отец. Миновав двери, он наугад выбрал коридор и побежал по нему, смутно слыша крики людей и треск ломающихся стен и сводов.

«Что произошло?» – главный вопрос, вертевшийся в его голове.

Но пока его вопрос относился лишь к происходящему вокруг него, а не внутри него.

Глава 10. Жёлтый

Сейчас он бежал прочь. Куда-нибудь. Хоть куда-нибудь, но лишь бы прочь. Подальше от кошмара, который, казалось, преследовал его по пятам, а иногда чуть ли не опережал его, дразня и издеваясь. Страх, крики, люди… и не люди. Ужас, дикий ужас разрывал реальность, заполняя образующиеся пустоты чем-то новым, но невообразимо ужасным, даже не пугающим, а убивающим, разрывающим в клочья. И главное – адский холод, пробирающий до самых глубин, глубже, чем самый сильный ветер; холод, рвущий душу, обнажающий её перед всем миром, который будто бы с радостью бросался на неё и раздирал на куски так, как не рвёт свою добычу самый жестокий зверь. Сознание, способное воспринимать действительность, потеряло чувство реальности. Принц не впадал в беспамятство, отвечал за каждый свой шаг, но происходящее потеряло оттенок реальности. С диким скрежетом со стен и сводов дворца отламывались каменные глыбы, рушась о пол и привнося в обстановку ещё больший хаос, который и так уже царил повсюду.

Принц, бежавший по широкому коридору, чувствовал, как стены начинают давить на сознание, казалось, они сдвигались, стремясь раздавить его, коридор вытягивался, превращаясь в бесконечную дорогу. Дорогу, которой он бежал от своего ужаса. Ближайший поворот казался чем-то нереальным, тем, что ушло из этого мира вместе со спокойствием.

Чья-то фигура мелькнула перед Принцем. Ещё одна. Люди. Много людей. Целая толпа бежала сзади него, рядом с ним, впереди него. А затем толпа таяла, рассыпалась в Песок. И вот он уже бежит один. Повсюду зловещий блеск. Что-то тёмное. Страх. Злоба. Да, именно злоба. Она вливалась в Принца, наполняла его, двигала его, одновременно с этим утяжеляя каждый шаг, но придавая уверенности. Он чувствовал себя… естественнее – злоба, гнев и весь тот ужас, что витал вокруг, придавали ему сил, помогали в каждом движении.

И вновь страх. Все предыдущие чувства и мысли слетели с него, как будто кто-то смахнул с него их, как слой пыли. Реальность продолжала темнеть, угасать, покидать Принца – вот он уже бежит буквально на ощупь, смутно помня направление, отчаянно пытаясь сохранить его, он бежал ещё быстрее. Прыжок, секунда полёта, и опять бег. Как он прыгнул, ничего не видя перед собой? Он не знал сам. Видимо, в темноте он чувствовал себя стократ увереннее, ему не нужны были какие-либо обычные человеческие чувства.

Тьма рассеялась в одну секунду или даже быстрее. И это напугало Принца, сотней маленьких огоньков пронзил его свет

вернувшейся реальности, поразил его своим многообразием, яркостью, в сердце появилось щемящее чувство, на глазах навернулись слёзы. Небрежным движением смахнув их, Принц ринулся с двойным рвением дальше по коридору. И вновь чувство угасания реальности. Он чувствовал, как бежит, но не мог контролировать свои движения и почти не разбирал дороги. И вот ноги перестали слушаться его окончательно, разум уплыл прочь, его потянуло к левой стене, и он, ещё не теряя скорости, врезался в неё. Ещё шаг и тем же плечом Принц налетел на колонну, наполовину выступавшую из стены. Не выдержав этого удара, он свалился на пол, чудом успев выставить руки, хоть как-то смягчив тем самым удар. Всё это вмиг вернуло его к реальности, он резко открыл глаза намного шире обычного, на его лице читался смертельный ужас, по всему телу прокатывалась дрожь, боль в плече начинала поглощать его, усиливая страх и отчаяние. Принц быстро, как мог, встал на ноги, пытаясь опереться о стену левой рукой, отчего та разразилась ещё большей болью. После этого он, чуть развернувшись, просто упёрся спиной в стену, схватился правой рукой за больное плечо и всё с тем же ужасом посмотрел назад. На первый взгляд могло показаться, что коридор был абсолютно пуст, но эта мысль была обманчива – всё было поглощено надвигавшимися Песками. Подобно лавине, они двигались, круша всё на своём пути, поглощая и захватывая весь мир, проникая даже туда, где обычной лавине не нашлось бы места. Пески проникали сквозь сознание человека, забирались к нему в душу, освобождали то, что давно спало в нём и ждало пробуждения, все его тайные желания в их истинной или даже преувеличенной форме, облачённые в разум и затмевающие свет сердца.

Принц, совершив рывок, который откликнулся в плече очередным взрывом боли, оттолкнулся от стены, но не бросился бежать дальше. Возможно, оттого что не чувствовал сил, а может, потому что ощутил неизбежность всего происходящего, пропитался отчаянием и Песками. В следующую секунду его обдало ледяной волной. Страшный, обжигающий душу холод, пытающийся порвать её на множество кусочков и раскидать их подальше друг от друга. Что-то по-своему красивое было в этом зрелище. Пески двигались быстро и грациозно, подобно мысли, парящей над огромной, невероятных размеров рекой, захватывая клочки реальности так же, как сейчас захватывали каждый кусочек Принца. Всё это заняло каких-то несколько секунд, но казалось, что в эти мгновения время почти остановилось, растягивая удовольствие от пленения ещё одной души, которая, подобно добыче, уже не могла вырваться из цепких хищных лап.

Затем вся реальность для Принца стала прерывистой: он помнил ещё чью-то фигуру, мелькнувшую мимо него, потом как у него подкосились ноги, и он вновь плюхнулся на пол, рядом с ним упал небольшой камень, удар которого о пол звонким эхом разнёсся по коридору в обе стороны. Принцу этот звук показался совсем другим – он услышал звук бьющегося стекла, звон множества осколков. Затем чувство необычайно тишины, лишь единожды нарушенной далёким, кажется женским, криком. Приступ ярости, заставивший его сжать кулаки так, что послышался треск его пальцев, по кистям прокатилась волна ломающей боли, которая мгновенно отпустила его, чуть только он ослабил хватку. Потом рывок, и он вновь стоит на ногах, сейчас намного увереннее и твёрже; не думая ни о чём, он резко дёрнул обеими руками в стороны. В левом плече послышался хруст, опять вспышка боли, тут же угасшей – видимо, кость заняла своё место, и рука вновь начала слушаться.

Первое, что захотелось Принцу, – уничтожить всё то, что сейчас происходило. Разрушить эту неестественную реальность, убить её, поразить мечом так же, как очередного врага в схватке. Рука непроизвольно метнулась к ножнам, но вытащила не меч, а злополучный кинжал. Ещё не заметив этого, он наотмашь нанёс удар в облако Песка, необычайно крепко сжимая рукоять, будто бы боясь, что Пески отнимут его последний шанс на спасение. Кинжал же в этот момент озарился сильным голубым свечением, а рука Принца потонула в жёлтом свете, исходившем из рукояти. Кинжал будто бы сделал вдох, такой, которого он ждал сотни лет, загорелся новой жизнью и обдал Принца ещё одной волной холода, которая мгновенно пронеслась по его телу, сбивая с ног.

Теперь он брёл намного медленнее, не бежал, не рвался прочь, перестал испытывать тот ужас и отчаяние, реальность не угасала, сейчас он видел всё отчётливее, чем когда-либо прежде. От его внимания не ускользнул даже маленький камешек, который с тихим шорохом откатился, когда Принц задел его ногой. И осознавал он сейчас всё так же отчётливо. Вернее, думал, что осознавал, до тех пор, пока настоящая суть реальности не свалилась на него очередной волной боли, обдавшей его с ног до головы. Он остановился. К нему вернулся ужас, но не такой как прежде. На него накатил ужас прошлого, он вспомнил первые секунды своей ошибки, первую волну холода, которую он почувствовал, видимо, раньше всех, все те гримасы боли, что отразились на лицах людей, – возможно, последнее, что они испытали, покидая душой этот мир. Пески поглощали каждого, выбивая снопы золотистых искр, кроша душу в порошок, бросая людей на пол, сбивая их с ног и вынимая наружу нечто страшное,

гася блеск в глазах и наполняя его новым неестественным жёлтым светом, вселявшим в сердце ещё больший ужас.

Вновь шорох откатившегося камня. Знакомый. Знакомый до ужаса. Принц посмотрел на свою руку – кинжал.

Чуть поодаль коридор изгибался, уводя в неизвестность. Принц, не ожидавший увиденного, негромко вскрикнул и выронил клинок, отшатнувшись назад. И чуть не упал – сзади него не оказалось стены: именно в этом месте она обвалилась от самого потолка, и несколько больших бесформенных глыб лежали внутри большого зала, открывавшегося взору. Едва устояв на ногах, Принц обернулся и взглядом измерил зал – тот был намного выше коридора, в котором он всё ещё стоял, был намного лучше освещён и гораздо пышнее убран. По обе стены тянулись два огромных балкона, поддерживаемых массивными резными колоннами из белого камня, местами покрытого золотом. Принц сделал несколько шагов, лёгким прыжком вскочив на один из осколков стены. По стенам свисали огромные полотна ткани, украшенные каким-то символом ближе к верхнему краю. Балконы, начинавшиеся у той же самой стены, но только чуть подальше, тянулись до противоположной стены. Её большую часть занимало поразительной величины окно, сквозь которое – это было видно даже с такого расстояния – сочилась ночь, смешанная со светом полной луны, который будто бы вторил золотистому свету Песков, рассеивавшихся по всему залу. Принц, услышав странный шорох, обернулся назад, устремившись взглядом во тьму коридора. И она тут же откликнулась на зов его взгляда, бросив в него голубоватый, до боли знакомый блеск. Соскочив обратно, он нагнулся и протянул руку к кинжалу, на сей раз почувствовав исходящее от него… тепло, будто бы кинжал сам тянулся к нему. И через секунду, когда его пальцы вновь сомкнулись на рукояти, он услышал чей-то крик позади себя и звуки шагов. Он обернулся. Несколько пар жёлтых глаз выделялись из всего зала так, будто бы были чем-то единственным, что испускало свет. Какой-то бактрийский солдат, с нормальными, но, до ужаса перепуганными глазами, убегал от этих чудовищ, некогда бывших славными персидскими воинами – это можно было понять по остаткам их амуниции. Но, испуганный, он бежал, не думая ни о чём, слепо доверяя своим инстинктам, чувствам и поддаваясь своему отчаянию, буквально теряясь в нём. И вот, обернувшись назад и, совершив тем самым непростительную ошибку, солдат налетел ещё на одну пару глаз – последнее, что он увидел в своей жизни. Казалось, они могли убить одним только своим видом, своим холодным пугающим блеском. Но у обладателя этих глаз было оружие и подейственнее – безупречно выточенная сабля вошла в грудь молодого воина,

пронзив ему сердце, в одно мгновение лишив его шанса на спасение, который, смешиваясь с отчаянием, видимо, был тем единственным, что заставляло его бежать. Напоровшись на острие, он совершил ещё одно неуверенное движение вперёд, будто бы продолжая бежать, пронзая тем самым своё сердце ещё глубже.

Грубым движением песчаный монстр – он был похож на человека, но не был им, он был монстром и никем иным – сбросил несчастную жертву со своего клинка, отчего несколько капель крови брызнули на его одежду и окропили пол.

Ужас раздирал горло Принца. Ему хотелось вскрикнуть, выпустить этот ужас, но он крепко держался внутри и не хотел вылезать наружу, продолжал мучить его, отчего у Принца на мгновение закружилась голова и он сделал несколько шумных и неуверенных шагов вперёд. Впервые смерть вызвала у него такое сильное чувство отвращения.

Ужасные жёлтые огни повернулись к нему, будто по команде, услышав этот немой крик и громкую поступь. Эти же глаза, если их так вообще можно было назвать, – в них не чувствовалось проблесков души, лишь голый, холодный разум, разъедающий всё вокруг, – нещадно руша и разбивая на осколки, вселяя бесконечный страх и буквально вырывая сердце из груди, выцепили сознание Принца из лап забытья, вмиг вернули его к реальности и бросили вперёд, навстречу тем, кто совсем недавно были людьми.

Сейчас он почувствовал вновь уже знакомый ему азарт – азарт битвы. Но в этот раз он был разбавлен чем-то новым, заставлял его чувствовать себя по-иному: он хотел не убивать, он хотел мстить. Принц даже не знал, кем был этот воин, он ни разу прежде не видел его лица, но это не имело никакого значения. Он собирался мстить за то, с каким хладнокровием было совершено это убийство – бессмысленное, нелепое, жестокое. Казалось, даже от самой мысли о нём веяло холодом. Новое, ещё почти незнакомое Принцу чувство. Или просто давно забытое. Он его не заметил, но от этого оно не перестало существовать, оно не подчинилось разуму, а лишь притаилось в уголке его души затем, чтобы вылезти однажды и осветить дорогу в холодной тьме.

Уверенно прыгая с глыбы на глыбу, перепрыгивая камень за камнем, ни на секунду не теряя уверенности и крепко сжимая рукояти меча и кинжала в руках, он бежал навстречу битве. Его не пугал даже рост и количество его врагов – их было шестеро или семеро, и даже самый маленький из них был на две головы выше Принца. Каждое из чудовищ было шире в плечах, в руках даже на взгляд чувствовалась невероятная сила, и, что самое

странное, их тела не только сохранили, но и преумножили ловкость. Их хищные глаза так же хотели этой битвы, ждали её с нетерпением, казалось, уже упивались ею и нараставшим гневом Принца, который пропитал его настолько, что начал сочиться наружу, превращаясь в дикий крик, полный отвращения, пронзающий и режущий слух.

Пробежав большую часть зала, он наконец-то приблизился к своей цели. Как нельзя кстати он увидел ещё одну глыбу средних размеров, которая откатилась дальше остальных от обрушившейся стены, ступил на неё, и оттолкнувшись что было сил, изготовился нанести первый удар.

И нанёс. Сразу же и без промедления. Меч вонзился в первого из песчаных воинов, среднего роста, рассекая ему грудь и выпуская из неё яркие лучи, подобные брызгам крови; их даже можно было почувствовать, но от них меч не становился краснее, на руках не появлялось неприятного ощущения чего-то липкого. Но не всё было так гладко, не всё прошло так, как привык к этому Принц: огромная зияющая рана, открывшаяся на теле чудовища, не убила его. Оно сохранило всю свою силу и, даже не обращая внимания на произошедшее, бросилось на Принца, обрушивая один за одним массивные и звонкие удары огромного меча.

Но разъярённый и дикий Принц не испугался. Пусть всё шло совершенно не так, но он не собирался отступать. Выставляя меч перед собой, закрываясь от ударов, он следил за остальными противниками и одновременно обдумывал свои следующие действия. Его целью было, воспользовавшись тем, что остальные песчаные монстры всё ещё оставались безучастными, оттеснить его первого противника чуть в сторону, так, чтобы при случае уловить несколько спасительных мгновений и попытаться, уничтожив первого, успеть во всеоружии встретить остальных. Увернувшись от очередного тяжёлого удара, Принц изо всех сил ударил своего врага ногой в живот, отбросив его тем самым назад и перехватив инициативу, бросился вдогонку, приготовившись обрушить на него шквал нещадных ударов, не просто убивая, а буквально уничтожая его. Монстр, не ожидавший удара такой силы, отлетел назад, отчаянно размахивая руками и заваливаясь на спину. Послышался грузный удар его тела об пол. Неуклюже перекатившись, он попытался встать и в тот же самый миг встретил эту самую волну ударов Принца. Исполненные жестокостью, они рушились на него один за другим, пробивая броню, рассекая руки, плечи, грудь, лицо. Снопы жёлтых слепящих искр, будто бы в агонии, вырывались из него, исполненные невидимой боли, и походили на крик умирающего человека. Внимание Принца было сконцентрировано как никогда прежде, каждое движение было точным и сильным, жестоким и

смертельным. Враг, уже рассыпаясь в прах, лишившись руки, попытался привстать, опираясь на свой меч. И ещё одно грубое движение – Принц, даже не задумываясь, выбил у него из руки и эту опору, отчего меч отлетел на приличное расстояние, звонко брякнув об пол. Следующим движением, прижимая левую руку, сжимавшую кинжал, к правой, он ещё крепче схватил меч и, вложив всю свою силу и силу, которую ему давало присутствие кинжала, снёс голову своему противнику. Столб жёлтого света вновь, подобно крику, вырвался из обезглавленной шеи чудовища, озарив всё вокруг ещё более ярким светом, а затем начал угасать. Видимо, ещё по инерции Принц беспощадно ударил монстра ногой в грудь, отбрасывая его ещё дальше от себя. Тело отлетело на несколько шагов и, едва коснувшись пола, растаяло в следующее мгновение, сливаясь с Песком, клубами роившимся вокруг. Враг не был убит, он был попросту уничтожен, рассечён на части и скормлен смерти.

Но останавливаться было рано – эта маленькая победа почти ничего не значила. Даже самая большая победа не значит ничего, если она застыла в шаге от настоящей. Ещё нанося удар мечом, Принц краем уха услышал, как несколько монстров бросились к нему со спины. Предчувствуя то, что должно было произойти в следующую секунду, он резким и сильным движением, сжав левую руку крепче обычного, махнул туда, где ещё секунду назад была пустота и где сейчас кинжал наткнулся на очередного врага. Почувствовав, как кинжал входит в него, Принц собрался развернуться полностью и нанести сокрушительный удар мечом, но вдруг почувствовал, как его рука проходит сквозь песчаную плоть, увидел, как вспыхнул кинжал, будто бы насыщаясь исчезающим, тающим на глазах телом жертвы. Будучи не совсем готовым к такому повороту, Принц чуть не повалился на спину, но вовремя выставив руку, сжимавшую кинжал, раскрыл ладонь и, опершись о пол, сумел нанести тот самый удар мечом, который планировал изначально. И, возможно, с ещё большей силой, потому что попав по одному из самых рослых противников, он заставил того буквально отлететь назад и повалиться на пол, причём, падая, тот повалил наземь и ещё одного. Продолжая этот немыслимый танец смерти, кружась как вихрь, Принц, используя инерцию, которую давал тяжёлый меч в его правой руке, сумел привстать, вновь сжав левой кинжал и оторвав её от мрамора, и, сделав ещё пол-оборота, сохраняя равновесие на одной только правой ноге, нанёс прямой удар кинжалом в грудь очередному, только что подскочившему противнику. И вот опять: тот растаял, растворился в окутывающем всё ледяным ужасом Песке, но на этот раз чуть дольше задержавшись в реальности после удара,

так что рука Принца не провалилась так мгновенно сквозь него и он не потерял равновесия.

В следующее мгновение, рассчитывая каждое движение, Принц бросился на тех двоих, что всё ещё неуклюже лежали на полу, один поверх другого. Выверенным движением, занеся над головой сразу оба клинка, он оттолкнулся от того же самого массивного камня, лежавшего неподалёку, взлетел над жертвами и с особой жестокостью во взгляде обрушил двойной удар немыслимой силы, пронзая два тела сразу, чувствуя, как одно за другим они поддаются невероятной новой силе кинжала, идеальному острию меча, пронзавшему грудь первого и плечо второго. Тела, одно за другим исчезли, заставив кинжал разгореться ещё более ярким светом – эти вспышки были сильнее всех предыдущих; казалось, кинжал насыщался, но всё ещё жаждал Песка. Для кинжала он был подобен крови, необходим, как воздух человеку, клинок насыщался и дышал им, и после каждой вспышки проходила пара секунд, и всполох жёлтого света вторил ей, но исходил он уже из рукояти, заливая ладонь и щели между пальцами золотистым мерцанием.

В тот самый момент, когда Принц нанёс этот удар, он почувствовал, как над его головой просвистел удар, сильный настолько, что даже колебания воздуха, вызванные им, заставили юношу покачнуться, но он ожидал этого удара – он пришёлся чуть выше его головы, но так и не достиг цели. Уничтожив ещё двоих песчаных противников, Принц мгновенно переключился на следующего – того, чей удар просвистел над ним секунду назад. Не раздумывая ни секунды, и используя своё положение – сейчас он сидел перед очередным врагом – Принц, вобрав в себя всю ту злость и ярость, что он уже успел излить на врагов, сжал меч и ударил чудовище по ногам. Послышался какой-то треск, вспышки жёлтого света и звон выроненного меча. Этим невероятным ударом Принц лишил противника обеих ног, и теперь ему ничего не оставалось, как падать, прямо на выставленную вверх левую руку Принца. Секундная тяжесть, и вновь тело растворилось, уплыло вместе с Песком и озарило кинжал новой вспышкой голубого, а затем жёлтого света.

Последний враг оказался самым крупным. И видимо самым сильным, самым лучшим из воинов. Он даже не посчитал необходимостью вмешаться в битву, пока Принц один за другим расправлялся с остальными монстрами.

Вскинув огромный меч наизготовку, он бросил на Принца взгляд своих жёлтых глаз, исполненный холодом, ужасом и… разумом. Что-то невероятно разумное, пропитанное сознанием проглядывало сквозь эти два огня. В другой момент этот взгляд даже напугал бы Принца, но сейчас, распалённый азартом битвы,

чувством движения и упивающийся местью, он бездумно бросился на очередную, как ему казалось, жертву.

Сделав несколько невероятно быстрых шагов, Принц прыгнул на новую цель, пытаясь поразить его в грудь. Будучи почти в полтора раза выше его, чудовище представляло куда большую проблему, чем все остальные, поэтому удары должны были быть ещё быстрее и поражать в самые уязвимые места. Спасло Принца то, что, помимо кинжала, он выставил перед собой и свой меч, на который и пришлась основная сила удара. Монстр, будто бы читая мысли и предугадывая намерения Принца, встретил его мощнейшим ударом, который отбросил Принца с неимоверной силой, швырнув его на камень. Ударившись головой, Принц едва не потерял сознание и, взглянув на своего противника, почувствовал страх и чувство беспомощности. Враг возвышался над ним как нечто недостижимое.

Кинжал лежал на полу в нескольких шагах от него, и он не мог дотянуться, меч разломился на несколько частей и тоже ничем не мог помочь Принцу. Вдобавок от этого падения он обессилел, видимо, пребывая в шоке; он едва справлялся с собой, балансируя на краю пропасти, на дне которой плескались воды смерти.

Чудовище сохранило человеческие черты – глаза неестественного цвета были посажены всё там же, где и у обычного человека; лицо продолжало выражать какие-то эмоции или чувства, но они были слабее по сравнению с человеческими и с трудом проглядывали сквозь странный свет глаз. Принц обратил внимание на копну седых волос, неуклюже торчавших из-под шлема. Что-то до боли знакомое было во всём этом, едва различимое, трудно узнаваемое, но это чувство чего-то знакомого сразу же пристало к Принцу и не покидало его, отвлекая от смертельного ужаса, который пробирал его, заставляя буквально дрожать от адского холода. Монстр… нет, чело… песчаный воин бросился на Принца, занеся высоко над головой свой меч. Вот он прыгнул, желая вонзить клинок в Принца как можно глубже, настолько, чтобы силой удара раскрошить мраморный пол под Принцем. Сердце бешено стучало, прочь утекали последние секунды. Принц надеялся в последний момент отскочить в сторону и сбить противника с толку. Едва уловимая вспышка, и… воин остановился прямо в воздухе, отчего чуть не рухнул на пол. Из его горла торчала небольшая по сравнению с ним стрела, неизвестно откуда прилетевшая и спасшая Принца. Монстр отшатнулся на несколько шагов назад, освободив путь к кинжалу. Принц, собрав остатки сил, бросился вперёд, воссоединился с кинжалом и бросился на … своего отца. Он уже понял это, но не

осознал до конца. От того, что отца относило назад, он был наклонён туда же, а одно его колено выставлено вперёд. Лёгкий прыжок, затем Принц оттолкнулся от этого колена и поразил врага ударом в лицо. Жестокий удар, нечеловеческий, вызывающий отвращение. И тут на Принца свалилось осознание того, что же такого знакомого было в этих грубых чертах. Это был его собственный отец, воин по своей сути, сильный, неотступный и безжалостный, особенно в своей молодости. Даже кинжал не смог справиться с ним в одно мгновение – Принц ощутил, что даже после удара продолжает чувствовать эту плоть, и, казалось, она не собиралась вот так просто рассыпаться. Отец грузно упал на спину, а вместе с ним и Принц, отчего кинжал, всё ещё пребывавший в шее противника, вошёл ещё глубже, так что послышался глуховатый удар о мраморный пол. И только после этого Пески вобрали в себя и это тело. Через секунду кинжал озарился особенно сильной вспышкой голубого цвета, полного искр, смешивающейся со вторившей ей вспышкой жёлтого света. Затем они повторились ещё раз, одна за другой, ещё более яркие, сильные настолько, что, казалось, даже глаза Принца вспыхнули сначала голубым, а затем жёлтым блеском. И лишь затем, когда Принц почувствовал руками холодный пол, свечение начало угасать, превращаясь в слабое, почти незаметное мерцание. И так же резко, как он почувствовал холод каменного пола, стократ усиленного холодом ужаса, исходившим от Песков, на него вновь рухнуло осознание произошедшего.

Адская боль сдавливала сознание. Боль, смешанная с Песками, превращённая из обычного чувства в нечеловеческую пытку, сотрясала Принца. Сердце, пропитанное этой отравой, билось так часто и сильно, что Принцу казалось, что оно вот-вот вылетит из груди – у него буквально трещали рёбра, каждому удару сердца вторила пульсирующая в голове боль. Самое ужасное в этой боли было то, что она вытесняла, даже с силой выдавливала из Принца все чувства, оставляя его наедине со своим сознанием, и каждая новая мысль невыносимо больно хлестала по нему, оставляя глубокие раны, но не давала ему покинуть реальность и хоть на секунду погрузиться в забытье. Ядовитые слёзы катились по его щекам, срывались вниз, пролетая сквозь Песок, уже будучи исполненными им, звонко бились о пол. Этот звук ещё более страшным гулом отдавался в его голове, хотя в действительности слышать его он попросту не мог. Боль потери раздирала его, ожесточала до предела, выдавливая вместе со злобой последние силы.

Принц не знал, сколько времени он просидел вот так, на коленях, проклиная Пески, визиря, кинжал… Взглянув на клинок и почувствовав очередной прилив дикой ярости, он с

неимоверным отвращением отбросил его прочь от себя. Звук, с которым он упал, эхом разнёсся по залу.

А затем к нему пришло такое ощущение, будто слёзы кончились. А боль не отпускала, но теперь уже не давила, а наоборот, подкрепляла, двигала дальше. Упершись рукой в пол, он привстал сначала на левую ногу, а затем выпрямился в полный рост, полной грудью встретив новый мир, мир полный жестокости и боли. Но сейчас он настолько свыкся с ним, что, казалось, уже ничто не заставит его почувствовать. И он вдохнул прохладу Песков, медленно, глубоко, будто бы оттягивая момент выдоха, на его лице появилась странная улыбка, и в глазах на секунду блеснули золотые искры.

Он осмотрелся вокруг. Осмотрел себя: его колени были запачканы пылью и песком. Слегка наклонившись, он небрежными движениями отряхнул обе, и тут его взгляд упал на кинжал. Он перестал испытывать к нему то невероятное чувство отвращения, да и в конце концов он лишился своего меча, и кинжал был единственным оружием, доступным для него сейчас. Он сделал несколько шагов по направлению к злополучному клинку, но вдруг его взгляд приковало необычайное зрелище. Он увидел меч отца, но сейчас он был много меньше того невероятно большого клинка, что сумел буквально раскрошить в щепки его собственный меч одним могучим ударом. Сейчас он видел его, и перед ним невольно всплывали его воспоминания о том, когда этот меч был несравненно больше. Вспоминал настолько сильно, что его воспоминания превращались в реальность, смешиваясь с той, что окружала его сейчас. Две реальности накладывались друг на друга, превращаясь в единое целое. На секунду ему показалось, что само Время расступилось перед силой его сознания, открыв свои самые сокровенные тайны. В этом и заключалась необычайность зрелища. Две реальности, великое таинство. Рушились все преграды, и стирались всевозможные границы.

И тут одна маленькая деталь заставила Принца оторваться от невероятной картины, нарисованной отчасти его воображением, отчасти Песками и отчасти Временем. Маленькая голубая вспышка чуть поодаль Принца. Кинжал. На этот раз он не испускал того неистового свечения. Вернее, его не было видно, лишь маленькие искорки бегали по его острию. Но Принц чувствовал этот свет невероятной силы, способный буквально сбивать с ног и одновременно притягивать и манить. Ещё секунда, и вот он опять сжимает эту рукоять, и по его коже пробегает уже знакомый холодок, распаляющий его разум и приглушающий бешеные удары сердца.

Принц взял меч отца в руку и сразу почувствовал, как породнился с ним. Они были словно созданы друг для друга: уменьшившись в размерах, он идеально ложился в руку, по которой в первые же мгновения пробежало тепло, остановившись где-то в плече.

Пройдя несколько шагов, всё ещё наслаждаясь воссоединением с кинжалом, Принц начинал медленно воспроизводить недавние события, всё произошедшее во время схватки с отцом и всё то, что было сразу после неё. Вначале до него доносились лишь обрывки тех событий, клочки, по которым ничего нельзя было понять. Но на помощь приходил кинжал – стоило только Принцу чуть больше сосредоточиться на какой-либо пусть даже самой незначительной детали, как она тут же обрастала сотней новых, каждая из которых в свою очередь впивалась в сознание Принца очередной сотней новых деталей, воспроизводя перед ним всю картину тех минут. И вот перед ним скользнула одна мелочь, за которой не последовало ничего – видимо, что-то новое и незнакомое ни Принцу, ни кинжалу. Где-то наверху, на балконе, по правую руку от провала в стене, мелькнуло что-то красное, быстро и практически незаметно, ускользнув даже от памяти кинжала. Ослабив хватку и отпустив всю нарисованную перед ним картину, он мгновенно перенёсся мыслями обратно в этот мир, и его взгляд упал в сторону большой арки, ведущей в соседний зал. А затем до Принца донеслись странные звуки, напоминавшие чей-то голос. Но не голос человека…

***

Среди ночной тьмы замаячил силуэт чего-то огромного и величественного. Освещённый скупым золотистым светом звёзд и Луны, взору медленно открывался величественный город. У путников не было ни малейшего сомнения в том, что это был Азад. Как гигантский страж пустыни, он медленно выплывал из тьмы, нарушая привычную картину этого бескрайнего песчаного океана.

Аша, едва завидев город, прибавил скорости, но Аджит окрикнул его:

– Стой! Если тебя заметят – всё пропало!

И Аша вмиг осознал свою ошибку. И в самом деле, почему он сам не понял такую очевидную мелочь? Юный воин с кипящей кровью, он всегда бросался первым, встречаясь лицом к лицу с неизвестностью, с опасностью, он не ведал страха и, видимо, не знал осторожности. Но сейчас он совладал с собой, приостановил коня и дождался Аджита. Тот тоже сбросил скорость и старался

передвигаться как можно тише. Всё вокруг было окутано пеленой тишины, изредка нарушаемой шорохом копыт о песок и прерывистым дыханием всадников.

Казалось, город спал. Вдали мерцало несколько огоньков, видимо от зажжённых, но уже гаснущих факелов. Часовые, охранявшие подходы к городу и главные врата, наверняка уже уснули на своих постах: сегодня ночью овладела какая-то новая, невообразимо приятная прохлада, такая, которой, пожалуй, ещё не знала ни одна ночь пустыни. Со сном боролся даже Аджит, привыкший к усталости и не обращавший на неё никакого внимания. Но сейчас мир грёз пытался поглотить и его, нежно и ненавязчиво обволакивая его плечи, затуманивая разум и смыкая тяжелеющие веки.

Следующее же мгновение изменило всё. Оно разрушило тишину. Прохлада сменилась резким холодом, подул ветер. Темнота, ещё секунду назад опутывавшая весь этот мир, была разорвана в одну секунду, нещадно разбросана по горизонту. Вспышка невообразимой силы пронзила небо. Затем перед взором развернулась ещё более страшная, но одновременно с этим красивая, поражающая воображение картина: неведомо откуда взявшиеся, над городом сгустились огромные тучи, закрывающие звёздное небо, луну и, казалось, желавшие поглотить весь город. Эти тучи беспрестанно двигались, вращались, закручивались в вихрь. Казалось ещё мгновение, и адский смерч рухнет на город, кроша его в щепки, не жалея никого и ничего. Но это не происходило, хотя уже земля под ногами начинала ходить ходуном. Пораженные происходящим, всадники остановились и медленно, не отводя глаз от происходящего, оба как по команде покинули сёдла и встали на уже успевший остыть песок, ощущая ногами дрожь земли.

Густые тёмные тучи заволакивали собой всё небо, казалось, что даже свет солнца не смог бы пробиться сквозь них. Затем где-то в самом центре невероятной воронки, вращавшейся над городом, сначала довольно несмело и тускло начали пробегать вспышки, подобные вспышкам молнии, но они не стремились к земле, а повторяли движения туч, будто бы усиливая их. Затем появлялись всё новые и новые всполохи яркого белого света, более сильные, миллионом лучей расходившиеся прочь от ока нараставшей бури. Послышались удары грома, странного, непохожего на грозовой, такого, какой издавал бы гигантский молот, рушащий небеса. И земля вновь и вновь вторила этим ударам, гулким эхом этот звук отражался от городской стены.

И тут вспышка, вобравшая в себя силу всех предыдущих и исполненная новой, пронзила весь мир – от небес до земли, и огромный столб белого света обрушился на город, точнее, на

одно из самых высоких зданий – видимо, дворец султана. Он взял своё начало в самом сердце так неожиданно вскипевшей сотней искр бури, мгновенно набирал силу и опускался вниз, распространяя миллионы крошечных вспышек близ себя. На мгновение земля будто бы сумела унять свою дрожь, но столб света, бивший ярче с каждой секундой, не давал покоя ничему – всё вокруг, возможно, на несколько дней пути было залито этим светом, подобным по силе солнечному, но холодным и пугающим.

Вместе с этим светом в город будто бы ворвалась огромная, всё той же невероятной силы, но почти невидимая волна воды. Поначалу чувствовалось лишь её ледяное дыхание, не сравнимое с той приятной прохладой, что нежно окутывала всё тело, неспешно погружая в сон. Но вот она, набирая силу, прокатывалась по городу, вырываясь из дворца тысячей маленьких всполохов света, которые били буквально отовсюду так, будто им было тесно в этом огромном здании. А достигнув краёв города, волна, почти не теряя своей силы, начала переливаться за край, так, будто бы город был огромной чашей, из которой выливалась вода, побеспокоенная резким падением камня. А затем, уже за краем чаши, волна словно замедлилась, превратилась в пыль и, частично осев на песок, понеслась вдаль, увлекаемая ветром.

Глава 11. Красный

На сей раз более осторожно, контролируя свои чувства, Принц подошёл к величественной арке, предварявшей собой тронный зал. Тот самый злополучный тронный зал, от которого он так бежал, пытаясь спастись от своего ужаса и ледяного холода. Но сейчас ему не было страшно: Пески уже испробовали на вкус его душу, но не сумели его поглотить, он не превратился в одно из тех чудовищ, что были повержены им совсем недавно. Он был человеком. Он ходил, думал и чувствовал, как человек. Правда, он заметил всё же одну странность: он не просто не боялся Песков – они будто бы стали ему чем-то близким, родным; тем, с чем он неразрывно связан. Возможно, как думал он сам, виной всему был кинжал – было ясно как день, что он – это тоже часть Песков, их детище, своеобразный ключ, приоткрывавший таинственную дверь, доселе никем не виданную… или почти никем.

Тихий и неспешный золотистый туман, подобный тому, что клубами вился в предыдущем зале, мерно утекал прочь от Часов, впитываясь в новый для него мир вне стеклянного сосуда, будто бы пробуя его на вкус. Пропал тот необычайно яркий белый свет, сейчас он сменился всё тем же золотистым, но основным его источником были сами Часы, вернее, Песок внутри них. Крупный, непохожий на ту жалкую и робкую пыль, что витала в воздухе подобно стайкам насекомых, он завораживал, от этого свечения было трудно отвести взгляд. И вновь Принца посетило это странное чувство: он опять ощутил, как одна реальность накладывается на другую. Его любование Песком внутри Часов было одновременно и воспоминанием и тем, чем он жил сейчас. И всё это сливалось в одно целое, пропитанное Песками.

Кинжал мгновенно почувствовал всё это и накатил на Принца новую волну воспоминаний. Сейчас Принц вспомнил и осознал, что ещё совсем недавно, он точно так же, слепо подчиняясь этому бессловесному манящему зову, высвободил Пески, положив конец спокойной жизни. Неизвестно, чем бы закончились эти полёты фантазии, если бы Принц не обратил внимания на то, что всё-таки происходит вокруг Часов. Тронный зал был достаточно велик, где-то у самого потолка впускали в него ночную прохладу огромные окна, немногим меньше того, что запомнилось Принцу из предыдущего зала. Вначале он увидел визиря, размахивающего посохом, возносящего руки к Часам и что-то бормочущего. Его глаза были закрыты, и он не увидел Принца, хотя это не значит, что он не почувствовал его присутствия. Возможно, в другой ситуации Принц мгновенно бы бросился на виновника всех бед, но Пески всё ещё сковывали его

внимание, особенно поражало его то, что происходило с ними при каждом звуке, слетавшим с губ Амара, при каждом взмахе его посоха. Это не было похоже ни на что, прежде виденное Принцем. Ещё никогда Пески не вели себя подобным образом. Они не просто вторили этим взмахам и бормотаниям – во всём этом чувствовалась какая-то кротость, смирение и покорность. Пески буквально подчинялись визирю, питались его властными движениями, боялись их и внимали им. Это не было похоже на кинжал, что зависел от Песков и мог лишь призвать их на помощь, которые ту, правда, оказывали практически мгновенно и без лишних промедлений. Нечто неведомое простому человеку было с лёгкостью доступно для визиря, он знал Пески, чувствовал их, и они чувствовали его, но всё же было однозначно ясно, кому принадлежит первенство.

Вдруг, громко и призывно крикнув что-то на непонятном языке, Амар грузно опустил свой посох на пол, отчего по всему залу пролетел гул, а из глаз змеи, украшавшей венец этого посоха, посыпались искры, мгновенно растворяющиеся в Песках. А сами Пески после этого удара будто бы очнулись от многолетнего сна, и часть их, встрепенувшись, потекла куда-то прочь, с удвоенной силой и скоростью, превращаясь в поток, в лавину, поглощая по пути всё новые и новые песчинки, бесцельно роящиеся в воздухе. Подчиняясь единому порыву, поток бросился ввысь, просочился сквозь окна, после чего послышался лёгкий звон стекла, хрустальным эхом разносясь по залу и теряясь где-то в глубине дворца.

Принц, отвлечённый всем этим зрелищем, не обратил внимания на Амара – тот, ударив посохом о пол, застыл на несколько мгновений, затем звучно и глубоко втянул воздух, пропитанный миллионом подвластных ему песчинок, и открыл глаза. Совершенно нормальные и обычные человеческие глаза: в них не было ни капли ядовитого жёлтого блеска, но в них проглядывалось нечто более страшное. Те пары глаз, что Принцу уже доводилось видеть, были буквально переполнены жестокостью, хладнокровием ко всему окружающему миру и адской, нечеловеческой яростью, смешанной с жаждой чужой смерти. И всё. В глазах же визиря читалась ещё одна едва уловимая особенность, которая присуща лишь человеческому взгляду, – его взгляд был нечеловеческим. В нём проглядывалось не только стремление причинять боль, в нём читалось осознание этого стремления. Желание песчаных монстров было скорее бездумным, порождением их собственной природы; желание же визиря было осознанным, он сам избрал этот путь и был буквально доволен им, он упивался мыслями о чужой боли.

Величественно развернувшись, он зашагал навстречу Принцу. Сейчас он не производил впечатления того страдающего от болезни старика: Пески, пропитав его, придали ему новых сил, его поступь стала намного увереннее и твёрже, движения резче, а голос стал ровнее, пропал хрип:

– О-о-о! – Амар уверенно шагал навстречу Принцу, слегка выставив вперёд посох. – Я вижу, к нам пожаловал сам Принц, юный и смелый воин, дерзко и необдуманно бросивший вызов Времени!

Сейчас его глаза горели огоньками восторга, в них читалось ликование, и он уверенно шёл вперёд, медленно вытягивая свободную руку.

– Что? Нет, я… Это ты! Ты обманом заставил меня сделать это! – выпалил в ответ Принц.

– Неужели? Я лишь подсказал вам, буквально намекнул. Остальное сделали вы сами! Вспомните, вспомните тот интерес, то непомерное любопытство, что съедало вас в этот момент. Видели бы вы свои собственные глаза в эту секунду! Держу пари, что вам потребовалась бы лишь пара минут, чтобы совершить это самому, без подсказки! Кажется, вы открыли в себе новую грань, скрытый уголок души, о котором и не догадывались прежде.

Визирю удалось смутить Принца. Он был сбит с толку таким поворотом.

– Что вообще произошло? Пески… Что это? Почему я?

– Вы открыли Пески Времени, юный Принц. Вы не смогли победить искушение, это пронизывающее чувство, которое тянет вас совершить нечто запретное, но безмерно великое и по-своему прекрасное.

При этих словах визиря Принц чувствовал, как им завладевает нечто, исходящее из кинжала. Поток ложных воспоминаний, которые рождались при словах визиря, становились для него правдой.

– Но ещё не поздно всё остановить и вернуть обратно, так, будто бы ничего и не происходило. Единственное, что вы должны сделать, – отдать мне кинжал!

– Мой отец погиб, повсюду эти чудовища, столько нелепых смертей… Весь этот кошмар, ужас. Как можно всё это исправить?

– Отдайте мне кинжал, – повторил свои слова Амар, на этот раз ещё более настойчиво. Он глядел на Принца с расстояния не меньше двадцати шагов, но его взгляд, пропитанный уверенностью, давил на Принца так, будто бы визирь подошёл к нему вплотную. И Амар, чувствуя эту уверенность, пользовался ею, и продолжал идти навстречу Принцу, уничтожая его решительность.

– Видите эти часы? – указал на них посохом визирь. – Кинжал, наполненный определённой магией и заговоренный особенным образом, способен вмиг заставить Часы вобрать Пески обратно в себя вместе со всем тем, что он породил. Но это не под силу никому, кроме меня. Прошу же, отдайте мне кинжал!

Эти слова немного подействовали на Принца: они звучали как чистая правда, они даже успокаивали его и давали надежду. Но буквально сразу же у него в голове родилась новая дерзкая мысль: а что если он сам попробует исправить свою ошибку?

Следующие мгновения поразили Принца. Он был готов поклясться, что эта мысль промелькнула только в его голове, даже не отразившись на лице или во взгляде. Но для Амара она не была секретом уже с того момента, как только Принц осознал её. В глазах визиря читалось то, что он уже знал об этой идее. Это и поразило Принца. Казалось, любая его мысль теперь перестала быть секретом; любая из них, только сверкнув в его голове, сразу же становилась частью Песков и переставала быть его собственной. И визирь мог без проблем схватить эту мысль, прочувствовать её, не спрашивая разрешения и не чувствуя угрызений совести. И вот, перехватив очередную мысль, Амар, придав голосу ещё более властный оттенок, изрёк:

– Глупец! Даже не вздумай пытаться сделать что-либо самостоятельно! Одна неосторожность – и вы совершите ошибку, по сравнению с которой ваша нынешняя покажется невинной детской шалостью! – эти слова он говорил, продолжая идти на Принца и не переставая тыкать в него пальцем, будто бы указывая на его ошибку.

Принц не собирался так просто сдаваться. Все слова и действия визиря оставляли в нём подозрения. Особенно то, как он переменился. Превратившийся из больного хмурого ворчуна в самодовольного и полного энергии болтуна, он выглядел так, будто именно к этому он и стремился.

– И как я могу тебе верить? Что если это очередная уловка? Почему ты вообще допустил это, если говоришь, что знал, к чему всё идёт? – Принц проверял визиря.

– Я несколько раз пытался отвести беду. Я с самого начала просил Шахрамана отдать мне кинжал. Но что я мог сделать, если кинжал принадлежал вам, человеку царской крови? Мои знания и слова – ничто перед этим! Но теперь вы видите, к чему это привело. Я позволил этому случиться, чтобы вы увидели опасность, силу искушения, ощутили буквально на себе. И теперь, когда всё свершилось, самое время всё исправить. Исправить как можно скорее – время неумолимо бежит, и скоро всё это станет необратимым кошмаром!

Визирь изо всех сил давил на Принца, при этом стараясь не показывать своих истинных намерений. Без кинжала он не мог получить абсолютной власти над Песками. Кроме того, он рисковал, пока Принц с кинжалом находится поблизости Часов. Этого нельзя допустить!

– Вынужденная жертва? Но зачем тогда вообще Пескам было покидать сокровищницу Магараджи? Ведь ты сам преподнёс нам город и весь дворец на блюдечке!

– В последние месяцы я много наблюдал за Магараджей. Я видел, как его разум застилает пелена, как он всё ближе подбирается к мысли использовать Пески. Использовать как оружие. Сеять смерть и разрушение. Я искал способ остановить его, часами убеждал и отговаривал, но, повторюсь, – кто я перед его могуществом? Я не хотел, чтобы всё получилось вот так. Но я не придумал ничего лучше, – как можно убедительнее старался говорить визирь.

И вновь Принц чувствовал, что эти слова похожи на правду.

– Но зачем ты сейчас колдовал над Песками? – Принц никак не хотел уходить от мысли, что визирь всё это время преследует какие-то свои цели. – Выглядело так, что ты хотел взять власть над Песком, стать его повелителем.

– Мой дорогой Принц, ну подумайте, стал бы я вот так возиться, будь у меня власть над Песками Времени? Я мог бы наслать на вас орду чудовищ и отобрать кинжал силой! Но вместо этого я прошу принять мою помощь. Без кинжала я могу лишь едва сдерживать Пески, чем я и был занят всё это время. А где были вы? Неужели вы, как трус, пытались убежать? – голос визиря становился заискивающим, он ходил вокруг Принца, заставляя того оборачиваться назад то через левое, то через правое плечо. Сейчас он был готов на всё, даже вновь притвориться слабым и больным, лишь бы заполучить кинжал. Ведь цель так близка. Не может же он отказаться от Песков, которые дали ему сил, позволили буквально заново родиться. Нужно лишь провести Принца ещё раз. И, кажется, у него получается! Кажется, Принц верит во всю эту чепуху. Значит, Пески и вправду столь могущественны.

– Ты говоришь, словно торговец на рынке Вавилона! – продолжал сомневаться Принц. – Просишь деньги вперёд, а чудо обещаешь после! Как этому можно верить?

«Дрянной мальчишка, что же он никак не уймётся?» – подумал визирь и ответил, не выдавая раздражения и стараясь придать голосу волнение:

– А поверили бы вы мне, скажи я вам раньше всё это? Про почти безумного Магараджу, про разрушительную силу Песков и про то, каким непреодолимым соблазном окажется возможность

выпустить их на волю? Но теперь вы видите, как просто превратить этот мир из доброго мира в ад. Знаете цену своего любопытства. Я вижу, вас всё ещё не покидает мысль попробовать самому исправить ошибку. Но это заставит вас совершить новую! Вы не боитесь сделать ещё хуже? Может быть, на этот раз стоит доверить это мне? – голос визиря снова стал настойчивым. Он даже сделал несколько шагов к Принцу с вытянутой вперёд свободной рукой, что заставило Принца попятиться назад.

И тогда Амар понял: ему следует пойти на риск, ему стоит открыть своё сознание, свой поток мыслей, чтобы Принц тоже мог почувствовать его. Конечно же, мысли будут поддельными, ненастоящими, но это должно сработать. Принц убедится в намерениях визиря и отдаст кинжал! Чуть поколебавшись, визирь поступил именно так. Ложные мысли требовали значительной концентрации, его искусство притворства сейчас было на высоте, но отбирало все его силы, отвлекая мысли от Песков и Часов.

Принц хотел что-то ответить, как вдруг он увидел, как всё то, о чём говорил визирь, обретает некую визуальную форму, обрастает деталями. Он словно бы мог даже представить себе всё от лица самого визиря. Его сомнения стали угасать, и он медленно потянул руку с кинжалом вперёд.

«Ещё несколько мгновений и он отдаст его мне!» – думал визирь, стараясь при этом не подавать виду и не исказить тех мыслей, что он раскрывал Принцу.

Но вдруг произошло нечто неожиданное. Визирь настолько отвлёкся от происходящего, что потерял всякий контроль над ситуацией. Дыхание Часов потеряло своё спокойствие, и тронный зал содрогнулся от новой волны Песка. Своды дворца вздрогнули, послышался шум падающих обломков. Стихия, словно буря, снова распалялась. Визирь был сейчас практически не в состоянии ей повелевать. Вдруг откуда-то сверху послышался оглушающий звон бьющегося стекла величественных окон – нечто большое пронзало их в эту секунду, нарушая относительные спокойствие и тишину. Принц мгновенно вскинул голову вверх, отвлекаясь от визиря, который остановился в паре десятков шагов от него и также устремил свой взор ввысь.

Невероятных размеров птицы ворвались в зал через окна, разбив их на множество осколков, шумно осыпавшихся на пол почти по всему залу. Пока они были на высоте, их сложно было разглядеть детально, снизу Принц отметил лишь то, что они были необычайно сильны и их оперение было полностью чёрным. От этого они делались ещё более грозными, пугающими и фантастическими. Это зрелище, пожалуй, стало для Принца самым поразительным из того, что он уже успел увидеть.

Сделав несколько грациозных взмахов крыльями, птицы одна за другой резко бросились вниз с огромной скоростью и буквально за мгновение достигли пола. Послышалось громкое клацанье когтей о мраморный пол. Сейчас, когда птицы стали намного ближе, Принц различил множество новых деталей: хищные жёлтые глаза, как и других чудовищ, но только более вытянутые. Оперение птиц было не таким уж чёрным – все птицы переливались золотым блеском, а кончик каждого пера и впрямь был покрыт чем-то золотым, испускавшим жёлтое свечение, точно такое же, что и эти невероятные глаза, но не настолько яркое, чтобы можно было рассмотреть этот блеск издали. Огромные когти, будто бы впивающиеся в пол, кроша его и превращая в пыль, были всё того же золотисто-жёлтого цвета. Поражали их огромные, чуть загнутые книзу клювы, в окраске которых к золотому также примешался кроваво-красный цвет. Сквозь крупные ноздри сочилась золотистая пыль, напоминавшая Песок.

В момент когда птицы ворвались в зал, сознание визиря дрогнуло, в глазах вспыхнула ярость, он выругался и слегка растерялся. Он до последнего не хотел, чтобы птицы влетали в зал, но, ослабив концентрацию, он не смог удержать их снаружи. Столь резкое нарушение планов и растерянность ослабили хватку визиря, силу его притворства, и Принц почувствовал что-то новое в потоке мыслей. Теперь он явно не походил на ту красивую ложь, которой кормил его визирь. Лжец! Он увидел в мыслях Амара башню Рассвета, какие-то магические ритуалы, маниакальное желание завладеть кинжалом, которое не имело ничего общего с добродетелью. Визирь понял это и прекратил свою игру. Теперь действовать нужно быстро. Принц не должен подобраться к Часам!

Птиц было много, около десятка, по росту они были чуть ниже Принца, но всё же немыслимо большие для обычных пернатых. Приземлившись неподалёку от Часов, они заняли приличную часть зала, вновь послышался звук чего-то бьющегося – на сей раз некоторые из них, видимо, крыльями задели вазы, расставленные по залу, и те рассыпались вдребезги. Сразу после того как птицы опустились на пол, они двинулись по направлению к Песочным Часам, которые – только сейчас Принц обратил на это внимание – стояли точно по центру зала, их верхушка была направлена прямиком в центр купола, туда, где сейчас зияла приличных размеров дыра, обнажавшая ночное небо. Их хищные глаза светились ещё ярче, по мере того как они приближались к цели. Слышался звук расшвыриваемого птицами битого стекла, которое ровным слоем устилало пол под окнами.

Затем, словно по немой команде, некоторые из птиц вспорхнули в воздух, но невысоко и всё так же грациозно спланировали к макушке Часов.

***

Остановившись посреди невообразимого, но пугающего великолепия, двое заворожённых путников наблюдали за ним. Ещё какое-то время столб белого света продолжал разрастаться, выбрасывая ещё больше искр во все стороны, а затем практически мгновенно исчез. Последние белые всполохи пронеслись по тучам, и всё оборвалось в один миг. Свет иссяк, а тучи, затянувшие к тому моменту почти всё небо, начали расползаться, таять, вновь уступая место ясной звёздной ночи…

– Что это было? – неуверенно и испуганно спросил Аша, посмотрев на своего спутника.

– Я не знаю, что это было. Но вряд ли что-то хорошее, – тем же голосом, но отводя взгляд, произнёс Аджит.

В следующее мгновение невидимая ледяная волна обдала их обоих, а вслед за ней просвистел такой же холодный ветер, вскинувший и растрепавший их волосы.

Постояв ещё с минуту в нерешительности, они медленно двинулись пешком в сторону города, всё ещё продолжая чувствовать на себе эту волну. Она производила впечатление чего-то несмываемого, того, что, въевшись однажды очень глубоко, оставалось в человеке надолго или даже навсегда.

– Очень странные тучи, слишком густые, не такие, как во время дождя, – пытался рассуждать Аша.

– Они и не могли быть дождевыми – слишком быстро они появились. И слишком быстро исчезли, – ответил Аджит.

– А ты видел этот свет, эти искры? Это что-то совсем странное… я просто не понимаю! – не унимался Аша.

– И не поймёшь, пока мы не узнаем, что же это было, – сказал Аджит и сразу же подумал: «Вернее пока ты не узнаешь».

И вновь он отвёл глаза в сторону, посмотрев на город, наблюдая за увиденной картину. Она глубоко засела в памяти и при первом же удобном случае всплывала наружу, вновь и вновь поражая воображение. Но он не ожидал увидеть её вновь воочию.

***

Первые четыре птицы, плавно подлетевшие к Часам, обхватили огромными когтями металлические поручни, составлявшие часть оправы для Часов. Она представляла собой крупный металлический каркас, инкрустированный множеством

небольших драгоценных камней и золотыми украшениями, и облачённый в тёмно-коричневое дерево, вбиравшее в себя металл и украшенное размашистыми узорами. Помимо прочего, Часы были обвешаны цепями, опутывавшими их сверху донизу, придавая им ещё более таинственный вид. Снизу Часы опирались на внушительных размеров круглую деревянную пластину, края которой были особенно густо испещрены узорами и изрезаны таким образом, что в некоторых местах из неё торчали куски дерева, подобные языкам пламени, вздымавшимся кверху. Железные опоры, врезаясь в дерево, извилисто убегали вверх, пронзая пластину насквозь, и заворачивались наверху в большие кольца, вокруг которых и сомкнулись гигантские жёлтые когти…

– Что всё это значит? – с широко раскрытыми от удивления глазами прошептал Принц. Он был слишком обескуражен произошедшим и не смог ещё до конца оценить такой крутой поворот событий. Это было очень на руку визирю: Принц не успеет ничего предпринять, и он сможет увести Часы прямо у него из-под носа в безопасное место. В самое неприступное место дворца!

– Прощайте, юный Принц! Оставляю вас наедине с тем, что вы наделали, – гневно прошипел в ответ визирь. – Я лишаю вас возможности исправить вашу ошибку!

И будто бы подтверждая его речь, послышались взмахи огромных крыльев, разгонявших Песок, и Часы оторвались от земли. Только теперь Принц осознал, насколько они тяжелы: гигантским пернатым едва удалось поднять их на половину роста Принца. Затем подлетело ещё несколько птиц, которые схватили Часы ближе к основанию, заставляя их принять в воздухе горизонтальное положение. Визирь тем временем немного отошёл от Принца, осматривая Часы и любуясь грацией птиц.

Принц же, слегка испуганный и удивлённый тем, что они движутся именно в его сторону, отшатнулся назад и, пройдя несколько шагов, вновь очутился в зале с огромными балконами. Пернатые песчаные создания, набирая скорость, продолжали надвигаться на Принца, заставляя того перейти на бег. Он развернулся и побежал, но, лишь почувствовав, как ослабло дуновение от взмахов крыльев, он остановился и обернулся. Птицы, вылетев из-под балкона, теперь резко сменили направление и мчались к огромному, практически во всю стену, окну. И по их движениям было ясно, что останавливаться они не собираются. Через несколько мгновений вслед за ними из первого зала вылетели остальные птицы и, очень быстро догнав их, продолжили полёт по бокам, вровень с Часами.

А затем, подобно тому как огромный снаряд рушит стену, они налетели на стекло, кроша его на множество осколков,

большая часть которых звонко посыпалась наружу, падая с большой высоты и теряясь в ночной бездне. Сразу же, будто бы вдогонку, Песок хлынул наружу и, сочась сквозь окно, и, увлекаемый ветром, тоже таял в ночной прохладе. Заворожённый Принц безотрывно наблюдал за всем происходящим, он чувствовал, как по его телу разносится странный невероятный холодок, не такой, каким дышали Пески, скорее это был холодок удивления, заставлявший его прочувствовать всю невероятность происходившего. Принц ощущал, как дрожат его руки, он постепенно терял нить между реальностью, окружавшей его, и собственным разумом. Приложив к лицу ладонь, он почувствовал холодное жжение, исходившее от неё. Затем его буквально начало трясти – видимо, осознание всего случившегося продолжало рушиться на него всё новыми и новыми волнами. Хватаясь обеими руками за голову, пропуская волосы сквозь пальцы, Принц тяжело и прерывисто вздыхал, продолжая пошатываться, и по-прежнему отказывался верить своим глазам.

Затем, продолжая пребывать всё в том же состоянии, он бросился к разбитому окну. Подбегая ближе, он увидел свет луны – она была полной и разрывала тьму так же, как нарушали тишину крылья птиц. Чёрные силуэты показались на фоне лунного диска – теперь уже все птицы несли Часы, продолжая взмывать ввысь, в сторону одинокой высокой башни, которую едва можно было различить на фоне чёрного неба.

Вдохнув свежий ночной воздух, Принц остановился у самого края – дальше перед ним зияла непроглядная тьма, скрывавшая, видимо, огромную высоту, и следующий шаг должен был бы стать шагом в неизвестность. Но Принц не стал его делать: что-то ещё держало его в этой жизни, возможно, осознание собственной ошибки, желание всё исправить и вернуть отца. И тут к его горлу подкатил комок, выдавивший из него слезу, множество воспоминаний и чувств, резкую боль в голове. Он пошатнулся и, будто бы увлекаемый вытекающими наружу Песками, едва не сделал этот самый шаг в неизвестность. Именно от этого его сознание вмиг прояснилось, он широко раскрыл глаза и отшатнулся от края. Однако, видимо, от того, что его глаза уже успели попривыкнуть к темноте, он не смог не заметить одну деталь, осознание которой приходило к нему постепенно, в течение почти целой минуты: там, за краем, не было пропасти – её преграждал большой полукруглый балкон. Только сейчас Принц обратил внимание, что он частично залит лунным светом, причём так ярко, что было странно и непонятно, почему юноша не заметил его раньше. Вместе с этим осознанием его губы тронула улыбка. А затем Принц громко и пронзительно засмеялся, его смех разносился во все стороны, рассекая

молчание звёздной ночи. Но совершенно не смеялись его глаза – они, наоборот, были исполнены грустью и яростью. Он проклинал всё происходящее за несправедливость. Затем, перестав смеяться и поглубже вдохнув очередной порыв лёгкого ветра, он развернулся и зашагал прочь от окна, доставая на ходу кинжал. Принца терзала смутная надежда на то, что он сможет выпытать у визиря, как положить всему этому конец.

И тут, словно бы услышав его немую просьбу, из тронного зала вышел Амар, и медленно и чинно начал двигаться навстречу Принцу, а тот – навстречу визирю. Подходя ближе, Амар всё сильнее и сильнее вытягивал вперёд руку, будто бы желая схватить кинжал ещё раньше того, как он подойдёт к Принцу.

Пребывающий в сомнении Принц смотрел не только на визиря, но и на весь зал, особенно на то место, рядом с которым погиб его отец, и к нему вновь начали подступать горестные воспоминания. Через несколько шагов его взгляд упал на огромный камень – каменную глыбу, на которой он оставил несколько капель собственной крови. И его мозг начал вновь повторять все события, на этот раз более отчётливо. А затем Принц ухватился за самый маленький клочок своих воспоминаний – он явственно, даже чётче, чем смог показать кинжал, представил свист стрелы, врезавшейся в шею его отцу, а затем ту самую, едва уловимую вспышку чего-то красного, то, как быстро, неуловимо, но зазывающе она промелькнула, перед тем как исчезнуть куда-то в неизвестность. Но что-то странное было в этом воспоминании – оно было слишком манящим для такого короткого и жалкого на детали обрывка памяти. И Принц с каждым шагом поддавался этому влиянию всё больше и больше, оно затягивало его, звало за собой в ту же неизвестность, которая почему-то не пугала. Это маленькое воспоминание отдавало какой-то необъяснимой теплотой, совсем непохожей на холод Песка. Постепенно Принц начинал сомневаться в своей надежде, в том, что визирь действительно может хоть как-то ему помочь, будто бы этот самый обрывок воспоминания вселил в него новое чувство – способность улавливать истину, способность отрешиться от иллюзий, затуманивающих разум, и сделать единственно верный выбор.

Ещё до того, как Принц рванул с места, вцепившись в меч и спрятав кинжал в ножны за поясом, Амар почувствовал эти изменения в разуме Принца, хотя и не понял, чем они были вызваны. Но на его лице не читалось даже тени испуга – визирь с ещё большей уверенностью продолжал шагать на Принца, но его взгляд устремлялся куда-то вдаль, сквозь Принца, за разбитое стекло, возможно, вслед чудесным птицам. При каждом ударе его посоха маленькими искорками вспыхивали глаза змейки,

венчавшей его верхушку, который, судя по уверенной походке Амара, перестал быть опорой при ходьбе, а стал сейчас чем-то вроде знака власти над Песками, чем-то исполненным необычайной магии, способной беспрекословно подчинять их.

И дальше произошло то, чего Принц ожидал меньше всего. Он был готов встретить серьёзное сопротивление со стороны Амара, был готов отлететь назад, отброшенный силой неведомой ему магии. Но он никак не ожидал, что его меч, направленный точно в цель, просвистит по воздуху, распугивая облака Песка, роившиеся вокруг. Амар попросту исчез. В те моменты, когда он совершал последние шаги, его глаза горели каким-то огнём, в них читалась насмешка и пугающее безразличие. И с каждым из этих шагов он будто бы сливался с Песками, т*ая* в них, расщепляя своё тело на миллионы песчинок. И вот он пропал. Принц, слишком резко бросившийся на него, пролетел вперёд и, не ожидая чего-либо подобного и потеряв равновесие, упал на пол, причём настолько неудачно, что напоролся рукой на острие собственного меча, обагрив его кровью. Своей кровью, а не визиря.

Издав дикий крик, не столько от боли, сколько от досады на этот невероятный промах, если можно его так назвать, Принц попытался приподняться. Рана сильно кровоточила, высасывая из него силы, на мраморном полу уже успела образоваться лужица густой и липкой крови, которая продолжала разрастаться с каждой секундой. Потерпев неудачу в первый раз, Принц попробовал подняться ещё раз – и вновь неудача, на сей раз ещё более досадная: он случайно опёрся раненной рукой о то место, где и была эта лужа. Ладонь проскользнула, и он повторно плюхнулся грудью на твёрдый камень, окончательно запачкав рукав. Это небольшое происшествие повергло его в приступ ярости. Принц совершил отчаянный рывок, вскочил на ноги, с размаху пнул меч так, что тот откатился, звонко бренча, на добрых двадцать шагов. Затем он с остервенением рванул собственный рукав, стремясь избавиться от него: его невероятно раздражал вид собственной крови.

Принц резко обернулся назад и увидел, как Песок, ещё сохранивший какие-то очертания Амара, продолжал медленно, но более уверенно и настойчиво, не теряя направления, двигаться в сторону окна, превращаясь в своеобразный поток, и взмывал вверх, лишь только попадая наружу.

Оторванный и брошенный рукав угодил в лужу крови и сейчас лежал в ней, продолжая пропитываться насквозь тёмно-алой жидкостью. Принц осмотрел свою рану – лезвие меча рассекло ему всю ладонь, от запястья до указательного пальца, немного наискосок. Особую боль он испытывал, когда пытался сжать руку в кулак – если ему и удавалось это, он чувствовал, как

кровь ещё с большей силой начинает истекать из его руки по обе стороны сжатого кулака и сквозь дрожащие от боли пальцы.

Постояв вот так несколько секунд, Принц почувствовал, как ярость покидает его, уступая место какому-то странному чувству – в нём просыпалось желание бежать, но не спасаясь от чего-то, а наоборот, в погоню за чем-то новым. Независимо от того, что оно должно было принести, Принц чувствовал, что должен схватить это нечто. Схватить, вобрать в себя, и, обретя однажды, никогда более не отпускать.

Однако это новое чувство не вселяло в него всё той же силы, которая ушла вместе с яростью. Он вновь стал вялым, задрожала его левая рука, он почувствовал вновь усилившееся кровотечение. Затем взгляд Принца упал на его второй рукав, тот, что был на правой руке. Что было сил, он дёрнул за него, но на сей раз не всё прошло так гладко: чуть треснув, тот не поддался, как в первый раз, даже несмотря на то, что рукав был практически сухим. Хотя, вероятно, была виновата и его раненая ладонь: она не позволяла ему сделать таких же резких и сильных движений, что он мог запросто совершать правой.

Повторяя попытки одну за другой, Принц приближался к цели, наливаясь новой яростью, которая в этот раз мгновенно исчезала даже ещё до того, как он совершал очередной рывок. И вот наконец послышался заветный треск рвущейся ткани – ему удалось оборвать рукав практически до локтя. Затем ещё одним резким движением Принц превратил обрывок в обычную полоску ткани и обмотал им левую ладонь, стараясь перетянуть место ранения как можно туже, чтобы хоть как-то замедлить поток крови.

Внимательно осмотрев свою руку, он попытался пошевелить ею, сжимая и разжимая кулак, закрывая глаза и прикусывая губу всякий раз, когда чувствовал вспышки боли, отдававшиеся сильной дрожью в пальцах. Затем он подошёл к мечу, поднял его, стряхнул с него кровь и довольно неуклюже засунул его в ножны, чуть не выронив при этом.

Затем он, стоя практически напротив огромной арки, бросил взгляд внутрь тронного зала, вспомнил, как он убегал из него совсем недавно, пребывая в невероятном ужасе. Как-то невыразительно усмехнувшись, он отвернулся от входа в зал и зашагал прочь. Однако воспоминания, очень яркие, всё ещё жившие в нём, не покидали его. В следующий момент он буквально спиной почувствовал вспышки кинжала, которые тот испускал, находясь в ножнах за его спиной, одну за одной – одна пронзительно-ледяная – голубая, вторая – помягче, но покрывавшая лёгким холодком всю спину – жёлтая. Принц уже

породнился с чувствами, что приносила каждая из этих вспышек, но от этого не переставал каждый раз восхищаться ими.

И тут вспышки прекратились – видимо, потому что Принц отвлёкся на них и сумел отбросить ненужные сейчас воспоминания. И он был рад этому. Эта маленькая радость, первая за последние несколько ужасных часов, растекалась по его телу, грела его, придавала сил, заставляла шагать увереннее и бодрее, на его лице даже скользнула тень улыбки – едва заметная и сразу же пропавшая. Но вновь его память зацепилась за маленький островок сознания и вонзила в разум Принца то самое скупое воспоминание. И он, подчиняясь этому зову, резко обернулся и начал водить взглядом по сторонам, будто бы выискивая что-то или кого-то. Ему почему-то показалось, что это воспоминание не покидало его не только потому, что оно было необычайно ярким (сейчас оно казалось ему именно таким), хотя и коротким, а и оттого, что оно не было воспоминанием, а было реальностью. Реальностью, которая постоянно от него ускользала, но, казалось, всё ещё находилась где-то поблизости. Где-то там, где её мог поймать взгляд.

Но, увы, сколько он ни блуждал им по балконам, по стенам и вообще по всему залу, ничего подобного тому, что он держал сейчас в своём сознании, ему так и не попалось на глаза. Немного расстроенный, он вновь повернулся к окну и побрёл дальше, продолжая бросать редкие, полные надежды взгляды куда-то назад, будто бы призывая то, что подарило ему это жгучее воспоминание. Но что-то в нём самом не давало ему совсем упасть духом, – да, он был расстроен, но не более того. Он продолжал питать надежду, несмотря на то, что она давным-давно растаяла и утекла куда-то прочь, оставив Принца наедине с иллюзией, в которую он сейчас и продолжал верить.

Подойдя к краю, он вновь почувствовал знакомое ощущение неизвестности, прохладу ночного ветра. И вдруг один внезапный его порыв ударил по стеклу, заставив и Принца, и стекло задрожать каждого по-своему. А затем, не выдержав силы ветра, приличный кусок стекла отломился и рухнул вниз, рассыпаясь в стеклянную пыль, смешиваясь с Песком и улетая вместе с ветром прочь. Но ещё до того, как отколовшийся обломок начал набирать скорость, стремясь вниз, Принц успел среагировать и отпрыгнуть в сторону. Вернее, он думал, что в сторону, а на самом деле он прыгнул вниз, на уже полностью залитый лунным светом балкон. Всё было бы хорошо, если бы не внушительная высота почти в три роста Принца. Стараясь смягчить падение, он выставил руки перед собой и, долетев до мраморного балкона, попытался перекатиться, однако сразу же почувствовал жжение в левой руке: грубоватая для раны ткань рукава резко прочертила

по порезу, отчего рука вмиг ослабела, неуклюже вывернулась и Принц через секунду обнаружил себя лежащим на спине с чуть съехавшей с руки повязкой.

Он подумал:

«Что ж, тем лучше. Теперь не придётся думать, как спускаться оттуда.»

И он устремил свой взор вверх, мгновенно встретившись взглядом с миллионами звёзд, с чёрным небом, почувствовал затылком холод, исходивший от остывшего за половину ночи камня.

Лёжа вот так, на спине, Принц пытался придумать – что же ему делать дальше? Он знал, где сейчас должны находиться Часы, и при желании он смог бы найти туда дорогу; у него был кинжал, который, как оказалось, способен положить конец всему этому безумию, но слова Амара засели в памяти слишком крепко – он действительно боялся, что может лишь всё испортить и обречь всех на вечные страдания, и себя в том числе.

Кроме этих обрывочных сведений и догадок, Принц практически ничем не располагал, и это очень сильно пугало его, он почувствовал страх, который заставил его приподняться и сесть, а затем через несколько минут встать и пройтись по балкону, всё так же устремившись взглядом вверх, будто бы звёзды своим холодным молчанием были способны натолкнуть его на ответ.

Подойдя к краю балкона, Принц облокотился обеими руками на гладкие каменные перила и оценил взглядом открывшуюся перед ним картину: балкон находился на очень приличном от земли расстоянии, чуть поодаль возвышалась заветная башня Рассвета, путь к которой был не близким, и часть его проходила по верху огромного крепостного вала, врезавшегося где-то внизу в самое основание дворца и извилисто уходящего прочь от него, делаясь немного выше перед тем как оборваться у небольшой площади, предварявшей вход в башню. По оба края от вала шелестели пальмовые рощи, которые из-за темноты можно было лишь услышать, но никак не удавалось разглядеть.

Затем он обратил внимание на то, как ведут себя Пески – дотекая до края, они, словно теряя под собой опору устремлялись вниз, в эти самые рощи, к огромной стене, и, достигнув новой опоры, расплывались дальше, причём не теряя своей силы. Через какое-то время Принц заметил слабое, едва уловимое свечение на самом верху башни – гигантские часы продолжали испускать Песок, который, падая вниз, встречался с другими его волнами, становился ещё сильнее и продолжал распространяться повсюду, вбирая в себя реальность.

Почувствовав лёгкий ветерок, неожиданно обдавший спину, Принц невольно обернулся, и вновь его разум испытал шок: огромные золотисто-белые клубы Песка вздымались прямо около него. Напоминая огромный костёр, они не подчинялись всеобщему течению и даже препятствовали ему, вбирая его силы и разгораясь ещё ярче, и, возносясь всё выше, вздымались чуть выше того места, откуда Принц недавно спрыгнул. Он сделал несколько шагов вперёд, видимо, из интереса и не в силах сопротивляться манящему свечению. Принц чувствовал пронзительный холод, а Пески, окружавшие его, своим ярким светом начинали чуть ли не слепить. Сейчас они уже не производили впечатления той лёгкой и мягкой пыли, опутывавшей всё вокруг, сейчас Пески стали по-настоящему материальными, он мог провести по ним рукой и почувствовать их сопротивление; на первый взгляд, они напоминали густой туман, такой же белый, но более осязаемый. И этот песчаный туман обволакивал тело и разум Принца, причём последний, видимо, испытав слишком много потрясений за последнее время, начинал таять; осознание реальности превращалось в жалкие обрывки, клочки, осколки. А затем вообще пропадало прочь. Последнее, что помнил Принц, перед тем как он, обессиленный, рухнул оземь, – ледяное жжение, испускаемое кинжалом, просачивавшееся даже сквозь ножны и одежду. Ледяное настолько, что несколько волн пробежали по его телу, заставляя каждый раз резко и широко открывать глаза, веки которые с невероятной силой стремились сомкнуться и унести сознание Принца окончательно прочь из этого мира. В последние секунды ему даже почудилось, что он слышит какие-то неясные голоса.

Глава 12. Белый

Аша, первым поборов нерешительность, двинулся вперёд: отчасти им двигал интерес, отчасти – желание достичь поставленной цели – спасти принцессу.

Уже издали чувствовалось, что город будто бы опустел. Дыхание жизни унеслось прочь вместе с белыми вспышками. Огромные ворота были чуть приоткрыты, и сквозь них сочился чуть желтоватый туман.

Аша некоторое время постоял перед вратами, не отваживаясь входить. Аджит, стараясь двигать коня как можно тише, подошёл к нему и одарил вопросительным взглядом, не решаясь ничего произнести вслух. Хотя мысли были ещё опаснее.

Перерезав наконец нить страха, что будто на привязи держала их по эту сторону ворот, Аша и Аджит протиснулись сквозь достаточно узкую щель и вступили в город. Перед ними раскинулась всё та же великолепная широкая дорога, которая через пятьдесят шагов скрывалась из виду в ночной тиши. Огромные лестницы поднимались вдоль городской стены, по обе стороны от ворот. Вокруг не было слышно ни звука, будто бы всё живоё враз испарилось.

И всё же чувство тревоги не отпускало их, преследуя, как отчаяние, по пятам. А может, это и было отчаяние? То, что сквозило сейчас в каждой пылинке ночного воздуха. Аджит с опаской оглядывался по сторонам, будто высматривая что-то определённое, давно ему знакомое, но от этого не менее ужасное.

К этому моменту тучи над головой окончательно рассеялись, явив взору прекрасное звёздное небо, горящее миллионом золотых огоньков, каждый из которых был как-то по особенному мил. Казалось, убери один из них, и вся картина потеряет свою неповторимую прелесть. Лунный свет мягко растекался по крышам ближайших домов, обрывисто падал на деревья, листья которых разрезали его и разбрызгивали по сторонам бело-голубые капли. Небесная чернь дополняла всё это каким-то всеобъемлющим безмолвием, заставляющим сердце трепетать от каждого случайного шороха. Хотелось вдыхать ночь вечно, чувствуя сладкий аромат капризного ветерка. Подобно самой топкой трясине, ночь засасывала в себя любого, кто хоть на секунду был способен почувствовать её величие, вбирала целиком и без остатка. Весь разум, всю душу, всё сердце и всё тело полностью. Казалось, звёзды и сами дышали этим дивным прохладным воздухом, светом друг друга и чернотой небосклона.

Вдруг Аша, шедший чуть позади, резко остановился. На его лице читалось желание идти дальше, но тело словно бы отказывалось ему подчиняться. Страх одним резким движением

облепил его с головы до ног и приковал к земле. Аджит, словно бы пропитавшись страхом спутника, тоже остановился и начал вслушиваться ещё более внимательно. И не зря…

В паре шагов от себя, каждый из них словно бы слышал нетвёрдую поступь, не совсем похожую на человеческую, потому что она была настолько неуловимой, что её можно было скорей не услышать, а почувствовать. Да, именно почувствовать. Казалось, что незримый кто-то бредёт мимо них не по этой же самой каменной дороге, а как бы просачивается сквозь их мысли, вбирая их самые малые крохи, для того чтобы получить немного сил и сделать ещё несколько шагов. Чувство, которое вызывалось всем этим, трудно поддавалось описанию. Аше порой казалось, что он вот-вот услышит чей-то голос и если не последует за ним, то хотя бы внимательно выслушает. И он словно бы сам тянулся к этому призрачному дыханию, но никак не мог сделать последний шаг, нить между ним и неизведанным рвалась при каждой попытке.

Аджит чувствовал нечто подобное, но не так явственно. Он не ждал голоса и не бежал ему навстречу, но он тоже чувствовал чьё-то присутствие, едва заметное. Прошло несколько секунд, и он ощутил ещё одно слабое движение чуть в стороне от первого, но неразрывно с ним связанного. Не понятно, было ли всё это частью чего-то единого или это были два неведомых спутника, тихо крадущихся мимо.

И затем так же внезапно, как и появилось, пропало это странное эфирное колебание в воздухе, которое, кажется, не имело материальной формы и способно было лишь издавать тихий шелест, который можно было расслышать лишь ночью, когда всё спит.

Может, это и есть лучшая награда в жизни человека – убежать от шумной жизни и превратиться в молчание, которое оживает каждой ночью и продолжает свой таинственный путь, полный непонятных обычному человеку чудес? Чудо – помочь кому-то так, чтобы он сам не заметил этого влияния, нашептать что-то во сне и уйти прочь, не ожидая благодарности за то, чего как бы и не делал. Тихо бродить по миру в поисках сильных душ, нуждающихся в помощи. Пройти миллион дорог без сна и отдыха, подарив от себя всё, даже то, что есть только у такого незримого и бестелесного призрака, живущего совсем по другим законам вместе с людьми, но незаметно для них.

Случайный порыв ветра разогнал призрачное видение, раскидав его в стороны.

– Ты тоже что-то слышал? – не выдержал вдруг и спросил Аджит.

– Да… Где-то рядом, но я ничего не видел, – приходя в себя, ответил Аша. – Что-то странное тут происходит, тебе не кажется?

Не успел Аджит ответить, как вдруг неожиданно послышался уже гораздо более отчётливый звук шагов. Он и Аша поспешили укрыться в тень ближайшего куста, что был чуть выше них. И сразу впились усталыми глазами в темноту, чьё молчание было так дерзко нарушено пару секунд назад.

Мимо них по дороге шёл солдат. Судя по направлению, которое он выбрал, и по уверенности на лице, он собирался уйти из города. В его поступи проглядывалась какая-то встревоженность, похожая на испуг. Иногда он чуть ли не переходил на бег, но всё же перемещался довольно медленно. Аша и Аджит молча наблюдали за шествием незнакомца уже больше минуты и не собирались показываться ему на глаза: сейчас им нужно было быть как можно незаметнее. Солдат уже приближался к воротам и вот-вот собирался скрыться за ними, если бы его внимание не привлёк резкий металлический звук, довольно отчётливо донесшийся откуда-то сбоку. Он мгновенно остановился и медленно повернулся в сторону звука, который уже успел повториться несколько раз, будто бы обдумывая, стоит ли ему сейчас уйти подальше от этого места или остаться и выяснить, в чём дело. Нерешительность, бегавшая по его телу, буквально разрывала его – у него дрожали руки, и это было видно даже с расстояния, на котором находились Аша и Аджит. И он сам чувствовал это, но не мог ничего сделать, чтобы унять дрожь и совершить хоть какое-то действие. Его останавливал не страх, а нечто другое. Делая выбор, он будто бы находился на границе двух миров, балансируя между желанием помочь и безразличием. Да, именно помочь – он прекрасно понимал, что означают эти звуки. Это были жалкие попытки какого-нибудь чудом выжившего солдата отбиться от одного или нескольких песчаных убийц, которые не терпели любого присутствия жизни и старались уничтожить её как можно быстрее.

Лязганье металла раздавалось уже совсем неподалёку, к нему уже примешивались звуки чьего-то бега и негромкого, сбивчивого дыхания. В тишине каждый, даже самый слабый звук вспыхивал снопом искр, которые разносились ветром во все стороны на большое расстояние. Через секунду из кустов на противоположной стороне дороги, пригибаясь, выскочил персидский солдат. Добежав до середины, он остановился и повернулся навстречу гнавшемуся за ним песчаному монстру и попытался нанести удар. В этом его движении явственно читались отчаяние и страх. Казалось, что смерть уже стоит за его спиной почти вплотную и обнимает его за плечи. Уловив это отчаянное движение, желтоглазое чудовище, которое было

крупнее своей жертвы, ответило ударом, таким мощным, что меч перса, издав громкий лязг, отлетел в сторону. И не успел он кинуться за ним, как ощутил врезавшийся ему в живот холодный клинок. Он зачем-то вцепился в него обеими руками, сделал шаг назад и, закрыв глаза, повалился замертво. В тот же самый момент другой меч вонзился в монстра: подбежал первый солдат и с разбегу попытался атаковать. Он поборол свою нерешительность, и этот выбор будто бы склонил его в одну из сторон, между которыми он колебался. Но та жестокость или даже скорее слепая ярость, которой наполнились его глаза, не дала ему надолго там задержаться, буквально силой вытащив его оттуда. Это противоборство внутри него не могло продолжаться бесконечно и начинало вырываться наружу в виде ярких жёлтых вспышек. Песок всё же пропитал его насквозь, хотя изначально это и не было заметно внешне. Сейчас, словно почувствовав силу, он рвался наружу, помогая раздирающему солдата внутреннему разногласию, лишая его человеческой природы. И вместе с этим он терял своё право выбора. А Песок уже сделал свой выбор и с каждой секундой близился к цели, причём этот выбор был сделан не секунду и не минуту назад, а в тот самый миг, когда Пески появились. И с тех пор не произошло ни единого изменения. С самого происхождения в них была заключена идеальная и нерушимая жестокость, пропитанная абсолютным знанием, но совершенно бесцельным, призванным не созидать, а разрушать. И однажды Пески должны были вырваться наружу, чтобы разорвать человеческие сердца и сделать из доброты пустоту, наполнив мир всем самым тёмным и ужасным, что скрыто в самых потаённых уголках людских душ. И обретая ещё больше силы, пропитываясь этой чернотой, Песок побеждал. Медленно подбираясь к лицу обречённого, песчаная смерть разъедала его тело, рассеивая вокруг клубы жёлтой пыли. Довольно быстро расправившись со всем, кроме шеи и головы, Противоречие взялось и за них. От глаз побежали трещины, разрушавшие лицо. Смерть настойчиво и даже упрямо карабкалась по щекам солдата. И вот от его лица остались только глаза. Они до последнего мгновения не теряли свой человеческий цвет, но в конце концов, будто бы сдавшись на милость безжалостному врагу, они сначала почернели, а затем бросили два безумно ярких и от этого чуть ли не белых, слепящих луча света, после чего случайное дуновение разнесло в разные стороны два небольших облачка светящейся пыли. И лишь горстка золотого пепла, нещадно разбрасываемая неизвестно откуда примчавшимся сильным ветром, напоминала, о том, что здесь только что стоял живой человек.

Будто бы специально раздавив ногой это последнее напоминание, ничуть не пострадавшее чудовище двинулось

прямиком к заворожённо наблюдающим за всем происходящим Аше и Аджиту, хотя каждый из них был удивлён по-своему. Абсолютная тишина и затаённое дыхание не помогало им – монстр слышал их мысли и всё больше раздражался с каждым стуком их сердец. А поток мыслей унять было решительно невозможно.

Быстро поняв, что происходит, оба воина выскочили из кустов и, не сговариваясь, обступили песчаного врага с разных сторон, видимо, пытаясь сбить его с толку. Теперь не было никакого смысла скрываться: враг был чётко определён, и неизвестно, остался ли ещё хоть кто-нибудь из людей в живых.

Аша, достав меч, первым сделал резкий выпад в сторону врага и чуть не совершил роковую ошибку, подобную той, что допустил несколько минут назад напуганный персидский солдат, чьё бездыханное тело лежало совсем неподалёку, неустанно напоминая об опасности необдуманных поступков. Удар Аши не причинил врагу совершенно никакого вреда врагу. Тот в свою очередь незамедлительно махнул своим мечом, со страшным свистом рассекая воздух. Именно воздух, потому что в последний момент индиец успел уловить намерение монстра, причём непонятно как – он не увидел его, а почувствовал в воздухе за мгновение до самого движения. Ничуть не обескураженный маленькой неудачей, Аша продолжил битву: присев, он сразу же ударил чудовищу по ногам и мгновенно нырнул в сторону, потому что лишившийся равновесия враг падал на него. Он был очень крупным, и Аша решил, что ему не составит особого удовольствия быть придавленным этим массивным телом. Вся схватка продлилась не дольше пары секунд, поэтому Аджит не успел включиться в неё. А может, он и не собирался. Хотя следующие его движения явно отрицали это. Он просто выждал удобный момент и бросился на помощь Аше. Но, в отличие от хаотичных движений последнего, Аджит избрал тактику единичных и точных ударов. Сделав резкий шаг и занеся меч над головой, он прыгнул на спину врагу, который почему-то перестал следить за ним и отвлёкся на Ашу. Несмотря на свой возраст, Аджит с ловкостью юнца прыгнул вперёд, воткнув меч в широкую спину, упершись после прыжка в неё ногами и схватившись свободной рукой за левое плечо врага, повис на нём. И сразу же надавил на меч ещё сильнее, так, что его кончик показался с другой стороны из груди чудовища, отклоняясь при этом всем своим телом назад. Но враг уже падал вперёд – Аша нанёс свой удар мгновение назад. Поэтому Аджит вместе с монстром полетел к земле. В конце их падения раздался звон клинка, ударившегося о камень. Но Аша сразу же заметил, что происходит что-то необычное – меч Аджита, кажется, причинял врагу боль… Падая, тот

переставал сопротивляться. В это время Аша обратил внимание на яркое золотисто-жёлтое свечение, исходившее словно из груди Аджита и длившееся уже не одну секунду и с каждой новой разгоравшееся всё сильней. Через несколько мгновений его меч вспыхнул тем же самым светом. Но светился не сам меч – это Песок вырывался наружу из тела монстра. Однако, попав наружу, он не улетал вместе с ветром, а начинал обвивать лезвие, выпустившее его из заточения, подобно какому-то растению, пропитывая его и одновременно подчиняясь ему. В то время когда свет стал нестерпимо ярким и рука Аджита, тонущая в нём и всё ещё крепко держащая меч, задрожала, Аша, привстав с земли, испустил удивлённый вздох, полный непонимания. В глазах Аджита же наоборот читалась абсолютная уверенность, будто бы он не впервые сталкивается со всем этим. Но ужас, одновременно с настойчивостью читавшиеся на его лице, доказывали, что он не слишком-то этому рад.

Этот вздох словно вернул Аджита в реальный мир, оторвав его от соприкосновения с Песками. Он выдернул меч из рассыпающейся спины и схватился рукой за что-то у себя на груди, мгновенно притушив странный свет. Встав с земли, он резко опустил левую руку вниз, но свечение не возобновилось. Оно исчезло, но зато на груди стал виден свисавший на цепочке медальон.

– Что… что это было? Что вообще такое происходит? – сбивчиво, с дрожью в голосе спросил Аша. В его глазах сейчас читалось то, что он был готов услышать что угодно кроме обжигающего молчания.

– Не знаю! – резко, и даже грубо выкрикнул Аджит.

– Но… – ещё более неуверенно выдавил другой индиец.

– Что?!

– Медальон…

– Что с ним?!

– Он светился!

– Тебе показалось!

– Но… – Аша повторялся, и от осознания этого переходил чуть ли не на шёпот.

– Хватит! Возьми себя в руки! Ты боишься, а страх сейчас наш главный враг! – Аджит, говоря эти слова, чувствовал, как у него у самого дрожат руки.

Аша сломался. Не выдержав такого уверенного напора, он в последний раз раскрыл рот, но осёкся и, так и не издав ни звука, поверил Аджиту. Но волнение не покидало его грудь – она беспрерывно вздымалась от глубоких вздохов. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из костяной клетки наружу вместе с его жизнью, разрывая рёбра-прутья в жалкие

щепки. Возможно, что лишь надежда, неугасимо жившая в каждой капле его души, держала жизнь в его трепещущем теле. И эта самая надежда пропитывала Ашу насквозь всё больше и больше и даже, казалось, разливалась вокруг, медленно превращаясь в робкую уверенность. Словно бы она могла существовать даже в пустоте, выпущенная наружу, она обладала какой-то невероятной живительной силой, способной удержать жизнь, даже если та была слишком близко к смертной грани.

– Пошли дальше. Я думаю, наши приключения на этом ещё не закончились, – как-то неопределённо сказал Аджит.

– Да, – тут же отозвался Аша, смотря на раздавленную горстку Песка. Ему почему-то хотелось верить, что этот воин не погиб. Ведь несколько минут назад он был таким настоящим, таким…

Аджит прервал размышления Аши, положив руку ему на плечо и напористо сказав:

– Пошли!

И в абсолютном молчании они двинулись дальше по дороге, прижимаясь к её правому краю.

Глава 13. Фара

Придя в сознание, Принц обнаружил себя лежащим всё на том же мраморном полу на балконе. По-прежнему была ночь – значит, он пролежал недолго. Недолго по времени, но не по количеству пережитого им во сне. Если это можно было назвать сном.

Протирая одной рукой глаза, он опёрся другой на холодный каменный пол и привстал. Несколько раз моргнув глазами, он посмотрел по сторонам, одновременно пытаясь сообразить, что же произошло, и восстановить картину недавних событий. Он помнил, хотя и довольно смутно, какой-то красный клочок. Помнил бело-жёлтые облака, поглотившие его. Помнил, что он что-то видел, будучи во сне. Но что именно – он забыл. А вернее, не мог вспомнить сразу, но какие-то обрывки сна отложились в его голове, и он один за другим собирал их воедино. Однако картина всё равно представлялась очень расплывчатой. Не найдя в ней ничего особенного, он принял всё недавно с ним произошедшее за обычный бредовый сон и постарался отбросить подальше от себя. Принц подошёл к краю балкона и вперился глазами в ночное небо. Прохладный ветер напоминал утренний, и по коже пробегал лёгкий морозец. Среди всего неба резко выделялось одно тёмное пятно – башня Рассвета загораживала звёзды, и казалось, будто кто-то отрезал от небосклона целый кусок. Песчаная пыль в воздухе немного рассеялась, и пропало то самое облако, в которое вошёл Принц, хотя воздух всё ещё был каким-то тяжёлым и душным – Песок не исчез, он просто сделался невидимым и впитался в каждую частичку пространства.

Он несколько раз прошёлся по тому месту, где клубились огромные облака. Ничего. Такой же пустой воздух, как и в десяти шагах отсюда, как на краю балкона и, наверное, по всему городу. Он прошёл ещё вперёд, ближе к стене, с которой он так неудачно упал, – повсюду блестели осколки разбитого стекла, а в одном месте были два тёмных пятна. Принц нагнулся к ним – кровь. Наверняка его собственная. Потекла оттого, что он врезался руками в эти осколки при падении. И наверняка было очень больно. Но он не помнил этой боли. И сейчас не чувствовал её. Он посмотрел на свои руки – одна совершенно чистая, без ран, вторая замотана полоской белой ткани, но, кажется, тоже абсолютно здоровая. Он размотал тугую повязку: действительно, рука была совершенно цела, на ней не было порезов, пятен крови и даже шрамов. Хотя он отчётливо помнил, как рассёк руку о меч. И от этого ему становилось как-то не по себе. Конечно же, не страшно, но как-то неуютно. Удивление смешивалось с

недоверием. Но сопротивляться очевидной правде было глупо, от этого она не пропадёт: Пески залечили его руку.

– Нет! Этого не может быть! – почему-то вслух произнёс Принц.

Он не верил в то, что желавшие его смерти Пески вдруг поменяли своё к нему отношение. Они по-прежнему виделись ему смертельной угрозой, и Принц искал какое-то другое объяснение случившемуся. Но найти не мог. Он старался как можно глубже зарыться в свои выброшенные минуту назад воспоминания. Что-то туманное и бесформенное висело в его памяти. Несколько ярких пятен, размазанных по огромному холсту.

Пятна… Разум Принца зацепился за это слово и начал лихорадочно что-то вспоминать. Во сне он шёл. Да, он не стоял на месте. Куда он шёл? Этого ему вспомнить не удалось. Нет, он не шёл, он бежал! От кого-то или куда-то. Много голубого света… А потом ночь. Нет, не было ночи, это ему показалось. Но что же тогда было? Вода! Большой фонтан с водой. Он отчётливо вспомнил, как опускал обе руки в воду и умывал лицо. Как по рукам разбегалась живительная прохлада, унося с собой боль… Нет, всё не то! Бессвязный набор пятен. Да! Пятно в воздухе! Много пятен, разных цветов! И почему-то одно белое и одно чёрное. И от последнего он бежал. Навстречу жёлтому свету. Он грел и лечил его руку! Значит, всё-таки Песок помог ему. Буквально спас его!

От всех этих скачков сознания у Принца закружилась голова, и он сел на пол.

– Так, так, так! – сказал он сам себе и принялся ещё раз погружаться в воспоминания.

Первое, что он увидел, – самого себя, лежащего на боку под светом луны на мраморном полу, подогнувшего колени к голове. Но в этот момент он чувствовал себя в чужом теле, и этот кто-то отходил назад. Медленно, шаг за шагом, к краю балкона, на перила… и за них, по воздуху, в неведомую ночную даль. А потом всё гасло и терялось в тумане. И он видел мир уже своими глазами. Грань между сном и реальностью была утеряна, и Принц окончательно запутался. Порой ему начинало казаться, что он всё ещё во сне. Но быстро в этом разубеждался – слишком уж реальными были сейчас все его чувства.

Вдруг перед ним всплыло чьё-то лицо. Не совсем человеческое, измождённое, с почерневшими глазами, в центре которых горело по белому зрачку. И он видел себя в этих глазах. Он протянул руку… И в миг всё исчезло, лицо расплылось в воздухе, и он проснулся.

Мысли как рой пчёл летали в голове Принца, но он так и не смог соединить их воедино. И вдобавок он вновь вспомнил

красную вспышку. Он посмотрел по сторонам: с балкона, по обе стороны от окна, уводили куда-то две широких лестницы. Он пошёл к левой, поднялся по ней и обнаружил, что она выводит на балкон в том зале, где он сражался со своим отцом.

Здесь, наверху, стены были другого цвета, коричневато-красные, из дерева. Они были увешаны картинами по всей своей длине, а неподалёку от той двери, через которую Принц пару мгновений назад попал сюда, располагалась ещё одна, но вход в неё был слегка прикрыт… красной занавеской. Именно красной. Его сознание, в котором уже больше часа царил хаос, вдруг неожиданно превратилось в нечто стройное и понятное. Всё стало на свои места, но от этого лучше не становилось. Почему ему так врезалась в память эта занавеска? Он ушёл от Песков навстречу манящей неизвестности, а она оказалась бессмысленной жалкой тряпкой. Глупая иллюзия, сбившая его с правильного пути. Принц понимал, что с его головой творится что-то явно неладное. Он подошёл к краю и обеими руками упёрся в перила. Его взор был устремлён вниз, но он смотрел словно в пустоту. Он погружался в бесформенные мысли, его настроение резко ухудшилось, хотя ему и без того уже было не по себе. И стало бы ещё хуже, если бы случайных звук не вырвал его из круговорота собственных размышлений, нещадно пожиравших его. Он резко поднял голову и увидел на противоположной стороне, на точно таком же балконе девушку в красном со жгуче-чёрными волосами. Та самая пленница, на которую он обратил внимание во время перехода по пустыне. Та самая, что…

Она увидела его и, издав испуганный вскрик, побежала прочь, на бегу откидывая в сторону точно такую же занавеску, что была и на этой стороне.

– Постой! – Принц крикнул ей вслед, протянув руку в её сторону.

Его призыв, разбежавшись эхом по залу, остался без ответа, слышался лишь звук быстрых удаляющихся шагов.

Сейчас Принцу было невероятно важно присутствие любого по-настоящему живого человека. Может, чтобы успокоиться и разобраться в происходящем. Никогда так сильно чувство одиночества не подкатывало к нему, не било его так больно. Он почувствовал странное ощущение в груди – будто бы чего-то не хватало, будто бы оттуда вырвали кусок или вынули сердце, и эта пустота доставляла жгучую боль. И заполнить её могло лишь чьё-нибудь присутствие. Пусть это будет напуганная индийская пленница – сейчас это не имело совершенно никакого значения. Понятия «хозяин» и «раб» попросту не могли сейчас существовать. Все делились сейчас на людей и не людей. И, похоже, что последних было куда больше.

Он хотел было броситься вдогонку незнакомке, но по воздуху бегать он не умел, и, вовремя осознав это, побежал вдоль перил в сторону окна. Добежав до стены, он осмотрел её повнимательнее: ещё издали он увидел небольшой уступ, который поверху огибал окно – по нему можно было быстро перебраться на ту сторону. Отойдя на несколько шагов назад для разбега, он резко рванул вперёд к стене, а достигнув её, совершил несколько шагов по ней, вытягивая правую руку как можно выше и одновременно стараясь левой оттолкнуться вверх. И ему почти удалось зацепиться, но, когда он дотянулся до уступа, влажная от пота рука предательски скользнула по балке, и Принц с крайне озадаченным видом полетел вниз. Его ошибка заключалась ещё и в том, что, взбегая на стену, он слишком продвинулся влево и теперь имел все шансы сорваться с большой высоты. Но, на счастье, Принц успел вытянуть правую руку и обхватить ей перила, которые были не острыми и, помимо боли от удара, ничего особенного не почувствовал. Однако такое положение со свисающими вниз ногами, без какой бы то ни было опоры, его не очень устраивало, и он, закинув левую руку на перила, тут же вскарабкался обратно на балкон. Но отступать он не собирался, хотя было бы гораздо проще спуститься назад по лестнице на балкон снаружи, а затем подняться по правой на другой балкон и броситься вдогонку уже, наверное, далеко убежавшей девушке. Но сейчас упрямство овладело им, и он вновь отошёл на несколько шагов, чтобы получше разогнаться. Но на сей раз он поступил более обдуманно и сначала оттолкнулся от перил, а затем продолжил взбегать на стену, отклоняясь немного вправо – ему не слишком-то хотелось пополнять число погибших в эту ночь за счёт своей жизни. И вот, две предварительно тщательно вытертые о штанины ладони зацепились за уступ. Теперь ему надо было аккуратно двигаться влево, стараясь не давить на стекло. Или лучше вообще свесить обе ноги вниз, полагаясь на силу рук. Так он и поступил. О чём и пожалел, не успев преодолеть и четверти пути. Почему-то именно в самый неподходящий момент усталость захлестнула его безжалостной волной и настойчиво продолжала выкачивать из него силы. Он постарался аккуратно упереться ногами в окно, но, услышав подозрительный хруст, тут же решил бросить эту затею, и кое-как справляясь с собой, начал перебирать руками вправо. Ему казалось это странным – почти никогда для него подобные препятствия не оказывались такими сложными. Но с собственным телом было невозможно спорить – оно всегда было правым, даже если это и было совершенно некстати. С огромным трудом Принц достиг-таки края выступа на стене и спрыгнул вниз. Видимо, идея о спокойном переходе по двум лестницам,

соединявшим балконы, даже и не собиралась посещать его голову, потому что он вновь собрался забраться на уступ, но уже с новой целью и немного другим образом. Принц рассмотрел чуть выше него небольшую выемку в стене, достаточную для того, чтобы зацепить за неё рукой. Постояв ещё немного, он встряхнул несколько раз обеими руками, пытаясь сбросить с них путы усталости, и вновь взбежал по стене, всё так же оттолкнувшись от перил и выбросив обе руки как можно выше. И это ему вновь удалось. Теперь его целью была эта самая выемка, которая располагалась точно над его головой. Собравшись с силами и подготовив правую руку, он всем телом отклонился вниз, а затем, оттолкнувшись ногами и левой рукой, сделал резкий рывок вверх и выбросил правую так, чтобы зацепиться ею за выемку. Готово! Принц уверенно держался за неё. Теперь, прижимаясь поближе к стене, и собирая остатки сил, он пытался подтянуться, чтобы закинуть правую ногу на узкий каменный выступ. Довольно опасно, потому что он запросто мог соскользнуть вниз и удариться спиной или головой. Но всё прошло удачно, и Принцу с первого раза удалось поставить и правую и левую ноги на уступ. И вот, твёрдо держась на ногах, он вплотную прижался к стене, раскинул руки так, будто бы пытался обхватить её, и пошёл на другую сторону. Достаточно медленно, но всё же намного быстрее по сравнению с предыдущим способом. Достигнув наконец другого балкона, не испытав по пути особых затруднений, Принц начал спускаться с ненадёжной опоры. Но в его руках проснулась ещё большая слабость, и, почувствовав это, он решил просто спрыгнуть. Сделав это с завидной лёгкостью, он, не раздумывая, бросился в ту арку, через которую скрылась незнакомка. Ноги слушались его, и от этого он чувствовал себя ещё увереннее. За занавеской простирался длинный коридор с множеством дверей. Повсюду были разбросаны обломки стен – в некоторых зияли огромные дыры и провалы, которые открывали взгляду дополнительные комнаты и небольшие залы, к коим этот коридор не вёл изначально. Не зная, куда бежать, Принц решил двигаться вперёд, никуда не сворачивая и не смотря по сторонам. И тут же ему пришлось расстаться с этим намерением – он услышал испуганный человеческий крик, кажется, женский, и резко остановился. Крик был невероятно громким, полным даже не ужаса, а чего-то ещё страшнее, и раскатывался звучным эхом по всему коридору, теряясь в нём. По левую руку от Принца располагалась средних размеров вытянутая комната с ложем в центре, входом в которую сейчас являлась большая, почти в человеческий рост дыра в стене, проделанная на уровне его груди. Нагибая голову, Принц, не раздумывая, взлез на стену, и, спрыгнув на другую сторону, попытался сразу же оценить

обстановку. Перед ним, напротив друг друга, стояли молодая светловолосая девушка и песчаный монстр, невысокий, но какой-то особенно уродливый. Последний крутил в руках увесистую металлическую цепь и хищно смотрел на чуть ли не обезумевшую от страха девушку. Та походила на обычную наложницу. Когда Принц сделал несколько шагов, оба обратили на него внимание. Но если монстр надолго остановился взглядом на Принце, то наложница, увидев его и воспользовавшись тем, что он отвлёк чудовище, бросилась бежать прочь, покинув комнату через обычную дверь, что располагалась в другом конце комнаты.

На счастье, монстр был здесь один, и Принц решил, что ему не составит труда справиться с ним. Он вытянул из-за спины кинжал и достал меч, после чего сразу же рванул к чудовищу и попытался ударить его длинным лезвием как можно сильнее, чтобы лишить его руки, которая сжимала его единственное средство защиты. Но ещё прежде чем меч достиг своей цели, монстр замахнулся цепью и одним резким движением выдернул его из руки Принца. И тут же замахнулся ещё раз, на сей раз обвив ему руку. И Принц сразу же почувствовал пробирающий жуткий холод, которым была пропитана цепь. И этот холод пробирался в него, обжигая его, а цепь будто бы ещё сильнее обвивала его, а из-за холода она будто бы прилипала к его коже, доставляя дикую боль. Громко крича, Принц резко дёрнул руку на себя, стремясь освободить её. И ему это удалось с первого же раза, но пришлось заплатить свою цену – цепь, не желавшая так просто отпускать его, отстала от его руки вместе с кусочками кожи, отчего на ней моментом образовалось несколько продолговатых ран, которые тут же начали жутко кровоточить. После этого Принц буквально озверел. Крича ещё громче, он ударил врага в прыжке сразу обеими ногами, упав при этом на спину и отбросив на порядочное расстояние своего противника. И, тут же вскочив на ноги, Принц разбежался и в прыжке засадил кинжал прямиком в грудь всё ещё лежащему монстру. Однако напоследок, прежде чем раствориться в воздухе, тот успел хлестнуть своей цепью Принца по спине, отчего он ещё сильнее надавил на кинжал, впиваясь им, будто зубом, в тело чудовища. Прошла какая-то секунда, и эта цепь осталась единственным, что напоминало о недавнем существовании монстра, который распался на тысячи крошечных песчинок, часть из которых поглотил кинжал, а часть – Песок, что пропитал здешний воздух.

Всё ещё полный ярости, Принц вскочил на ноги, подбежал к мечу, схватил его и осмотрелся по сторонам. Никого. Поток невероятной силы резко пошёл на убыль, он почувствовал сильное жжение в руке. Он посмотрел на неё и обнаружил, что, к

счастью, несмотря на множественные раны, кровь течёт не так уж сильно. И опять безумная усталость растекалась по его телу, заставляя путаться его мысли, затуманивая и руша их. Принцу не хотелось бежать за напуганной наложницей, а индийскую пленницу он уже упустил, и теперь он опять потерял нить, что хоть как-то связывала его и то, к чему он стремился. А стремился он положить конец этому кошмару, что раскинул свои руки над городом и выжимал из него все соки, так же как это делала сейчас усталость с ним самим. Постоянные скачки сил и настроения, которые, по-видимому, были вызваны Песками, изрядно вымотали его.

Принц решил вернуться обратно в тронный зал. Именно там всё начиналось, возможно, там же можно было найти и какой-нибудь ключ к разгадке. Он подошёл к стене и начал взбираться на неё – сейчас это должно было быть легче, потому что с этой стороны лежал большой отколовшийся камень, но силы покидали Принца ещё быстрее, чем капли крови капали с его пальцев. Поэтому это препятствие доставило ему множество хлопот, прежде чем он наконец-то более-менее уверенно встал обеими ногами на него. И тут же пошатнулся от неожиданности, чуть не упав назад. В коридоре, в десятке шагов от Принца, ближе к противоположной стене, стояла та самая незнакомка в красных одеяниях и смотрела на Принца. По лицу индийской пленницы было видно, что она и сама не совсем была готова к такой встрече, потому что стояла совершенно недвижимо, опустив обе руки и не предпринимая попыток к бегству. Еле удержавшись на ногах, Принц медленно двинулся вперёд. И он уже приготовился медленно спрыгнуть, чтобы не напугать случайную знакомую, которая могла внести хоть какой-то смысл во все его дальнейшие действия или даже, возможно, что-то поведать ему о происходящем. Но тут произошла самая глупая и ненужная вещь, которая только могла случиться: Принц стоял почти на самом краю, и один из камней, как раз тот, на который опиралась его правая нога, отломился и упал на пол. А Принц лишился опоры и полетел вниз. Ударившись спиной о камни, он вскрикнул от боли и отчаянно замахал руками, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь. Но это ему не удалось, и вдобавок ко всему, ударившись затылком, он, уже без сознания, покатился кубарем на пол, ещё раз стукнувшись головой, на этот раз лбом и рассёк его об маленький каменный осколок, после чего остался лежать совершенно недвижимым.

Ему ничего не снилось и не виделось, он просто пролежал около часа в совершенно бессознательном состоянии. За это время усталость, опутавшая его, немного ослабила свою хватку, и, очнувшись, Принц почувствовал себя отдохнувшим и

набравшимся сил. Первое, что он увидел, когда встал на ноги и, покачав головой из стороны в сторону, разомкнул слипшиеся веки, – устремлённый на него самого взгляд пары чёрных глаз: индийская пленница стояла в нескольких шагах от него. Обеими руками она держала перед собой небольшой лук, а из-за спины виднелось несколько стрел. Но лук она держала не наготове, а в опущенных вниз руках, выказывая этим своё доверие.

Принц, конечно же, не заметил этого сразу и, не нащупав рукояти кинжала на привычном месте, выдернул из ножен свой меч – тот оказался при нём – и угрожающим взглядом впился в незнакомку. Та шагнула назад, приподняла свой лук и потянулась за стрелой. В этот момент Принц увидел на своей руке, которая была задета цепью, несколько аккуратных повязок, сделанных из его же рукава. И только тут он по-настоящему смог оценить происходящее и сразу же отступил назад, тихо произнеся:

– Извини.

Повязки были и впрямь хороши: они прекрасно сдерживали кровотечение и не доставляли особых неудобств. Его ладонь была совершенно чистой, не измазанной в крови – бывшая пленница, видимо, позаботилась и об этом! Затылок болел, и Принц коснулся его рукой, а затем внимательно посмотрел на кончики пальцев – никакой крови. Значит, ему повезло и он лишь ударился, не порезавшись. Чувствовалось какое-то неудобство при движении спиной, но совсем незначительное, и Принц мгновенно про него забыл. Он провёл ладонью по лицу от подбородка вверх и откинул слипшиеся от пота волосы со лба.

Коснувшись его, Принц почувствовал глубокую царапину, но она также не кровоточила и почти не болела, однако и не исчезла, как рана на руке.

– Что произошло? – первым заговорил Принц. Его тон был немного грубым и требовательным, но он ничуть не смутил девушку:

– Ты упал и потерял сознание. Я промыла и перевязала твои раны.

Принц почти не понял её слов – он плоховато знал индийский, на котором она говорила, и, уловив лишь слова «ты» и «раны», переспросил:

– Что?

Девушка, видимо, понимала его намного лучше и попыталась сказать свои слова по-персидски:

– Я промыла и перевязала твои раны.

При этих словах она несколько раз совершила такое движение, будто бы она обматывала невидимым куском ткани свою руку, при этом примешивая в речь слова из родного языка.

Теперь картина прояснилась. Принц, конечно же, и без её слов успел понять, что это она перевязала ему руку и остановила кровотечение (в конце концов, если не она, то кто ещё?), но теперь он лишний раз убедился в этом.

– Спасибо, – сказал он. – Но куда ты дела кинжал? Тон Принца сменился на подозрительный. В конце концов, они не были друзьями, скорее наоборот, во всяком случае до недавнего времени.

– Что? Это я у тебя хотела спросить: куда *ты* его дел? – возмутилась девушка. – Без него мы обречены!

– Он был при мне всё это время, я отчётливо помню. Такое ощущение, что обронил его совсем недавно, где-то неподалёку, – несколько рассеянно ответил Принц. И подумал про себя: «Стала бы она со мной возиться, будь кинжал у меня. Вытащила бы, и убежала. И дело с концами! С этого момента я доверяю только самому себе!»

– Может быть, стоит его поискать? Иначе всё пропало… – то ли с упрёком, то ли с грустью сказала бывшая пленница.

– Тебе что-то известно об этом кинжале? Или о Песках? Почему ты так говоришь? – заинтересованно спросил Принц.

– С самого детства отец рассказывал мне, что внутри этих Песочных Часов живёт ужасный зверь, который рушит всё вокруг. Что самые жуткие вещи начнут происходить, если кто-то откроет Пески Времени. Я всегда знала, что кинжал – ключ к Пескам. Я пыталась остановить тебя, но всё произошло так неожиданно и стремительно, что ничего нельзя было поделать, – рассказала девушка.

– Всё, что ты рассказала, для меня не новость. Вопрос в другом – можно ли это как-то исправить? – нетерпеливо отвечал Принц. – Только не начинай говорить что-то вроде «отдай кинжал мне!». Я сделаю всё сам, но, возможно, ты сможешь помочь мне?

– Я уже помогаю тебе. И расскажу всё, что знаю или могу вспомнить, – как можно спокойнее отвечала незнакомка. Она попыталась убрать из голоса всю обиду и раздражение.

– Говори, – в ожидании произнёс Принц.

– Любой ключ может не только отпирать, но и запирать. И любого зверя можно загнать обратно в клетку. Я точно не знаю, как именно можно это сделать: мой отец тщательно охранял секреты кинжала и Часов – он откуда-то знал о них намного больше, чем остальные. Сейчас важно то, что пока кинжал не попал к визирю, он слаб, с ним можно справиться, он не всемогущ. Но попади кинжал к нему – и тогда никому не спастись, – мрачно проговорила девушка. – Я знаю, ты не доверяешь мне. Думаешь, что я хочу мести. Да, внутри меня кипит буря. Во всём, что случилось за последние дни, виноват ты,

но сейчас это не важно. Мы посреди бури, самой грозной и безжалостной. И нам нужно выстоять.

– Всё это так сложно. Твой вероломный визирь обманул меня. Я видел, как мой отец превратился в Песок! А потом… это был уже не он.

– Мне очень жаль. Я знаю, что такое потерять отца. Именно поэтому я не хочу мести. Ты и так получил сполна. Не жди моего прощения, но видь во мне союзника.

Сбросив с лица недоверчивое выражение, Принц с самой большой добротой и благодарностью в голосе, на которые был сейчас способен, сказал почему-то по-индийски:

– Спасибо!

На лице девушки скользнула робкая улыбка, пробившая стену недоверия и непонимания между ними. А проблема с языками была совершенно пустячной и мгновенно перестала волновать обоих. Самое главное было то, что они просто люди, а не чудовища. Но, только лишь забыв о проблеме, решить её было невозможно, поэтому бывшая пленница начала с самого простого. Поднеся указательный палец к груди, она произнесла:

– Фара. Меня зовут Фара. Я индийская принцесса, дочь великого Магараджи.

Эти слова Принц понял легко и сразу и, не задумываясь, ответил:

– А меня …

И тут он почувствовал режущую сухость в горле: его мучила сильная жажда, и он был не в силах говорить. На счастье, его взгляд сразу же упал на кувшин, что стоял в нескольких шагах от него – видимо, в нём Фара принесла воду, которой она промыла раны Принца. И он кинулся к нему, опрокидывая в иссушенное горло поток воды, который, вытекая из широкого горлышка, лился не только Принцу в рот, но и, стекая по щекам и подбородку, капал на одежду и пол. Делая жадные глотки, Принц отметил про себя какой-то особенный вкус воды. Вероятно, он казался ему таким оттого, что он сильно хотел пить. Но сам он так не думал, потому что, когда капли этой воды затекали за одежду и попадали на его кожу, он тоже чувствовал что-то особенное. Он словно бы ощущал этот вкус своим телом. Хотя одновременно с этим он прекрасно знал, что ничего такого в этой воде не было – она, как и обычная, не имела ярко-выраженного вкуса, каким обладала еда, но всё же эти капли как-то по-особенному действовали на мысли. Они, всё ещё бешено мечущиеся в его голове, постепенно замедлялись и прояснялись, ненужные уходили, и приходило более или менее ясное осознание происходящего. Возможно, это произошло даже слишком резко, потому что Принц сразу вспомнил смерть отца,

ужас, который пропитал его самого и всё вокруг несколько часов назад.

Но, с другой стороны, он чётко представлял ситуацию и не бегал за иллюзиями. Он держал правду в своих руках. Она доставляла боль, но была правдой и не собиралась рассыпаться на глазах. И он должен пройти с этой правдой от начала до конца, каким бы он ни был. Сейчас эта правда виделась Принцу хотя бы в том, что у него болели лоб и рука, даже будучи заботливо обработанными. Но Фара была Человеком, а не Песками и не могла мгновенно залечить. Вопрос же был в том – действительно ли последние могли лечить и заживлять? Спрятанная боль не перестаёт существовать и неизвестно, чем она обернётся. А сейчас всё было довольно очевидным. Видя свои раны, можно наблюдать за тем, как они заживают. Пусть медленно, зато верно. По-настоящему.

Примерно такие мысли вертелись в голове Принца, пока он вслед за Фарой шёл обратно в зал с балконами. И он постепенно осознавал, что не так уж и ошибся в своём недавнем выборе. Единственное, чего он не понимал, – почему кинжал не смог показать ему правду о его мимолётном, но, как оказалось, важном воспоминании? Но тогда ему в голову ещё не приходило, что кинжал мог сделать это специально.

Как бы то ни было, возле него сейчас шёл настоящий живой человек, и от его присутствия Принцу становилось намного легче. Но одновременно с этим он начинал чувствовать себя виноватым перед Фарой. Ему вспомнилась та непомерная грусть в её глазах, которую он случайно заметил несколько дней назад в пустыне. Сейчас, поймав несколько её случайных взглядов – она изредка оборачивалась, как бы беспокоясь о нём и о том, что ему может сделаться хуже – он не мог уловить никакой грусти. Или она слишком хорошо прятала её, или его присутствие ей было так же приятно и гасило эту скорбь. Он так и не назвал ей своё имя – сначала не смог из-за пересохшего горла, а потом решил, что это не так уж и важно. Ему хотелось молчать. Хотя он даже не подозревал, как много он может рассказать ей сейчас.

Выйдя на балкон и подойдя к краю, они остановились и посмотрели вниз. За время их отсутствия пустынная картина совершенно не изменилась, и незнающему человеку могло показаться, что всё нормально.

«Кинжал!» – пронеслось в голове у Принца.

– Погоди, нам нужно найти кинжал. Кажется, я знаю, где он, – сказал Принц, убегая обратно в коридор. А затем, уже из-за длинных занавесок, крикнул Фаре: «Я обронил его, когда падал с уступа. Сейчас поищу». Фара не последовала за ним, выжидая, чем закончатся поиски. Про себя она подумала что-то о том, как

же беспечно Принц обращается с такой важной вещью, но эта мысль не занимала её долго.

Не прошло и пары минут, как Принц вышел из коридора, сжимая в руках кинжал. Глаза Фары раскрылись чуть шире, а рука её непроизвольно дёрнулась. Принц заметил это и сказал:

– Помни о нашем уговоре.

Фара промолчала в ответ, проводив Принца взглядом до перил.

Посмотрев куда-то вдаль, на противоположную сторону зала, Принц подумал: «Пусть считает меня растяпой и недалёким глупцом. Пока я не могу ей доверять. Посмотрим, что будет дальше». А вслух он произнёс лишь:

– Дворец… он красивый, не правда ли?

– Да, но так ли это сейчас важно? Нам нужно спешить! Нужно найти Часы! – с лёгким раздражением ответила Фара.

«Она ещё и командует мной! Да, я, конечно, у неё в долгу – она почти спасла мне жизнь. Но чтобы какая-то девчонка командовала мной? Нет, пожалуй, роль глупца не подойдёт, надо показать ей, кто тут главный!», – подумал Принц, произнеся вслух всего лишь:

– Погоди минутку, мне нужно прийти в себя.

Затем Принц отвернулся от перил и упёрся в них спиной – всё внизу слишком живо напоминало ему о его собственных ужасе и боли. Краем глаза он продолжал смотреть на Фару. А та решила вновь заговорить, переменив тему:

– Это было ужасно… Когда ты выпустил Пески, я ощутила сильный жар и стало очень трудно дышать.

Принц почему-то ожидал особенного ударения на слове «ты», но Фара произнесла его совершенно наравне с остальными. Принцу понравилось, как Фара смягчила свой тон по его просьбе. «Возможно, есть и другие способы влиять на неё», – подумал он.

– А я, наоборот, помню дикий холод, – ответил Принц.

– Странно… – как-то неопределённо протянула Фара.

– Да, странно. А тебе не кажется, что сейчас всё странно? Странно то, что произошло. То, что мы вообще живы, что не стали одним из этих ужасных созданий, – Принц, казалось, вот-вот сорвётся.

– Поэтому я и убегала прочь от тебя. Я боялась, что ты – один из них. Скажи, ведь это не так? – взволнованно спросила Фара. Она знала, что Принц не чудовище, но всё равно задала ему этот вопрос.

– Нет… Нет! – воскликнул Принц.

– Хорошо. Это хорошо! Но… – спокойным, но грустным голосом отвечала Фара.

– Но что? – спросил Принц.

– Я не знаю. Не знаю что делать! Чем кончится этот кошмар? Если он вообще кончится… – с отчаянием в голосе проговорила Фара. – Как бы храбро ты ни сражался, Песок… он пожрёт, пожрёт всё!

И словно бы в подтверждение её слов стены едва заметно затряслись и где-то вдали прокатился гул, вероятно, от того, что откололась и упала очередная каменная глыба. Дворец продолжал испытывать давление стихии и рушился.

– Зато, кажется, я знаю что делать, – и тут Принц начал свой рассказ о том, что он недавно видел и пережил, стараясь не пропустить никаких деталей. Он уже убедился в том, как случайный обрывок, вцепившийся в память, может круто изменить ситуацию. Рассказал о кинжале, о том, как он умеет погружать в прошлое, в забытые воспоминания, причём даже чужие. О том, что почти не помнит отрезка времени сразу после открытия Песков. Он точно знал, что прошло час или два с тех пор, но совершенно не помнил их в деталях:

– Будто бы кто-то взял и отобрал час жизни! Ровным счётом ничего, только жуткий холод! – говорил Принц.

Даже его сон представлялся ему яснее. Там он помнил какие-то белые глаза… пятна… оранжевые… да, оранжевые облака или дым – ему вспомнилась ещё одна деталь. И где-то глубоко внутри себя он чувствовал, что его странный забытый сон связан с этими потерянными часами. Каким-то невероятным образом всё сейчас было связано, обвито тонкими нитями, объединявшими воедино то, что, казалось бы, не может существовать одновременно и так близко.

Затем Принц рассказал о том, что помнил – что он увидел, попав сначала в этот зал, а затем тронный, туда, где когда-то стояли Часы, об убедительной лжи визиря и их бессловесном противостоянии. К тому времени когда он подошёл к рассказу об огромных птицах, на лице Фары уже окончательно поселилось невероятное удивление. Она заворожено слушала, пытаясь одновременно не упустить ни слова и представить всё, что происходило с Принцем, по его собственным словам. Несколько раз она надолго переводила взгляд на огромное окно, разбитое птицами, с трудом отрывая его от глаз Принца. Иногда ей казалось, что говорит не он, а его глаза, а сам он молчит и вообще не умеет говорить. Она видела в этих глазах что-то особенное, что-то незаметное со стороны, если только не вглядываться в них часами. Что-то такое, что почувствовал Принц во вкусе воды из кувшина. Они были голубыми и почему-то напоминали небо. Небо свободное от всего, небо, ставшее домом для ветра, несущего только свежий воздух, без единой, отравляющей эту свежесть, песчинки.

– Держись меня и я смогу тебя защитить. Тебе не устоять одной, а если что-нибудь случится, кинжал нам поможет. Да, это оружие врага, но сейчас мы можем использовать его против него самого, – сказал Принц. – А что касается Часов – визирь переправил их на самый верх башни Рассвета. Это самая высокая башня в городе. Отец рассказывал мне, что там находится сокровищница султана. Наверняка это самое неприступное место во всём Азаде! Но у нас нет выбора, и нам нужно отправляться именно туда.

– Башня Рассвета? Но откуда ты знаешь? – удивлённо спросила Фара.

– Я просто… знаю, – немного самодовольно проговорил Принц.

Ничего не сказав, Фара бросила на Принца чуть сердитый и даже подозрительный взгляд, который тот не заметил: в этот момент он отвернулся. Девушка чувствовала раздражение. С одной стороны, он рассказывал ей всё, но с другой – вёл себя несколько нахально и глупо. Да ещё и не договаривал чего-то. Вдобавок, он был в первых рядах тех, кто напал на её город, на дворец. Тех, кто убил её отца. Он был тем, кто открыл Пески и, обрекая всех на верную смерть, выпустил кошмар из заточения. Худшего союзника просто невозможно представить! Но что-то заставляло эти мысли даже не приближаться к её голове. Будто бы это вовсе был и не он, а кто-то в его теле, кто совершил весь этот ужас. А настоящий он сидит в этих глазах. И каждое его слово, чуть вылетая изо рта, обрастало миллионом других слов, делая картину невообразимо пёстрой. Хотя на самом деле, Принц, несмотря на все свои старания, говорил довольно скупо и немного непонятно. Но она его понимала. Она не замечала, что он говорит на персидском и некоторые его слова ей были неизвестны. Между ними была какая-то связь, непонятная, непохожая на ту, что была между визирем и мыслями Принца – та протекала через Пески и могла существовать только вместе с ними. А эта, казалось, существовала вечно и была совсем другой, может, чуть слабее, но по-своему особенной.

Когда Принц дошёл до рассказа об исчезновении визиря, Фара стала немного забываться, пленённая своими мыслями. К ней подкатывала грусть, перемешанная с болью. Болью потери, которая преследовала её вечно. Казалось, что даже если вдруг враз всё вернуть на свои места, в то время, когда её отец был жив, и на город не нападало персидское войско, она не сможет забыть. Сердце, живущее с постоянной неугасающей болью, никогда не сможет совершить то, к чему оно призвано.

– Фара!

– Да?

– Ты меня слушаешь?

– Да…

Принц уже несколько минут назад заметил, что Фара смотрит как бы сквозь него, и по её глазам явно видно, что она воспринимает далеко не все его слова. Поэтому он постарался вернуть её к реальности, позвав её, как можно больше смягчив голос. Это и впрямь подействовало.

– На чём ты остановился? – извиняющимся голосом спросила она.

– Большое золотисто-белое облако, кажется из Песка… – ответил Принц.

– Ах да… – Фара будто бы помнила каждое его слово, хотя половину из них и не расслышала. Связь между ними была действительно реальной: она как бы прочувствовала всё то, что он сказал ей. Не прочитала его мысли, а просто прочувствовала.

– И что дальше? – спросила она.

– Не знаю. Вернее, не помню, – рассеянно сказал Принц.

– Опять? – удивлённо и с усмешкой спрашивала Фара. – Кажется, ты слишком сильно ударился головой!

Сдержав недовольство, Принц продолжал, рассказывая Фаре о чём-то более важном для него:

– Я, кажется, видел какой-то сон, но никак не могу вспомнить, что в нём было! Какие-то непонятные обрывки и всё, – сказал Принц, и по его лицу стало видно, что он о чём-то задумался.

– Разве это так важно? По-моему есть проблемы и пореальнее! – сказала Фара.

– Прости, что? – Принц отвлёкся и смотрел в другую сторону, а не в её глаза, как делал до этого, и поэтому не понял её слов.

– Твой сон – он так важен? – повторила Фара, поняв, в чём дело.

– Как я могу сказать, если я не знаю, что в нём было? – ответил Принц, немного удивлённо.

– Ты не так понял: неужели ты так хочешь узнать, что в нём было? – уточнила девушка.

– Да. Мне почему-то кажется… – Принц прервался, подумал о чём-то, подняв взгляд вверх, так, будто пытался рассмотреть свой лоб, и продолжил, – что в этом сне было нечто такое, что я обязательно должен был увидеть. Не знаю почему, но эта мысль не покидает меня.

– Может, оно и вправду так. Но… – начала отвечать Фара, однако Принц оборвал её на полуслове:

– Я не рассказал кое-что ещё. После того, как птицы пролетели через окно, а затем исчез визирь, я случайно упал вниз на балкон и поранил руку. Вернее я поранил её ещё до

этого, своим мечом, а потом, когда упал, я расцарапал обе руки о стекло. Но, – Принц демонстративно выставил обе ладони вперёд, показывая их Фаре, – когда я очнулся, я не обнаружил ни одной раны!

– Это просто невероятно! Теперь я понимаю! – удивлённо сказала Фара, зная, что каждое слово Принца правда. – Я бы тоже захотела узнать, если бы со мной произошло что-то такое!

– Но я ничего не помню. Почти ничего, – сказал Принц и посмотрел на Фару. Вернее, он и так на неё смотрел, а теперь заглянул будто бы внутрь неё. Не просто взгляд в глаза, а взгляд в душу. Сейчас он сумел рассмотреть аккуратно спрятанные частицы большой грусти и в уголках её чёных глаз. Да, ей было больно. Чувство пустоты в груди лишь усилилось за несколько последних дней, но она старалась не выказывать его. То, что жило внутри её души, будто бы закрывало её от Песков, будучи непреодолимым для них щитом.

– А после всего этого я поднялся обратно в этот зал и увидел тебя. Ну а дальше ты знаешь лучше меня! – закончил свой рассказ Принц.

Он не стал рассказывать ей про странный обрывок памяти, в котором был только маленький клочок чего-то красного, который оказался её платьем. Она не поймёт. Не поймёт, потому что он не сможет вразумительно объяснить.

– Да… – сказала Фара в ответ, а затем Принц увидел, как она хочет что-то сказать, но не говорит, и слова умерли по другую сторону её губ.

– Что? – спросил Принц в надежде услышать эти слова.

– Что? – в голосе Фары послышалось удивление.

– Ты что-то хотела сказать. Мне так показалось, – объяснил Принц.

– Я… нет. Точнее, не знаю, – говорила Фара медленно, словно с сожалением отдавая каждое слово.

Повисла пауза. Каждый смотрел другому в глаза, но смотрел так, будто пытался спрятаться от этого самого взгляда. Принц пытался понять, как ему относиться к Фаре: она то сердила его, дерзила ему, то наоборот выказывала дружелюбие. И не заискивала перед ним, как визирь, и оттого казалась честнее.

– Ну так что? – первым нарушил молчание Принц.

– А, да, прости… – Фара слишком погрузилась в молчание и даже немного забылась, после чего сбивчиво и взволнованно заговорила. – Я никак не могу отвязаться от воспоминаний. Прошло всего несколько часов, а мне кажется, что я живу в этом аду уже всю жизнь. И лучше всего я помню его начало: жар, невыносимый, душный. Я тогда очень напугалась. Всё происходило так быстро…

Принц стоял, вцепившись рукой в мраморные перила, и казалось, будь у него чуть больше силы, он сдавил бы их так, что раскрошил в пыль. Злоба перемешивалась в нём с чувством вины. Злоба на визиря, который подтолкнул его открыть эти злосчастные Часы. Пожалуй, своей вины в произошедшем он ощущал меньше, чем следовало бы. Пока он находил оправдание в своей злобе. Виноват кто-то другой, а не он. Но внешне он держался спокойно и не подавал виду.

– Я побежала в ближайшую дверь. Я… мне… Я не знала, куда можно деться от этого жара. Он не давал мне даже остановиться и отдышаться, хотя бы на минуту, а вместо этого гнал куда-то. Я долго бегала по каким-то коридорам, из одного в другой, и нигде мне не становилось легче. Я искала какой-нибудь балкон, окно или выход из дворца. Но если я и пробегала мимо них, то наверно не заметила.

Рассказ Фары был сбивчив, по ней было видно, что она будто бы заново переживает все события. Иногда она останавливалась, чтобы перевести дыхание и собраться с мыслями.

***

Она никогда так не бегала. Она не понимала, откуда в её ногах взялось столько силы и прыти. Что-то гнало её вперёд, прочь от ужаса. Навстречу ужасу. Делая шаг за шагом, она чувствовала, что бежит, словно по углям или по раскалённому железу. И это было не от переизбытка страха, грызущего её изнутри, – это было по-настоящему. Этот жар был не похож на тот, что испускало солнце пустыни. Он был стократ сильнее и жёг не только снаружи, но и изнутри, сдавливая даже сердце.

Она не замечала, но слёзы катились одна за другой из её глаз и сбегали по щекам одним ручьём. Иногда ей казалось, что воздух становится чуть свежее, не таким душным, но через несколько секунд жар возобновлялся с большей силой, будто бы кто-то подбрасывал углей в незримую топку, от которой воздух и становился таким горячим. И он новыми волнами раскатывался по её телу, по её душе. Ей казалось, что она слышит какие-то крики, но не со стороны, а внутри себя.

Один раз она завернула не в тот коридор и через несколько шагов уперлась в стену. Выхода отсюда, кроме как поворота назад не было. Но такая простая идея не посчитала нужным посетить её голову. Фара остановилась у самой стены, чуть не влетев в неё на полном ходу. И если бы она её не заметила, то возможно протаранила бы и побежала дальше, как ни в чём не бывало – столько было в ней желания бежать и жить.

Она развернулась. Она тяжело дышала. Носом – дышать ртом ей больше не хотелось – она и так уже обожгла всё горло. Но и пить ей не хотелось, да это бы и не помогло. Ощущение не было похоже на жажду. Оно вообще было ни на что не похоже. Особенное. Но от этого ничуть не приятное. Упираясь спиной в стену и положив на неё обе ладони, она пыталась что-то сообразить, хотя бы, например, куда ей бежать дальше. И что делать. И можно ли вообще что-нибудь поделать с этим… этим… У неё не находилось подходящего слова, чтобы описать происходящее. И будь в её распоряжении тысяча самых сильных слов, они бы не смогли выразить всё, что она чувствовала. Её ощущение этой реальности. Новой, безумно противной, жестокой и совершенно бессмысленной, но, к сожалению, той, от которой нельзя уйти или убежать. Она повсюду. И снаружи, и внутри неё. И даже на границе между ней и остальным миром. И нельзя было выцарапать выход наружу, даже если потратить на эту сотню лет. Не было стены, которую можно расцарапать, поэтому и нельзя. Нельзя выбраться из того, что повсюду.

Лучшее, что она придумала сделать, – побежать обратно и потом свернуть в другой коридор: может хоть там удача улыбнётся ей? И она побежала, больше не раздумывая, тем более стоять на месте оказалось ещё ужаснее, чем бежать. Рванула ещё быстрее прежнего, но пробежала совсем недолго. Намного меньше, чем рассчитывала.

Выбегая из небольшого отворота в длинном коридоре, она на полной скорости столкнулась с кем-то лоб в лоб и, издав недолгий крик, полный досады и боли – всё-таки не очень приятно врезаться вот так в кого-то или во что-то, да ещё головой – повалилась на пол. Одновременно с её криком раздался второй. Он тоже принадлежал девушке, которая точно так же упала на пол, но, к счастью, удачно, ничем не ударившись.

Первая и вполне естественная реакция Фары была в том, что она попыталась вскочить и убежать. Она с трудом отдавала себе отчёт в том, что она делала, и поэтому её мысли были довольно туманны, и она уже не могла отличить чёрное от белого, холодное от горячего. Она вообще ничего не различала. Всё, что окружало её, сплелось в единый комок боли, который застрял у неё в горле и почти не давал дышать. Поэтому, даже когда она кое-как пришла в себя, из её рта вырвалось какое-то кряхтение, сдавленное кашлем, причём настолько натужным, что, казалось, она вот-вот выдерет им свою душу из своего же тела.

Реакция второй девушки была довольно похожей, но той почти сразу же удалось выдавить из себя что-то более членораздельное и вразумительное:

– Кто ты? – бросила она резко, с вызовом и одновременно с надеждой.

– Кху-кху! – послышалось от Фары.

– Кто ты?! – уже требовательно закричала незнакомка.

Её поведение было вполне объяснимо – она тоже боялась. Отчаяние и страх могу придавать много сил и заставлять совершать странные и порой невероятные, почти невозможные вещи.

– Я… кхе-кхе…меня… Я – Фара, – наконец-то справилась с собой индийка.

– Ты человек?! – почти таким же требовательным тоном, но уже потише спросила незнакомка.

Фара была сбита с толку таким вопросом, хотя примерно и понимала, в чём его суть. Она по очереди осмотрела свои руки, затем почему-то посмотрела на свои колени и сказала:

– Ну, вроде да…

И, сказав это, она посмотрела своей новой знакомой в глаза. Обычные карие глаза. Человеческие. Такие же, как и её собственные, с той разницей, что её глаза были почти чёрными. И та, увидев этот человеческий взгляд, сразу же успокоилась – это мгновенно стало понятно по её голосу.

– Да, вижу… – сказала она.

И только тут Фара обратила внимание на одну странность: она прекрасно понимала то, что говорила незнакомка. Просто потому, что та говорила на её родном языке, и она не задумываясь, совершенно легко воспринимала эти слова.

И незнакомка продолжила:

– Извини, просто …

– Я понимаю! – ответила Фара.

– Да, я уже дважды натыкалась на этих созданий, – сказала вторая девушка, причём было видно, как при слове «созданий» её передёрнуло.

– Каких? – Фара, сама не понимая почему, задала такой странный вопрос.

– Как? Неужели ты не видела этих ужасных жёлтых глаз?! Этих изуродованных тел, этих… – удивлённо спросила девушка, широко раскрыв глаза и даже не договорив последних слов.

– Видела, – сказала Фара, всё ещё удивляясь самой себе и смотря куда-то в сторону.

И действительно, в её памяти резко всплыла фигура ужасного монстра с двумя яркими жёлтыми огнями на лице, напоминавшими глаза лишь по форме. Создавалась впечатление, что он не видит этими глазами, а просто источает Песок, который будто бы ощупывает всё вокруг. И это жуткое зрелище заставило

её побежать ещё быстрее. К её счастью и удивлению, монстр не рванул за ней. А может, она просто слишком быстро бежала?

Только сейчас Фара стала понимать, что жар усиливался до невыносимости именно тогда, когда она находилась поблизости от чудовища, и немного угасал, когда никого не было вокруг. Что это? Действие Песка или что-то внутри самих чудовищ? Может быть, это их разорванные души, некогда принадлежавшие людям?

– Тогда почему ты спрашиваешь? – обратилась вопрошающе незнакомка к Фаре, прервав её размышления.

– Просто я… Я не совсем понимаю, что же происходит! У меня путаются мысли, мне страшно и ужасно жарко! – выпалила Фара, причём в последних словах чувствовалось, как её охватывает паника. И она сама чувствовала, как ей вновь хочется вскочить и вновь побежать.

Именно это она и сделала, но, только сделав пару шагов, услышала за спиной:

– Стой!

И Фара остановилась. От неожиданности. От приказного тона. От того, что поняла, какую глупость она совершает – она, едва найдя хоть одного нормального живого человека, да ещё говорящего на её родном языке (а значит, она тоже была одной из пленниц и не меньше Фары желала сбежать), и зачем-то собиралась бросить её.

Незнакомка за время этих размышлений встала с пола, потирая лоб, и подошла к Фаре.

– Куда ты? – её голос потерял всю свою напористость и теперь звучал испуганно – ей не очень то хотелось отпускать, возможно, единственного, кроме неё, живого человека в этом замке.

– Мне просто трудно дышать. И хочется куда-то бежать. Но я не знаю, куда именно, – ответила Фара и уткнулась взглядом в пол, по-прежнему тяжело дыша.

– Лучше пойдём вместе! Может, найдём место, где тебе будет полегче, – сказала незнакомка.

И они пошли. Вернее, побежали – по-другому Фара не могла.

Вскоре они добрались до какого-то места, в котором Фара ещё не успела побывать за последние час или два – она с трудом могла представить, сколько же прошло времени с той роковой секунды.

– О чём ты всё время думаешь и почему молчишь? – голос незнакомки вновь вырвал Фару из задумчивости.

– Ты была *там*? – сказала Фара, делая особенное ударение на последнем слове.

– В зале? Когда *он* открыл Песочные Часы? – ответила вторая девушка, причём при слове «он» её глаза загорелись яростью.

– Да, – ответила Фара.

– Да, была. И, – незнакомка мечтательно выставила одну руку вперёд, с силой согнув пальцы, будто бы пытаясь вцепиться в воздух, – попадись он мне, я задушила бы его собственными руками!

– Я думаю, это ничего не изменит, – ответила Фара. Её мысли начинали выстраиваться в ровную линию, и ей не нравилось то, с какой агрессией её новоявленная знакомая говорила о Принце. Да, она сама была безмерно зла на него, но сейчас его смерть никак не помогла бы делу. И Фара добавила:

– Зачем?

– Зачем?! Ты ещё спрашиваешь? Ты тоже была там! Ведь так?! И сама всё видела! И после этого ты ещё спрашиваешь?! Если бы не он…! – криком полным всё той же ярости, ответила незнакомка, почему-то остановившись на слове «он», причём интонация её голоса по-прежнему не сулила Принцу ничего хорошего, окажись он рядом.

Фара не стала отвечать сразу, хотя и почувствовала на себе выпытывающий взгляд, полный негодования, которое буквально лилось из глаз незнакомки. Вместо этого она осмотрела то место, в которое они попали.

А попали они в место вроде оружейной дворцовой охраны. Вдоль стены тянулся ряд из мечей, убранных в ножны. На другой стене точно таким же образом были выставлены луки разных размеров – сначала поменьше, затем покрупней, а над каждым из них висело по колчану стрел с коричнево-красным оперением. Чуть дальше в стене виднелись несколько дверей, но ещё издали было видно, что они закрыты.

Девушки зачем-то остановились. Фара уже не чувствовала такого непомерного желания бежать. Может, своё действие оказало то, что это помещение было особенно прохладным. Фара даже заметила, как по рукам незнакомки пробежались мурашки и та невольно вздрогнула. Однако это не смогло выбить из неё напористости, и она вновь обратилась к Фаре:

– Ты не ответила!

– Что? Ах да! Я… – решила ответить принцесса, но не смогла сразу найти подходящих слов.

– Что?! Что ты? Неужели ты не желаешь смерти этому мерзавцу?! – почти проревела вторая девушка.

Фара вновь посмотрела на неё с непониманием. А та, видимо, будучи уже на грани срыва, переставала походить на человека. Вернее, её глаза – они кипели злобой и, несмотря на цвет, уже мало чем отличались от жёлтых глаз песчаного монстра.

– Успокойся! Я просто подумала, а что если вдруг… – начала отвечать Фара, но, так и не успев сказать, что же она такого подумала, оборвала фразу и резко, неожиданно громко для себя самой крикнула:

– Берегись!

Откуда-то из-за угла выбежал монстр, за которым тянулся длинный полупрозрачный жёлтый шлейф из Песка, рассеивавшегося повсюду.

Незнакомка, стоявшая к нему спиной, мгновенно отреагировала и отпрыгнула в сторону. Едва не рухнув на пол от резкости собственного прыжка, она побежала к левой стене и успела выхватить ближайший к ней лук. Но монстр, сразу рванувший за ней, напугал её, и стрелы, к которым она потянулась рукой, вскоре оказались для неё недосягаемы, потому что жить ей хотелось больше, и она отбежала в другую сторону.

– Стрелы! Стрелы!! – кричала она Фаре.

Та, сразу же оценив ситуацию, сдёрнула со стены ближайший колчан, но вместо того, чтобы бросить его незнакомке целиком, выхватила одну стрелу и аккуратно кинула ей. И, на счастье, та схватила её и сразу же применила по назначению – вставила в лук, натянула тетиву и с яростным криком отпустила на волю. Стрела угодила прямиком в песчаный глаз, причём довольно вовремя, потому что непомерно длинный для невысокого монстра меч чуть не достиг горла девушки. Но стрела, острие которой вышло из затылка монстра, ударила в него с достаточной силой, для того чтобы отбросить его назад. И, как ни странно, эта стрела убила его. И пока он падал на пол, Песок уже успел разорвать его тело и впитал его до песчинки без остатка, и только длинный меч и обрывки одежды упали на пол рядом с тем местом, где он стоял.

Фара посмотрела на незнакомку. Кроме страха и одновременной с ним ярости, на её лице читалось что-то ещё. У неё было такое выражение лица, будто бы в неё всё таки вонзили меч. Гримаса боли исказила её лицо. Но обычно на таких лицах читается невероятное желание жить. А сейчас Фара не видела ничего подобного. Но не потому, что она не хотела жить, а потому, что она и не умирала! Умирала её душа, но не она сама: по её телу пробегали странные тускло-жёлтые полосы, местами вырывавшиеся наружу в виде ярких лучей. Только лучи эти были странными. Они не исходили не из её тела, а, наоборот, вливались в него. Оно словно бы поглощало Песок из воздуха. Постепенно глаза незнакомки потеряли остатки человечности, кожа приобрела странный серый цвет, и она издала жуткий пробирающий вопль, от которого даже Фаре стало холодно. Она не поняла, что же именно заставило девушку вот так

превратиться в чудовище. Дрожащей рукой Фара схватила другой лук, вложила в него стрелу из того же колчана, который она всё ещё держала в руке, и выстрелила. Цель была поражена почти мгновенно. Стрела попала в грудь девушке-монстру, чуть выше живота, и та мгновенно умерла, не успев сделать и пары шагов к напуганной Фаре. Умерла почти так же, как и минуту назад неизвестно откуда взявшийся песчаный солдат.

Фара не помнила, когда ей приходилось последний раз стрелять из лука. Она была неплохо обучена этому в детстве, но всё же это было довольно давно, лет семь или восемь тому назад. Но, видимо, это умение хорошо сохранилось в ней, и она смогла выпустить стрелу почти безупречно, попав при этом в изначально намеченную цель.

Подняв колчан с пола и перекинув его через плечо, Фара обхватила лук пальцами так, что впилась ногтями в свою же ладонь, чуть не расцарапав её до крови. И, почувствовав в воздухе уже знакомый, но оттого ещё более противный и жгучий жар, вновь побежала. Так быстро, как только могла. И что-то опять придавало ей силу, хотя этих сил у неё почти не оставалось.

Она опять не разбирала дороги и хаотично поворачивала то направо, то налево. И вдруг Фара почувствовала, что уже пробегала по этому коридору. Это смутило её, и она случайно споткнулась о какой-то камень на полу и, пролетев некоторое расстояние, упала на пол. К её счастью, тот оказался гладким, без случайных осколков и трещин. Поэтому, падая, она просто ударилась коленом и выронила из руки лук. Всё ещё продолжая мысленно бежать, Фара сразу же села, но, поняв в чём дело, уже не смогла подняться: она почувствовала, как силы почти окончательно покинули её дрожащее тело. Она только смогла прислониться спиной к стене, пододвинув к себе поближе колени, и испустить дикий отчаянный крик, который ледяным эхом прокатился по стенам коридора, заставляя их содрогнуться. Так, будто бы стены почувствовали ту боль, что впивалась девушке в горло.

И Фара заплакала по-настоящему. Как маленький ребёнок. Завыла как дикий зверь или сильный ветер. Слёзы, полные боли, отчаяния, грусти, обиды и просто страха (хотя он уже давно померк по сравнению со всем остальным), стекали по её щекам, потом по шее и, оцарапав горло, впитывались в платье. Несколько раз она приставляла обе ладони к лицу, сложив их клином, и закапывалась в них носом, отчего капли бежали по пальцам, заставляя их вздрагивать. Её подбородок лихорадочно трясся в иногда немом крике, который время от времени превращался в настоящий вопль или прерывистые, будто их кто-то отрезал друг от друга, всхлипы. Фару почти не волновало то, что её могут

услышать, а ведь именно сейчас её было так легко застать врасплох. Что может быть хуже? Кошмар, о котором ей так много рассказывал отец, случился, он сейчас повсюду, и его хватка подбирается всё ближе к её горлу. Есть ли вообще какой-то смысл жить? Может, через минуту она так же превратится в песчаное чудовище, как та девушка? Почему эти проклятые коридоры не заканчиваются?

И больше всего боли доставляло то, что она не может погрузиться в забытье, хоть на секунду. Она потеряла счёт времени, но по-прежнему чувствовала каждую секунду своей ненавистной бессмысленной жизни, из которой нельзя найти выхода. Она чувствовала, как на её нижней губе образовался комочек слюны, который она сначала выдувала изо рта с выдохом, а затем втягивала обратно со вздохом. Тяжёлым, глубоким и прерывистым вздохом. Иногда настолько прерывистым, что ей начинало не хватать воздуха. Фара чувствовала, что она совершенно обессилела. Она едва могла пошевелить руками или губами. Она уже не могла кричать – голос, её собственный голос перестал её слушаться! Из её горла, заткнутого комком боли, изредка вылетало лишь слабое, чуть слышное сипение, которое перекрывалось звуками бешено бьющегося сердца. Оно не просто билось. Оно разрывало её изнутри. Разрывало, потому что с каждым ударом по её телу пробегала волна медленно убивавшего её жара. Если бы Фара могла, она приказала бы сердцу остановиться. Она не знала зачем… Зачем ей жить? Зачем ей сидеть тут и безудержно рыдать? Не знала ничего. Но чувствовала всё. Вся боль мира будто бы разом впилась в неё, в её сердце своими острыми длинными когтями и желала пытать её вечно.

Один раз ей удалось собраться с силами и сделать отчаянный рывок, целью которого было встать на ноги и убежать, но ещё прежде чем она успела переставить ногу, делая первый шаг, она вновь повалилась на пол и на этот раз уже не прижалась спиной к стене, а так и осталась лежать на боку с подогнутыми коленями и продолжала смачивать пол солёной грустью. При этом где-то на задворках сознания мерцала одна мысль – почему всё произошедшее она воспринимает столь эмоционально? Она всегда считала себя сдержанной и уравновешенной, спокойной и рассудительной. Но это было ни на что не похоже. Всё – её тело, разум и чувства – вышло из-под контроля. Может быть, это начало конца?

Бедная, бедная Фара… То, что она пережила хотя бы за одну из этих бесчисленных секунд, могло бы враз убить наповал несколько человек. Боль, которая бьёт изнутри, всегда сильнее той, что наносит удары снаружи.

Так она пролежала около получаса. К этому времени слёзы уже перестали катиться по её чуть распухшим и покрасневшим щекам. Фаре всё ещё хотелось плакать, но она не могла. Боль осталась, а слёзы кончились. К ней вернулся голос, но она просто тихо всхлипывала, закрыв лицо ладонями. И хоть она ещё не понимала этого, ей уже было намного легче. Куда-то пропал жар, постоянно мучивший её. Или она к нему просто привыкла. Её глаза приобрели чуть более ясное выражение. Грусть, непомерно лившаяся из них, осталась где-то в уголках глаз, превратившись в тёмные пятна на зеркале её души. К ней не вернулось желание жить. Но зато было желание поскорей отлепиться от холодного и мокрого каменного пола и побежать куда-нибудь. Или, пожалуй, пойти. Теперь она нашла объяснение своим стремлениям. Ей двигало желание не жить, а выживать. Силы, как показалось Фаре, вернулись к ней почти в один миг. И она сначала дотянулась рукой до лежавшего рядом лука, а затем, упершись обеими руками в пол, привстала и медленно побрела дальше по коридору, уже не издавая почти ни звука.

И её посетила первая мысль, которая прибавляла ей уверенности: её мучения – это плата за то, что она не превратилась в одно из этих чудовищ. Она выстояла, выдержала эти удары. Она – человек. А значит, у неё ещё есть надежда.

***

Рассказ Фары занял немного времени. Принц ощутил лёгкую дрожь. Всё же, пусть и не в полной мере, но он чувствовал вину перед Фарой. А она даже не рассказывала ему про то, как она рыдала. Она не хотела и не могла описать это. Это можно было только почувствовать. Но никому ничего подобного она не желала.

– Не знаю, как тебе удалось убить кого-то из чудовищ. Мне удалось сделать это с помощью кинжала, – решил заговорить Принц. – Он словно бы высасывает из них всё содержимое, Песок, и питается им.

– Кинжал… – неопределённо протянула Фара.

– Ну да, кинжал. А что? – Принц смутился.

– В детстве отец мне много рассказывал про него, – пояснила Фара. – Но я и подумать не могла, что он может столь многое! Кто и зачем мог создать такие ужасающие, но могущественные вещи?

– Вижу, твой отец любил рассказывать тебе сказки. Но настоящие тайны он хранил даже от тебя. И уж тем более от всех остальных. О, и теперь я отлично понимаю почему! Жаль только, что визирь не будет столь любезен раскрыть нам парочку

секретов, которые могли бы оказаться весьма кстати! – саркастично выпалил Принц.

Фара промолчала, не найдя, что ответить. «Ему что, весело?».

Постояв молча с минуту, тщетно пытаясь что-то вспомнить, Принц сказал:

– Нам надо идти. Стоя тут мы ничего не решим.

– А куда мы идём? На башню Рассвета? – поинтересовалась Фара.

– Да, наверно. Там, – Принц указал рукой в сторону большого окна, – на балконе, я видел, как птицы с Часами улетали в сторону башни.

– А что если это ловушка? Или обман? Визирь способен на это… – сказала Фара, почему то не делая особенной интонации на слове «визирь» – даже к нему она не чувствовала ненависти, хотя уж он-то заслуживал её сполна. Ярость не жила в её сердце. И, наверно, ничто не могло заставить её открыться этому звериному чувству. Она была человеком.

– Знаю, что способен! Не знаю, может и обман. Но лучше попробовать, чем ждать своей смерти тут! – желание идти загоралось в Принце сильнее и сильнее с каждой секундой.

– Надеюсь, что ты прав! Пошли! – девушка согласилась.

Глава 14. Старый враг

Аша и Аджит шли по дороге, с опаской прислушиваясь к каждому шороху, и стараясь не нарушать зловещую тишину.

– Куда мы идём? – вдруг спросил Аша.

– Во дворец, я думаю, – шёпотом ответил Аджит, взглядом призывая своего спутника если не к молчанию, то хотя бы к разговору вполголоса.

– Ты думаешь, она там? – уже тише спросил Аша.

– Ну а где ей ещё быть, как ты думаешь? Вряд ли принцессу ждёт шанс стать кем-то, кроме обычной наложницы, – довольно резко объяснил Аджит.

– Хм… да, и в правду, – сказал Аша, задумчиво кивая головой.

Они продолжали идти, постепенно приближаясь к дворцу, который был уже совсем близко. Если бы не ночь, то они обратили бы внимание на то, что мрак сгустился и почему-то стало холоднее.

Лёгкий ветерок шелестел листьями кустов причудливой формы, покачивал длинные изрезанные листья пальм. По сторонам на небольшом отдалении виднелись невысокие дома. Они не отличались особой роскошью, а в темноте казались какими-то особо убогими и серыми. Воздух был спёртым, повсюду струилась какая-то пыль, которая мешала дышать и придавала воздуху едва уловимый жёлтый оттенок.

– И всё-таки я не понимаю! Что здесь происходит? Что это были за чудовища? Что за странное видение? – вопросы посыпались из Аши один за другим.

– Я же уже сказал – не знаю! Ты опять за своё? – нервно ответил Аджит.

– Я просто хочу понять, с чем мы столкнулись! Тебе не кажется, что всё это немножко странно? – на этот раз Аша оказался более настойчив.

– Мы столкнулись с кошмаром, если ты ещё не понял! Ты видел этих существ? – уклончиво отвечал Аджит.

– Конечно, видел, я же не ослеп! Только я не понимаю, откуда они взялись? Вспомни Каши – на нас напали персы. Живые. Настоящие. Не похожие на чудовищ. И вряд ли они отправились в гости к чудовищам! Но… но… – продолжал давить Аша.

– Но что? – спросил Аджит.

– Но где ты видишь персидских или бактрийских солдат? Ну не считая того, который… рассыпался. Где они? Я лично не вижу ни одного! О-о-о, а может быть, они спрятались? Специально, чтобы сбить нас с толку? Э-эй, ау! Выходите, мы знаем, что вы

где-то рядом! – язвительно говорил Аша со злой насмешкой в голосе.

– Тихо! – попытался прикрикнуть на него Аджит.

– А какая разница? Молчи, не молчи, они слышат нас! Наши мысли. Ну вспомни того, что пошёл к нам, когда мы были в кустах. Скажи, как он мог нас увидеть или услышать?! Да ещё ночью? Никак! Он просто слышит то, что мы думаем, и всё. И он, и его дружки! – Аша разошёлся не на шутку.

– Успокойся! Я знаю не больше твоего! Может, всё это как-то связано с тем столбом света? – едва сдерживаясь, чтобы не закричать, сказал Аджит.

– Может! А может и нет. И это видение… Ты думаешь оно ушло? Или сидит вон за тем кустом, – Аша вытянул руку и указал на противоположную сторону дороги, – и наблюдает за нами?

– И что с того, если наблюдает? Ты можешь что-то изменить? Я сомневаюсь, – уже более спокойным тоном ответил Аджит.

Это спокойствие каким-то непонятным образом передалось и Аше, потому что он, открыв рот для очередной острой фразы, вдруг замолчал и отвёл взгляд в сторону. Он пытался найти во всей окружавшей его картине ответы на свои вопросы. Хотя бы на часть своих вопросов, которых за последние полчаса у него накопилось немереное количество.

Он шёл и мысленно говорил сам с собой, а вернее, задавал вопросы:

«Что происходит? Почему он так не хочет что-либо говорить? Где сейчас принцесса? Что с ней?»

– Как ты думаешь, она всё ещё жива? – последний вопрос вырвался из Аши наружу.

– Откуда мне знать? Надеюсь на это. Если бы было не на что надеяться, мы бы сюда и не попали, – ответил Аджит.

– Я тоже надеюсь, – чуть слышно сказал Аша.

Подходя к дворцу всё ближе и ближе, они переставали смотреть по сторонам и устремлялись взором на огромное здание, которое, даже будучи потерянным во мраке ночи, поражало своей величественностью, необыкновенной красотой и невероятными размерами. Верх дворца состоял из множества башен, главная из которых была просто огромной, а у основания виднелся большой каменный балкон, на котором с лёгкостью смогло бы уместиться не меньше сотни человек. Но дворец разрастался не только ввысь, но и вширь, перерастая в стены, подобные тем, что окружали город, а потом взрываясь новыми башнями, поменьше, но такими же красивыми и завораживающими. Кроме того, дворец был увешан знамёнами зелёного цвета, отчего казался настоящим оазисом среди пустыни.

От всего этого великолепия, необычайной величественности и грации, заточённых в камень, оба путника остановились, чтобы рассмотреть всё получше. Они понимали, что им следовало бы спешить, но какое-то время ни Аша, ни Аджит не могли заставить себя двинуться с места, будто бы попав в невидимый плен.

– Давай подойдём поближе! – первым вырвался из таинственных пут Аша.

Они двинулись по направлению к главной двери, которая тоже была невероятных размеров, в три или четыре человеческих роста.

– Ты заметил..? – начал было задавать вопрос Аша и остановился на полуслове.

– Заметил что? – непонимающе спросил Аджит.

– Воздух. Душный, пыльный. Даже противный! Тяжело дышать! Кхе-кхе! – объяснил Аша, демонстративно кашлянув.

– Ну да… Ещё бы! – ответил Аджит совершенно безразличным тоном, который не понравился собеседнику.

– Ещё бы что? – с азартом поинтересовался Аша, будто бы пытаясь подловить своего спутника.

– Ещё бы я не заметил! – всё тем же безразличным и спокойным голосом произнёс Аджит. Ему совершенно не хотелось ввязываться в очередную словесную перепалку, поэтому он бросил строгий и полный уверенности взгляд на Ашу и заставил того прекратить допрос.

«Я этого так не оставлю!» – с досадой сказал Аша самому себе.

Подойдя к дворцу, они ступили на длинные, но невысокие ступени, предварявшие вход. Вокруг царила тишина, но в ней было что-то зловещее, что заставляло обоих воинов быть настороже и инстинктивно молчать, чтобы не привлечь лишнего внимания. Тишину нарушал только изредка доносившийся гул сводов дворца. Казалось, где-то вдали здание рушится.

У двери их ждал неприятный сюрприз: она была заперта.

– Что будем делать? – спросил Аша.

– Ну, стучаться, думаю, не стоит! Не откроют. Или откроет один из… этих, – попытался усмехнуться Аджит, сделав голос как можно тише, но слишком уж много в его тоне было серьёзности и опаски, отчего Аша даже не подумал улыбнуться, а лишь молча кивнул головой.

Они постояли в нерешительности несколько минут, будто бы ожидая чьей-то подсказки, и спустились обратно по ступеням.

– Надо искать другой путь, – предложил Аша. В этот раз он взял инициативу на себя и пошёл первым. Его пробный путь шёл справа от дворца, в обход. Аджит, ничего не отвечая, но внутренне соглашаясь со спутником, двинулся вслед.

Пока они шли вдоль стены, которая начиналась рядом со входом, вплотную примыкая к нему, Аше постоянно казалось, что его спутник идёт слишком медленно, и его это явно раздражало:

– Пойдём быстрее! Каждая секунда на счету! Ну же, не медли! – высказал своё недовольство молодой индиец. И ведь он был прав! Каждая секунда могла оказаться роковой. И эта ошибка могла навсегда остаться на их совести.

– Хватит меня подгонять! – недовольно ответил Аджит, после чего почти шёпотом добавил: – Успеешь ещё умереть…

И сразу же пожалел о своих словах: Аша прекрасно их расслышал и мгновенно обернулся к нему со взглядом, исполненным любопытства. Но Аджит не собирался сдаваться: его раздражало то, с какой дерзостью этот юнец пытался командовать им. Поэтому он ничуть не изменил выражение лица, на котором читалось сильное недовольство. Но Аша будто бы не замечал всего этого. Теперь он начал досаждать Аджиту расспросами:

– Что ты имел в виду?! – тон Аши был действительно дерзок, содержал в себе какой-то вызов. Это могло не понравиться кому угодно.

– Перестань. Лучше перестань… – приглушенным от негодования голосом ответил Аджит.

– А иначе что?! А? – уже не на шутку разошёлся молодой индиец.

– А ничего! – чуть ли не крикнул Аджит, забывая о всякой осторожности. – Я просто уйду! Нравится играть в героя – пожалуйста! Сколько угодно, но без меня! Кому понравится такая дерзость?! Мне не очень нужны твои приказы! Глупец!

Пока Аджит говорил всё это, Аша копил в себе целую груду острых фраз, чтобы разом высыпать их на спутника, как только тот закончит. Но последнее слово Аджита будто бы выбило из него желание говорить, и он просто приоткрыл рот, не роняя ни звука.

Аджит смерил взглядом Ашу, который так и стоял – не двигаясь и ничего не говоря, и продолжил:

– Поступай как знаешь. От тебя будут одни неприятности. Прощай!

И, не раздумывая ни секунды, он развернулся и зашагал прочь. Он старался показать как можно больше безразличия и даже ускорил шаг.

– Ну и пожалуйста! Я и сам справлюсь! – выпалил разгорячённый Аша.

И, не говоря больше ни слова, он пошёл в противоположную сторону, в ту самую, куда направлялся изначально. Казалось, даже воздух вокруг него был раскален, так же, как и он сам.

Раскалён глупой гордостью юнца, которая будто бы делала его слепым.

Услышав эти слова, Аджит чуть ли не остановился и хлопнул себя ладонью по лицу. Он надеялся на нерешительность своего спутника, на то, что сможет напугать его и тот умерит свой пыл. Но ничего не вышло. Ничего хорошего, во всяком случае.

Аджит постоял минуту, не зная, что делать. Ему казалось возможным сейчас пойти за Ашой, но что-то его останавливало. И он не мог понять, что же именно. Он чувствовал, что словно бы боится Ашу, вернее его разгорячённости и неосмотрительности. Но он не собирался по-настоящему прогонять его, они лишь пытался усмирить его, умерив пыл юноши. Но его трюк не сработал, и Аджиту следовало бы поскорее догнать своего единственного союзника.

Он нехотя зашагал вперёд, пытаясь сосредоточиться на мысли о том, что же им делать дальше, и одновременно прибавляя шаг. Аджит уже не слышал шагов Аши (хотя всё ещё видел его), почему-то не слышал шелеста листьев, хотя ощущал кожей лёгкий ветерок. Ему показалось бы это странным, если бы он задумался об этом, но он довольно усердно пытался соорудить в голове хоть какой-нибудь план действий. В тишине, которая почти мгновенно окутала Аджита, было не так уж и сложно над чём-то поразмыслить. Он мысленно разговаривал с самим собой, пытаясь рассуждать:

«Во дворец… Надо попасть во дворец. Через главный вход никак. А…»

В следующее мгновение его размышления резко прекратились, потому что та тишина, которая окружала его, вдруг неожиданно превратилась в быстро нарастающий гул, который, казалось, шёл из-под земли. Причём Аджит сразу же отметил одну странную особенность: он не чувствовал, как трясётся земля, не слышал эха. Будто бы этот звук рос где-то внутри него самого, постепенно закладывая уши и заставляя даже зажмуривать глаза от резкой боли. Аджит чувствовал, что идёт, но ноги не совсем его слушаются. Потом он почувствовал, как его на один миг будто бы вырвало из тела, и он не увидел перед собой ничего, кроме сплошной темноты. Затем он опять увидел перед собой вымощенную камнем дорогу, его слух ухватил какой-то набор звуков из обычного мира, включая звук собственных шагов. Вдруг, в его голове словно бы что-то взорвалось, гул пропал, а вместо него по всему телу растеклись боль и дрожь. Почти сразу же после этого он почувствовал, что опять ничего не слышит, кроме одного – странного звона в ушах. Опять темнота. Секунда беспамятства… Холод… Теперь он ощущал невероятный холод, который пробирал изнутри и

снаружи одновременно. Он сковывал его, казалось, что не может двигаться не только он сам, но и его мысли. Они практически останавливались. Потом всё резко ускорилось и, опомнившись, Аджит обнаружил себя почти лежащим на дороге, с упёртыми в неё руками. Мгновенно вторая волна холода поползла по его рукам, исходя от земли и забираясь ему в горло. На секунду Аджиту показалось, что он умирает: руки и ноги не слушались его, а дрожь пробирала его всё сильнее. Казалось, даже удары сердца становятся слабее под её мощным напором. Потом вдруг эти непонятные оковы отпустили его, он почувствовал возможность двигаться. Как можно резче он отпрыгнул от земли, и хотел было бежать, но вдруг резко остановился. Он почувствовал, что не может бежать, опять не может двигаться. Но теперь его ничего не держало, просто всё его сознание отказывалось бежать. От безысходности… Аджит увидел свет от медальона у себя на груди и мгновенно потерял всякую надежду. Душевные силы покинули его, ему захотелось упасть и умереть, не дожидаясь того, что же будет дальше. По холоду и свету он всё понял. Сначала он ещё на что-то надеялся, но свет от медальона разрушил все сомнения в один миг. Кошмар… Старый кошмар опять вернулся в его жизнь, вновь настиг его. И у него больше не было желания бороться. Единственное, что ему ещё хотелось, – это встретить в лицо свою смерть, которая всячески доказывала свою неизбежность.

Аджит резко развернулся – против этого в нём ничего не сопротивлялось. Он уже приготовился встретиться с чем-то ужасным. По-своему знакомым, но от того не менее ужасным. Однако Аджит ничего не увидел. Ничего, что бы резко выделялось на фоне уже привычной ночной картины. Но он чувствовал, как под ним дрожит земля, что вот-вот произойдёт то, чего он ждёт. Что откуда-то вырвутся они и вопьются в его тело с яростной силой, вырывая жизнь из его пропитанного холодом тела.

Но всё пошло немного не так, как он ожидал.

Аджит вдруг увидел, как по земле, на расстоянии нескольких шагов от того места, где он стоял, поползли трещины. Из них сразу же начал сочиться ослепляющий жёлтый свет, от которого он инстинктивно закрылся ладонью. Слышалось, как осыпаются камни, которыми была выложена дорога, и улетают куда-то в бездну.

Непроизвольно, он зачем-то сделал шаг по направлению к этому свету, чувствуя дыхание бездны, что пряталась под яркой, почти белой пеленой. Через несколько секунд его глаза каким-то невероятным образом привыкли к свету, и он опустил руку. Трещины продолжали разбегаться во все стороны. Аджит ощущал

дрожь ломающихся камней у себя под ногами, но так и не сошёл с места, будто его что-то держало.

Вдруг он почувствовал, как что-то тянет его вперёд, в пропасть – несмотря на свет, её было хорошо видно, – и попытался этому сопротивляться. Ему захотелось убежать. Убежать так далеко, как только он сможет. Забыть всё и никого не видеть. Холод сменился страхом, от которого вставал ком в горле и пускал по телу волны дрожи. Аджит чувствовал, как воздух вокруг него стал каким-то густым, словно в него что-то подмешали. И он больше не мог сопротивляться тому, что тянуло его вперёд – медальон словно бы звал его за собой, а невероятно холодная цепочка обжигала шею, впиваясь в неё. Не делая шагов, Аджит лишь начал наклоняться вниз, не в силах бороться с невероятной тяжестью. Он уже не понимал, что это – его собственное бессилие или сила Песка, настигшая его через столько лет.

С того момента как он разошёлся с Ашой, прошло не больше двух минут, и тот не успел уйти далеко, хотя как казалось Аджиту, он не слышал его шагов. Но Аша, заметив под ногами сильную дрожь и бьющий в спину свет, повернулся, и, забыв о ссоре, помчался к своему спутником, предчувствуя неладное. И он успел очень вовремя: когда Аджит стоял у края разверзшейся до огромных размеров пропасти, сильно склонившись над ней, Аша схватил его за одежду на спине за считанные секунды до падения. Аджит уже успел раскинуть руки в стороны, смирившись, как показалось Аше, с тем, что ему сейчас придётся расстаться с жизнью. Но сам Аджит не чувствовал ничего, его сознание прекратило своё движение, глаза закатились и он, управляемый неведомой и невероятной силой, собирался сделать последний шаг в своей жизни.

Аша резко дёрнул его назад, заставив цепочку ещё сильней впиться в шею Аджита, отчего тот испустил крик боли, смешанный с кашлем и хрипом. Но этот крик был уже осознанным, юноша вмиг оценил ситуацию и сам сделал несколько шагов назад. Затем он повернулся и освободился от руки Аши, которая так и продолжала сжимать его одежду. В глазах второго читался неподдельный страх перед неизвестностью. Аджит, вновь обретший своё сознание, положил руку на грудь Аше и пошёл на него, заставляя того отходить назад. От этого движения Аша и сам опомнился и отошёл в сторону. Сейчас он был слишком взволнован, чтобы задавать вопросы, – да и время было совсем неподходящее, – хотя они просто разрывали его изнутри. Он уже понял, что Аджит что-то знает о происходящем, и, возможно, достаточно много.

А между тем продолжало твориться нечто невероятное и даже страшное. Им обоим казалось, что дрожат даже звёзды на небе, которое вот-вот треснет и рухнет на них своей тяжестью. А через секунду из-под земли, вперемешку с ещё сильнее разгоревшимся, но совершенно не греющим светом, вырвались длинные черные полосы, резко выделявшиеся на белом фоне, которые будто бы поглощали его. Аша и Аджит стояли на месте, примерно в двадцати шагах от края и молча наблюдали за происходящим. Лицо Аши вместо страха наполнилось решительностью, особенно когда он увидел, что вслед за этими странными, извивающимися, словно огромные змеи, полосами из-под земли показались два крупных белых глаза, будто подсвеченных изнутри. И этот свет был таким же холодным, пустым и пугающим. Почему-то во всём образе чудовища, постепенно показывающегося из-под земли, самым заметным были эти два круга, в которых даже не было зрачков – лишь абсолютно белые светящиеся огни.

Обладатель этого холодного взгляда уже успел показаться во весь рост к тому времени, когда Аша оторвался от него и сообразил в чём же дело. Казалось, что чудовище не выползало из-под земли, а медленно, не шевеля ногами, выплывало по воздуху, размахивая громадными щупальцами, которыми оказались те странные полосы, поедавшие свет. Да, это было именно чудовище невероятного роста – около двух человеческих. Послышались первые тяжёлые шаги, всякий раз своим звуком напоминавшие удар большого молота по камню. Чёрный силуэт постепенно показывался из дыма – воздух загустел настолько, что свет стал дымом, с желтоватым оттенком – и можно было отлично рассмотреть монстра.

Чёрный, с гладкой блестящей кожей, кое-где изрезанной странными узорами, он вызывал ужас. Фигурой существо напоминало человека, но было лишено человеческих черт на лице: вместо носа виднелось два отверстия, рот было почти невозможно разглядеть, и у него не было подбородка – коротенькая, но мощная шея почти сразу же переходила в голову, на которой красовались два, изогнутых в разные стороны и поблескивавших в свечении рога. Поражали его гигантские плечи, на которых виднелись какие-то наросты вроде шипов, но казалось, что они извиваются на ходу, как щупальца. Руки невероятной толщины, которым мог бы позавидовать любой силач, завершались массивными ладонями, с длинными острыми когтями.

Поначалу казалось, что его щупальца растут отовсюду, но, присмотревшись, Аша заметил, что они выходят в основном из-за спины чудовища (или зверя, как ему больше хотелось назвать это

существо) и откуда-то из живота. Причём те, что росли из-за спины, были длиннее и оканчивались чем-то вроде острых копий с зазубринами. Если хоть одним таким зверь пронзит человека, то последний в мгновение ока лишится жизни. Те же, что росли из живота, на котором виднелись странные небольшие вздутия, были мягкими на вид и, казалось, не представляли особой опасности, но одновременно с этим в них было что-то зловещее и к ним не хотелось ни приближаться, ни прикасаться.

Чудовище подошло к воинам близко и, резко втянув живот, буквально выстрелило щупальцами в Аджита, схватив его за плечи, за шею и медленно приближаясь к медальону. И вот уже холод побежал по металлу, свет от которого начал заполняться какими-то пылинками – медальон словно начал таять от этого прикосновения, когда вдруг Аша, исполненный решимости, бросился на зверя и, не теряя ни мгновения, ударил мечом по этим самым щупальцам. Сразу же после этого раздался крик. Но, он не принадлежал монстру. От боли закричал Аша, который, нанеся удар, сразу же почувствовал в руке обжигающий холод, что, молнией скользнув по мечу, врезался ему в правую ладонь. Он выронил меч и схватился левой рукой за правое запястье, зачем-то прижимая руку ко рту. В эту же секунду глаза зверя сузились, покраснели так, будто в них кто-то залил крови, после чего он издал ещё один устрашающий рык и повернулся к Аше. Тот сразу увидал, как из-за спины монстра выскользнуло ещё несколько острых щупалец, и они тут же устремились в его сторону. Забыв о боли, Аша резко отпрыгнул назад, оставив своё оружие вне досягаемости для себя, и продолжил внимательно следить за зверем, мысленно приготовившись уворачиваться от новых атак. И они обязательно последовали бы – чувствовалось, что монстр разозлён не на шутку – если бы не Аджит, который улучил свободный момент и со всей силы ударил монстра ногой в колено. Вряд ли он причинил боль зверю, но он привлёк его внимание – тот сразу же повернулся к нему.

Лицо Аджита было искажено свирепой гримасой, которая говорила о том, что сейчас он готов абсолютно на всё. Неизбежность толкала его к этому.

Точно такая же свирепость читалась и на лице чудовища, и уже через мгновение он оправдал её: словно длинным ледяным хлыстом, монстр ударил Аджита по лицу, оставив на нём длинную красную отметину. Аджит взревел и повалился спиной наземь, закрываясь рукой от новых ударов, которые градом сыпались на него, обжигая руку. Одновременно напуганный и взбешённый превосходством монстра, он, привстав на другой руке, пытался отползти назад, но ему это не удалось, потому что в следующую секунду зверь метнул в Аджита несколько своих острых копий,

сильно оцарапав грудь бедолаге. Тот, от силы удара содрогнулся, громко кашлянул не в силах закричать и прекратил сопротивление. Он знал: ещё секунда, и он умрёт. Монстр заберёт сначала медальон, а затем и его жизнь.

Так бы оно и произошло, если бы Аша не схватил вновь свой меч и ещё раз не попытался отсечь чудовищные щупальца, развевающиеся во все стороны. Несмотря на дикую боль, которую это должно было причинить самому Аше, он вновь решился на эту дерзость. И мгновенно поплатился за неё: монстр с размаху ударил его своим смертоносным оружием, попав по плечу. Аша взревел и в ужасе отступил назад.

Этих секунд Аджиту хватило на то, чтобы собраться с силами, одним резким рывком вскочить с земли, и броситься к Аше. Он не пытался отвлечь чудовище, а использовал мгновения замешательства лишь для того, чтобы подбежать к Аше, схватить его обеими руками за ворот, притянуть к себе и громко крикнуть:

– Беги! Оставь меня, беги!

– Но…! – попытался возразить Аша, лицо которого теперь по-настоящему загорелось ужасом.

– БЕГИ, ГЛУПЕЦ! – прервал эти попытки Аджит, взгляд которого сейчас казался обезумевшим, но невероятно убедительным.

И, едва выкрикнув последние слова, Аджит почувствовал, как вновь холод скользнул по его спине широкими полосами. Что-то резко потянуло его назад, затем в сторону – монстр швырнул его на дорогу с невероятной силой, отчего Аджит несколько раз перекатился, каждый раз больно ударяясь головой о камни. Он чувствовал, как сознание угасает, уплывает куда-то прочь, сливаясь с Песком. Аджит с трудом видел, что происходит: у него начинало темнеть в глазах. Вдруг неожиданно – наверное, так всегда бывает за мгновение до смерти – ему вспомнилась его жена. Её лицо он сейчас видел отчётливо, несмотря ни на что, даже если закрывал глаза. Его два маленьких сына. А затем острая стрела боли пронзила его сердце: он потерял их однажды и уже никогда не вернёт. Хотя, может, там, куда ему сейчас предстоит отправиться, он сможет найти их. Чтобы хотя бы ещё раз увидеть. Он не заметил, как слеза скользнула по его щеке, а из груди вырвался отчаянный крик, от которого Аша, который собирался предпринять ещё одну попытку, резко остановился и выронил меч. Если бы Аджит мог разбирать детали, он бы увидел, как у юнца задрожали руки. Потом тот опустился на колени, и, не отводя глаз от монстра, пытался на ощупь найти на земле своё оружие.

Затем что-то резко заставило Аджита прийти в себя. Он не знал, что это было – его случайные воспоминания, которые

пробудили в нём желание мстить, или что-то ещё, – но, зная какое ощущение ждёт его, он схватился за проносившееся мимо его лица щупальце как можно крепче. Он сделал это, чтобы встать на ноги самым быстрым способом. В суматохе он краем глаза увидел Ашу:

– Беги! – ещё раз крикнул ему Аджит.

На этот раз Аша послушался его: он сделал несколько неуверенных шагов назад, а затем развернулся и побежал прочь, что было сил.

Аджит успел мысленно попрощаться с юношей и попытался ударить чудище мечом наугад. Но эта жалкая попытка была мгновенно пресечена: он почувствовал, как огромная рука бьёт его в грудь, и он отлетает назад, а затем падает. Как дрожит вокруг него земля под тяжестью мощных шагов. Как холод вновь скользит волной по его телу. Как взрывается земля вокруг него от врезающихся в неё щупалец-копий, отрезающих путь к отступлению. Как тьма новым потоком обрушивается на его сознание и лишает его сил. Как он проваливается в неё и перестаёт существовать.

Всё, что Аджит видел перед собой, – огромный чёрный силуэт и какое-то движение. Он не мог двигаться и уже почти ничего не чувствовал, только заметил, что свет из бездны совсем угас – может быть, зверь поглотил его, вобрал в себя и уничтожил.

И вот два ледяных щупальца уже крадутся по его груди, касаются медальона, а другие зверь заносит над головой Аджита, чтобы одним ударом вмиг прекратить все его страдания и закончить эту схватку, победитель в которой был определён заранее.

Медальон неожиданно вспыхнул необычайно ярко, понемногу рассеивая тьму. Но даже сквозь этот свет Аджит успел поймать взором белое пятно, подобное тому, что они с Ашой видели незадолго до этого. Оно приближалось к ним откуда-то сбоку, оттуда, куда убежал Аша. Когда оно на большой скорости приблизилось, умирающему на секунду показалось, что это огромная собака. Потом он неожиданно почувствовал тепло, которое усиливалось с каждым мгновением, после чего почувствовал, как его глаза закрываются сами собой и он уже ни на что не способен. В последнюю секунду у него мелькнула мысль:

«Так вот как это происходит…»

Ничего не подозревающий монстр, который уже выбросил в Аджита свои копья, вдруг отлетел в сторону, не достигнув цели, будто его ударил кто-то с невероятной силой. Чудовище перекатилось по дороге, разбрасывая беспорядочными ударами

щупалец и взмахами гигантских рук комья земли и мелкие камни. Аджит упал как раз в то место, где минуту или две назад была дышащая светом бездна, которая необъяснимым образом затянулась, не оставив никаких особых следов, кроме разбросанных повсюду булыжников.

Зверь свирепо огляделся по сторонам, не понимая, в чём дело, вскочил на ноги, по-прежнему беспрерывно размахивая чудовищными копьями в попытке убить невидимого врага. А его враг, то самое загадочное белое пятно в воздухе, нанёс следующий удар, но на сей раз монстр был готов и не упал. Однако с ним всё равно происходило что-то странное: – он схватился за живот обеими руками, будто пытался его распороть и вынуть оттуда нечто, что напало на него. Но ему это не удавалось, и он испустил громкий вопль, крик или рык – этот звук нельзя было как-то точно назвать, он напоминал всё это одновременно. Вопль был такой силы, что его наверняка услышал даже убежавший Аша.

Зверь вдруг потянул руки к груди, а потом к горлу – что-то ползло внутри него, разливалось по всему его телу. Он чувствовал нечто такое, чему почти не мог сопротивляться, но что было невероятно чуждо ему. Странные узоры, которые извивались по всему его телу, внезапно вспыхнули ярким светом. Потом то же самое произошло с его глазами, и вместо красного они вновь вернули свой первоначальный цвет.

Через секунду чудовище, не в силах больше сопротивляться тому, что захватило его, вскинув руку к небу, с шумом повалилось на землю грузным телом и перестало двигаться.

Глава 15. Хозяин Песков

Принц с Фарой двинулись в сторону ближайшей двери, которая вела на балкон, – наверняка оттуда можно будет попасть куда-нибудь ещё.

– Думаю, нам лучше идти вне дворца: в узких коридорах может быть опасно. Вдруг… – начал говорить Принц.

– Идите прочь! Убирайтесь! – раздался яростный мужской голос откуда-то снизу, вслед за которым послышался лязг металла и громкие шаги.

Принц и Фара остановились и молча посмотрели друг на друга, а затем, не сговариваясь, побежали обратно к перилам.

Внизу, отбиваясь от песчаного монстра, бежал бактрийский солдат. Даже отсюда, сверху, была заметно, что его одежда испачкана – где кровью, где грязью и пылью.

– Получай! – с ещё большим отчаянием закричал воин, тщетно пытаясь отбиться от атак врага.

Фара, увидев происходящее, сразу же схватилась за лук, вложила в него стрелу и уже собиралась выстрелить, как Принц, выставив руку в её сторону, произнёс:

– Погоди. Я сам!

Неизвестно, что именно подвигло его на это. Может быть, он был уверен, что его кинжал – единственное действенное оружие (а у него были основания так считать) против песчаных созданий, а может, в нём взбунтовались гордость и желание доказать, что он быстрее и смертоноснее любой стрелы.

Фару снова рассердило поведение Принца. Кажется, он так ничего и не понял. Она сдерживала свои эмоции, но приготовилась выпустить стрелу, если что-то пойдёт не так. Сейчас не лучший момент, но она найдёт время сказать ему о том, что им нужно научиться действовать сообща.

Принц убрал меч за спину, оставив в руках только кинжал, вспрыгнул на мраморные перила и, не раздумывая, ринулся вниз с немалой высоты, прицелившись прямиком в спину чудовища. Секунда полёта. Хищные, уверенные глаза. Рука, грозно занесённая над головой, широко расправленная грудь, чуть согнутые в коленях ноги… Принцу эти мгновения казались вечностью. Может быть, не до конца осознавая это, он наслаждался ими, свободой, которую они давали. Именно свободой. Жалкой секундой свободы, которую он получил, прыгнув вниз. Она доставляла ему какое-то спокойствие. И что-то ещё, он не знал, что именно, но не хотел отпускать это чувство. Он уже понял, что вкус убийства не так уж и сладок, а скорее даже мерзок. Но сейчас он находил в этом смысл, больше, чем раньше. И вот он обрушил свой удар на свою жертву и,

зацепившись на её спине и держась за обрывок одежды, потянул её назад. Монстр каким-то образом выдержал удар и не превратился в облако песчаной пыли, а даже наоборот, начал сопротивляться, неуклюже пытаясь рукой сбросить Принца. Но тот резким рывком выпрыгнул в воздух, перемахнул через голову чудовища и одним точным ударом рассёк грудь врагу. Этого удара он уже не перенёс, отшатнулся назад и рухнул на пол. А через секунду на полу остались валяться лишь обрывки персидской амуниции, а воздух стал искристым и жёлтым, немного напоминая туман.

– С тобой всё в порядке? – раздался сверху голос Фары.

Принц, ещё не успевший отойти от схватки, резко вскинул голову вверх, а затем, поняв, в чём дело, ответил:

– Да! Я… – начал отвечать Принц.

Но в этот момент спасённый заговорил.

– Спасибо, – сухо сказал он. Казалось, он не потерял ни капли самообладания, несмотря на неравную схватку. Он быстро понял, что перед ним люди. Чудовища не говорят. Чудовища не спасают. Хотя ему не совсем нравилось, что его спасли какой-то юнец и девчонка.

– Кто ты? – спросил Принц, переключившись на солдата.

– Меня зовут Эссен, – сказал тот, присев на обломок стены. Всё же было видно, что схватка изрядно потрепала его и ему нужно было отдышаться и подумать.

Прошла ещё почти минута, прежде чем он продолжил говорить:

– Я – командир караульного взвода в восточном крыле дворца. А кто вы? И как тебе удалось расправиться с чудовищем так быстро? Полегло столько моих людей, эти твари бессмертны, чёрт возьми! Что здесь происходит?

Принц подошёл к нему, убирая на ходу кинжал в ножны на поясе, и присел напротив Эссена, скрестив ноги. Несколько секунд посмотрев в суровое лицо своего собеседника, Принц ответил:

– Я – Принц Персии, мы с моим отцом пришли в Азад с дарами для султана и для отдыха перед долгой дорогой домой. Шахраман, мой отец, – старый друг и…

– Я знаю, кто такой Шахраман. Но сын не всегда похож на своего отца, – перебил Эссен Принца. – Лучше расскажи, что произошло здесь? Откуда взялись эти существа?

– Эти чудовища – порождение Песков Времени. Весь хаос вокруг – это выпущенные на волю Пески Времени, – сказал Принц и остановился. Он колебался.

– Что это за Пески Времени? И откуда они взялись? – не унимался Эссен. Он был намерен докопаться до правды.

– Это трофей нашей победы в Индии. И один из даров твоему султану, – продолжал Принц.

– Так это вы привезли их сюда? – ещё строже спросил Эссен.

– Да! Но… – всё ещё колебался Принц.

– Но что? Я надеюсь, этому есть какое-нибудь объяснение? Иначе – это война против Азада, предательство Персии, а ты – мой главный враг прямо здесь и сейчас! – Эссен уже был готов вновь схватиться за меч.

– Дай мне объясниться! – решительно ответил ему Принц. Он не ожидал, что этот разговор может перейти в противостояние.

– Я слушаю, – более спокойно ответил Эссен.

– Во-первых, Шахраман и почти всё персидское войско мертвы. Такая жертва – явно не лучшая тактика для ведения войны, – начал Принц. – А во-вторых, я всё-таки спас тебе жизнь.

– Хорошо, это звучит убедительно, – отвечал Эссен ещё спокойнее. – Тогда кто стоит за всем этим? Кто ведёт эту войну против двух наших народов?

– Из Индии вместе с нами прибыл визирь. Он помог организовать тайную атаку на свой город, предав Магараджу, – продолжал Принц. – Он…

– Погоди, теперь моя очередь, – внезапно сказал Эссен, отчего Принц испытал облегчение. Теперь у него было время немного подумать. – Кажется, я знаю, о ком ты говоришь.

И далее Эссен поведал свою историю:

– Я совершал вечерний обход. Когда я проходил мимо библиотеки султана, вдруг повсюду задрожали стены, сверху посыпались камни. Обычно там всегда тишина и никогда ничего не происходит. Но в этот раз... Стало трудно дышать, кто-то кричал вдалеке. Сначала я не хотел покидать пост, но потом стена чуть не рухнула на меня, и я решил уйти оттуда, чтобы выяснить, в чём дело. Я выбрал путь через библиотеку. Зашёл через вход на втором этаже и глянул вниз – там стояли сотни солдат. Все – и бактрийцы, и персы. Но что-то в них было не так. И мне показалось, что они… светятся! И одежда на них была какая-то оборванная. Вокруг было тихо, никто не шевелился, и стены оставались на месте. Я замер и стал наблюдать. Вдруг я увидел, как между ними идёт какой-то старик. Он не светился. Когда старик прошёл половину зала, я вдруг понял, куда он направляется. Не понимаю почему, но я не заметил этого раньше! Огромная чаша стояла на другом конце зала, а над ней – жёлтый светящийся шар. Он висел прямо в воздухе! Старик подошёл к чаше, взмахнул посохом и что-то выкрикнул. Шар медленно опустился. Затем один солдат зачем-то подошёл к старику и встал перед ним.

– Да, это он, тот самый визирь. Похоже, он умеет управлять Песками и преследует какие-то свои цели, – вставил Принц.

Повисло молчание. Эссен что-то обдумывал, а Принц и Фара быстро переглянулись. Оба понимали, что правда Эссену вряд ли понравится. Теперь это на какое-то время их общий секрет. И подтверждение их недавнего союза. Хотя долго хранить тайну не удастся – Принц понимал, что у Эссена будут появляться новые вопросы, которые загонят юношу в тупик. Но сейчас время ещё не пришло.

– Что же произошло дальше? – нарушил тишину Принц.

Эссен был не так прост, как могло показаться, и спросил в ответ, указывая на Фару:

– А кто она?

– Пока неважно. Закончи, ты и я расскажу, – ответил Принц.

Эссен нахмурился (он слышал, как Фара говорит на непонятном ему языке), но продолжил:

– Старик взял свой посох, ударил солдата им в грудь и пробил его насквозь! Тот упал и перестал светиться. Кажется, он вообще исчез. А старик развернулся, вытянул посох вверх и воткнул его в шар. Тот сразу упал. Потом шар превратился в пыль, и что-то осыпалось в чашу, а остальное – на пол вокруг неё. И сразу стало светло как днём!

– Это всё? Ты был один? А где остальная стража? Те, с кем ты сражался, – спросил Принц.

– Это было позже. Я нашёл некоторых из своих людей. Многие были напуганы, но прежде чем мне удалось расспросить их обо всём, появились эти чудовища! Послышались какие-то хлопки, и в полутьме я увидел два глаза. Затем ещё два. Глаза наступали со всех сторон. Я достал меч и ударил несколько раз наугад. Я по нему попал! Я клянусь, я попал по нему! Я видел его рану! Но он при этом даже не пошевелился. И тут я услышал, как он достаёт свой меч. Я храбрец, но не глупец – толком не видя врага, я бы не справился. Я попытался убежать от него или хотя бы найти светлую комнату. Через какое-то время я остановился, чтобы отдышаться. Я даже думал, что оторвался, но один из них был от меня шагах в десяти и шёл ко мне! Тот самый, которого ты убил. Тогда-то я и разглядел его. На нём не было даже крови, его раны светились жёлтым. И как я ни старался, он был словно неуязвим! Остальные погибли во время этой схватки.

– Мы столкнулись с тем же самым. Но, уверяю тебя, они не бессмертны. Я владею оружием врага и надеюсь обернуть его силу против него самого, – разъяснил Принц.

При этих словах он вынул из-за пояса кинжал и, положив его на свои ладони, показал Эссену.

– Вот оно, это кинжал. Им можно убивать этих тварей! – продолжил Принц.

Эссен с удивлением слушал Принца, а когда тот достал кинжал, то непроизвольно протянул руку, чтобы коснуться его.

– Как тебе удалось его раздобыть? Где я могу взять такой же? С таким оружием мне было бы куда спокойнее, – требовательно заговорил Эссен и, коснувшись лезвия, сухо добавил: – Холодное.

Фара удивилась, как легко Принц позволил прикоснуться незнакомцу к кинжалу. Её он заподозрил даже после лёгкого движения руки, а тут… «Хотя, наверно, он по-прежнему играет в свою игру и завоёвывает доверие Эссена», – подумалось Фаре спустя несколько секунд. Она успокоилась и продолжила слушать разговор.

Принц отвёл руки и убрал кинжал. Ему показалось, что Эссен положил на кинжал глаз, и теперь ему придётся следить ещё и за ним. Фара, кажется, была настроена менее решительно, а от их нового знакомого можно ожидать чего угодно. Он ещё выберет момент, чтобы проявить себя. Но сейчас он может быть полезен.

Принц подумал, что самое время представить Фару:

– Это Фара. Она – индийская принцесса, которую ждала участь рабыни. Но волею судьбы, всё пошло совсем не так, и теперь она – мой спутник и случайный союзник.

– Индийская принцесса? – вспылил Эссен. – А что если она тоже враг? Тебе мало этого визиря? Как ты можешь доверять ей? Сейчас ей место в темнице, пока происходит всё это. А уж потом можно разобраться, враг она или нет!

– Нет, сейчас это неуместно. Она помогла мне, когда я был ранен. Кроме того, она знает о Песках немного больше меня, и мы собираемся всё исправить. Наш враг – это визирь! – Принц повысил тон, пытаясь донести Эссену свою точку зрения.

– Об этом я и сам догадался! – сердито ответил Эссен. Он всё ещё относился и к Принцу, и к Фаре с большим подозрением, но всё же не знал, с какой стороны подступиться, и оттого временно сдался. Тем временем Принц помог Фаре спуститься с балкона в зал.

Вновь разговор сменился тишиной, которую спустя некоторое время нарушила Фара:

– В детстве отец показывал мне кинжал, говорил, что привёз его из дальнего путешествия. Потом я видела Часы, он говорил, что в них заключена великая сила, которая никогда не должна выйти наружу, иначе…

– Иначе что? – спросил Принц.

– Наверно, он имел в виду то, что происходит сейчас. Он лишь сказал, что это не должно повториться, – сказала Фара.

– Повториться? Это уже случалось раньше? – удивился Принц.

– Я не знаю, – сказала Фара. – Наверно, я рассказала тебе всё, и, лишь когда мы доберёмся до Часов, я, возможно, смогу что-либо придумать.

– Часы – это сосуд, в котором хранился Песок, – пояснил Принц Эссену, хотя тот и не спрашивал. – Огромные Песочные Часы, а в них – Пески Времени. Наша задача – заключить их обратно в эти Часы.

Всё это время Эссен собирался с мыслями и заодно наблюдал за ним и Фарой. Из их рассказа он мало что понял, но его и не интересовала природа или история Песков. После размышлений он продолжил расспросы, пытаясь нащупать что-то:

– Откуда у тебя этот кинжал? Будь у меня в планах что-то вроде того, что у этого визиря, я бы держал его при себе! Ведь это единственная угроза для него!

Однако выяснение отношений пришлось отложить, потому что неожиданно тишину зала, которая окружала их, разрезали пронзительные птичьи крики. Все трое испуганно обернулись на звук и увидели, как сквозь огромное окно в зал влетает несколько огромных чёрных птиц, уже знакомых Принцу.

– Бегите! Спрячьтесь в тронном зале! Быстрее! – крикнул Принц Фаре и Эссену. – Только кинжал сможет их одолеть!

Фара, уже натянув тетиву со стрелой, поколебалась несколько секунд, опустила лук и побежала в тронный зал вслед за Эссеном. Тот уже знал своего врага, а потому не спешил ещё раз вступать в битву без шанса на победу.

Птицы летели клином, слышались тяжёлые взмахи гигантских крыльев. Их ярко-жёлтые глаза горели смертельным огнём. За считанные секунды они успели подлететь к Принцу на опасно близкое расстояние, и тут Принц увидел человеческую фигуру, сидевшую на шее одной из птиц. Это был визирь. Он по-прежнему держал в своей руке посох. Принц заметил хищное выражение его глаз, которые отличались от птичьих лишь тем, что в них ещё были зрачки, отчего они ещё напоминали человеческие.

– Мой юный Принц! Приветствую вас ещё раз! – заговорил визирь, каким-то образом заставив птицу, на которой он восседал, застыть на одном месте, делая лишь редкие взмахи крыльями. Другие в это время разбили клин и кружили над головой Принца, готовые в любую секунду по немому приказанию своего хозяина броситься на жертву и разорвать её в клочья.

– Что тебе нужно?! – закричал Принц, буквально кипя от злости.

– Ты знаешь! Этот кинжал. Но ты не хочешь отдавать его! Значит, я заберу его силой! – на лице визиря висела торжествующая улыбка. Он был абсолютно уверен в себе.

– Зачем он тебе? Неужели мало того кошмара, который ты натворил?! – яростно отвечал Принц, готовый броситься на своего врага.

– Этот кошмар, как ты говоришь, натворил не я один! – всё тем же торжествующим тоном ответил Амар. И эту фразу услышал Эссен, отбегая в тронный зал. Теперь его подозрения усилились.

У Принца же не осталось ни секунды времени, чтобы подумать над последними словами визиря, потому что тот в следующее мгновение устремил свою птицу прямо на Принца, и та своим клювом вознамерилась рассечь его грудь, чтобы быстро убить его. Но Принц резко отпрыгнул в сторону, перекатился и приготовился сражаться до последнего, вытаскивая меч из-за спины. Он не так уж и боялся боли или смерти. Может быть, он даже заслужил их. Но визирь заслуживал их не меньше, поэтому у него оставалось как минимум одно незаконченное дело. Теперь все иллюзии Принца о том, что визирь может как-то помочь, окончательно рассеялись. Его намерения были ясны, и он даже злился сам на себя: как он мог хоть на секунду поверить ему?

И Принц тут же бросился в его сторону. Ему нужно было пробежать каких-то десять шагов до своей цели. Но почему он забыл об остальных птицах? Неужели ярость настолько ослепляет?

Так или иначе, Принц почувствовал, как острые когти вспарывают его спину, как он валится на пол. Как он в ужасе и гневе пытается перевернуться и отмахнуться от кошмарной бестии отцовским мечом.

– Сейчас я расправлюсь с тобой, а потом и с твоими друзьями! Подумай о них и отдай мне кинжал! – продолжал визирь.

Принц увидел огромный клюв, занесённый над его головой. Всего один удар, и для него всё будет кончено. Он будет убит, и визирь заполучит кинжал. И тогда…

«Нет! Этого не должно произойти!» – пронеслось в голове у Принца.

Он опередил мощнейший удар лишь на мгновение. Пол под ним содрогнулся, послышался треск – камень крошился от такого удара, превращаясь в пыль. Прочность клювов птиц была поразительной – даже после таких ударов с ними ничего не происходило. Из них могли бы получиться превосходные щиты,

которые не пробьёт никакое оружие. Затем последовал ещё один удар, на этот раз уже ближе к его голове. Но ему опять повезло, он смог увернуться. Затем ещё удар. И вновь Принц остался жив. Птица, видимо, разъярённая промахами, пронзительно крикнула, заставляя содрогаться стены зала, по которым волнами побежало эхо. Не закрывая клюв, она попыталась ударить ещё раз. И опять неудача для неё: Принц успел повернуться так, чтобы оба сокрушительных удара пришлись по разные стороны от него.

Следующие секунды оказались роковыми для птицы. Принц, воспользовавшись случайными мгновениями, схватился за длинный, но тонкий язык птицы, чтобы резким движением встать и нанести наконец-то удар, который покончит с ней. Принц успел заметить то чувство омерзения, которое прокатилось по нему, когда он схватился за язык. Удар меча пришёлся куда-то внутрь птичьего рта, так что меч после этого вышел наружу через шею. Неизвестно почему, удар оказался смертельным. Этот меч тоже был способен убивать чудовищ. Секундная мысль скользнула в голове у Принца: «Он защищает меня даже после смерти!»

Птица, громко вскрикнув, дёрнулась назад, забила крыльями, пытаясь взмыть в воздух. Но агония, охватывавшая её тело, не позволила ей улететь далеко: сделав пару отчаянных взмахов и зацепив другую птицу, она врезалась в одну из колонн, подпиравших балкон. Посыпались камни, балкон обвалился в том месте, где был столб. Птица превратилась в густое золотистое облако, которое сразу же рассеялось по залу, смешиваясь с воздухом и отравляя его. В следующую секунду ещё две птицы ринулись к Принцу, выставив огромные когтистые лапы вперёд. Но Принц успел отбежать в сторону, а затем взбежал по полуобвалившейся плите на балкон. Там, внизу, он был слишком уязвим. Случайная ошибка могла стоить ему жизни. А желание жить вновь наполнило его, он увидел в этом новый смысл.

Принц отошёл назад к стене, резко и звучно вдохнул воздух и побежал к перилам, навстречу свободе. Опять эти сладостные мгновения свободы, в которые он сам чувствовал себя птицей. Он оттолкнулся ногой от края и вытянул вперёд руки, чтобы схватиться за крыло птицы, пролетавший совсем близко. Следующий взмах забросил его на спину пернатому чудовищу. Она была настолько большой, что Принц мог свободно стоять на ней. Он сделал резкий шаг в сторону головы птицы и одним ударом, прежде чем она успела что-либо понять, разрубил ей шею… Птичья голова, отдельно от тела звучно рухнула на пол, взбрасывая в воздух клубы песчаной пыли. Практически сразу огромное тело начало таять. Принц развернулся и использовал два шага, что были у него в запасе, разбежался и бросился на другую птицу. Отталкиваясь, он почувствовал, как его нога

начинает тонуть в чём-то мягком, отчего его прыжок оказался довольно слабым и он чуть не упал вниз с большой высоты. Практически чудом он успел одной рукой схватиться за чёрные перья, по которым он сразу же вскарабкался на могучую шею, подальше от грозных лап, которыми птица пыталась сбросить своего назойливого противника. Принц слишком плохо держался верхом, чтобы ударить мечом и прикончить ещё одного монстра. А если он и отрубит голову, то упадёт вместе с ней вниз и сам. И погибнет. Он и все его надежды. Принц почему-то был уверен, что от него зависело очень многое, хотя он был всего лишь нынешним обладателем кинжала. Попади клинок в руки к кому-нибудь другому, и всё бы стало зависеть от его нового обладателя.

Гигантская птица, на которой висел Принц, не сумев избавиться от него сразу, резко нырнула вниз, а у самого пола стремительно взмыла вверх и понеслась в сторону огромного окна, из которого минуту назад они и прилетели. Принц с большим трудом сумел удержаться, но из его руки выскользнул меч и звонко ударился о мраморный пол. И почти сразу же этот звук потерялся в свисте ветра, резко ударившего Принца в лицо, отбрасывая назад его волосы. Они вылетели наружу. Он и птица. Теперь его жизнь зависела от неё, а её в какой-то мере от него. Если он не убьёт её, то она сама может лишить его жизни; если он убьёт её, то он сорвётся вниз и всё равно умрёт. Свобода, что он так любил, была слишком опасной для него и от этого теряла свою сладость. Принц чувствовал, что сквозь его ярость пробирается отчаяние, он чувствовал себя растерянным. Там, в зале, у него было несравненно больше шансов остаться в живых.

Птица, вместе с которой он летел навстречу ветру, пыталась резко переворачиваться в воздухе, то и дело бросаясь то вниз, то вверх, стараясь сбросить своего наездника. Покружив вокруг какого-то купола, птица полетела в сторону башни Рассвета. Принц чувствовал, что они пролетают совсем близко от неё, что, протяни он руку, он сможет достать до её стен. Ему хотелось разжать пальцы и ринуться навстречу тёмному силуэту, в который прямо из неба бил огромный столб яркого белого света, окружённый ужасным вихрем, застилающим от взора часть неба, усыпанного звёздами.

И вот, оказавшись так близко (как казалось Принцу) к желанной цели, он почувствовал, что какая-то неведомая, могучая, но безмолвная сила, тянет птицу назад в зал. Ещё одна случайная мысль блеснула в его голове – визирь хочет его смерти именно там. Просто потому, что кинжал упадёт неизвестно куда и на его поиски может уйти много времени. Время… время… всё вокруг зависело от него, подчинялось ему. Жизнь Принца

зависела от времени, судьба всего мира зависела от времени. От времени, за которое Принц успеет добраться до башни и вернуть мир в нормальное состояние, изгнав весь кошмар за его границы.

Влетая в зал, птица держалась низко к полу. Не раздумывая, Принц вонзил свой кинжал ей в спину и отпрыгнул назад. В то самое место, где сидела птица визиря. Сам он уже слез с неё и стоял на расстоянии. Если бы Принц не убил последнюю птицу, то она наверняка бы врезалась в него, потому что летела слишком низко. Но этого не произошло: Амара лишь обдало вихрем песчаного ветра – это всё, что осталось от могучего зверя. Птицу, на которую обрушился Принц, через секунду постигла та же участь: один резкий удар в спину, жёлтая вспышка рукояти кинжала, сквозь которую было видно Песок, точно такой же, как и в Песочных Часах. Принц надолго запомнил этот блеск. Раньше он казался ему красивым. Сейчас он был ему омерзителен, и, если бы он мог, он бы избавился от него! Но он не мог.

Принц вновь почувствовал твёрдую опору под ногами. Сейчас она доставляла ему больше радости, гораздо больше, чем мнимая свобода, которая напоминала огромный океан: если зайти по колено, то это было действительно прекрасно, но если окунуться с головой, то можно и не выплыть.

Делая быстрые шаги и разбегаясь перед очередным ударом, Принц сам чуть ли не крошил камень – настолько сильно одолевал его гнев. Он хотел убить Амара – это ещё не победа над Песками, но большой шаг к ней. И вновь его слепая ярость сыграла с ним злую шутку.

Он прыгнул с камня, что по-прежнему лежал в центре зала. Считанные мгновения отделяли его от цели. От победы. И сейчас вкус чужой смерти вновь казался сладким и манящим – слишком многое значила эта смерть. Она должна была произойти, и не могло быть никак иначе.

Но этого не случилось – Принц в прыжке врезался в чёрное тело птицы, которая с лёту пыталась схватить его в свои огромные лапы. На счастье Принца, ей это не удалось, иначе могло произойти всё что угодно: она могла раздавить его, сжав этими лапами, могла сбросить с огромной высоты, от самого потолка, и тогда никакое везение не спасло бы его. Смерть, пройдя в шаге от Принца, обдав его своим холодным дыханием, почему-то заставила его вспомнить о Фаре.

«С ней всё в порядке!» – ответил он сам себе. Он волновался за неё. Он чувствовал, что отвечает за её жизнь.

Он упал на пол, потом сразу же вскочил на ноги и увернулся от удара огромных когтей, которые, казалось, были созданы для того, чтобы принести ему смерть. Он увидел, как Амар развернулся и зашагал куда-то прочь.

– Стой! – закричал Принц, что было сил. – Я убью тебя!

– Скорей мои верные птички расправятся с тобой! А я скоро вернусь и заберу кинжал! – с насмешкой и презрением в голосе ответил визирь.

– У тебя ничего не выйдет! – кричал Принц, уворачиваясь от новых атак птицы.

– Уже вышло, Принц. Уже вышло! – сказал визирь остановившись и повернув к Принцу взгляд, полный величия. Величия подобного царскому. Он чувствовал себя хозяином этого места. А может быть, и был им.

Принц бросился за ним вдогонку, но было слишком поздно: Амар уже ушёл в другой зал, а за Принцем по пятам гнались две оставшиеся в живых птицы, горевшие желанием убить его. Неизвестно, что двигало ими – стремление уничтожать, заложенное в сам Песок, или приказ визиря. У Принца не было времени, чтобы размышлять над этим, а впереди него неожиданно выросла стена. Но он не бросился в сторону по одной простой причине: принц вдруг осознал, что эти птицы довольно глупы, и их очень легко обмануть. Он что было сил ринулся вверх по стене, резко толкаясь ногами и стараясь взбежать как можно выше. Делая быстрые шаги Принц почувствовал, как одна за одной в стену врезаются обе птицы, проламывая её. Ещё секунда, и Принц оттолкнулся ногами, сделал сальто назад и обрушил удар кинжала на одну из птиц. Не дожидаясь того, что же произойдёт с первой, он бросается на вторую и убивает её. Два омерзительных вопля вновь разорвали ночную тишину, две вспышки, два густых облака и вот уже всё позади.

Принц, не задумываясь ни на секунду, ринулся в тронный зал, вдогонку за Амаром.

«Теперь его ничто не спасёт!» – думал он про себя, в то время, как он бежал, тяжело дыша. Принц буквально разрезал собой воздух. Воздух, отравленный Песком. Здесь он был отравлен им сильнее всего. Но, несмотря ни на что Принц бежал, то и дело с силой втягивая в себя этот воздух, а затем резко выбрасывая его наружу, не чувствуя, как Песок остаётся в нём и отравляет и его самого.

Принц видел, как визирь проходит мимо того места, где не так давно стояли Песочные Часы, и идёт к Фаре с Эссеном. Он должен догнать и убить его.

«Зачем он идёт к ним?! Что ему нужно от Фары?!» – мелькали бешеные обрывки мыслей в его разгорячённой голове.

Принце сам не замечал, как часто он думал о ней. Он узнал её каких-то полчаса или час назад, но она уже значила многое в его жизни. Может, ещё и оттого, что вокруг почти и не было других живых людей. Вдруг он вспомнил, как там, в пустыне, ей

досталось от солдата. Наверняка ни за что, а просто потому, что она пленница, а он надзиратель. Вспомнил непомерную грусть, навсегда поселившуюся в её глазах.

«Это не должно повториться!» – почему-то всплыло в сознании Принца.

– Стой! – с удвоенной силой закричал он, давясь и хрипя.

Амар никак не отреагировал на крик и лишь ускорил шаг. Он был от Принца достаточно далеко, а до Фары с Эссеном ему оставалось пройти совсем немного.

Фара вскинула лук и пустила стрелу в визиря. Тот выставил перед собой свой посох, и неведомая сила разнесла стрелу в щепки. Фара широко открыла глаза от удивления и попятилась назад в испуге. Она была испугана тем, как же не похож сейчас Амар на того дряхлого старика, которого она знала раньше.

– Не подходи к нам! – в отчаянии закричала она. Нельзя сказать, что она по-настоящему боялась его. Просто волна удивления, лавиной накрывшая её, превратилась в испуг, который и выдавил из неё эти слова.

– Довольно! Я достаточно наслушался приказов дрянной девчонки и её папаши! – в глазах визиря блеснула обида. В таких глазах обида была страшнее и опаснее самого ужасного гнева.

Эссен, который всё это время оставался рядом с Фарой, вскинул меч и бросился на визиря. Глаза визиря не выдавали в нём чудовища, и на этот раз у Эссена хотя бы был шанс. Но когда ему оставалось два-три шага до удара, Амар вдруг схватил свой посох обеими руками, и, направив другой его конец, в сторону солдата, ударил им по воздуху, словно копьём, даже не задев при этом Эссена. Но та же неведомая сила, что сломала стрелу, отбросила его назад. Пролетев по воздуху, бактриец упал на пол, перекатился по нему и, видимо, ударившись о какой-то из многочисленных разбросанных повсюду камней, застонал от боли.

– Вот видите, принцесса… Никто вам не поможет! – опять торжествующе заговорил Амар. И не дожидаясь ничего, он с размаху ударил Фару свои посохом, больно расцарапав ей руку. От неожиданной боли Фара вскрикнула и пошатнулась. Визирь подошёл к ней и, воспользовавшись её испугом и беззащитностью, больно сдавил ей руку, пачкая свою в её крови, впиваясь в неё взглядом и ужасая мерзкой улыбкой.

Принц, услышав крик Фары, загорелся жаждой мести. Уже не за себя, а за неё. Тем временем визирь оттолкнул принцессу и повернулся к Принцу со словами:

– Неужели тебе так нравится обладать этим кинжалом? Из-за тебя страдают люди, как близкие, так и едва знакомые! Я лишь

хотел обладать кинжалом, а ты навлёк беду на всех! Так кто же из нас злодей?

Принц почти добежал до визиря и сделал резкий прыжок в воздух, прицелившись мечом в грудь ненавистному врагу. И опять промах. Опять он рассёк воздух. Опять каким-то невероятным образом тот, к чьей смерти он бежал изо всех сил, исчез. Оставил Принц наедине со страшной правдой. Сеять сомнения – главный талант визиря. Принц опустился на колени, гася в себе бессильную злобу. Возможно, визирь был в чём-то прав. Осознание этого пробивалось в разум Принца маленькими ростками, заставляя его задумываться. Но его размышления были тут же прерваны словами Фары.

– Ну же, вставай! Не лучшее время ты выбрал, чтобы… – сказала она, запнувшись на полуслове.

– Да, ты права, – ответил ей Принц.

В другой раз он бы возмутился, но сейчас он был даже рад, что Фара так бесцеремонно оторвала его размышлений. Они были слишком тягостными и действительно не своевременными.

Тем временем, Эссен с трудом встал и подошёл к ним. Он потирал бок и плечо: ими он ударился при падении. Но это волновало его не так уж и сильно. Чувствовалось, что он напряжен, но причиной тому было то, что он услышал. Теперь детали мозаики сложились в его голове, и он понимал, что Принц и Фара многого не договаривают. И, видимо, Принц непосредственно причастен к произошедшему. И с этим надо что-то делать. Возможно, лишь, сейчас не лучший момент: Эссен ослаблен, и даже попытка завладеть кинжалом или оказать иное сопротивление может кончиться для него не очень хорошо. Погружённый в эти мысли, он хмуро стоял чуть в стороне, наблюдая за этой странной парочкой, и молчал.

– Я думаю, нам стоит идти. Он может вернуться… – сказала Фара.

– Да, – сказал Принц и встал. – Надо идти. Мы не должны сдаваться!

– Никто и не собирается сдаваться! – ответила ему Фара.

– Правильно… Фара, что он сделал с тобой? – немного в замешательстве спросил Принц.

– Ударил. – Фара показала ему большую царапину на руке, из которой сочилась кровь. – Потом зачем-то схватил за руку, а потом просто исчез.

– А ты как, Эссен? – спросил Принц, отрывая кусок ткани с рукава и перевязывая Фаре рану.

– Нормально. Идти смогу, и хорошо, – сурово ответил Эссен, держась за голову.

– Что это? – вдруг спросила Фара, зачем-то нагибаясь вниз. Все увидели, как она поднимает с пола какую-то книжицу. Она была мягкой, покрыта коричневой кожей, и по ней было видно, что она очень старая.

Повертев в руках находку, она протянула её Принцу.

– Наверно, её случайно обронил визирь, – решил Принц.

Он раскрыл её и осмотрел жёлтые, потрескавшиеся на краях, страницы. Мгновенно в воздухе почувствовался запах бумаги, перемешанный с запахом кожаной обложки. На страницах было что-то написано на непонятном языке, не знакомом Принцу. Почерк принадлежал явно одному человеку, но где-то слова были написаны медленно и аккуратно, а где-то торопливо и неровно. Принц почему-то на секунду представил себя в роли человека, пишущего на этих страницах, увидев перед собой их пустыми и свою (или не свою) руку, державшую перо, и от этого у него на секунду закружилась голова.

– Что там написано? – спросила Фара.

– Не знаю, тут ничего не понятно! – Принц повернул страницы в сторону своих спутников, чтобы они могли лучше рассмотреть. – Знакомая манера письма, но это явно не персидский язык.

– Я даже не знаю таких букв, – разочарованно сказала Фара. – Эти страницы выглядят такими древними…

Принц закрыл книжицу и разочарованно повертел её в руках, подумал пару секунд и убрал её себе в карман. Возможно, она пригодится позже, но сейчас она была для него совершенно бесполезна.

– Надо идти немедленно. Эссен, ты знаешь короткую дорогу к башне Рассвета? Можешь провести нас? – спросил Принц.

– Я помогу вам. Просто чтобы избавиться от всего этого. Если я увижу тебя после – тебе же хуже, – в тоне Эссена явственно читалась угроза. Он решил обозначить свою позицию, показав Принцу свой настрой. Бактриец действительно с трудом решился помочь Принцу и Фаре. – Я слышал, что сказал этот старик! И ты не меньше виноват во всём произошедшем.

Принц ничего не ответил, и воцарилось молчание. У него вертелось на языке что-то о благодарности за спасение жизни Эссену, но так и не обрело форму слов. Поведение Эссена даже несколько возмутило Принца. Фара буквально чувствовала напряжение, которое повисло в воздухе. Сам Эссен ещё подумал о том, что сотрудничество с Фарой и Принцем сейчас меньшее из зол, несмотря на все «но». Кроме того, у Принца (во всяком случае пока) есть кинжал, и он действительно хорошо умеет сражаться.

– Нам надо идти туда, – наконец сказал Эссен, указывая на дверь в конце зала.

Глава 16. Джатта

Первое, что захотелось Аджиту, когда он почувствовал, что ещё жив, – позвать Ашу, что он и сделал:

– Аша! – вырвался сиплый стон из его горла. Он не мог кричать. Любое движение доставляло ему боль. Голова кружилась, и стучало в висках.

Едва справляясь с собой, Аджит сел и попытался разомкнуть веки. Через какое-то время он понял, что ответа ждать бесполезно – к нему вернулись воспоминания о том, что произошло. Он не помнил когда… верней, не знал, сколько он пролежал здесь, на грани жизни и смерти. Смерти, которая звала его в свои холодные объятия, и жизни, которая не желала отдавать его в эти руки и отчаянно боролась за него. Последствия этой борьбы он сейчас ощущал всем своим телом. Аджит чувствовал, как что-то мешает ему дышать. Он провёл по лицу ладонью, почувствовал, что на ней что-то осталось, и попытался рассмотреть это. Тщетно. Перед его глазами мелькали лишь огромные бесформенные пятна, среди которых он не видел даже собственной руки. Единственное, что он мог различить, – вокруг было темно, он точно это знал. Значит, сейчас всё ещё ночь и он пробыл здесь не так уж и долго. Резкая жгучая боль в голове не давала забыть о себе ни на секунду, заставляя его время от времени вздрагивать. Аджит резко выдохнул носом и почувствовал на губах вкус собственной крови. Он попытался встать на ноги, по-прежнему ничего не видя. Его попытка изначально была обречена на неудачу, и он рухнул на землю вновь, спиной упираясь в успевшие остыть за ночь камни дороги. Он попытался, опираясь на руки, привстать ещё раз, и опять его постигла неудача: он был слишком слаб.

Иногда жизнь может быть невероятно жестокой. Настолько, насколько не бывает даже смерть. Для умирающего смерть – это спасение, избавление от мук и страданий, если он уже смирился с неизбежностью и готов порвать с жизнью. Но она продолжает мучить его, не хочет отпускать. И в тот самый момент, когда человек уже пропитался смертью, узнал её запах, попробовал её на вкус, жизнь резким и грубым рывком дёргает его обратно в свою сторону, будто бы издеваясь и одновременно извиняясь, даря глоток свежего воздуха и новую надежду.

Так он и лежал, устремив пустой взгляд куда-то ввысь, до тех пор пока тьма, висевшая у него перед глазами, не начала превращаться в серебристый лунный свет, в отдельные ярко-мерцающие звёзды и колышущиеся на ветру листья.

Шёпот, который они издавали, успокаивал Аджита, в голове которого всё ещё носился недавно пережитый кошмар.

Интересно, забудет ли он его когда-нибудь? И кончится ли он вообще? И если кончится, то чем? Что приготовила ему жизнь? И сколько она ещё продлится?

Внезапно тишину ночи прорвал резкий крик, похожий на птичий. Аджит с трудом соображал, но ему показалось, что он раздался где-то в небе, в стороне, противоположной от дворца. Он повернул голову, но так и ничего не сумел рассмотреть. Он по-прежнему видел только небо и высокие своды замка. Сейчас он казался Аджиту поистине огромным, он чувствовал себя жалким муравьём по сравнению с этой огромной каменной глыбой, росшей прямо из земли.

Он по-прежнему чувствовал, что не может встать. Что ему делать? Вот так просто лежать здесь и ждать, когда к нему вернуться силы? Нет! Он не хотел с этим мириться! Что сейчас с Ашой? Жива ли принцесса? Что ещё страшного произошло по вине Песков? Ему вспомнился визирь. Не зря он казался Аджиту таким подозрительным. Он всегда что-то замышлял. Особенно тогда, на Острове. И вот, похоже, ему удалось осуществить свои замыслы.

Размышления Аджита вдруг были нарушены громким непонятным звуком. Он приподнял голову и обомлел от удивления. На его глазах огромное чудовище, то, которое чуть не убило его совсем недавно, оторвалось от земли в попытке встать, но, будто обессиленное, грузно рухнуло обратно на землю.

«Что с ним?» – задал мысленно себе вопрос Аджит.

Он действительно не понимал, что происходит. Ещё несколько, как ему казалось, минут назад – он не почувствовал времени, что пробыл без сознания – этот могучий зверь имел столько силы, что мог запросто разорвать его в клочья. А сейчас он чуть ли не слабее него! Аджит находился в замешательстве. А что если ему встать и прикончить зверя? Но он и сам был так же слаб. И что всё-таки произошло? Аджит пытался выстроить цепочку произошедших событий, но никак не мог ни за что зацепиться. Он помнил, как падает на землю и всё вокруг темнеет. И больше ничего. Решительно ничего.

Монстр вновь зашевелился. На этот раз ему удалось встать, причём довольно легко. Аджит сразу же распрощался с идеей о мести. Его вновь охватил ужас. Какой смысл был в том, чтобы вот так, оказавшись в шаге от смерти, ещё немного подышать жизнью и вновь умереть? Но теперь уже окончательно и бесповоротно.

Послышались уже знакомые грузные шаги, напоминавшие звон металла о камень. Аджит резко вздёрнул руку, забросил её себе на грудь и нащупал медальон. Он всё ещё тут. Целый. Настоящий. И сейчас его не станет. Верней, их обоих. Аджит

разжал пальцы, расслабил руку и дал ей соскользнуть на землю. Он увидел над собой склонившуюся голову зверя, пару белых, далеко посаженных глаз. Они были без зрачков, свет в них вырывался откуда-то изнутри, но даже по этим глазам можно было всё прочитать. В них виделась не жестокость, не желание убить и отобрать медальон. В них был какой-то интерес. Будто это и не зверь вовсе, а человек. Или всё-таки зверь, который обрёл душу. А, может, человек, что потерял своё тело.

Под этим взглядом Аджит терял волю. Он не мог ему сопротивляться, даже если бы у него были силы, и потому просто ждал, что же произойдёт. Он уже чувствовал, что доверяет этому взгляду. Не чудовищу, а именно его глазам. Из них сочился этот непонятный свет, пропитанный чем-то… близким, родным и по-настоящему знакомым. Страх смерти куда-то отступил и Аджит уже не ощущал того холода, который пробирал его до костей в прошлый раз. Он даже чувствовал какое-то тепло, совсем слабенькое, но всё же тепло.

Аджиту вдруг вспомнилась его юность. Лучшим его другом тогда была собака. Крупная, с длинной белой шерстью, она пришла неизвестно откуда. Аджит подкармливал её своим обедом, когда она возвращалась к нему. Он прекрасно помнил её горячий язык, который вылизывал ему руки и лицо в знак преданности и благодарности. И помнил, как в один день собака просто не пришла к нему. А затем и всю следующую неделю. И больше никогда не появлялась вообще. Заподозрив неладное, Аджит почти весь день ходил по улицам, заглядывая в каждый уголок, искал друга. Звал его. Помнил своё отчаяние. Отчаяние… Сколько раз он его испытывал за свою жизнь? И какой раз был самым сильным? Может быть, тот, когда он, уже перестав искать, просто сел на землю, опёрся спиной о стену какого-то дома, обхватил голову коленями и не знал, как ему дальше жить? Сейчас ему, конечно же, всё это казалось по-детски наивным, но тогда это было для него настоящим потрясением, шоком, от которого он долго не мог оправиться. И вместе со всеми этими воспоминаниями он видел свет глаз зверя и продолжал ему доверять. Ему хотелось прикоснуться к нему, если бы он мог.

Но вместо этого он почувствовал, как зверь прикасается к нему. Аджит услышал, как по ножнам скользит выроненный им меч. Как бы он ни тянулся к этим глазам, это его сильно удивило. Зачем зверю так заботиться о нём? А дальше произошло ещё более поразительное: вместо того чтобы прикоснуться к медальону, забрать его и убить Аджита, чудовище взяло его на руки и вместе с ним медленно зашагало вдоль стены величественного дворца.

Монстр был дольно неуклюжим, и каждый шаг доставлял Аджиту боль, но он терпел. Терпел молча. Он чувствовал вновь растущую в нём надежду. Палач превратился в спасителя. Может, весь этот хаос превратится в рай?

Так они шли несколько минут, потом повернули куда-то налево, внутрь дворца: Аджит заметил, что больше не видит неба, а вместо него – тёмные стены внутри дворца и изредка – красные пятна факелов на стенах. Он чувствовал какой-то знакомый, хотя и давно позабытый запах. Прошло ещё несколько минут до того, как он понял – это Пески. Такой же спёртый, гнетущий и пыльный воздух, как и на Острове.

Зверь, который всё это время шагал, не издавая ни единого звука, иногда нагибался, чтобы протиснуться в очередную дверь – он был действительно огромным. И вот в одной из небольших комнат он наконец остановился. Аджит почувствовал, как к его телу прикасается что-то мягкое. Им враз овладела ещё б*о*льшая усталость, сильнее той, что была, когда он лежал на камнях. Зверь положил его на мягкое ложе, словно заботясь о нём, как о родном сыне. Но тот уже с трудом осознавал это и лишь понимал, что вот-вот провалится в бездну глубокого сна.

То, что происходило дальше, Аджит уже не видел. И наверно стреляй у него над ухом сотни пушек – он бы не услышал.

Зверь, постояв несколько секунд будто бы в раздумьях, повернулся и сошёл со ступенек, которые вели к ложу, вниз и вновь остановился, пристально вглядываясь в темноту, будто оттуда что-то должно было выскочить. Но лицо монстра не выдавало беспокойства – значит, он был уверен в том, что произойдёт дальше. Именно лицо, а не та звериная морда, которую видели Аша и Аджит, – оно приобрело осознанность и спокойствие, присущее уверенному человеку. Будто это вовсе и не чудовище, а человек, попавший в клетку звериного тела.

Даже самый зоркий глаз наверняка бы не увидел, как через пару секунд из темноты, которая была особенно густой за входом в комнату, вырвалось чуть видимое белое призрачное пятно и медленно поплыло к зверю – тот стоял, не шевелясь, лишь только внимательно наблюдая за этим прозрачным облаком. Оно двигалось не быстро, примерно со скоростью человеческого шага, оставляя в воздухе после себя странные завихрения, которые придавали воздуху чуть оранжевый оттенок. Всё это происходило в абсолютной тишине, отчего картина выглядела невероятно загадочной и немного пугающей. Пугающей неизвестностью. Решительно никто бы не смог правильно объяснить происходящего, если бы кто-то наблюдал за ним. Не дойдя приблизительно двадцати шагов, облако вдруг ускорилось и, будучи совсем близко к монстру, словно бы прыгнуло в него.

Секунда абсолютной тишины и темноты. Казалось, что даже белые глаза чудовища потускнели, причём настолько, что их невозможно было отыскать в темноте. И резкая ярчайшая вспышка белого света. Свет исходил из самого зверя: из борозд на коже, ноздрей, глаз и раскрытого в немом крике рта, поднятого к потолку.

Комната, стены которой были сделаны из белого мрамора, но местами увешаны большими полотнами ткани, осветилась светом, в один миг разрезавшим и разорвавшим в клочья всю тьму. Свечение было попросту ослепляющим. Длинные тени от кувшинов и ложа, на котором спал Аджит, были практически неразличимы. Затем снова мрак. А верней, уже полумрак: что-то ещё освещало комнату мягким серым светом, который позволял уловить очертания того, что находилось вокруг. Лицо и кожа зверя почти погасли, свет остался только в глазах. Послышался тяжёлый шаг, за ним ещё один – от неожиданной силы, что ворвалась в зверя, он словно ослабел и попятился назад. А затем даже присел на одно колено. Но в его глазах по-прежнему не читалось страха или непонимания. Он напоминал больного, который выпил лекарство, заранее зная, что на несколько минут ему сделается ещё хуже, но потом придёт облегчение.

Этот странный серый свет сочился из самого зверя, в виде дыма, который вытекал из его кожи и медленно, будто туман, рассеивался повсюду. Секунды шли, но зверь не шевелился. Потом тишину нарушило тяжёлое дыхание – монстр дышал словно первый раз в жизни. Он дышал и до этого, но на сей раз как-то по-особенному, словно задыхался и пытался втянуть побольше воздуха перед чем-то.

Внезапно тишину ночи разорвал рык гиганта – оставаясь в той же позе, на колене, он раскинул руки в стороны и поднял лицо и грудь кверху. Зверь продолжал тяжело дышать, а его грудь резко вздымалась от этих вздохов, и казалось, что нечто внутри него силиться разорвать её.

Рык был действительно громким, казалось, что даже стены затряслись, и эхо полетело куда-то прочь, словно стремясь разбудить всех, кто мог бы спать в эту ночь. Но Аджит не слышал и этого, его сон был намного крепче. Сон, вызванный усталостью, намного глубже обычного. Особенно если вспомнить о том, что Аджит впервые уснул по-настоящему за несколько последних дней. Часто, ночами, в те дни когда они с Ашой шли через пустыню, он просыпался, садился у костра и подолгу смотрел на огонь, любуясь, как он поедает древесину, превращая её в угли, золу и сотни горящих пылинок, улетающих вверх и блестящих несколько секунд в ночи, подобно звёздам. Пока Аша мирно спал – после ранения его сон стал намного крепче, он

набирался сил, – Аджит оставался совсем один, разве что полумесяц молча наблюдал за ним. Он старался ни о чём не думать: ни о прошлом, ни о настоящем, ни о будущем – мысли о чём угодно приносили или боль или разочарование. Или и то и другое одновременно. Старую жизнь он потерял, упустил, как песок сквозь пальцы. И бросил эти руины, это огромное пепелище, не надеясь что-то возродить или вернуть. Другой жизни он не нашёл, его настоящее – это этот огонь, эта пустыня, и больше ничего. И его спутник. Аша – кто он? Его друг? Просто случайный спутник, с которым они вместе погнались за практически недостижимой целью, почти не имея шанса на успех? Этот риск можно было оправдать только тем, что у них не оставалось ничего другого. Лучше бежать куда-то, еле переводя дух, чем сидеть на месте и, оставив все стремления, предаваться унынию.

В своём сне сейчас Аджит видел, как идёт куда-то по невысокой траве, солнце мягко грело его спину. Он не чувствовал боли, опутывавшей его тело. Не чувствовал, потому что её не было. Не было и усталости, страха и тревоги. Ему всё казалось очень лёгким. И он сам был лёгким, словно ветер, что нежно шелестел травой у его ног. Самое приятное чувство, которое он испытывал – спокойствие. Аджит был уверен, что так и будет идти и идти. Он не боялся этого длинного однообразного пути, наоборот, он был приятен. Он желал вечно чувствовать тепло заходящего солнца, красящего огромное поле в чуть красноватый цвет, вдыхать свежий воздух, принесённый ветром издалека. И с ним был его старый друг – та самая потерявшаяся собака. Она неспешно, как и он сам, брела куда-то вдаль, не отходя от него, а её длинная белая шерсть развевалась на ветру.

Зверь встал с колен и направился к Аджиту. Сейчас на его лице вновь вспыхнула ярость, а из глаз исчез загадочный свет. Чуть ближе к Аджиту, чем находилось чудовище, в воздухе блестело серебристо-белое облако, только, в отличие от первого, вокруг него развевались какие-то нити, что, помимо загадочности, придавали ему ещё и великолепие, которым можно было любоваться невероятно долго.

Опережая вновь обезумевшего зверя, облако бросилось к Аджиту, будто бы прыгнуло в воздух над ним, зависло на секунду и, превратившись в тончайшее и легчайшее покрывало, мягко легло на спящего, бросая кончиками нитей маленькие белые искорки. Чуть облако коснулось воина, комната осветилась яркой вспышкой белого света, превращая её в нечто невероятное, не принадлежащее этому миру. Стены, ограничивающие её, поплыли куда-то, постепенно тая в воздухе. Все предметы

растягивались, превращаясь в такие же облака, их края дрожали и временами пропадали.

Зверь, до этого уверенно шагавший, вдруг остановился, не понимая, что произошло. Ему не было дела до того, что происходило в комнате и с ней. Он не понимал, куда делся Аджит. Секунду назад он был перед ним и вдруг пропал.

Вдруг монстр резко повернулся, будто бы услышав резкий звук или что-то почуяв. Почти не раздумывая, он пошёл к выходу. На сей раз в его шагах чувствовалось больше агрессивности, удары ног о каменный пол стали тяжелее, и их звук ещё больше походил на металлический. Шёл он по-прежнему уверенно – казалось, что он всегда был уверен в своём деле, будто бы у него был особенный нюх или все его действия были прописаны кем-то заранее. Он без труда нашёл выход и прошёл сквозь него, несмотря на то, что реальность здесь практически отсутствовала: она растаяла и унеслась прочь вместе со всем тем, что было в этой комнате и ей самой. И стоило зверю переступить порог, всё внезапно в один миг приобрело свои очертания и вернулось в нормальное состояние. Аджит по-прежнему спал.

В своём сне он вдруг, неожиданно для себя и к огромному своему огорчению, увидел, как Джатта – он наконец-то вспомнил имя собаки – резко бросилась вперёд, на невидимого врага, покинув Аджита. Этот невидимый враг… он нарушал его сон, его последнюю надежду на отдых от всего. Даже здесь Аджит не мог найти покоя, в котором так нуждался. Но он был не один. Джатта была с ним, спасая от врага, она могла сохранить то, что ему было необходимо.

Невесомое одеяло, скрывшее Аджита от взгляда чудовища, взмыло в воздух, вновь делая его беззащитным, и, меняя форму, в беззвучном полёте мягко опустилось на пол. Оно вообще ни разу не издало ни единого звука, не имело запаха. И, наверно, его никто не мог видеть. Открой сейчас Аджит глаза, он ничего не увидел бы. Существует ли то, что находится сейчас рядом с ним на самом деле? Если смогло защитить, значит, наверняка существует. Незримое для людей и имеющее возможность противостоять Пескам. Этот монстр, что совсем недавно ушёл из комнаты, – он не мог быть движим ничем, кроме Песков.

Прямо в мире людей незаметно для них самих идёт ещё одно противостояние. Оно совсем не похоже на войны между людьми, не похоже на борьбу выживших людей и песчаных монстров. Скорей это погоня за единой целью, и важно лишь то, кто сможет первым добраться до неё. А люди нередко не замечают того, что происходит у них прямо под носом.

Свист стрелы, вылетевшей из темноты, выгнал тишину из комнаты. Она была пущена в Аджита и за секунду должна была

совершить то, что не удалось сделать чудовищу за последние час или два. Но этому вновь не суждено было свершиться: облако бросилось навстречу стреле, обретая на бегу очертания собаки, а затем прыгнуло в воздух, грудью встречая выстрел. Ни капли крови не брызнуло из тела животного. Оно не издало крика боли. Вместо этого стрела, уверенно летевшая к своей жертве, растаяла внутри неё, превратившись в золотистую пыль, вылетевшую из спины собаки. Своим телом она попросту уничтожила её, если можно было назвать этот полупрозрачный мираж телом. Но тем не менее вид её был достоин восхищения: ослепительно-белая длинная шерсть, острая, вытянутая морда, глаза, в которых читалась мудрость и отвага, внушавшие уважение.

Ветер не мог забраться так далеко вглубь дворца, но её шерсть всё же развевалась, отчего казалось, что мираж вот-вот растает. Но он не исчезал, а разбивал телом ещё одну стрелу. И следом за ней ещё одну. До тех пор, пока из темноты не шагнул тот, кто стрелял. Песчаный монстр, сильно отличавшийся от других, с длинными, кое-где ободранными волосами, в латах, с огромным луком за спиной и такой же огромной саблей в руках. В его движениях читалось больше сознательности, чем у прочих чудовищ. Этот был совершеннее и не поддавался слепо простому инстинкту убийства. Хотя, в конечном итоге, его цель была точно такой же, как и у остальных, – лишить жизни выживших. А может быть, он тоже хотел отобрать медальон. И может, вовсе не случайно, что именно такой особенный воин отправлен убить Аджита? Но кем отправлен? Воин – слуга визиря, стало быть, им и отправлен. Но откуда тот мог узнать об Аджите? О том, что у него медальон? Возможно, кто-то мог донести, но они с Ашой уничтожили всех, кто встретился на их пути. Да и не стали бы слепые убийцы убегать, имея возможность осуществить свою цель. Эти чудовища не боялись за свою жизнь – у них её попросту не было.

Чудовище оценило окружающее его и почти безрассудно кинулось к собаке. За эти несколько шагов его глаза вспыхнули намного ярче. Потом ядовитый жёлтый свет скользнул по его телу и по мечу, будто поджигая его и превращая в факел, осветивший комнату помимо бледно-серого, ещё и жёлтым. Комнату, которая опять начала таять и терять свои очертания. Стена за стеной превращались в пыль, а собака и монстр переносились в этот новый мир.

Первый удар меча просвистел в воздухе, едва зацепив шерсть собаки и сбросив несколько клочков на пол. Верней, туда, где он был, – кроме бездонной пустоты и белого тумана вокруг не было ничего. Увернувшись от удара, собака сразу же бросилась к

монстру и ухватила изо всех сил его за руку, отчего из неё выпал меч. Но монстр не взревел от боли даже тогда, когда его кисть отделилась от тела, – он ничего не чувствовал. Из его руки начал сочиться Песок, превращая белый туман в золотисто-жёлтый. Пыль рассеивалась прочь в разные стороны. Но собака всё ещё была готова броситься на врага вновь, в любую секунду, будто бы тот не ушёл, хотя его меч и обрывки амуниции растаяли в воздухе.

Но пыль, растекавшаяся в стороны, вдруг начала собираться обратно, вихрем кружась вокруг одной точки, постепенно уплотняясь и соединяясь в некое облако, которое походило на бесплотного духа. Прошла ещё минута, во время которой собака сидела неподвижно и наблюдала за происходящим. Пыль всё больше обретала форму, можно было рассмотреть очертания головы и рук, хотя ног и не было видно: песчаное существо парило в воздухе, а вниз свисало лишь что-то вроде длинной рясы. Неожиданно где-то позади него появилось ещё несколько чудовищ, выглядевших так же, как и это несколько минут назад. Но и они на бегу крошились в пыль и, словно подхваченные ветром, пылинка за пылинкой летели к песчаному облаку, делая его всё менее прозрачным и придавая его очертаниям ещё больше чёткости. И жестокости ему самому. Обретя силу, песчаный дух ринулся в схватку. Теперь у него не было меча. Но то, где противники сейчас находились, определяло совсем другой вид оружия. Острое железо не решит ничего, какой бы силой оно не обладало.

Прижав руки к себе и склонив голову, монстр выбросил песчаный вихрь огромной силы прямо в собаку, заставив её попятится назад. Её шерсть развевалась во все стороны от сильнейшего ветра, морда была наклонена чуть вниз, чтобы пыль поменьше забивалась в глаза. Но это было не то, чего ожидал песчаный монстр. Значит, его противник оказался намного сильнее, чем он думал. Если бы на его лице сейчас были видны глаза, то они были бы яростно сужены, когда он пустил вихрь с утроенной силой. Ощетинившаяся собака и этот удар встретила достойно. Животное любой ценой собиралось не подпускать убийц к Аджиту. Медленно шагая наперекор бешеному потоку, собака вдруг вспыхнула ослепительно-белым светом, который в один миг разрушил бушующую стихию и остановил врага. Это напоминало огонь. Белый огонь. Языки белоснежного пламени, разбрасывающие повсюду серебряные искры, но ничего не сжигающие и не отравляющие воздух дымом, а лишь едва шевелящие его.

Аджит неподвижно стоял и наблюдал за происходившим. Он хотел помочь другу, но не мог пошевелиться. Джатта напала на

странного человека в плаще с накинутым капюшоном, который находился совсем неподалёку. Аджит знал, что этому незнакомцу не место здесь, в его сне, в единственном месте, где весь покой принадлежал одному ему, что это враг, намерения которого содержат только зло. Он не имел права бросать свою тень на эту траву. Не имел права отбирать последний приют у усталого странника. Человек пытался отбиваться, но ему приходилось отходить назад. И он почти ничего не мог с этим поделать. Внезапно Аджит почувствовал небольшой прилив сил и поднял руку в сторону солнца, будто бы призывая его силу, и резко махнул в сторону незнакомца. Солнце вспыхнуло в сотню раз ярче, и в один миг свет прогнал незнакомца прочь, заставив растаять в воздухе. Мысленно Аджит сейчас полнился благодарностью к своему верному другу – тот, похоже, только что спас ему и жизнь и покой. А он сам всего лишь нанёс решающий удар.

Там, где находились собака и монстр, внезапно вместо одной только пустоты выросли высоченные каменные колонны, квадратной формы, на которых были вырезаны длинные борозды, украшенные витиеватыми выступами. Колонны убегали ввысь, врезаясь в величественные своды зала, который постепенно обрёл и пол, выложенный из больших треугольных кусков мрамора.

Монстр не собирался сдаваться и издал дикий вопль, оглушительным эхом понесшийся по залу. За ним ещё один. А следом понеслись миллиарды песчинок, слитых в один безумный поток, который полетел по залу, опутывая колонны и сдавливая и ломая их. Но они не просто рушились. Они рушились от времени – сначала от них отлетали небольшие кусочки, потом от низа к потолку бежали ветвистые трещины. Время ускорилось для них в тысячи раз, и на глазах они дряхлели и осыпались. И вот, наконец, произошло то, чего ждал монстр: одна из колонн отломилась от основания и начала падать вниз, как поваленное дерево. Словно вторя ей и подчиняясь тому же неумолимо быстрому течению времени, начала рушиться и вторая. А за ними стали падать ещё с десяток колонн. Грандиозное зрелище происходило вокруг белой собаки. Но, несмотря ни на что, это было разрушение, и настоящего восхищения оно достойно не было.

Вихри, сжимавшие огромные каменные глыбы сейчас направляли их падение именно на собаку. Та медленно закрыла глаза и опустила голову. Но, как оказалось через секунду, не в знак покорности или смирения с поражением. Это была попытка почерпнуть из самой себя огромную силу, которая воплотилась во второй вспышке, ещё сильнее предыдущей. Она обладала такой

мощью, что вновь рассеяла поток Песка и остановила падающие колонны, а затем повернула их движение вспять и вернула отобранное у них время. Те вновь стали как новые и водрузились на свои места. Свет, которым горело всё вокруг, казалось, можно было даже потрогать – настолько он был густым и сильным. И не успел монстр опомниться, как увидел, что его противник бежит ему навстречу. Бежит, с силой вдавливая в землю плиты пола. Монстр предпринял ещё попытку – теперь вихри вырывались столбами прямо из земли, подобно гейзерам, выбрасывая плиты вверх, но защитница Аджита бежала всё быстрей и быстрей, несмотря ни на что, даже если ей приходилось бежать по летящим в воздухе треугольным камням. Последним отчаянно сильным рывком собака достигла врага и вонзилась в него своим телом, подобно острому клинку. Этот удар в один миг остановил монстра, лишив его возможности двигаться и сопротивляться. По нему поползли длинные трещины, из которых вылетала жёлтая пыль, и последнее, что он сделал, – испустил ещё один крик. Но не боли, а ярости. Слепой и совершенно бесполезной. Затем его разорвало, и в белом пламени пыль сгорела меньше, чем за секунду.

Собака вылетела из спины монстра. В этот момент у неё были не свои глаза. Они были… человеческими. Но прошла секунда, животное моргнуло, и глаза вновь стали принадлежать ей.

Она справилась. Она смогла. Хозяин был бы доволен. Она многому от него научилась.

Когда она повернулась, старая реальность уже вступала в свои права, комната опять стала комнатой, а всё остальное растаяло, будто и не было ничего. Собака подошла к Аджиту и лизнула ему ладонь. И сразу же растаяла в воздухе как утренний туман.

Аджит наклонился и ласково погладил своего верного друга. В последний раз насладился красотой солнца, зелёной травы, великолепных могучих облаков, покрасневших от заката, закрывавшего местами такое же великолепное голубое небо, и… проснулся.

Глава 17. Аша

Аша убегал всё дальше и дальше от того места, где на него и Аджита напало чудовище. Сначала вдоль дворцовой стены, потом свернул налево и углубился во дворец. Когда он почувствовал, что уже почти не может бежать, он остановился и прислушался. Ему казалось, что он на всю жизнь запомнит эти тяжёлые шаги, от которых дрожь пробирала всё тело. И даже когда он мысленно представлял этот звук, Аша чувствовал, как мурашки бегут по его спине. И сразу же вспоминал жуткий холод, которым веяло от чудовища, отчего ему начинало казаться, что оно где-то рядом, и его разум в страхе рисовал монстра из каждой случайной тени. Но стоило ему пристально прислушаться, и он понимал, что вокруг никого нет. Аша стоял один в шёпоте листвы под сиянием гаснущих звёзд – близился рассвет.

Он потерял друга и теперь не знал, что ему делать. В его жизни не было друзей, он всегда привык полагаться на себя и был уверен в себе, но за эти несколько дней, что он знал Аджита, произошло что-то необычное: он обрёл друга и незаметно для самого себя настолько привязался к нему, что изменил своим старым принципам. Аджит был старше и мудрее него, и, несмотря на свою горячность, юноша доверял ему и шёл за ним. Теперь он погиб. Надежда – осталась ли она? Живёт ли она ещё в сердце Аши или он потерял её? Но что-то же вело его вперёд! Если бы страх – в этом бы он ни за что себе не признался – владел им безраздельно, он попросту покинул бы город. Это было нетрудно: они оставили лошадей там, у ворот, за стеной города. И дорогу обратно он смог бы найти легко. Но он вдруг вспомнил, что произошло с тем, кто пытался уйти из города, – тот рассыпался в пыль. И Аше показалось, что они сейчас очень похожи и его ждёт такая же судьба. Значит, оставался путь вперёд, сквозь тьму и ужас, но вместе с надеждой. Она будет жить, пока жив он.

Кое-что ещё двигало Ашой. Это было любопытство. Ему хотелось разобраться во всём происходящем, он чувствовал какую-то особенную, непостижимую тайну. Что-то грандиозное произошло в эту ночь. И может быть дальше его ждёт что-нибудь ещё более невероятное? Он даже помышлял вернуться назад, но прекрасно понимал, что у него нет шансов: Аджит научил его осторожности. Путь вперёд тоже не сулил ничего хорошего: вдруг произойдёт что-нибудь похуже? Неизвестность дразнила его, держа в напряжении. Иногда настолько, что он проклинал Аджита, того, кого минуту назад он нарёк своим другом, за то, что тот не успел ничего ему объяснить. А ведь он точно что-то

знал, и, наверняка, немало. Достаточно для того, чтобы знать, что делать дальше. А Аша не знал, и именно это его и тревожило.

Внезапно юноша испугался – ничто вокруг не способствовало этому, было всё так же тихо и спокойно, но ему вдруг показалось, что… он слишком громко мыслит. Его мысли носились, как рой пчёл, в голове, а он помнил, что произошло недавно. Песчаное чудовище слышало мысли его самого и Аджита и без труда, не видя их, нашло их. А что если и сейчас кто-нибудь уже слышит его? Но вместо того чтобы попытаться успокоиться и привести мысли в порядок, Аша разволновался ещё сильнее.

На востоке начинало светлеть – солнце подбиралось всё ближе к кромке горизонта, чтобы наконец спасти мир от ночной тьмы. Аша внутренне радовался этому, зная, что так будет легче. Он опять остановился и осмотрелся вокруг.

«Если я хочу что-нибудь сделать, мне сначала следует понять, где я», – подумал Аша про себя.

Слева от него тянулась высокая ограда из металлических остроконечных прутьев, которая упиралась вдалеке в стену какой-то башни. Справа стояло невысокое здание, не под стать дворцу, но всё же по-своему величественное, с двумя лестницами по краям, уводящими на второй этаж, и одной главной дверью, по обеим сторонам от которой висело два полотна зелёной ткани с жёлтыми полосами. Полотна были исписаны внизу какими-то словами, вверху красовался крупный символ, походивший на полумесяц. Вдоль всего здания из стены наполовину выступали резные колонны, напоминавшие верёвки, скрученные в канат.

Аша хоть и в нерешительности, но пошёл к зданию – ему захотелось узнать, что там внутри. Он понимал, что стоило бы найти другой вход во дворец, но сделать этого пока не удавалось: за всё время, что он бежал, ему ни разу не попадалось ничего похожего. Поэтому Аше только и оставалось, что войти в здание перед ним. По его догадкам, оно походило на главное здание казарм, откуда производилось управление и командование солдатами города – нечто подобное было и в Каши. Возможно, внутри он поймёт, куда идти дальше. Может быть, тюрьма, где держат пленников, окажется где-нибудь поблизости? Эта последняя мысль приободрила его.

Главные ворота, широкие настолько, что через них легко могло бы пройти пять или шесть колонн солдат, были закрыты. Аша зашагал к правой лестнице, стараясь идти как можно тише – так, будто бы это могло его спасти.

Всё так же аккуратно и медленно, но уже целенаправленно, он поднялся по ступенькам, придерживаясь рукой за перила. Его сосредоточенность не давала ему заметить красоту вокруг него.

Она начиналась со сладкого утреннего воздуха, перетекала в нежный шелест травы и листьев, а венцом этой красоты был робкий рассвет, который хоть и не нарушил тишины, но смог разрушить однообразную густую темноту, подарил всему его собственный настоящий цвет и подсветил капельки росы.

Аша только заметил, что стало немного прохладнее. И сразу после этого он вошёл в здание, отворив полуоткрытую дверь. Воздух здесь был теплее. Аша очутился в небольшой комнатке, на противоположной стороне которой была ещё одна точно такая же дверь, а на боковых стенах – точно такие же знамёна, как и у входа. Свет сочился из окошек над входной дверью и на правой стене, но всё-таки было довольно темно. Аша прошёл через комнатку и отворил вторую дверь. Та предательски заскрипела, и он застыл на месте, прислушиваясь. Но всё, что он услышал, был стук собственного сердца. Волнение резко нахлынуло на него, словно приставив руку к горлу и сдавив дыхание. Ничего не происходило. Скрип двери быстро потерялся где-то в глубине коридора, который лежал сразу за ней. Аша потянул дверную ручку дальше на себя, отчего петля издала ещё один звук, даже дольше и громче первого. Аша сделал несколько шагов и, опять прислушиваясь, осмотрелся. Налево и прямо убегали вдаль два длинных коридора с каменными, желтоватого цвета, стенами и редко посаженными окнами, сквозь которые рассвет бросал свет, что рассеивал полумрак. На ближайшем к индийцу углу в крепление был воткнут большой факел, но он не горел, хотя по довольно густому дыму было видно, что потух он недавно. Вот только зажечь его было некому. С потолка свисали железные светильники, в некоторых ещё потрескивал огонь, но многие уже погасли. А за ними медленно гасли и остальные.

Вокруг царила мёртвая тишина, воздух сквозил ужасом. Аша медленно продвигался по коридору прочь от двери. По левую руку от него в стене находились двери, некоторые из них были приоткрыты. Аша заглядывал в небольшие щёлки – за ними скрывались разные комнаты – одни совсем маленькие, а другие скорее походили на небольшие залы. Но ни к одной из дверей он не рисковал прикасаться: желание не производить ни одного лишнего звука по-прежнему владело им.

Проходя мимо очередной комнаты, индиец заметил, что дверь открыта нараспашку. Аккуратно, держа рукоять меча – он делал это, не задумываясь о том, поможет ли ему обычное оружие против этих чудовищ, просто по привычке – он прошёл внутрь комнаты. Она оказалась совсем небольшой, а по виду напоминала комнату какого-то военачальника. В центре стоял стол, а на нём лежал лист бумаги с большим пером, от которого растекалось чернильное пятно, размазанное, чьей-то рукой по

листу. Стул был опрокинут, сзади него в стене торчала стрела. Аша смотрел на стол, на бумагу – в одну точку. На пятно. И на недописанную, измазанную страницу. Чуть повернувшись, он увидел лежавшего в углу убитого бактрийца. Его пронзила пара точно таких же стрел, вроде той, что торчала в стене. В его руке был меч – возможно, он успел выхватить его перед смертью. Ему даже удалось пережить первую попытку убить его. Но большего достичь бактрийский военачальник не смог.

Вновь охваченный мрачными чувствами, Аша вышел из комнаты и быстро зашагал дальше по коридору. Ему снова казалось, что чудовища находятся где-то совсем близко. Могут запросто появиться прямо из воздуха, из ниоткуда. Но теперь ко всему этому примешивалась злоба, которая, как ему казалось, делала его готовым к схватке. Он уже не обращал внимания на шум, который производил – выходя из комнаты, он зацепил канделябр, который звонко лязгнул о пол, разнеся гул по всему коридору. Ярость и скорбь делили индийца пополам, вытесняя прочь рассудок и осторожность.

Он быстро добрался до конца коридора и, распахнув очередную дверь, очутился в небольшой комнате, похожей на ту, через которую он прошёл в здание. Чуть аккуратнее, но почти с той же скоростью он открыл и вторую дверь, которая была выходом. За ним лежала лестница, по которой Аша ринулся вниз.

Сбежав по лестнице, юноша встретился с дуновением ветерка, который сначала заставил почувствовать его лёгкую прохладу, а через секунду донёс до него приятный аромат. Чего-то такого, что ему не хватало… Еда! Он так давно не ел по-нормальному. Вдохнув запах ещё раз, он почувствовал слабость в ногах и боль в животе.

«Странно, – подумал Аша, – ещё минуту назад я ничего этого не понимал и не чувствовал».

Вокруг него стояло ещё несколько зданий, на вид проще того, из которого он выбежал. Аша сразу догадался: это были казармы. Двор был оборудован для тренировок солдат, а запах еды доносился из солдатской столовой. Всё это было знакомо ему не понаслышке. Возможно, оказавшись в отчасти знакомом месте, он почувствовал себя немного спокойнее.

Он повернул направо и прошёл до ближайшего здания. Вход в него был открыт. Само здание было одноэтажным, но, зайдя внутрь, Аша обнаружил, что пол опущен ниже земли и от входа до пола нисходит ещё она лестница. Внутри оно было больше, чем казалось снаружи, потолок подпирало несколько круглых колонн. Камень, из которого было сделано всё внутри, имел чуть голубоватый оттенок, а в полумраке, который ещё не был до конца рассеян светом зари, что била из окон, здание солдатской

столовой казалось синим. Ровными рядами внизу были расставлены длинные деревянные столы, а по обе стороны от них – такие же длинные лавки. Некоторые из них были сдвинуты или перевёрнуты. Аша спустился по лестнице и подошёл к столам. Не заметив ничего необычного вокруг, юноша переключился на сами столы. Приятный аромат манил его, отвлекал от всего и тянул к себе.

На столе были расставлены тарелки с какой-то похлёбкой, в которой плавали кусочки мяса. Некоторые тарелки были перевёрнуты или вовсе сброшены на пол. Аша схватил одну из деревянных ложек, лежавших на столе, и, зачерпнув ею суп, жадно проглотил его. Он остывший – первое, что заметил Аша. Второе, что он заметил, – ему до этого не было абсолютно никакого дела. Вкус, чуть ли не забытый им среди всего того, что произошло, распалил в нём зверский аппетит. Но, помимо этого, в индийце поселилось ещё одно опасное чувство – излишняя уверенность. Вкратце её можно было описать так: всё, что произошло – уже в прошлом. Больше ничего не произойдёт.

Но на самом деле всё лишь только начиналось. Обезоруженный Аша был сейчас предельно уязвим. Причём не только для чудовищ, которые могли наброситься на него в любую секунду, окажись они рядом, Но и для всего, что могло бы подчинять. Как Пески, что воспользовались обычной человеческой слабостью сейчас и уже почти держали свою жертву у края пропасти. Только вот что находится за краем этой пропасти? Смерть? Или совсем иная бездна?

Вкус мяса давал Аше прилив сил. И одновременно с этим нагонял на него лёгкую сонливость, отчего он видел сейчас всё в немного другом свете. Яснее обычного, но, не видя самого очевидного: он один и он жертва. И где прятался его палач, Аша даже не знал. Но человек, обладающий неведением, имеет своё оружие – интуиция и удача. Одна на миллион, которая улыбается ему в темноте, помогая найти путь. И, словно зная это, Аша продолжал есть.

Внезапно где-то раздался звон металла о камень. За ним ещё и ещё один, каждый громче предыдущего. Аша замер и вмиг забыл про еду. Первая мысль, которая мелькнула в его голове:

«Теперь он пришло за мной!»

Отчего он был так уверен, что это тот самый монстр, убивший Аджита, и зачем он идёт за ним, он даже не подумал: эта мысль загорелась в нём инстинктивно. Чувство тревоги вновь вернулось к нему даже быстрее, чем он мог себе представить, и самый сильный из пережитых страхов овладел им. И, пожалуй, самый большой, но при этом и самый понятный. Этот страх имел вполне чёткий, запоминающийся образ. Словно бы становился

чуть знакомым, а значит, из-за этого его можно меньше бояться. В этом и заключается коварство некоторых страхов – они убеждают в том, что мы их познали и больше не боимся. На самом деле это они лучше изучают нас, ища слабости.

Несколько секунд тишины. Они раздражали фальшивым спокойствием, усиливая волнение.

Вдруг произошло то, что сбило бы с толку любого. Особенно Ашу, который ожидал чего угодно, но не такого. Он отлично видел сквозь вытянутые окна солнечный диск, больше, чем наполовину поднявшийся из-за горизонта – столовая находилась на холме, выше стены, окружавшей дворец, оттого было несложно видеть линию между небом и землёй. И прямо на его глазах солнце поползло вверх быстрее обычного. Намного быстрее. Несколько секунд, и дрожащая красная капля уже отрывается от края земли и ползёт вверх, загораясь ярче, желтея и теряя красный цвет.

Таким образом солнце проплыло секунд за десять примерно половину своего обычного дневного пути и остановилось. Изумлённый Аша не верил своим глазам. Это зрелище поразило его ещё сильней, чем луч света, опустившийся на дворец с небес. Сейчас же произошло что-то совсем противоестественное. Но произошло так легко и незаметно, что казалось естественным. Безумная перемена в таком обычном и привычном мире!

Ещё несколько секунд неподвижности. Ни звука, ни вздоха. Будто бы вся природа была обескуражена не меньше самого индийца и пыталась войти в новое русло. Вскоре Аша почувствовал, как сквозь окна пробивается куда более сильный свет, несущий с собой полуденный жар вместо прохлады, царившей здесь.

Продолжая не верить собственным глазам, Аша попятился назад – слишком невыносимо было стоять под ослепительным светом. Если раньше он и так ничего не понимал, то теперь он словно бы не понимал ещё больше. Всё выходило за рамки обычного, дозволенного нормальным порядком вещей, даже его собственное удивление. И оно не было полностью подвластно ему, как и его мысли. Возможно, его постоянно кто-то подслушивал, а он даже не мог с этим ничего поделать!

Аша повернулся. Происходившее не поддавалось никакому объяснению. Да и не было времени на раздумья – нужно поскорей убежать из этого места. Наверно, самого странного из тех, что Аша успел увидеть во всём дворце. Но, не успев сделать и нескольких шагов, он обнаружил, как в том месте, где был вход, на пол обвалилось несколько огромных камней, полностью закрыв проём. Тюрьма… Он оказался в тюрьме, в самой

необычной, как он думал, которую только можно вообразить. Не хватало только тюремной стражи.

На несколько секунд ему показалось, что его сердце перестало биться и что его разумом владеет кто-то другой. Тот, кто развернул его и заставил сделать несколько шагов обратно. Когда он опомнился, он понял, что стоит перед другим большим камнем, оторвавшимся от потолка. На нём горело яркое солнечное пятно. Индиец протянул руку и коснулся куска камня – тот ещё не успел нагреться.

И вновь произошло то, чего Аша никак не ожидал: от того места, куда он приложил руку, по камню побежали трещины, тот стал менять свой цвет на безжизненно-серый, осыпаясь и обкалываясь на краях, поедаемый временем. Словно болезнь, которая с камня прыгнула на пол, на лестницу позади Аши, побежала по стенам и, наконец, взгромоздившись на потолок, отбирая у всего вокруг год за годом за какие-то считанные секунды. Просвет вверху расширился, и теперь солнце заливало столовую почти целиком. Однако камни у входа по-прежнему не давали Аше выйти, верно неся свой караул.

Аша взглянул наверх – он мог бы выбраться через этот раскол. Но как? У него не было верёвки, и некому было её сбросить оттуда, сверху. Вдруг совсем неожиданно для себя, он вспомнил про Аджита. И тут же испытал головокружение – сначала он на секунду представил себя на его месте, почувствовал вкус смерти, а потом осознал, что его друг умер. Осознал ещё раз, намного глубже. Потом эти мысли перемешались, разрывая сознание индийца на две части.

Возможно, они могли бы овладеть им, продолжая лишать его рассудка и веры, если бы позади него вдруг не послышался странный хлопок, который вмиг отрезвил Ашу. Он повернулся и понял, что все, что с ним произошло, – это действительно лишь начало. Начало конца. К нему довольно быстро приближался монстр, жадно вгрызавшийся в него взглядом хищных жёлтых глаз.

«Умереть без позора!» – краткая мысль вспыхнула в голове Аши и дала ему своеобразный план действий.

Он выхватил меч и отразил первый мощный удар чудовища. Оно было ростом не больше Аши, отчего юноша не испытывал абсолютного отчаяния. Если не шансы на победу, то шансы на сопротивление у него были. Возможность побороться за свою жизнь, попытаться доказать, что он её достоин.

Затем послышалась целая серия звонких металлических ударов: Аша продолжал отбивать атаки, медленно отступая назад. Вдруг в нём проснулась ещё большая уверенность, и он из обороны перешёл в наступление. С ожесточением, издав

яростный крик, он начал сильнее и резче размахивать мечом. Один раз ему это удалось настолько, что он выбил меч из рук противника и, не задумываясь, нанёс несколько ударов по его телу: по груди и по животу. Он уже знал, что не увидит крови – это был не человек. Узкие борозды, из которых сочился яркий жёлтый свет, такой же, какой горел и в глазах чудовища, появились на местах ударов вместо ран. И почти сразу же исчезли.

Но индиец не отступал и бил наотмашь всё сильней и сильней, нанося раны, которые затягивались уже не так быстро. Сейчас, в слепом гневе он контролировал себя ещё меньше, чем тогда, когда оцепенение и ужас управляли им. И, тем не менее, это спасало его жизнь, продляя её хотя бы на несколько минут, за которые он собирался успеть доказать, что честь не покинула его, что он способен и будет бороться за свою жизнь и не склонит голову перед врагом.

Жёлтые вспышки мерцали каждую секунду. Каждая из них была своеобразна – то длинная и узкая, то чуть ли не круглая, когда Аша делал выпад вперёд, протыкая врага. Но сам он чувствовал себя так, будто не убивает своего противника, а лишь копит силы перед главным ударом. И действительно, через несколько секунд его взгляд вспыхнул как-то по-особенному и он, переместив силу всего своего тела в один удар, сделал решающий взмах мечом и перерубил чудовище пополам. В этот же момент из двух половин тела в воздух взметнулось плотное золотистое облако, которое сначала немного сжалось, а затем, словно взорвавшись, разлетелось во все стороны.

Аша почувствовал, как его обдало холодом. Смешанный с ужасом, он забирался в его сердце, выгоняя оттуда любую уверенность, лишая сил и обрывая дыхание. Он закашлял, отчего пыль попала ему в горло, и он почувствовал её вкус, глотнул её вместе с воздухом. Вкус оказался просто невыносимым, и Аша, подавившись, закашлял ещё сильнее. Он выронил меч и услышал ещё несколько хлопков: прямо перед ним из воздуха возникали другие чудовища – разные, как и люди, но совсем потерявшие человеческий облик.

«Люди… Они все были людьми», – последнее, что мелькнуло в голове Аши перед тем, что начало происходить дальше. Простая мысль, которая была очевидна и ранее, но сейчас предстала перед ним в каком-то новом свете. Он задумался. Всего на один миг, но это просветление подарило ему намного больше понимания, чем последние несколько часов. Что-то превратило людей в этих чудовищ. То же, что сдвинуло солнце; то же, что породило столб света, упавший с небес. Всё это – часть чего-то целого, единого. И оно пытается стать ещё больше, вбирая в себя

всё в этом мире – людей, камни. Всё, что угодно. Превращаясь в нечто не просто единое, а, скорей, единственное во всём мире. Но если кроме чего-то одного нет ничего другого, то это и не мир вовсе. Это пустота. Идеальная гармония, лишённая хаоса, источником которого может быть что угодно. Но на первом месте сам человек – источник перемен и преобразований с его подчас неукротимой натурой, бурей чувств и эмоций, хаотичным роем самых разнообразных мыслей.

Аша погружался в эту пустоту. Он, всё ещё пытаясь избавиться от тошнотворного привкуса во рту, видел, как фигуры продолжали появляться в воздухе. Но они становились всё более бесформенными, нереальными, словно их здесь и не было, а это были всего лишь случайные миражи, нарисованные напуганным воображением Аши.

Лёгкие дуновения обдавали его лицо – тщетные взмахи мечей, который сейчас походили на белые призрачные полосы, рассекавшие воздух и оставлявшие в нём туманные следы. Таяли и стены, и колонны и даже солнечный свет. Последнее, что донеслось из реальности – яростный рык одного из чудовищ, которое, пытаясь нанести удар индийцу, лишь рубило пыльный воздух. После этого всё погрузилось в абсолютное молчание, разбавленное спокойствием. Но покоя Аша не испытывал. Наоборот, он чувствовал, что оказался в месте, ещё более ужасном, чем то, из которого только что исчез. Там жизнь всё же продолжала течь по каким-то законам, ясным ему. Противники и он в схватке за жизнь, за которой могла оказаться смерть, если бы схватка была проиграна. Смерть пугала, но она была понятной. Аша мог свыкнуться с мыслью о ней. Человеческая жизнь вечно проходит у самого края пропасти, ежесекундно норовя упасть в неё и оборваться.

Но это место было намного хуже. К своему ужасу, Аша осознал, что может быть нечто страшней смерти, даже если та происходит при столь необычных обстоятельствах. Место, в котором нет ничего. Даже его клинок остался где-то там. А он сам был здесь. В месте, где нет ни тьмы, ни света, ни зла, ни добра – ничего. Есть только то, что принёс он с собой, – страх перед неизвестностью. Это было его приговором. И Аша даже не знал: вырвется ли он отсюда? Сможет ли сбежать? И как он вообще сюда попал? Может, всему виной он сам? Страх опустошает. Теряешь всё старое, что держало тебя в жизни, а ничего нового взамен не находишь и остаёшься где-то посередине, без всякого движения, в мире, который не живёт и не меняется. Весь мир – одно пустое мгновение, размазанное на сотни дней. Тысячи. Миллионы. Растянутое навечно.

И человек всегда радуется всему тому, что спасает его от пустоты, привнося в неё хоть что-то дающее надежду на перемены. Аша, который хоть и не видел себя и не был до конца уверен, что чувствует себя, был отчего-то убеждён, что сейчас стоит на коленях, словно моля о чём-то.

И кто-то, будто внемля его мольбам, шепнул ему, что он должен вытянуть руку вперёд. А за рукой потянется всё тело. И душа. Но только если он в это поверит и сделает всё сам. Ведь в пустоте не за что держаться. Только за себя самого. Оттолкнувшись от собственной, пусть сколь угодно малой, уверенности, можно достичь чего-то, что может помочь вырасти этой уверенности, сделав её намного крепче.

И он ощутил, как его рука сжимает что-то вроде факела. Он не видел огня, но чувствовал его. Не видел потому, что это был совершенно необычный огонь. Обычный лишь разгоняет тьму, а пламя этого факела разгоняло пустоту. И пусть как обычный огонь способен из мрака сделать всего лишь полумрак, этот невидимый факел не превращал пустоту в мир, привычный Аше, а лишь добавлял в него что-то, за что можно было зацепиться взглядом.

Сейчас индиец твёрдо стоял на ногах и чувствовал себя увереннее, чем минуту назад. Он опустил глаза и наконец-то смог разглядеть себя – он вновь обрёл тело. Может быть, он и не терял его, но точно сказать он не мог – он не видел его и практически не ощущал. А если и ощущал, то как бы по привычке, зная, что он и его тело – неразделимые вещи. Но пустота жила по другим, своим законам, которые невозможно осознать за минуту. От этого в нём и родилось столько неуверенности.

Но сейчас дар, неизвестно откуда появившийся, давал Аше возможность оторваться от этого всего. И он даже получил ответ на один из своих вопросов: да, вырваться из пустоты он сможет. Верней, уже смог. Ведь мир, каким бы странным он ни был, обладающий миллионами звёзд, вспыхивающих вокруг Аши, уже далёк от пустоты. Серебристый свет разрезал тьму, опутывавшую всё вокруг. Появились тьма и свет – основа всего, два начала, которые, враждуя и союзничая, порождают всё.

Но звёзды горели не только над головой Аши, так, как он привык это видеть на небе. Звёзды горели под ним, потому что под его ногами не было земли. Небесная сфера целиком обхватила его и со всех сторон окружила приятным блеском.

Аша чувствовал нарастающую уверенность и продолжал водить факелом из стороны в сторону, стараясь оставить как можно меньше пустоты, заполнив её чем угодно. Он словно рисовал на огромном холсте свой собственный мир. Но только он не знал, каким получится его рисунок, так, будто бы рисовал

вслепую. Но он старался понять и подчинить эти изменения своей воле. Он попытался очертить линию горизонта, и вслед за его рукой вместо чёрного полотна со звёздами появилась синяя полоса, от которой вверх побежали светлеющие пятна. Он поднял руку чуть выше и представил себе облака, застилавшие почти всё небо. И вслед за его мыслями на небе начали появляться облака, цвет которых плавно менялся от синего к ослепительно белому. И где-то вверху, прямо над ним оставалось место для солнца. Он вскинул руку вверх, будто приказывая солнцу прорваться сквозь пелену облаков. Но, кроме тусклой вспышки, ничего не произошло. Облака загорелись чуть сильнее, но солнце сквозь них не пробилось. Аша повторил попытку, но на этот раз вообще ничего не произошло. Может быть, он хотел слишком многого? Он решил остановиться и сразу же почувствовал, как что-то тянет его вверх одновременно с его мыслью о том, что стоит прекратить. И он почувствовал, как, словно в награду за своё решение, становится немного ближе к солнцу. То есть, найдя силы отказаться от чего-то, он получил желаемое. Но его взлёт был недолог, и Аша почувствовал, как его тянет вниз. Медленно, но неумолимо. Его поражало, насколько контрастный мир окружал его сейчас – тьма и свет, взлёты и падения. Но ведь всё это – отголоски реального, настоящего мира, того, из которого он сбежал или ему помогли сбежать. Теперь он понял, что его путешествие сквозь пустоту было вовсе не наказанием и не приговором, а, скорее наоборот, спасением. И, осознав это, он вновь почувствовал, как его тело устремляется вверх. И он почувствовал солнечное тепло сильней. А затем – вновь падение. Маленькие осознания тянули его вверх, а бездействие – вниз. Аша понял, что нужно постоянно стремиться вперёд хотя бы мысленно, пытаясь понять всё окружающее его, для того чтобы двигаться вперёд по-настоящему. Верней, вверх, к солнцу, свет которого был здесь, как и огонь чудесного факела, изгоняющим пустоту.

Аша не останавливался и, не переставая размышлять, пытался творить дальше. Хоть он и чувствовал, что твёрдо стоит на ногах, он всё же хотел видеть и ощущать под собой землю, по которой привык ходить. Но, как и с солнцем, ему это не удавалось. Однако нельзя сказать, что просто ничего не происходило: облака, кружившие над его головой, сгущались, превращаясь во что-то твёрдое, с каждой секундой напоминавшее земную твердь. Земля над ним, а не под его ногами. Весь мир наоборот: внизу небо, сверху земля. А может всё правильно, а он сам нарушает все правила? И он сам находится вверх ногами?

Но на этом изменения не кончились. Звёзды на небе, которые казались прочно закрепленными на века, неожиданно

убежали со своих мест. Сначала все в одну сторону, потом группами в разные стороны. А затем каждая звезда прокладывала свой собственный путь. А ещё через несколько секунд они и вовсе перестали быть звёздами, а стали походить на пыль, густой рой песчинок, что поднимался вверх и почти касался ног Аши, медленно двигавшегося вниз, навстречу этой пыли.

Этот жёлтый свет настиг его даже здесь! Но Аша не чувствовал себя таким же беззащитным, как перед толпой чудовищ, возникших из воздуха. Боясь по ошибке превратить эту пыль во что-то ещё более страшное, он всё же рискнул и ещё раз взмахнул факелом. Он вложил в этот взмах столько внутренней силы и надежды, что тот, будто бы не выдержав, растаял в воздухе. Но Аша успел сделать то, что хотел. Земля над ним покрылась водой, которая мгновенно хлынула вниз, скорей напоминая дождь. Он не знал, что это будет именно вода, но зато он видел, что, едва касаясь жёлтых облаков внизу, она разгоняет их. Поглощает, уничтожает, отталкивает вниз. И те были не в силах сделать хоть что-нибудь против этой стихии.

Вода была приятной, благодаря ей Аша наконец-то избавился от неприятного привкуса во рту. От удовольствия, которое пробежало по его телу вместе с прохладой от дождя – ни на что другое это не было похоже, – он закрыл глаза. Хоть Аша и не любил дождь, сейчас он был ему приятнее всего. И, может быть, с этого момента он даже полюбит его.

Открыв глаза, юноша увидел, что находится в столовой, и она выглядит точно так же, какой была, когда он покинул её. И вокруг два или три десятка монстров. Аша почувствовал, как под их взглядами он опять как будто падает вниз. Мысленно вернувшись в своё чудесное видение, он вспомнил, – хоть это было секунду назад, он вспоминал всё как события многолетней давности, – что вода разрушила клубы жёлтой пыли. Он не сомневался, что свет, сочившийся из глаз и ран чудовищ, и та пыль – это одно и то же. И его взгляд случайно упал на одну из стен, в которую была врезана раковина с лившейся в неё водой. Его мысли сплелись в единую цепь, которая помогла вылезти ему из бездны. И он ощутил уже знакомое чувство подъёма вверх, хотя сам он по-прежнему твёрдо стоял на каменном полу.

Аша схватил меч с пола и, не раздумывая ни секунды, ринулся к воде. Добежав, он окунул меч в воду и, нисколько не сомневаясь, махнул мечом, резко развернувшись. Его уверенность была настолько сильной, что он даже не смотрел, куда бьёт. И вера его не подвела – первым же ударом он рассёк грудь одного из нападавших. Но, упав на пол от сильного удара, тот не ожил и ни во что не превратился – он просто растаял, хотя

и не за одно мгновение. Сыпля маленькими искрами, его тело пыталось бороться, но вода уверенно прогоняла каждую песчинку в нём прочь, заставляя её необъяснимо исчезать.

Почувствовав азарт от первого успеха, Аша ещё раз окунул меч в воду, и сам бросился на чудовищ. На бегу он увернулся от первого удара и сразу же нанёс свой тому монстру, который стоял за первым атакующим. А затем ещё один в спину первому. Вновь приседание и удар мечом – на этот раз он попал в ногу чудовищу. Но куда бы Аша ни бил, каждый раз случалось одно и то же – они умирали. В пылу битвы у него не было времени подумать о том, а можно ли вообще *это* назвать смертью.

Резкий рывок вперёд и удар в грудь одному из ближайших противников. Рывок был такой силы, что клинок вырвался с другой стороны чудовища, оттолкнул его на несколько шагов назад, туда, где стояло ещё одно. Потерявший контроль, первый повалил на пол и второго. Аша бросился к нему, делая высокий прыжок, чтобы избежать удара по ногам, и вонзил меч в него, воспользовавшись секундным замешательством. И так продолжалось секунда за секундой – прыжок или приседание, удар и ещё одно чудовище покидало мир, за который и боролся Аша.

Но с каждым разом смерть чудовища длилась всё больше: вода почти пропала с меча. И вот наступил такой момент, что Аша остался один на один с последним монстром. Он был немного выше юноши, но он, не обращая на это внимания, вонзил свой меч и в него. Монстр взревел – значит, он испытывал что-то вроде боли, – но не повалился сразу. Он схватил лезвие и за него притянул Ашу к себе, впиваясь в него глазами. Тот, не испугавшись, смотря словно сквозь своего врага, дёрнул рукоять вверх, разрезая монстра, а затем ногой сбросил того с острия. Упав, чудовище повторило судьбу остальных.

Но тишина, которой ждал Аша, повисла не дольше чем на полминуты, после чего в воздухе вновь послышались хлопки и один за другим стали появляться новые монстры. Только теперь их было не два десятка, а несколько сотен.

Распалённый недавно оконченной схваткой, но всё же не потерявший рассудка, Аша понял, что ему не справиться с этой небольшой армией. И вновь он обратился к своим воспоминаниям. Что произошло, когда в прошлый раз он оказался бессилен? Что-то забрало его в пустоту и показало путь, который дал ему спасение. А что, если это произойдёт ещё раз? Но тут же он испугался, что может повториться история с солнцем – то, чего он захочет, не произойдёт. Значит, ему надо…

Аша слепо бросился на чудовищ. Но, не добежав пяти шагов, он почувствовал, что реальность вновь потухла и он вернулся в

тот мир, который уже спас его. Что это? Обман? Он обманом попал сюда? Или это награда? Ведь его риск был абсолютно реальным! Так или иначе Аша вновь ступал над бездной, усеянной бесчисленными звёздами. Потом закрыл глаза, глубоко вдохнул и представил двор перед солдатской столовой, по которому проходил совсем недавно. Открыл глаза и ступил вновь на твёрдую землю, но уже за стенами своей тюрьмы. И увидел, как всё вокруг заполонили эти безжизненные жёлтые глаза. Но как бы близко он к ним ни приближался, на него никто не бросался. Его никто не видел, словно бы его мысли были спрятаны под чем-то, сквозь что не проходят эти взгляды. Он был невидим и неслышим для чудовищ.

От всех этих успехов его уверенность приближалась к опасной границе. Аша остановился около одного из чудовищ, внимательно рассматривая его. Плотное на вид тело, скрытое под оборванной солдатской одеждой, длинная алебарда, обхваченная двумя руками. Аша осмотрел его ладони – когтистые пальцы, с кожей пепельно-серого цвета, но отдалённо напоминавшими человеческие. Ростом чудовище было на голову выше индийца. Больше всего внимания Аша уделил глазам. Сейчас они не казались ему такими безжизненными и одинаковыми, как раньше. Они сохранили свой жёлтый цвет, но Аша видел в них что-то такое, что отличало их от тех, которые запечатлела его память. Это нельзя было назвать оттенком рассудка, и в них по-прежнему пылала та же неумолимая жестокость. Но всё же что-то было совершенно по-другому.

Сам Аша нашёл этому одно единственное объяснение – страх. Но как его могут испытывать эти создания? Безумное объяснение, и оно не нравилось индийцу, но, случайно оказавшись в его голове, оно мгновенно прижилось там. И через несколько секунд он нашёл ему подтверждение: пройдя мимо рядов монстров, он заметил, что, несмотря на то, что они стоят ровно, их глаза наблюдают за ним. Наблюдают со страхом, который не даёт сделать им даже шага и броситься на него. Словно бы он виделся им какой-то силой, что способна легко справиться с ними всеми.

Ашу поразило и то, что они наблюдают за ним только глазами. Они не подслушивают его мысли. Проверить это было невозможно, но он был беспричинно уверен в этом. Получалось так, что вся их сущность была в плену какой-то неведомой силы, которая защищала Ашу. Или которой был он сам, как ему казалось. В чудовищах проглядывались остатки человеческой сущности, именно в выражении глаз. Но только ли страх был в них? Может быть, это надежда? Надежда на … спасение?

Аша осознал: эти безжизненные тела ещё как-то связаны со своими душами, но они чувствуют себя потерянными, выброшенными, ненужными. И сейчас они смотрят на него, моля о помощи.

Он понимал, что просто не имеет права взять и уйти отсюда – ему удалось найти необыкновенную тропу между живыми людьми и этими созданиями, и он обязательно должен ей воспользоваться! А что если среди них был и Аджит? Или его судьба как-то зависела от того, пойдёт ли Аша по этой тропе? Может быть, он сможет помочь и своему другу?

И вдруг он осознал ещё кое-что – что же было перед ним на самом деле. Безграничные возможности и знание, которое само в виде случайных, но всегда верных догадок вливалось в него. Но он был обычным человеком, и у него закружилась голова. Обрести за считанные секунды такое – это выше человеческих возможностей. И всё же он по-прежнему желал этих способностей, стремился пройти по этой тропе хотя бы несколько шагов. С каждой секундой всё сильней и сильней.

И почти сразу же его желание исполнилось, но вылилось в нечто невообразимое для простого человека. Аша почувствовал, что покидает собственное тело. Покидает без сожаления, потому что знает, что это не навсегда. Перестав чувствовать связь со своей плотью, он ощутил нечто другое – некую связь со всеми чудовищами, что стояли во дворе. Только связь – он не видел и не слышал их. Он словно стал воздухом, которым бы они дышали, если бы были людьми. Чистым, не отравленным жёлтой пылью. И не только воздухом – он был всем, в чём они нуждались: спасением, уверенностью. Уверенностью, которая пропитала и его самого. Аша был как капля, текущая по желобку: ещё недавно он был полон лишь робкой надеждой и сильным страхом, смешанным с непониманием, которые и были с одной стороны этого желобка, а сейчас он был пропитан почти абсолютной уверенностью, чувствовал связь с каким-то знанием, которое давало её. И он уже не сомневался, что по каким-то причинам обладает странной властью.

И эта власть всё больше открывалась ему – сейчас он уже мог видеть. Но не так, как видит обычный человек. Он смотрел одновременно из всех точек, но при этом не со стороны, а как бы изнутри. Аша видел собственное тело, своё лицо, на котором застыло удивлённое выражение. Поверх этого тела лежала странная белая дымка, довольно плотно облепившая его. Казалось, что она сплетена из каких-то невесомых нитей, тонких, подобных паутине, каждая из которых, обвив его, тянулась в сторону, касаясь этих чудовищных созданий. Некоторые нити убегали куда-то вдаль и терялись там. А Аша, находясь вне тела,

скользит по ним. И при этом одновременно чувствует каждую. Это невероятное сплетение – его новое тело. Но он вдруг ощутил тоску и по старому. Он понимал, что ему не ощутить чувства прикосновения. Обычного прикосновения. Он никогда не обхватит рукоять меча. Хотя, с другой стороны, зачем ему обычное человеческое оружие, если перед ним такие возможности? Но, вернувшись в своё тело, Аша мог бы объединить всё это. Стоило ему подумать это, как он мгновенно, скользя по нитям, вновь собрался воедино и оказался в своём теле.

Взглянув на мир вновь своими собственными глазами, он резко и жадно начал глотать воздух. Казалось, что он забыл всё, что происходило с ним только что. Но, убедившись в том, что опять чувствует вкус воздуха, он закрыл глаза и увидел почти ту же самую картину, что и вне своего тела. Затем, не раздумывая, собрал всю силу воедино и резко выдохнул, видя, как сотрясаются нити вокруг него и как по ним разбегаются странные капли, каждая из которых, касаясь чудовища, заставляла его исчезать. Аша открыл глаза и увидел, что вокруг него нет никого. Он закрыл глаза, но на сей раз ничего не увидел. Просто темноту и бесформенные красные пятна, единственной причиной которых было пробивавшееся сквозь веки полуденное солнце. Но в его памяти сохранились это лёгкие вспышки, после которых чудовища превращались в золотистую пыль, взмывали вверх и тут же таяли в воздухе.

Выходит, что он освободил эти создания от страданий? Убил монстров, но дал покой душам людей, которыми они были когда–то?

А человек ли он сам? Ведь обычному человеку не под силу то, что удалось ему сейчас. Но он чувствовал, дышал, видел и слышал так же, как и остальные люди. Где же крылось это отличие? Или его не было вовсе, а он лишь на несколько мгновений ощущал мир через кого-то другого? Или, скорее, через нечто другое?

Оставался лишь один способ всё выяснить – проверить. Сможет ли он ещё раз повторить всё это? Но – этот вывод немного напугал Ашу – для этого ему нужно было найти хотя бы одно из этих созданий, потому что сейчас вокруг него не было никого. Ему даже захотелось позвать кого-нибудь из них, но он не смог решиться.

Под палящим солнцем, размышляя, Аша побрёл дальше, прочь от этого места, мимо казарм. Не особо выбирая дорогу, он прошёл насквозь небольшую пальмовую рощицу, красиво обрамлённую кустами с длинными узкими листьями. Потом он оказался перед небольшим фонтаном, который был словно

запрятан в этом мелком, но довольно густом островке зелени. Аша подошёл к нему, зачерпнул воду двумя руками и жадно выпил её. Она была холодной и оттого особо приятной. После этого он ещё несколько раз наполнил ладони водой и выпил из них воду без остатка.

Стряхнув капли с рук и небрежно обтерев их об одежду, он сел на краю фонтана – тот был сделан из камня, имел круглую форму, а в центре него стояла фигура молоденькой девушки, державшей на плече кувшин, из которого и текла вода.

Струя сочилась довольно лениво, и оттого поверхность воды была довольно гладкой, и Аша хорошо мог видеть своё отражение. Его лицо выдавало жуткую усталость, одежда испачкана и порвана, руки были в шрамах. Но он не обращал внимания на детали, а старался смотреть глубже. Видеть всё в целом.

Отражение повторяет действительность. Не заменяет, а повторяет. И он видел, как его отражение дрожит в этой сверкающей ряби на поверхности воды, готовое исчезнуть от любого случайного, сколько-нибудь сильного ветерка или, например, если коснуться воды рукой или кинуть в неё камень. А что если он и сам ещё жив лишь по счастливой случайности? И что хватит совсем немногого, чтобы справиться с ним? Но как же его странные способности? Помогут ли они ему? Тогда нужно выяснить, действительно ли они существуют или всё это видение, мираж?

Аша встал и решил идти дальше. Пройдя ещё немного через заросли, юноша очутился на выложенной ровными вытянутыми камнями дороге, утопленной в землю примерно по колено. Идя дальше, он заметил, что дорога расширяется и спускается ниже, отчего казалось, что стены всё выше вырастают из земли. Вдоль их верхних границ тянулась полоска, окрашенная попеременно то в алый, то в серый цвет и немного выступавшая из стены. После поворота Аша увидел, что дорога заканчивается довольно высокой аркой, верх которой был окрашен в те же цвета, а по бокам от неё, поддерживая, стоят две колонны. Арка была закрыта воротами из металлических остроконечных прутьев. Но в стенах были сделаны чаши: из некоторых свисали длинные красивые листья каких-то растений, а в других росли цветы. Убедившись, что ворота заперты, Аша начал взбираться по выступам в стене. Оказавшись на верху стены, он увидел, что за аркой раскинулась небольшая площадь, а сразу за ней высится большое здание, длинное, частично скрытое от взора зарослями деревьев. За ним вздымалась величественная скала, которая была намного выше самого здания.

Увидев эту картину, Аша сразу почувствовал, что его тянет туда, что там кроется нечто способное дать ответ хотя бы на один из тысяч вопросов.

Он уже собрался слезть с другой стороны, чтобы ступить на площадь и достичь цели, как вдруг услышал позади себя знакомый, но от этого ничуть не более приятный звук – тяжёлые шаги того самого чудовища, что напало на них с Аджитом. Неужели оно решило настигнуть и его? Но почему именно его? Неужели…

Следующая случайная догадка перевернула всё в мыслях Аши:

«Неужели я здесь один?»

Один-единственный живой человек. Ни жителей города, ни Аджита, ни принцессы. Только эти безобразные монстры с жёлтыми глазами и один особенный, тот, что приближался к нему из-за поворота.

Аша как можно быстрее спустился вниз и, присев и стараясь быть как можно незаметнее, выглянул сквозь листья. Чудовище находилось по ту сторону ворот, слышно было, как шаги делаются всё чётче и приближаются к нему. Это на некоторое время отвлекло Ашу от его ужасных мыслей. Напрочь он забыл о них, когда шаги вдруг затихли – зверь остановился.

«Что он собирается делать?» – думал юноша.

Внезапно послышался жуткий рык, смешанный с треском и грохотом ломающегося камня. Аша увидел, как погнутые металлические ворота отлетают вперёд примерно на двадцать шагов вместе с каменными осколками и пылью – одним мощным ударом чудовище разворотило арку, освобождая проход. Когда пыль чуть рассеялась, шаги послышались вновь: чудовище прошло мимо Аши и двинулось дальше. С замиранием сердца индиец продолжал наблюдать.

Зверь между тем дошёл до центра площади и… исчез! От удивления Аша перестал дышать и даже попятился назад, словно ожидая чего-то страшного. Но ничего не происходило, разве что Аша наткнулся спиной на каменную стену и вздрогнул, придя в чувство и резко вдохнув.

И вдруг его посетила новая идея, после которой ему захотелось назвать себя глупцом – а что если сделать с этим зверем то же самое, что и с толпой чудовищ возле столовой? И может, тогда…

Его голова не справлялась с новым потоком мыслей. Он понял одно: ему нужно бежать к тому месту, где исчезло чудовище. Он вскочил и побежал изо всех сил. Но не успел он проделать и половину пути, как чудовище возникло из воздуха почти на том же самом месте спиной к Аше. Тот настолько не

ожидал этого, что, попытавшись остановиться, зацепился ногой за какой-то камень и кубарем покатился по дороге. Несколько раз перевернувшись и ударившись при этом головой, Аша оказался лежащим на животе. Он сразу же посмотрел на зверя – тот обернулся и одарил индийца взглядом, лишённым всякого интереса. А потом просто отвернулся и зашагал дальше.

Вставая и машинально потирая ушибленные голову и локоть, Аша уже размышлял над произошедшим. Куда идёт зверь, если он, даже увидев юношу, не изменил своего пути? Теперь Ашу ещё больше манило это здание. И это чудовище направляется именно туда, в этом у Аши не было сомнений. Поэтому он поднялся с камней и медленно пошёл за ним на расстоянии.

Человеческие шаги заглушались массивной поступью гиганта. Аша, следуя за ним, пытался представить себе эту картину со стороны, ощутить вновь сотни призрачных нитей, которые, разлетаясь от него, обвивают чудовище, спутывая его и высвобождая душу, заточённую в нём. Но ему это никак не удавалось. Всё, чего он достиг, заключалось в том, что, закрывая глаза, он видел не черноту, а слабое белое пятно перед собой, именно в том месте, где грузно шагал зверь, оставляя огромные следы. Аша несколько раз попеременно закрывал и открывал глаза, но картина не делалась более отчётливой.

Но вдруг, в очередной раз открыв глаза, он обнаружил, что перед ним никого нет. Чудовище опять исчезло! Он закрыл глаза, но, к своему удивлению, обнаружил, что белое пятно никуда не исчезло и продолжает двигаться. Не открывая глаз, Аша продолжил двигаться вслед за ним. Он чувствовал, как по сторонам от него выросли стены – от них веяло лёгкой прохладой, солнце над головой исчезло, и теперь над ним нависал потолок. Постепенно он даже начинал видеть очертания коридора, по которому он идёт. Потом увидел, как перед ним выросла лестница – пятно поплыло вверх по ней, и Аша тоже последовал в этом направлении. Затем ещё один длинный коридор, а затем много света. Никаких стен, никаких белых пятен. Он вновь видел то же самое, что и любой человек с закрытыми глазами. Он открыл их и увидел, что очутился в огромном зале, на стенах которого в несколько ярусов располагались большие балконы, а из окон сверху лились реки солнечного света, отличного освещающего всё вокруг. Осмотревшись, Аша увидел длинные полки с книгами. Они были повсюду: и внизу, и на балконах.

Вокруг царила абсолютная тишина, нарушаемая лишь звуками медленных шагов индийца, которые превращались в лёгкое эхо и быстро тонули где-то в бесчисленных коридорах – вдоль каждой стены было несколько дверей, ведущих, видимо, на балконы или ещё куда-нибудь.

Зал знаний дышал спокойствием и казался отрешенным от всего происходящего, совершенно нетронутым и вечным. Находясь в нём, Аша словно бы прикасался к чему-то, доселе ему неизвестному, но великому и такому же вечному.

Пройдя до середины зала, он увидел, что вдали клубится какое-то облако, а сквозь него проглядывается нечто подобное большой чаше.

«Вот оно!» – подумал Аша и ринулся вперёд.

Не добежав примерно двадцати шагов, он остановился и осмотрел то, что находилось перед ним. Это была чаша, стоявшая на небольшом возвышении, к которому всходило несколько ступеней. Она была огромных размеров, из неё, будто пар, валили клубы золотистой пыли.

Бегло осмотрев чашу, Аша решился подойти к ней и заглянуть в неё. Увиденное поначалу ничуть не удивило его – он увидел своё отражение, почти такое же, как в фонтане, но не колеблющееся, а идеально ровное. Однако это была вовсе не вода. Что-то очень похожее, отражавшее человеческое лицо, но не вода.

Аша уже было начал разочаровываться в находке, как вдруг увидел, что его лицо начинает меняться. Чёрные волосы посерели и стали намного реже, кожа высохла и сморщилась, хотя лицо не стало походить на лицо старика – оно всё ещё было молодым. Кожа из телесного цвета перекрасилась в пепельный, отчего почти стала сливаться с волосами.

Внезапно в его собственных глазах вспыхнул безумный ужас, который сразу переселился и в хозяина отражения. А затем глаза закрылись и, открывшись вновь, загорелись яркими жёлтыми огнями. Не в состоянии больше находиться лицом к лицу с ужасом, Аша отбежал обратно, чувствуя, как страх овладевает им. И овладел бы целиком, если бы не очередная случайная догадка: раз от разу они продолжали спасать его. Он увидел не себя, а отражение. Но если это совсем не вода, то, может, это и не обычное отражение? Аша вдруг осознал, как он уже не один раз успел столкнуться с отражениями за последние несколько часов, и каждое говорило о чём-то своём. Ему вспомнилось причудливое видение, в котором был странный, перевёрнутый мир – может, это тоже было всего лишь отражение? Может, вообще всё вокруг него – это искажённое отражение действительности, которое пленило всё вокруг. И он там, в этой чаше – это вовсе не он, а то, во что она хочет превратить его? Но, кажется, это ей пока не удалось: Аша чувствовал, что по-прежнему выглядит как обычный человек. Больше того, он воспринял произошедшее, как некоторый урок: в нём действительно жил страх и глупое, притом фальшивое,

отражение вытянуло его наружу. Он не должен ни в чём сомневаться и тогда сможет всё исправить. И даже если ему порой будет недоставать уверенности, то должна оставаться хотя бы призрачная надежда.

Мгновенно вместо страха по его телу разлилась уверенность, и он вновь подошёл к чаше. Не зная, что именно ему надо делать, он погрузил руку в нечто, что напоминало воду. Сначала, коснувшись поверхности этого своеобразного зеркала, он почувствовал холодок. Погружая руку дальше, Аша ощущал, что холод становится действительно сильным, но стоит ему чуть сильнее представить свою цель – тот словно отступал. Нащупав дно чащи, Аша заметил, что ничего не произошло, разве что с зеркала пропало вообще какое бы то ни было его отражение.

С ним ничего не произошло, но и к цели он не приблизился ни на шаг – чаша продолжала источать жёлтую пыль и жечь холодом. Аша, немного разочаровавшись, вынул руку, потёр её свободной ладонью, стараясь согреть. После этого он взглядом вновь погрузился в зеркало. Несколько секунд ничего не происходило, а затем он увидел, как отражение зала теряет цвет и будто бы стареет на глазах – со стен начали осыпаться камни, по потолку разбегались трещины.

Аша сделал несколько шагов назад и перестал видеть происходившее в отражении. Но неожиданно то, что происходило в нём, начало медленно, но уверенно переползать в реальный мир, находившийся с Ашой по одну сторону зеркала. Сначала чаша, сиявшая новизной, превратилась в серую, потрескавшуюся каменную глыбу, а затем всё вокруг начало становиться таким же. Аша, стоявший совсем близко, отпрыгнул назад, испугавшись, что его ждёт та же участь. Но внезапно всё прекратилось, застыло на месте. Поглощённым остался небольшой круг около чаши и часть стены позади неё.

Сзади послышался странный шорох. Аша, уже привыкший к тишине, обернулся, но поначалу ничего не увидел, что только больше взволновало его. Затем он обратил внимание, что примерно в центре зала прямо из каменного пола растёт песчаная горка. Становясь больше, она постепенно начинала походить очертаниями на человеческую фигуру: выросли руки, появилась голова, хотя всё было каким-то нечётким, готовым в любую минуту рассыпаться.

Аша, уже привыкший к неожиданностям и такого рода встречам, понял, что это очередное чудовище, в планы которого вряд ли входит что-то более изысканное, чем убийство. Тем временем создание вырастало и уже почти совсем походило на человека, но только телом. Глаза выдавали в нём монстра.

И вновь Аша почувствовал странное желание. Он не видел ничего в глазах существа – он и не мог их разглядеть, но чувствовал растущий внутри призыв повторить освобождение. Но стоило только ему подумать об этом, он вскричал от безумной боли, острым копьём вонзившейся в его тело. Необычная боль, в тысячи раз сильнее обычной, но не убивающая, а именно пытающая. У него задрожали руки, закружилась голова, закатились глаза. Боль в висках стучала настолько сильно, что он, чуть не обезумев, упал на пол, продолжая дёргаться от неё, подобно умирающему от страшного ранения.

Боль исчезла так же внезапно, как и появилась. Но Аша сразу не сумел этого заметить: такая боль не может сразу забыться, он словно привык к ней. Но от привыкания она ничуть не сделалась более щадящей. Когда всё кончилось, он обнаружил, что лежит на спине, раскинув руки и повернув голову на бок. Попытавшись встать, Аша был даже чуть удивлён, что не ощутил ничего сколько-нибудь неприятного при этом.

Очередной шорох, на сей раз более громкий, сразу же вернул его в реальный мир. Он видел, как странное создание, от которого во все стороны исходили тогкие струйки пыли, выписывавшие в воздухе причудливую фигуру и вновь втекавшие в его тело, двигается ему навстречу. Аша, ещё не осознавший того, что с ним только что произошло, обратил внимание на странное ощущение. Ему казалось, будто с него сдирают кожу, но при этом никакой боли не испытывал. Он чувствовал свою возрастающую беззащитность, хотя ещё отказывался верить в неё. Ему казалось, что до этого он словно бы находился под каким-то покровом, а теперь он пропадает.

Аша закрыл глаза и увидел именно это – густую сеть из тонких нитей, соскальзывающих с него и лишающих его защиты. Чаша вбирала этот поток нитей в себя. Он попытался сконцентрироваться, представил вновь, как его сознание скользит по этим нитям. Но на этот раз всё шло не так. Он ощутил сначала знакомое чувство того, что он покидает своё тело, следуя за этим странным покровом. Но чувство было и незнакомым оттого, что он знал, что если покинет тело окончательно, ему в него больше не вернуться. Чаша поглотит его. Ему сразу вспомнилась его недавняя боль, и ему показалось, что он вновь её ощущает. Но, будучи уже меньше чем наполовину в своём теле, Аша не чувствовал её так остро. Хотя это отнюдь не радовало: ему казалось, что он умирает. Он может пойти по этой новой дороге, но вот ведёт ли она к чему-нибудь, ради чего можно было распрощаться с жизнью, он не знал. И не просто не знал, а не верил. Отчасти это неверие было подкреплено страхом.

Обычным человеческим страхом перед смертью. И он тянул Ашу назад, словно бы спасая.

Чуть опомнившись, юноша понял, что неизвестно, спас ли его собственный страх от смерти или нет – на него мчался монстр, готовый разорвать Ашу в клочья. Но и повторять свои попытки Аша бы уже не рискнул: слишком ему запомнился этот вкус боли.

Он обнаружил ещё одно ощущение, которое его ничуть не порадовало. Оно было новым, но жутким – чувство полной беззащитности. Он ощутил одиночество. Странно, он ведь и раньше догадывался, что он единственный живой в этом месте, но сейчас это чувство изменилось и стало каким-то особенно угнетающим, безнадёжным.

Существо, напоминавшее один сплошной вихрь, внезапно рассыпалось в воздухе и образовало своеобразный кружащийся купол, отрезавший Аше любой путь к отступлению. Вихрь, вращавший этот купол, всё ускорялся. Аша видел, как в него втягиваются книги, рвущиеся от ветра, обломки деревянных полок и камни стен, сливаясь в единый смертоносный поток.

Чувство одиночества, потерянности давило на Ашу изнутри всё сильнее. Где же эти его способности, уже не раз спасшие ему жизнь? Может, их вовсе и нет? Простой обман, заманивший его в ловушку? Неужели чаша одним прикосновением сделала то, чего не удалось сотням чудовищ? Аша приготовился к смерти. Он не знал, какой она будет – быстрой или медленной. И не знал, ощутит ли он её вообще.

Вихрь сужался и был готов покончить с индийцем в любой момент. Но вдруг произошло нечто, не входившее в планы обоих: воздух почернел и заискрился, а затем что-то разорвало вихрь, разбросав в стороны миллионы пылинок и обломков.

Аша лицезрел необычайно красивое зрелище: он словно бы находился внутри огромного костра – воздух пылал оранжевыми пятнами, а вокруг летали пылинки, напоминавшие золу и искры. Но он вновь не замечал этого, а думал о другом: что же спасло его, когда надежды уже не было? Не он сам – это точно. Он вдруг понял, что это нечто, помогающее ему, следует за ним с самой столовой. А может и раньше, но он не замечал этого. Ему хотелось было предположить, что это одна из спасённых им душ, но это было нелепо: неведомый помощник появился гораздо раньше. И это не Аша, а он освободил тех чудовищ от их изуродованных чашей тел. Получается, что это кто-то или что-то более загадочное.

Но почему он достоин такой помощи? И вечна ли она? Или в самый нужный момент ему будет не на что рассчитывать?

От всех этих рассуждений Аше сделалось дурно. Стараясь отвлечься, он посмотрел вокруг себя. Зал сильно изменился. Повсюду были разбросаны каменные глыбы, многие балконы обвалились, стены были изъедены трещинами. Потом он обратил внимание на витавшие в воздухе пылинки, которых было не так уж много. Аша понял, что они – это остатки того чудовищного вихря. А вихрь родился из того монстра. А тот…

Аша пошатнулся на месте. Он вспомнил, как создание вырастало прямо из каменного пола, из небольшой горстки Песка. Это был тот самый солдат, который у него с Аджитом на глазах превратился в точно такую же горстку Песка. Выходит, он не умер, а таким странным образом превратился в одно из этих чудовищ. Но теперь его не было – Аша словно чувствовал, что эти пылинки в воздухе больше никак не связаны друг с другом.

Прошла минута или две, и Аша заметил, что воздух вокруг него приобрел обычный вид, но свет уже не пробивался через окна наверху. В зале было темно и жутковато. Аша вновь остался один на один с тишиной. Он не ощущал присутствия загадочного спасителя. Не было вокруг и чудовищ. Чаша его не интересовала, он словно бы преодолел контакт с ней как некоторое неизбежное испытание. Возможно, даже слишком легко. Он остался наедине со своими мыслями – они сейчас были самым важным. Он чувствовал, что ему просто необходимо обдумать всё произошедшее, разобраться во всём и понять суть этих событий. Аша нащупал нечто особенное, какую-то многовековую мудрость. Очень символично, что он находился в богатой библиотеке султана, настоящем кладезе знаний, к которому ему было дозволено прикоснуться. Может быть, именно об этом недоговаривал ему Аджит? И был прав, потому что это невозможно передать словами. Подобный опыт нужно пережить самому.

Сейчас Аша чувствовал особенное спокойствие, будто весь мир замер и время остановилось. Время задавать вопросы и получать ответы. Единственный, кто был способен их дать, – его невидимый помощник. Кто он? Может ли это быть Аджит? Эту мысль Аша почти сразу отбросил: для этого Аджиту понадобилось бы находиться сразу в двух местах одновременно. Это был кто-то иной. Но как его увидеть? И зачем он так тщательно скрывается? Все попытки Аши взглянуть вокруг своим необычным зрением окончились ничем. Хотя боли он уже не испытывал. А что если чаша сможет помочь ему? Сейчас он уверен в своих силах. Почему она так манит его? Аша развернулся и подошёл к чаше вновь, на сей раз просто пристально смотря в неё. В этот раз его отражение оставалось прежним, ничего не происходило. Он вновь рискнул протянуть руки к поверхности того, что заполняло

чашу. Но на этот раз он не стал быстро погружать их, а медленно подводил к зеркальной глади. В его глазах читалась уверенность, словно бы у него созрел какой-то план. И гладь поддалась, вжимаясь в чашу, повторяя форму его рук. Теперь не содержимое чаши меняло Ашу, а он менял её содержимое. Оставив свой след в ней, он ожидал увидеть его отражение. Отражение его странной силы, ведь именно она воздействовала на чашу.

И зеркало ответило ему, практически незамедлительно. Он увидел в нём смутные контуры зала как нечто незначительное. Увидел людей, что наполняют зал знаниями. История этого места словно бы пронеслась за секунду или две и замедлилась в тот самый момент, когда Аша входил в зал. Он видел себя самого, идущего по залу несколько минут назад. Потом, вместо чудовища и вихря он видел практически обычного человека, который вбирал в себя какой-то странный поток из чаши, словно бы подталкиваемый какой-то силой. Незначительные черты зала померкли ещё сильнее, практически превращаясь в пустоту – казалось, зеркало как-то переиначивает то, что отражает. Оно выделяет нечто более общее, то, что стоит за визуальным образом, раскрывая самую суть вещей, которая оказывается, зачастую противоположна увиденному или услышанному. Но в то же время такое отражение дополняет явление до полной картины. Как морская гладь скрывает под собой огромную ледяную глыбу, показывая лишь её верхушку, так и эта чаша скрывала в себе это дополнение реальности, пока Аша не начал воздействовать на неё.

А затем произошло самое интересное. Кажется, это было ответом, который он так долго искал. Чем сильнее меркли черты самого зала, тем сильнее Аша замечал, что вокруг него всё имеет какой-то оранжевый оттенок и словно бы колышется, клубится как утренний туман. Но это было лишь слабое, едва заметное явление, которое затмилось более сильным, пришедшим сразу после «вихря» – вся реальность превратилась в эти клубы дрожащего оранжевого дыма, а среди них явственно выделялось белое пятно, которое быстро двигалось в сторону Аши. Пятно постепенно обретало человеческие черты – были различимы руки, ноги, голова и какие-то одеяния. Теперь его таинственный друг казался ему совершенно реальным, даже несмотря на то, что он видел его не собственными глазами, а как видение, дарованное чашей. Та словно бы впитывала в себя время, запоминая реальность как-то по-особенному.

Дождавшись того момента, когда он повторно подходит к чаше, Аша увидел, как отражение многократно вторится, до бесконечности, но уже не способно показать ему что-либо новое. Аша ослабил хватку, понимая, однако, что вопросов у него теперь

ещё больше, чем до всего видения. Он осмотрелся вокруг. Уже наступила ночь. Время текло по-особенному в этом дворце. Непредсказуемо и неуправляемо. Или кто-то управляет всем этим?

Он присел на ступеньки и решил ещё раз как следует всё обдумать.

Глава 18. Как ты меня назвала?

Эссен шёл впереди. Ему было как-то не по себе от этого: в случае опасности ему бы не повезло первому. Но гордость не дала бы ему пойти сзади. Втроём они смогут защититься, по крайней мере, попытаться. Какое-то время, пока они шли молча, Эссен размышлял. Все чувства в нём постепенно вновь уступали место гневу. Не такому, что заставил бы сразу кинуться на Принца, обвинив его во всём, но достаточному для того, чтобы обида начала расти. Он непроизвольно воспринимал Принца как врага. Но всё это перекрывалось тем, что этот союз сейчас был важен: будучи один, Эссен бы имел гораздо меньше шансов выжить. Да и было что-то ещё такое, что заставляло его колебаться. Ведь, несмотря ни на что, Принц собирался исправить свою ошибку и для этого беззаветно рисковал своей жизнью. Он уже не раз защитил его и Фару от практически неминуемой гибели. Эссен старался цепляться за эти мысли, словно они были спасительными. Он понимал, что в такой ситуации просто не до личной вражды, пусть и обоснованной.

Они дошли до небольшой лестницы, уводящей вниз. Эссен махнул рукой и сказал:

– Нам сюда!

Фара и Принц молча последовали за ним.

Через минуту, когда они шагали по очередному коридору, Принц нарушил повисшую тишину:

– Эссен, а ты знаешь, отчего башня Рассвета так зовётся?

– Знаю, – ответил тот. Голос не выдал его, но по телу пробежала волна неприязни, когда он услышал Принца. Подавив в себе этот случайный всплеск, Эссен продолжил:

– Это название придумал наш султан. Вообще это просто: башня Рассвета самая высокая, и восход солнца с неё виден раньше остальных. Но, говорят, Рифат был очень рад, когда придумал это. Раньше она называлась Высокой башней. После этого он перенёс туда сокровищницу и запретил всем называть башню по-старому. Даже грозил всем темницей, но до этого не дошло.

– Долго нам ещё бродить тут? Я уже не могу видеть эти стены! – вмешалась в разговор Фара.

– О, вам придётся потерпеть, принцесса! Путь неблизкий, – ответил Эссен. – Дворец полон опасностей, о которых вы оба даже и не догадываетесь.

– Что ты имеешь в виду? – почти в один голос спросили Фара и Принц.

– Вы что, серьёзно думаете, что можете просто так подойти к башне Рассвета и попасть в сокровищницу? – с вызовом в голосе спросил Эссен.

Принц и Фара непонимающе глядели на него, ожидая подробностей. Эссен колебался.

– Дело в том, что Азад оснащён особой охранной системой, которая может сдержать или даже остановить неприятеля. И, когда всё это началось, я привёл её в действие. Один неверный шаг, и вы окажетесь, например, взаперти. Без возможности выйти, дверь просто захлопнется и всё. Я не должен рассказывать это чужакам, а особенно вам. Но, видимо, придётся. А без меня вы и двух шагов скоро не сделаете! – начал свой рассказ Эссен, самодовольно смотря на Принца и Фару.

Дворец Азада был поистине одной большой сокровищницей. А охранная система была прекрасным дополнением. И весь этот дар достался в наследство от отца, сам Рифат не был способен на такой размах мысли и чудес.

– Держитесь меня и слушайте, что я говорю. Чудо, что вы не угодили ни в какую западню! Наверно, в той части дворца, где вы были, произошло слишком много разрушений. Я помогу преодолеть ловушки, но не ждите, что я раскрою вам все секреты, – продолжал Эссен. – Все ловушки можно отключить или обойти. Иногда нам придётся разлучаться: я не стану показывать вам, как отключать их. Вы будете ждать меня в нужном месте и стараться не навлечь чудовищ.

Выслушав Эссена, Принц кивнул. Теперь, по его мнению, союз носил обоюдный характер. Теперь Эссен так же полезен им, как и они ему.

Они двинулись дальше. Эссен шёл рядом с ними, но был напряжён, ворчлив и умолкал при первой же возможности, отчего казалось порой, что его вовсе и нет рядом, словно он какой-то призрак, а не человек. Но он был верен своему слову и вёл их. Он вовремя говорил, что нужно прижаться к той или иной стене, чтобы не угодить в яму с копьями; обойти камень, который выпускал ядовитую стрелу или закрывал двери позади и впереди них. Фара и Принц шли молча, практически не разговаривая. Настроение Эссена не очень воодушевляло их на беседы, во всяком случае в его присутствии.

Время от времени им попадались маленькие закрытые двери, от которых веяло сыростью. Принц слышал легенды о том, что дворец Азада был воздвигнут на руинах другого, более древнего. И, возможно, за этими дверьми лежали тайные ходы, пролегавшие через эти руины. Но Эссен точно ничего не расскажет, если спросить его. Он только вёл их, иногда отлучаясь и вновь догоняя их.

Охранная система была рассчитана на нападение обычного врага и не могла полностью выстоять перед мощью Песков. Какие-то механизмы не работали, двери заедали, и путь преграждали огромные обломки дворцовых стен. Иногда путь вперёд был возможен только благодаря Фаре. Она не раз пролезала в узкие расщелины, чтобы открыть дверь с другой стороны или дёрнуть за рычаг от решётки, что охраняла очередной рубеж. В такие моменты, особенно когда рядом не было Эссена, Фара ехидно улыбалась, показывая Принцу свою самостоятельность и его беспомощность. Она пыталась доказать ему, что не всё можно решить грубой силой.

– Ты уверен, что я не замедляю тебя? – однажды саркастично спросила она.

Принц глубоко вздохнул и ответил:

– Ну, хорошо, хорошо! Только не повторяй это каждый раз, пожалуйста. Иначе вдруг мне не захочется в очередной раз искать тебя, часами бегая вокруг, если что-то случится?

Его слова были просто ответной шуткой. Хотя он действительно был уверен, что Фара нуждается в его помощи. Ей нужно, чтобы кто-то защищал её.

Иногда Эссена подолгу не было (наверно, что-то было не так с очередным механизмом, но он ни за что бы не стал просить помощи Принца или Фары). Это давало Принцу с Фарой возможность и время поговорить.

В один из таких моментов Принц стоял, прижавшись спиной к стене, и вертел в руках ту самую книжицу. Стараясь как-то отвлечь Фару, которую снедало нетерпение, он спросил:

– Как ты думаешь, что может быть в ней?

Он сам пытался зацепиться за эту книжицу, словно она была каким-то ключом.

– Не знаю, но она может быть очень важной для визиря, ведь не стал бы он носить её с тобой просто так! Я давно знаю его и никогда раньше не видела эту вещь. Но мне кажется, что он давно с ней не расстаётся, – ответила Фара. – Что если он обнаружит пропажу?

– Не думаю, что визирь знает, где она. Но чувствую, что он всё равно не оставит нас в покое. Сейчас – маленький перерыв, затишье. Уверен, Амар приготовил что-то ещё!

Принц озвучил вслух не только свои опасения, но и самые главные страхи Фары и Эссена. Названные так чётко, без приукрашивания, они удручали.

Тем временем Принц продолжал:

– Я думаю, эти записи как-то связаны с Песками. Так же, как и этот кинжал. Такое ощущение, что он хочет собрать всё воедино для какой-то цели.

Фара промолчала. Она согласилась, но Принц видел, что подобные разговоры тяготят её. Сейчас, в минуты тишины, ей не хотелось думать о визире, о Песках и обо всём этом кошмаре. Принц понимал это и либо молчал, либо искал какие-то другие темы. Ему вдруг захотелось узнать Фару получше, ведь б*о*льшую часть времени он проводил с ней наедине. Принцу даже нравилось, что она не теряет настроя и не падает духом. Постепенно они учились преодолевать некоторые препятствия даже без помощи Эссена. Вместе. И сила тоже порой оказывалась полезной: Принц мог взобраться туда, куда Фара сама бы не влезла. Оказавшись наверху, он протягивал ей руку и поднимал наверх. Ему хорошо запомнилось, что у неё были тёплые руки, это было по-своему приятно. Порой Фара колебалась, напуская на лицо притворную сердитость, но ей приходилось принимать помощь Принца. В действительности она радовалась, что Принц не бросает её и помогает ей вновь и вновь. И она знала, что он сможет защитить её от врага, который ей никак не по силам. Этих мгновений Принцу хватало, чтобы хорошо рассмотреть лицо Фары. Теперь оно казалось ему давно знакомым, до мелочей. И так же хорошо запомнился её робкий, сверкающий взгляд. И тонкая, но длинная прядь чёрных волос, лежащая на лице и чуть прикрывающая один глаз. Такая, словно бы под ней пряталась последняя маленькая тайна Фары.

Они разговаривали практически обо всём. Беседы случались короткими и длинными – всё зависело от того, на сколько отлучался Эссен. Они спрашивали друг друга о детстве, о родных местах. Принц узнал от Фары, что её отец никогда не поддерживал двух своих братьев и оставался в стороне от войн. Иногда он занимался изучением Песков, но не посвящал в это Фару. Он никогда, по её словам, не собирался использовать их как оружие. Он искал в них мудрости, пытался глубже познать мир. И при этом он был глубоко религиозен. Фара же, несмотря на то, что была принцессой, ещё в детстве была обучена владению оружием, стрельбе из лука и даже верховой езде – иногда даже против воли отца. Слушая Фару, Принц постепенно осознавал, что в обычной жизни их пути вряд ли когда-либо пересеклись бы, хотя их судьбы были в чём-то схожи. Теперь же они волею этих судеб идут одной дорогой. Однако беседовать на обычные темы им было сложно, потому что вокруг не было ничего обычного. Поэтому разговоры о прошлом были куда приятнее. Хотя, пожалуй, любой разговор был приятнее тишины. А иногда случалось так, что Принц и Фара ненадолго расходились – столь хитроумна и запутанна была охранная система. И тогда оба стремились поскорее добраться до места очередной встречи.

– В какой-то момент я понял, что не могу доверять ему, – говорил Принц о визире. – Он не остановится ни перед чем, чтобы заполучить этот кинжал. И, пожалуй, я дам ему что он хочет. Я всажу кинжал прямо в его чёрное сердце!

– Тебе важна месть? – отвечала Фара. – Ты думаешь, ты искупишь свою вину таким образом? Думаешь, это самое главное?

Эти слова заставили Принца задуматься. Постепенно в нём происходили перемены. Всё меняло свой смысл. Теперь он всё больше был готов рисковать собой, защищая Фару. Он медленно осознавал свои ошибки. Ему даже хотелось найти какие-то слова оправдания перед ней и перед Эссеном.

Маршрут, которым они шли, вряд ли был самым коротким. Но Эссен знал своё дело и вёл их самыми отдалёнными и пустынными путями, хотя зачастую приходилось идти очень медленно. В отличие от Принца, он не был готов столкнуться с очередным чудовищем и поэтому искал безопасности.

Здесь, в бесконечных коридорах и подземельях, терялось чувство времени. Прошёл ли час или вся ночь – трудно было ответить. Принц старался не думать об этом. Его мысли больше занимала идущая рядом Фара. Он с удивлением отметил про себя, что она показала себя верным спутником. Она не покушалась на кинжал, она всегда приходила на помощь и с радостью поддерживала разговор. Их союз, хоть и был вынужденным, походил на дружбу. И обстоятельства сплачивали их всё сильнее.

Порой Эссен возвращался неожиданно совсем с другой стороны, и они вновь шли втроём. Однажды, не выдержав молчания, Принц вдруг заговорил:

– Он вынудил меня открыть Песочные Часы.

– Вынудил? Как это? – ехидно спросил Эссен.

– Когда мы принесли дары султану в главный зал, визирь вдруг вышел к нам и сказал, что там находятся величайшие сокровища. Султан сразу вскочил с места и побежал к ним. Мой отец тоже с любопытством повернулся. Визирь объяснил, что эти сокровища можно заполучить с помощью кинжала. Не знаю точно, что толкнуло меня, но я почти без колебаний сделал это. Его слова были такими убедительными… – рассказал Принц.

– Но неужели ты не сопротивлялся этому? И не думал, к чему это приведёт? – продолжал спрашивать Эссен.

– Скорее всего, я ни о чём не думал. Думал о какой-то чести… Чепуха. Я был полным глупцом, а Амар воспользовался этим, – виновато ответил Принц.

Такая честность смягчила Эссена. И он получил ответы на свои вопросы в то самое время, когда они были ему нужны. Возможно, он всё же не зря старается сейчас ради них.

Вскоре они спустились по небольшой лестнице, и подошли к круглой резной арке, за которой тянулся короткий и узкий коридорчик, а за ним находился выход. Вдоль стен были часто посажены квадратные колонны с рельефными рисунками, между которыми иногда располагались окна. Сквозь них дул свежий ветерок, уносящий противный спёртый воздух. Отовсюду начал пробиваться свет, а значит, уже наступило утро.

– После нападения на Каши мы долго шли через пустыню. Начиналась песчаная буря. Я помню, как визирь странно сжимал посох в руках и что-то нашёптывал! – едва Принц вспомнил и рассказал этот случай, он осознал, что буря – это отнюдь не гнев природы. Это дело рук этого мерзкого старика!

– Ты думаешь, это сделал он? – спросил Эссен.

– Ну да, а кто же ещё? Это всё объясняет! Он хотел получить кинжал и выпустить Пески ещё раньше. Но через какое-то время буря стихла и ничего плохого не случилось. Так, словно бы что-то помешало ему!

В это время Фара молча шла рядом, с задумчивым видом, на первый взгляд, не выражая никакого интереса к происходящему. Но это только на первый взгляд. Фара размышляла об этом же происшествии, но она помнила ситуацию со своей стороны. Она не видела визиря, она лишь помнила, как налетел вихрь, выведший её из полузабытья. Песок забирался куда угодно – в глаза, в горло. Всё внутри Фары настолько воспротивилось этому, что ей захотелось остановить происходящее. Она не помнила, как ей удалось освободить одну руку из натирающих верёвок. И только сейчас она вспомнила, как скинула с себя какую-то накидку, защищавшую её от бури, и попыталась встать. Это удалось ей, но она ощутила, что вихрь давит на неё со всех сторон так сильно, что вот-вот убьёт её. Дальше она действовала не сама, а словно бы по чьему-то указанию. Но она не помнила никакого принуждения, всё шло из неё самой. Она закрыла глаза и выставила вперёд свободную руку. Пока веки были сомкнуты, она чувствовала, как буря стихает. Но вместе с ней она и сама теряла силу. Ноги наливались тяжестью, начинала болеть голова. И она падает на горячий песок, уже не видя ничего. Потом – жжение на щеке, чьи-то крики. Все эти воспоминания, половина из которых были для неё совершенно новыми, только что обретёнными, вспыхивали в её голове. И не успевала она опомниться от одной вспышки, как следом шла другая. Лицом Фара оставалась всё такой же спокойной и задумчивой, – она способна была совладать с собой – но внутри неё кипел вулкан воспоминаний.

– Это я помешала ему! – неожиданно сказала Фара.

– Ты?! Но как? – удивлённо спросил Принц.

– Мне трудно объяснить. Я захотела, чтобы буря остановилась, и так оно и случилось. Я плохо помню. В голове мелькают какие-то обрывки, но я помню только, как встала и пошла ветру навстречу. И потом упала на землю, забыв обо всём, – отвечала девушка, всё ещё пытаясь собрать картину воедино. Сейчас она чувствовала себя примерно так же, как и Принц, когда пытался из бессвязных пятен собрать свой сон.

Они наконец вышли из дворца и очутились в прекрасном месте. Тому, кто находился бы в нём, могло показаться, что ничего плохого и не происходит – настолько там было хорошо и красиво.

Это был небольшой садик с решётчатой крышей, обвитой свисающими с краёв растениями. Повсюду росли пальмы. На траве блестела роса, а когда на неё попадали лучи восходящего солнца, то она сверкала миллионом маленьких огоньков, ярких и слепящих, но всё же невероятно красивых. Пока Принц, Эссен и Фара шли молча, шёпот листьев окутывал их со всех сторон. Природа отходила от ночного сна, оживала. Среди всех этих лёгких звуков казалось, что деревья действительно о чём-то говорят друг с другом, с маленькими травинками и с красным солнцем на востоке.

Молчание длилось недолго. Принц и Эссен были слишком удивлены:

– Ты уверена в этом? И почему этого больше не происходило? – спросил Принц.

– Я ни в чём не уверена. И мне не хочется об этом думать, мне становится не по себе от этих воспоминаний, – расстроенно и с какой-то обидой в голосе отвечала Фара.

– Но… – не унимался Принц.

– Не трогай её, она же сказала, ей больно об этом даже думать, – резко оборвал Принца Эссен.

– Я хочу помочь нам всем! – говорил Принц, одновременно чувствуя, что он делает ошибку. Ещё так недавно он сожалел о содеянном после каждого грустного взгляда Фары, а теперь он вновь толкает её к страданиям. Но понял это он поздней, чем сказал последнюю фразу.

– Ты и так уже помог всем нам! Спасибо! – распалялся Эссен. – Она хотя бы смогла сопротивляться этому, а ты сам поддался этому старикашке! И теперь ещё что-то говоришь!

– Пока ты не появился, всё было намного лучше! – бросил в ответ Принц. – Дорогу мы бы нашли и без тебя!

– Перестаньте, вы! – в ссору вмешалась Фара. – Если мы переругаемся сейчас, то станет ещё хуже. Пока мы вместе, у нас есть хоть какие-то шансы!

Говоря слово «вместе» Фара, конечно же, имела в виду не только нахождение рядом друг с другом, но и сообщённость в действиях и мыслях.

Продолжая двигаться вдоль дворцовой стены, они прошли мимо небольшого искусственного прудика, заполненного водой примерно по колено. Его края были выполнены в виде ступеней, а на поверхности воды плавали большие, почти круглые листья и кое-где виднелись полураскрытые белые лилии. Ветерок шевелил воду, нагоняя лёгкую рябь, отчего та под светом зари радостно искрилась и переливалась всевозможными цветами, подобно радуге, словно радуясь новому дню. Люди со всеми своими проблемами и ссорами казались лишними в этом безмятежном и одновременно полном загадочной жизни месте.

– Неужели я говорю неправду? – Эссен переметнулся на Фару.

– Злость – наш враг! А Пески точат в тебе это чувство, и ты сам всё больше поддаёшься им! – ещё более резко ответила Фара. – И ты тоже! – сказала она, повернувшись к Принцу.

Услышав эти слова, Эссен и Принц попритихли.

Выход из садика был по обеим сторонам обставлен невысокими мраморными ротондами с зелёными куполами. Сверху они были украшены длинными шпилями, а под ними, в центре, стояли небольшие фонтанчики с журчащей водой.

Ступени, начинавшиеся прямо тут же, у выхода, уводили вниз, в одном месте круто заворачивая, и выводили на широкую дорогу, пролегавшую по верху стены, величественно возвышавшейся над землёй. По сторонам от неё росли рощи деревьев, а чуть дальше виделся прекрасный парк со множеством аллей и таких же башенок.

В некоторых местах стена была не сплошной, а напоминала мост – под ней проходили другие дороги, уводившие в разные части дворца. Не будь вокруг этого кошмара, у Принца было бы время не только посетить зверинец султана, но и отдохнуть в бане – султан был действительно богат и любил роскошь. Бани в пустыне, где каждая капля на вес золота, – это поистине нечто особенное. Он смог бы взглянуть на коллекцию оружия. Говорят, там хранился меч самого Рустама! Невообразимо, сколько сокровищ и чудес хранит Азад! И всего этого теперь не стало.

Вновь погрузившись в молчание, все трое шли дальше. Дорога вела их прямиком к заветной цели – башня Рассвета вырастала перед ними, поражая своей высотой и грацией. К ней примыкало несколько других башен, словно бы подпиравших её.

Когда они прошли примерно половину пути, Эссен буркнул:

– Вот она, башня Рассвета.

Он знал, что это было понятно и без его слов, иначе зачем бы они туда шли? Но повисшая в воздухе тишина казалась ему настолько зловещей, что он решил нарушить её сам.

Но ещё через секунду тишина была нарушена по-настоящему, причём не самым лучшим для них образом:

– Вы глупцы, если решили сопротивляться могуществу Песков!

Впереди них, на большом расстоянии, стоял визирь. Каждый из трёх почувствовал внутреннее отвращение к нему. Даже Фара, которой злость была чужда, на секунду ощутила дикую ненависть к Амару.

Тот же, как ни в чём не бывало, стоял на месте, словно бы усмехаясь. Принц обратил внимание, на то, как сильно звучал голос старика. Это был голос крепкого мужчины средних лет. Но он принадлежал именно этому неказистому на вид старику. Сомнений у Принца не оставалось – Пески давали ему силу. И действительно, чего может желать старый, больной человек? Той силы, которой он обладал в молодости.

Визирь тем временем пошёл на них. Сзади него в воздухе возникали один за другим его слуги – мерзкие песчаные создания. Несколько рядов ярких жёлтых глаз были видны отчётливо, остальные сливались в единое серо-жёлтое пятно, которое угрожающе застыло в абсолютном молчании.

– Ты не напугаешь нас этими тварями! – крикнул Принц.

Амар ничего не ответил, лишь как-то неопределённо улыбнулся. Но его улыбка никогда не сулила ничего хорошего.

– Это всего лишь жалкие игрушки по сравнению с настоящей силой Песков! – ответил наконец Амар. – Трудно представить что-то более могущественное!

– И ужасное! – с болью в голосе крикнула Фара.

– Пески ужасны лишь для тех, кто не понимает их, кто видит в них зло. Пески родились задолго до людей. Они копили мудрость и силу тысячелетиями. Но жалкие людишки так и не смогли осознать их до конца, заключив всю силу внутрь Песочных Часов! Теперь они на свободе и всё идёт так, как должно идти! – начал рассказывать визирь.

– Нет, всё идёт так, как *ты* хочешь! Ты предал моего отца и меня, ты предал всех! – с трудом сдерживая слёзы и гнев, бросила в ответ Фара.

– Помолчи, девчонка! – с отвращением прошипел визирь. – Когда ты останешься одна, ты рано или поздно сдашься! Твоих сил не хватит!

– Почему я останусь одна? – с испугом спросила принцесса. Ей стало не по себе от этих слов. Что задумал визирь? Почему он так уверен?

– Твои спутники живы по большой случайности. В мире, где правят Пески, счастливые случайности не повторяются. А что касается тебя, мой юный друг, то твоё время иссякает. Ты открыл Песочные Часы и навлёк на себя гнев древнего стража времени. Скоро он придёт за тобой и ты отправишься в мир смерти! – говорил Амар. В его голосе чувствовалось, как он невероятно доволен происходящем и как он уверен в себе.

– Пески – древняя магия, – продолжал он, – они окружают нас с самого рождения, даруя нам мудрость. Не было бы Песков – не было бы и людей. Или только жалкие, подобные им существа, не способные мыслить. Пески строят наш разум. И они управляют временем! И не так, как этот кинжал, – глаза визиря чуть заметно вспыхнули, – а безгранично, так, что людям и не снилось!

Фара, Эссен и Принц внимательно слушали его, но каждый был настороже – в любую секунду можно было ожидать чего угодно.

Толпа чудовищ позади Амара не шевелилась, но казалось, что по первому взмаху руки они бросятся к людям и разорвут их.

– Посмотрите на это солнце. Вы привыкли, что изо дня в день оно медленно выползает из-за горизонта и целый день освещает Землю. Но всё лишь оттого, что поток времени течёт спокойно. Я покажу вам, на что способно могущество Песков!

Визирь вынес вперёд свой посох, который всё это время нёс за спиной, и, крепко вцепившись в него пальцами, звучно поставил на камни перед собой. Дальше начало происходить что-то одновременно чудесное и ужасающее. Из-под ног Амара вверх взметнулись столбы Песка и пыли, его глаза загорелись ярким жёлтым светом, кожа и воздух вокруг него словно бы почернели. Затем он сомкнул веки, а когда открыл глаза, всё в один момент стало таким же, как и было, только вокруг посоха воздух был каким-то искристым и горячим. Амар указал им на солнце и начал двигать вверх. И на глазах у изумлённых Принца, Фары и Эссена солнце, повинуясь человеку, поползло по небу намного быстрее обычного. Зрелище было абсолютно невероятным, грандиозным и пугающим. Человек владел всем миром, он запросто двигал солнечный диск по небосклону!

Через несколько секунд солнце остановилось над головами людей и всё стало опять как прежде. Но только ни Принц, ни Фара, ни Эссен не были прежними. То, что они увидели, поразило их. Если бы любой из них внимательно изучил себя, то он бы обнаружил, что в глубине своей души верит визирю, хотя бы отчасти. Верит в силу Песков. Но, к счастью, эта вера была слишком слаба и не могла одержать верх над кем-нибудь из них.

– Понимаю, вы удивлены. Но не стоит бояться. Я предлагаю вам стать частью этой бессмертной силы! Покиньте свои тела и соедините своё сознание с Песками! Принц, отдай мне кинжал! – Амар пытался воспользоваться возникшим замешательством.

– Нет! Слышишь? Нет! Мы не верим тебе! – закричал в ответ Принц. Внутренне он успел так решительно настроиться, что был готов в одиночку броситься на Амара и его войско. Он сделал несколько шагов вперёд и сразу пожалел об этом: мимо него просвистело несколько стрел, чуть не пронзивших его. Секунда размышлений, и Принц пошёл дальше, но вдруг услышал позади себя крик боли. Он с ужасной догадкой обернулся назад – одна из стрел пронзила Эссена. То, что совсем недавно сказал визирь, начало сбываться. Значит, скоро погибнет и Фара? А потом и он? И он получит кинжал. И… Кинжал! Принца охватил восторг:

«Как я мог забыть?» – подумал он.

Принц постарался как можно быстрее сосредоточиться и вспомнил то, что происходило несколько секунд назад – он крикнул что-то визирю и пошёл к нему. Он вспомнил, с какой яростью он говорил те слова, как неудобно лежал камень под левой ногой, как он начал чувствовать жар полуденного солнца. И он поплыл обратно по этим воспоминаниям. Он видел, как стрелы уплывают назад, как он сам делает шаги наоборот.

«Достаточно» – вдруг подумал про себя Принц. Он уже чувствовал, что ему становится плохо – на этот раз его возвращение во времени было самым длинным по сравнению с остальными попытками.

Когда время вновь потекло нормально, Принц почувствовал головокружение и оттого пошатнулся, чуть не упав. Потом он посмотрел в сторону и увидел живого, не подозревающего ни о чём Эссена. Потом он поглядел на Амара и ужаснулся его глаз: в них читалось одному Принцу понятное выражение – тот тоже знал, что произошло сейчас. Однако Амар не стал обращать на это внимания и продолжил:

– Это всего лишь забавы. Время может не только двигать солнце. Время решает, кому жить, а кому умирать. И все эти стены и своды – они тоже подчинены ему.

В подтверждение своих слов визирь прочертил по воздуху круг, и повсюду начали расползаться серые пятна, крошащие камень. На секунду обернувшийся Принц ужаснулся – дворец, из которого они не так давно вышли, в мгновение превратился из сияющего белого здания в серую глыбу камня, готовую рассыпаться от лёгкого ветерка. Где-то зияли огромные дыры, где-то лежали обвалившиеся камни. Даже стена, на которой они стояли, перестала быть такой надёжной, какой казалась раньше. И всё вокруг рушилось и ломалось, превращаясь в руины.

– Довольно! – сказал Амар. – Вы хотите такой же судьбы? Что ж, это ваш выбор!

Хищно посмотрев на них, он, что-то приговаривая, вновь начал взмахивать посохом, на этот раз с каким-то особенным ожесточением. Принц понимал, что нужно что-то делать. Но путь вперёд он испробовал, и тот не подавал хороших надежд. Назад? Убежать? Тогда их просто убьют в спину. Или визирь выдумает что-нибудь ещё.

Песчаные воины за спиной Амара таяли, превращаясь в одну единую массу, похожую на тучу, нависавшую за ним. Казалось, что его глаза брызгали молниями и скоро эта стихия обрушится на них.

– И не надейся, что тебе удастся сделать это вновь! – крикнул Амар Фаре.

Ужасающих размеров облако скрыло полнеба, закрыло башню и вот-вот было готово скрыть от них солнечный свет.

Но внезапно что-то пошло не так. Вместо того чтобы разрастаться, буря начала утихать. В глазах визиря вспыхнула ярость и непонимание.

– Как?! Этого не может быть! – взревел он.

Он ударил посохом по камням и направил голову змеи, красовавшуюся на его конце, в сторону Фары. Сразу после этого к ней устремился песчаный поток, но, отпрыгнув в сторону, девушка спаслась от неминуемой гибели.

В следующую секунду послышался странный рёв, и откуда-то снизу, разламывая и без того разрушенную стену, выскочило какое-то существо, больше каждого из людей почти в два раза. Вокруг разлетелись камни и обломки, один из которых чуть не угодил в Принца. Несколько других полетели в визиря, но превратились в пыль ещё раньше, чем успели приблизиться к нему. В отличие от остальных, Амар не испугался, а наоборот, загадочно улыбался. Голову Принца посетила страшная догадка, которая подтвердилась через секунду:

– Готовься к смерти, Принц! Он пришёл за тобой!

Перед Принцем стояло высокое чудовище, напоминавшее телосложением человека, но его кожа была чёрной и будто бы обгоревшей, изрезанной странными узорами, а из-за спины были видны длинные щупальца.

Испытывая ужас, Принц начал медленно пятиться назад. Но вместо того чтобы броситься на него, странный зверь стоял на месте.

– Мне не придётся тратить на вас много времени! Дахака знает своё дело! – сказал Амар и громко рассмеялся, вновь начав собирать песчаную тучу над своей головой.

Но его планам было не суждено сбыться. Зверь так и не двинулся к Принцу, а вместо этого, издав ужасающий рык, испустил ослепительную белую вспышку, которая вмиг усмирила бурю, созданную визирем. На сей раз уверенность в его взгляде поугасла.

«Не может быть! – думал он про себя. – Не понимаю!»

Амар не находил никакого объяснения тому, что происходило. Зверь, ещё сильнее рыча, двигался на него. Его длинные щупальца носились повсюду – любой, кто попал бы под такой удар, мог бы быть запросто рассечён надвое.

Глыбы камня одна за другой летели в визиря, заставляя его посекундно махать посохом, защищаясь от попаданий, и отходить назад. Его глаза были широко раскрыты, а зрачки нервно бегали из стороны в сторону. Любые его попытки атаковать сводились к нулю натиском чудовища.

Распаляясь битвой, зверь начал отламывать глыбы от стены. В его действиях проглядывалась не только атака – он намеренно рушил стену. И вот наконец после нескольких мощных ударов странного чудовища стена в этом месте рухнула – она не доходила до земли, и внизу видна была дорога, засыпанная обломками.

Путь к башне был отрезан: провал в стене за несколько секунд стал слишком большим.

– Бежим! – закричал Эссен. В его голосе слышалась не паника. Он что-то придумал. Хотя оставаться здесь было действительно опасно: в любую секунду зверь мог кинуться и на них. – Я знаю другую дорогу!

Принц и Фара послушали его и побежали за ним. А чудовище тем временем, отогнав визиря подальше, ринулось за ними, преодолев огромный пролом одним гигантским прыжком, грузно приземлившись на другой край – звук напоминал звон металла.

Эссен, услышав его, остановился и обернулся. Увидев, что зверь на этой стороне и гонится за ними, он вновь побежал уже позади Принца и Фары.

Но Дахака, преодолев небольшое расстояние, остановился. Остановился, но не успокоился. Подняв в небо огромные кулаки, он обрушил удар колоссальной силы, который чуть не сбил с ног убегавших и заставивший сотрясаться землю. Стена начала обваливаться, разрушаясь целыми блоками. Даже бежавшие изо всех сил Принц, Эссен и Фара могли не успеть и упасть вниз. Особенно Эссен, который бежал позади.

Дахака вновь развернулся к Амару, но того уже и след простыл – он понимал, что может не справиться с такой мощью, какой обладал зверь.

Если бы кто-нибудь посмотрел на него сейчас, то увидел бы, что он спрыгнул вниз со стены и двинулся куда-то в непонятном направлении.

Бегущий Принц чувствовал, что мысли в его голове взрываются со страшной силой. Он терял нити происходящего – оно переставало подчиняться каким-либо законам. Этот зверь, Дахака, он должен был убить его, но… но почему он это не сделал? Почему не произошло то, что говорил визирь? Почему чудовище напало на Амара в первую очередь, спасая их?

Но быстрый бег, ужасные звуки за спиной и резкие вдохи-выдохи мешали ему, и он постоянно сбивался, и тогда им двигал скорее страх. Непонятный, необъяснимый, но имевший вполне ясный образ.

Вскоре Принц и Фара добежали, как им показалось, до безопасного места, где стена бы уже не рухнула. Принц повернулся и одним мигом заметил то, что позади нет никого, а Эссен бежит по клонящейся вниз глыбе и вот-вот упадёт вместе с ней.

– Быстрей! – крикнул он ему.

Эссен, и без того осознавая, что происходит, рванул вперёд ещё быстрее, выжимая из себя остатки сил. Почти добежав до цели, он почувствовал, как земля всё быстрей ускользает у него из-под ног. Отчаянно крикнув, он прыгнул вперёд…

В себя он пришёл только тогда, когда ощутил, что его что-то тянет вверх. Открыв глаза, он понял, что держится за руку Принца, который изо всех сил тащит его на уступ, не давая упасть. Эссен выбросил вверх вторую руку, уцепившись за край, и, цепляясь ногами за неровности, начал быстро карабкаться наверх. Несколько туманных, не до конца осознанных мгновений борьбы за жизнь, и вот он уже лежит животом на камнях, спасённый от падения. Перевернувшись на спину, оттого что было трудно дышать, он увидел и Принца и Фару. Принц всё ещё держал его за руку. Он опять спас его, но на сей раз Эссен знал это. И, посильнее вцепившись в его руку, он встал, говоря:

– Спасибо. Но это ничего не меняет!

– Нам нужно быстрей попасть в башню! Веди нас другой дорогой, на счету теперь каждая секунда! – говорил Принц. Так было и раньше, но сейчас ситуация стала ещё более пугающей.

– Идём, – сказал Эссен. – Нам нужно пройти вон до той башни, – он указал рукой на ближайшую, – спуститься по ней, и мы окажемся у второй дороги к башне Рассвета! Вперёд!

Быстрым шагом Фара и Принц последовали за ним. У Принца вновь появилось время подумать. Получалось, что визирю не всё здесь подвластно. Этот монстр подчиняется чему-то ещё выше. Или вообще ничему и сам выбирает, что ему делать. Но что если

он в следующий раз нападёт на них? Справиться с такой мощью было просто невозможно, если даже Амар испугался и сбежал. Но получалось так, что зверь спас их? Зачем ему это, если он должен был убить Принца? В этот раз Принц не сомневался в истинности слов визиря, хоть те и противоречили действительности.

– Что он имел в виду, когда сказал, что этот кинжал управляет временем? – спросил запыхавшийся Эссен.

– Это правда, я сам удивлён до сих пор. Стоит представить что-то из прошлого, и ты переносишься в него. Если это было несколько секунд назад, ты проживаешь их заново, если очень давно, то просто вспоминаешь всё, что угодно, даже если что-то уже забыл, – отвечал Принц.

– А эти фокусы с солнцем – кинжалу такое под силу? – в голосе Эссена звучало не только удивление, но и заинтересованность.

– Нет, он двигает время только назад и совсем небольшими отрезками, – отвечал Принц, думая о том, что совсем недавно спас Эссену жизнь, а тот даже не заметил этого. И, наверно, к лучшему. Никто не заметил, только взгляд визиря был каким-то подозрительным. Замечает происходящее только тот, кто держит кинжал в руках.

Фара шла молча. Её взгляд были напуганным и отрешённым одновременно. О чём она думала? О прошлом, которое потеряла? Наверняка ей хотелось взять и повернуть всё вспять, именно так, как это описал Принц, чтобы всё встало на свои места, и положить таким образом конец всему этому хаосу. Если они доберутся до Часов, то исчезнут эти создания и Амар будет не опаснее обычного человека, потеряв свою силу и связь с Песками. Она не была в этом уверена, это лишь её догадки, но она искренне этого желала. И надеялась, что Принц сможет ей в этом помочь. Она уже не раз успела убедиться, что ей не одолеть визиря в одиночку.

О том же думал и Принц: а что же будет дальше, когда они достигнут цели? Его не отпускала чересчур смелая мысль, которая зиждилась на простой вере в лучшее. Может быть, следует уничтожить Часы вместе с Песками, находящимися внутри? Но как? Единственное, что представлялось ему сколько-нибудь возможным, – спрятать их от людей раз и навсегда, например, похоронить на дне моря. Эта идея чем-то взволновала Принца, поскольку представлялась ему достаточно легко осуществимой.

– Что будет, когда мы доберёмся до башни? – вдруг спросил Эссен, словно угадав всеобщее настроение. – Я понимаю, нужно как-то вернуть эти Пески внутрь Часов, но как именно?

– Я точно не знаю. Но, думаю, это не так уж сложно, раз визирь так боится этого. Он боится кинжала в моих руках и хочет заполучить его, – рассказал Принц. – Он изо всех пытался предостеречь меня от попыток сделать это самостоятельно. Значит, именно так я и должен сделать!

– А вдруг это ловушка? – повысив голос, ответил Эссен. – Вдруг ты сделаешь ещё хуже?

Принц сначала не знал, что ответить. Эссен вслух озвучил его самые большие опасения. Его слова во многом походили на предупреждения визиря и оттого делались ещё более очевидными.

«Вдруг и впрямь всё пойдёт не так?» – думал Принц.

– Но у нас нет выбора, что ещё нам остаётся делать? Лучше попробовать, чем ждать, пока какое-нибудь из чудовищ расправится с нами, – наконец нашёлся Принц. – Да и зачем визирю переносить Часы на верх башни, если можно было покончить со всем ещё в тронном зале?

– Он прав, – сказала Фара. – У нас нет другого пути.

На сей раз задумался Эссен. Какой толк в том, если они будут сомневаться и искать что-то ещё, что может всё исправить? Нужно использовать этот шанс, хоть он и сомнителен. Хотя ему в очередной раз было неприятно соглашаться с Принцем, он всё же выдавил из себя:

– Хорошо, пошли.

Единственное, чего он не понимал, – почему бы визирю просто не наслать побольше чудовищ, чтобы те силой добыли кинжал? Принцу ни за что не справиться с сотней монстров. И даже им троим не справиться. Значит, у визиря была какая-то слабость. Например, этот монстр, Дахака, – он не подчинялся Амару. Наверняка он боялся потерять контроль над всем и действовал осторожно. Ему куда лучше давались обман и устрашение, чем грубая сила. Этот вывод успокаивал Эссена. А Фара и Принц просто не понимают, как им повезло с врагом. А Принц вообще, похоже, думает, что ему всё по силам. Хотя стоило признать, что вступать в открытую схватку с Принцем – опасная идея. Он сильный противник.

Принц тем временем обдумывал, что же ему делать, когда они проберутся в сокровищницу? Если кинжал может управлять временем, вбирая Песок в себя, то, может, объединив его с Часами, с их огромными запасами Песка, он сможет вернуться настолько далеко назад во времени, насколько пожелает? Но где та точка, где всё пошло не так? Хватит ли силы Часов на то, чтобы взять Фару с собой?

Тем временем они спустились по лестнице на ярус ниже и направлялись к небольшому мосту на пути к башне, о которой

говорил Эссен. Середина моста была деревянной и поднималась канатами – наверняка, на случай нападения, чтобы помешать неприятелю.

Внезапно где-то перед ними послышался стук копыт. Любой посторонний звук не сулил сейчас ничего хорошего. После этого раздалось ржание, но оно было каким-то мерзким, пронзительным.

– Бежим! Быстрей! – закричал Принц, махнув рукой в сторону моста.

В это время им навстречу выскочило три всадника на лошадях, двое с алебардами с острыми штыками на конце и один лучник, который уже целился в них. Кони, на которых они сидели, вселяли ужас одним своим видом – жёлтые хищные глаза, дымящиеся ноздри, невероятная мощь в каждом движении.

– Руби канат с той стороны! – кричал на бегу Эссен Принцу.

Деревянная часть моста была поднята, и опускать её рычагами времени не было. А если бы они добрались до башни, то у них появился бы шанс оторваться.

Вынув меч, Принц на бегу ударил по канату, заставив деревянный мост громко заскрипеть. Через мгновение Эссен разрубил второй, и мост рухнул вниз, взбросив в воздух клубы пыли и громко ударив о камень.

Все трое побежали дальше на пределе сил, но всадники оказались быстрее. Увидев надвигающуюся тень, Принц попытался отскочить в сторону, посмотрев при этом назад, но неожиданно споткнулся – одна из досок неудачно выгнулась от падения. Кинжал, который он держал в руке, вылетел и, стуча о камень, прокатился дальше, оказавшись неподалёку от входа в башню.

Упав на живот, Принц развернулся. Он одновременно увидел нависшего над ним коня, который через секунду растоптал бы его, и лучника, который после первых неудачных выстрелов вновь целился в Эссена. Тот бежал прямо, и попасть в него было несложно. Перекатываясь вбок и уворачиваясь тем самым от удара копыт, Принц видел, как две тяжёлые стрелы полетели вслед Эссену и пронзили его насквозь. Сделал ещё несколько шагов, тот рухнул на землю, вопя от боли. Принца передёрнуло: он видел множество смертей, но одно дело убивать врага, а другое – видеть смерть… друга. Или хотя бы союзника. Несмотря на все его злость и высокомерие.

Но внезапно произошло то, что резко заставило Принца переключить внимание на себя. Он не заметил, как докатился до края досок и чуть не упал вниз. В последний момент он успел уцепиться рукой за край. Но долго пребывать в таком состоянии было нельзя. Мгновение – и он был бы сброшен вниз. Выбросив

вверх вторую руку, он подтянулся, упёрся одной ногой и отпрыгнул в сторону, хватая в воздухе обрубленный им недавно канат. Перелетев на нём под мостом, он ухватился за один из выступов на каменной опоре моста. Быстро карабкаясь по ней, он вскоре добрался до верха. Положив обе руки на каменные перила и упершись ногами, Принц сделал резкий рывок и перемахнул через них. Кинжал лежал у его ног, но ещё раньше, чем он успел нагнуться за ним, перед ним вновь возник один из всадников с занесённой для удара алебардой. Принц рванул назад и вдруг услышал свист стрелы. Но она летела не в него, а мимо из-за его спины. Он обернулся и увидел, что стреляла Фара.

«Она жива!» – радостно пронеслось у него в голове.

Обернувшись, он увидел, что всадник упал с коня и, как и многие прежде убитые им враги, таял в воздухе. Выбирая между возможностью убежать и сражаться, Принц выбрал второе: удача двигала его в битву. Он схватил кинжал, затем поднял с земли оружие всадника и вскочил на коня. Резко развернув его, Принц понёсся навстречу лучнику. Тот уже держал стрелу наготове. Принц быстро нырнул вниз, подставив под выстрел своего скакуна. После попадания несчастное животное издало вопль и начало падать, причём прямиком под копыта коню лучника. Находясь недалеко от края, тот упал вниз, а Принц, сделавший ещё рывок и прыгнувший на спину второму коню, уже изготовился расправиться с третьим врагом. Принц оттолкнулся, что было сил, и прыгнул на всадника, сбрасывая его наземь. Его конь пробежал дальше и куда-то скрылся.

Фара выпустила ещё стрелу, но она просвистела мимо над головами Принца и чудовища, которое Принц уже успел повалить. Он крикнул Фаре:

– Я справлюсь с ним сам!

И тут же был отброшен к краю. Едва уцепившись за него, Принц мигом взобрался обратно, но его взгляд успел зацепить высоту под ним, действительно напугав его и приблизив к реальности – он мог запросто сорваться от любого необдуманного действия. И только он успел ощутить твердь под ногами, как увидел, что на него летит острие, смертоносно сверкая на солнце. Принц резко пригнулся, а затем ухватился за алебарду. Она летела с такой силой, что с лёгкостью подкинула его с земли. Воспользовавшись этим и возникшим замешательством врага, он взмыл в воздух и обрушился на него сверху, вонзая кинжал в спину.

От удара монстра потянуло назад. В миге от падения Принц перепрыгнул через уже погибающего врага, с силой толкнув его обеими ногами ближе к краю. Тот упал и, не долетев до земли, смешался с воздухом.

Принц, не совладав с собой, упал, вместо того чтобы встать на ноги, как рассчитывал. После этого он тут же вскочил, словно ожидая новых атак. Но вокруг не было никого, кроме него и Фары. И мёртвого Эссена. Вспомнив, что произошло минуту назад, он почувствовал прилив злости – ему хотелось мстить. Принц трижды спасал Эссена, а сейчас не смог. Он чувствовал себя виновным и бессильным что-либо изменить. Почти как тогда, с его отцом.

Фара видела всё это. И всю картину сражения. Видела, как погибает Эссен. Что было в её голове? Наверняка, столько же скорби, если даже не больше. Она тоже помнила предупреждающие слова визиря, и ей казалось, что они начинают исполняться: счастливые случайности перестают случаться. Поэтому Фара ужасно боялась за Принца. Когда тот сначала пропал из виду, у неё застыло сердце: она решила, что он упал. И эта мысль вызывала у неё ещё большую боль, непонятую для неё самой. И каждый раз, когда Принц был в шаге от гибели, Фара вскрикивала, отчасти ещё и из-за того, что не в силах помочь. Принц действительно доказал делом, что заслуживает её доверия. Он спасал её, спасал Эссена. Она не успела понять Эссена или привязаться к нему. Но Принц стал для юной Фары кем-то особенным всего лишь за день. Это было новое чувство для неё, горькое и сладкое одновременно. Она не совсем понимала, как это происходит и возможно ли было такое при иных обстоятельствах. Песок был причиной её горя и причиной их знакомства. Он так всё меняет. Может быть, он обостряет и чувства? И они так легко понимают слова друг друга – разве это возможно?

Тем временем Принц поддался отчаянию ещё сильнее. Он с силой сдавил кинжал и разумом концентрировался на его силе, на недавней схватке, пытаясь совершить невозможное. Закрывая глаза, он словно бы видел весь Песок вокруг себя. Хотел схватить каждую его пылинку, чтобы набрать побольше Песка и отвоевать у времени хотя бы пару минут. Сейчас он чувствовал силу кинжала и даже помышлял о том, что может овладеть той же магией, что и визирь. Ему казалось, что он видел потоки Песка, устремившиеся к кинжалу. Но всё пошло не так, как он ожидал, а отчаяние слишком долго застилало его взор, до момента, когда было уже поздно. Вокруг него начало образовываться облако Песка. Точно такое же, как то, в которое он погрузился, блуждая по балкону у тронного зала. То самое, в котором остался его таинственный сон и чудесное, необычное исцеление. Но сейчас он достаточно знал о коварстве Песков и визиря (что, если это устроил он?) и попытался вырваться из опутывающего его тумана. Но было слишком поздно.

Облако резко вспыхнуло и увеличилось в размерах. Фара взволнованно крикнула что-то, но Принца уже поглотило знакомое (но теперь неприятное) чувство, когда сознание растворяется и всё вокруг исчезает, поэтому он не услышал. И он ничего не мог поделать, не знал, как вырваться из этих оков.

Фара видела, как Песок вскинул Принца в воздух, вверх грудью. Как он раскинул в стороны руки, и Песок, словно бы забирался внутрь него через рот, нос и глаза. При этом Песка становилось всё меньше, и Принц плавно опускался на землю. Он был без сознания.

Принц погрузился в пучину странных видений. Но, на сей раз, они были иными. Более чёткими и понятными. Он видел в них себя и Фару, видел всё словно бы со стороны. Видел все сердитые взгляды Фары и то, как она украдкой смотрела на кинжал. Потом взгляд переместился в будущее, где он видел то ли свою смерть, то ли себя, лежащим без сознания. И Фару, без тени сомнения подошедшую и забравшую кинжал. После этого сгустилась тьма, и он больше ничего не видел, только чувствовал, что не может выбраться из этой бездны самостоятельно. Словно бы жив, но навсегда застрял в этой тьме.

Когда Принц очнулся, он чувствовал себя каким-то озлобленным и обманутым. Всё было тщетно. Но спустя ещё секунду он вдруг понял, что его голова лежит на коленях у Фары. Он почувствовал тепло её руки, которая гладила его по волосам.

– Пожалуйста, не покидай меня, любовь моя. Прошу, не оставляй меня, сейчас… – шептала Фара, с трудом сдерживая слёзы. Всё это время она пробыла с ним рядом, не сомкнув глаз. Наступил вечер, на небе зажглись первые звёзды.

Принц оторопел. Он открыл глаза, повернул и чуть приподнял голову, и, не до конца уверенный в услышанном, спросил:

– Как ты меня назвала?

Глава 19. План

Амар ходил по комнате из угла в угол, гневно размышляя обо всём произошедшем. Он искал если не объяснений, то хотя бы выхода из ситуации. Блестящий план рушился на глазах. Рассыпался, как карточный домик. Всё с самого начала пошло не так. Он не успел вовремя завладеть кинжалом. Принц первым добрался до него, и это порушило все планы. Амар давно болел и жаждал заполучить кинжал. Он должен был помочь ему исцелиться. Пески обладали колоссальной силой, они были могущественны. Он перечитал дневник Намтара вдоль и поперёк. Он знал их возможности, их сильные и слабые стороны. Но у Амара не было кинжала.

Поначалу всё было не так уж плохо. Ему удалось обманом заставить Принца открыть Пески, выпустить их из заточения в огромных часах. Это было отличной местью Шахраману за то, что он нарушил своё слово.

Посох, который он привёз с Острова, тоже мог управлять Песками. Этого хватало. Песок повиновался. Внимал его воле так, как было описано в дневнике. И Песок давал ему силы. Его многолетний кашель прошёл, силы вновь пропитали его тело. Древняя магия работала. Но затем неудачи повалились одна за другой. Он встретил Принца и постарался убедить его отдать ему кинжал. Он выдумал замечательную историю об индийском Магарадже, который был сведён с ума Песками Времени и был готов обрушить их гнев на весь мир. Он искусно склонял Принца на свою сторону. Песок помогал визирю, а Принц в тот момент был легко внушаем: его разум был повреждён Песками, они заразили его изнутри. Было видно, что он боролся – ведь он не стал песчаным монстром. Может быть, кинжал оберегал его, а может, что-то ещё. Но тут случился первый просчёт. Его сил не хватило, и Амар выдал себя и свои планы. И с Принцем было что-то не так. Откуда у него было столько сил для сомнений? А когда в зал влетели эти злосчастные птицы, то уже сложно было что-то объяснить. Что ж, по крайней мере, спрятать Часы тут, на башне Рассвета, было отличной идеей.

А потом Принц где-то нашёл эту дрянную девчонку. Как же он ненавидел её всё это время. И её отца! Постоянные приказы, ни единого спокойного дня для больного старика. Но всё оказалось ещё хуже: она могла поспорить с его могуществом! Ей оказалось под силу остановить песчаную бурю в пустыне, хотя тогда она, кажется, ещё не осознавала этого. Что за сила кроется в ней? Осознает ли она её сейчас? Наверняка, раз она смогла сделать это ещё раз. Пожалуй, она даже опаснее Принца. Прикосновение посоха к ней даже временно ослабило его!

Визирь ощущал себя в ловушке. Практически в тюрьме, из которой невозможно выбраться. Может быть, он упустил что-то важное? Какую-то деталь в дневнике, которая многое меняет? Там было ещё несколько пустых страниц в конце, но что можно найти на пустых страницах? Ему захотелось ещё раз изучить книжицу, но он вдруг обнаружил её пропажу. Ещё одна неудача. Бессильный гнев одолевал Амара, он крепче обычного сжимал свой посох, но, похоже, тот годился только для самых безобидных забав, вроде исчезновения или перемещения солнца по небосклону. Даже для того чтобы нормально управлять войском песчаных солдат, сил посоха не хватало. Небольшие отряды его слушались, но стоило призвать хотя бы пару десятков чудовищ, и всё шло не так. Они самовольно исчезали или делали, что им вздумается. Если бы он чуть ослабил хватку, они бы напали на него самого. Пески не признавали в обладателе посоха своего хозяина. Визирь мог с его помощью лишь вводить в заблуждение. Обманывать, запугивать – и не более того. Например, когда он встретил Принца, Фару и ещё неизвестно кого (как он вообще выжил, не став чудовищем?), армия чудовищ за его спиной была лишь иллюзией, словно визирь был лишь уличным фокусником, развлекавшим прохожих. И тех птиц Принц тоже смог победить. Нужно было что-то посильнее, подействennее. Но он не обладал достаточной властью над Песками. И, как гласила одна из записей в дневнике, обладатель кинжала мог обернуть силу нападавшего против него. И тогда визирь не справился бы. Этот факт относительно Песков и кинжала был немного сомнительным, странным, но косвенно он подтверждался. Во всяком случае, проверять его на своей шкуре визирю не хотелось.

Его наибольшей надеждой на тот момент был Дахака. В дневнике, кажется, о нём почти ничего не было сказано (ещё бы, ведь Намтар был так осторожен с Песками!). Но другие книги достаточно рассказывали об этом. И те скудные крохи знаний, что он смог вытянуть из Песков, подтверждали всё то, о чём он читал. Решаться выпускать Пески из Часов самостоятельно было рискованным делом. Такое карается смертью. И Амар отлично знал это. Дахака, страж времени, всегда приходит за теми, кто вмешивается в ход времени, и уничтожает их. Вырывает из потока и восстанавливает правильный ход колеса времени. И огромной удачей было то, что Принц выпустил Пески сам. Несмотря на все другие неудачи, визирю оставалось лишь дождаться, когда Дахака придёт за Принцем.

Но именно с Дахакой и было связано главное его разочарование. Почему эта великая сила дала сбой спустя тысячи лет? Это невозможно, он не теряет своих сил, он бессмертен, он – вне времени. Дахака не знает пощады, жалости

и сострадания. Он лишь выполняет то, для чего предназначен. Часовой потока времени и суровый палач для нарушителей. Ему не важно, у кого находится кинжал – тот никак им не управляет. Но что же тогда остановило его от нападения на Принца? Мало того, Дахака направил свою силу против визиря, хотя он сам едва ли претендовал на роль нарушителя. Он не сделал и половины того, что было в учении Намтара. Неужели эта девчонка обладает такой невероятной силой? Амар никак не мог этого понять. Его по-настоящему пугало всё это. И сейчас Принц жив, кинжал всё ещё у него. И Фара с ним, они явно заодно, несмотря ни на что. А Дахака, кажется, ни капли им не угрожает.

Загнан в тупик, он проиграл! Скоро всё кончится и не лучшим для него образом. Все его обманы, кажется, были вскрыты. Так, будто это не он читал мысли Принца, а наоборот. Насколько же могущественен этот кинжал? Кажется, этот юнец уже познал его возможности по управлению временем. Что если он зайдёт ещё дальше? Или эта девчонка – вдруг она станет ещё сильнее? Настолько, что не просто сможет останавливать его магию, но и научится обращать её против него?

Визирь задавался одними и теми же вопросами и не находил себе места. Нужно было что-то делать, придумать какой-то новый план противодействия. Что, если порознь эти двое не будут так сильны? Но как их разъединить, если они объединились перед лицом врага, несмотря ни на что? Собственное бессилие отчаянно злило Амара. Он чувствовал, что тело его вновь ослабевает, появляются позывы к кашлю – болезнь неотступно следовала за ним по пятам и ещё больше ослабляла его и без того скромную власть над Песками.

Почему он не мог исцелиться? Ведь Намтар, согласно записям, был здоров уже на первое утро после встречи с Песками. Может, он сделал что-то особенное? То, о чём он умолчал в своём дневнике? Или он просто счастливчик? Но дальнейшие записи опровергают это! Все полулюди-получудовища, которые были созданы на Острове, обретали десятикратную силу и отличались крепким здоровьем, хоть и отдавали Пескам часть своей души. Может быть, дело в этом? Но как это возможно сделать? И как это сделал сам Намтар?

И вновь визирь не находил ответов. Пески предали его. Обманули его надежды. Кинжал, что взывал к нему ночами и нашёптывал ему о Песках, забыл упомянуть, что без него Пески не раскроют своей силы.

И всё же он должен что-то предпринять. Попробовать, хотя бы простым обманом остановить Принца и Фару. Они явно направлялись к башне и, кажется, знали, что делать. Ему нужно попробовать защитить башню. Он создаст огромную песчаную

сферу вокруг её верхушки. Непреодолимый барьер, который он воздвигнет, постаравшись максимально сконцентрироваться на силе посоха. Может быть, он был недостаточно прилежен? Неумело и непочтительно обращался с великой силой? На сей раз он не будет спешить и не будет распыляться по мелочам. Разве что нужно перед этим закончить ещё одно дело – разделить Принца и Фару. Посеять в их сердцах страх, сбить их с толку – этого было недостаточно. Они слишком жаждали мести.

И тут к визирю пришло озарение. В его голове сложился план. Простой, вроде того, что он использовал вначале, заставив Принца открыть Песочные Часы. Визирь знал, что Песок оставляет в человеке необратимые изменения. Своеобразную пропасть в его душе. И ему нужно лишь подтолкнуть Принца к этой пропасти.

Единственное, что действительно работало, над чем визирь имел власть, – это чаши. Намтар действительно был гением, хотя, кажется, и недостаточно ценил свои достижения. Он изучал Пески долго и с пристрастием, он проник в такие тайны, которые визирь без дневника вряд ли когда-либо смог познать. Сквозь них он мог видеть отдалённые части дворца и влиять на своих слуг. По-настоящему, а не так, как это выходило у визиря с песчаными чудовищами. Через чаши можно было даже контролировать степень того, насколько Пески проникали в человека. И поэтому, после превращения, мог контролировать этого получеловека-получудовище. Даже те монстры, что были вокруг сейчас, слушались Амара, когда находились поблизости от этой чаши. Он воспользуется этим и заманит Принца в ловушку! Его затуманенный разум обернёт его против Фары. Недоверие и подозрения усилятся стократно, видения превратят её образ во врага, и он убьёт её собственноручно. Это должно будет настолько подкосить Принца, что в гневе он лишится рассудка и упадёт в пропасть. Станет одним из чудовищ или вроде того. Песок поглотит его изнутри, раздувая в нём отчаяние, гнев и страх. И уже ничто не остановит этого, даже её прикосновение. Останется лишь забрать кинжал.

Особенно визиря радовало то, что всё это чаша сделает сама. Его план был предельно прост и изящен. Отражение, которое показывает чаша, перетекает в реальный мир и пожирает человека. Визирю лишь надо приманить Принца, подозвать его поближе к чаше, воспользовавшись той тьмой, тем следом, что оставили Пески в душе Принца. И, возможно, всё случится как он того хочет. Должно случиться! Если даже Фара спасётся и убежит, то они, по крайней мере, будут разделены. А уж с ней одной он справится. И с лёгкостью отберёт кинжал. Она будет слишком напугана, чтобы оказать серьёзное сопротивление.

Визирь сладостно улыбнулся и начал тщательно продумывать детали своего нового, спасительного плана. А вот, что делать тогда, когда кинжал попадёт ему в руки, он продумал уже давно и знал отлично. Он никогда не был так решительно настроен, как сейчас. И он уже ни перед чем не остановится.

Глава 20. Чёрный

Фара ответила молчанием и проникновенным взглядом, не лишённым той робости, которая так врезалась в память Принцу. Увидев этот взгляд вновь, ещё более чувственный и нежный, он почувствовал, как у него кружится голова.

– Это не важно! Ты ни в чём не виноват! Ты сделал всё, что мог. С тобой всё в порядке? Попробуй встать! – пыталась вернуть Принца в чувство Фара. – Что произошло? Ты видел что-нибудь?

Принц, слыша, как слова проплывают мимо него неясным эхом, сделал усилие и, наконец, встал.

– Я снова ничего не помню, – сказал Принц, борясь с мрачными мыслями и отгоняя все сомнения.

– Я так устала, – сказала Фара, сменив тему. – Прошу тебя, дай мне хотя бы пару часов. Я постараюсь уснуть. А ты охраняй меня, хорошо?

Принц хотел что-то ответить, у него даже родилась мысль вроде «Отдыхать? Сейчас? В паре шагов от цели?», но он понимал, что Фаре действительно тяжело. Что ж, у него будет ещё немного времени поразмыслить над тем, что он увидел в своём видении. Ему самому не хотелось спать – его тело отдохнуло в то время, пока он был без сознания. А его разуму ничего не могло помочь, кроме одного. Сейчас он смотрел на дремавшую девушку и думал о том, что она сказала.

Он заметил, как, не желая того, привязался к Фаре. Он отвечал за её жизнь, и это помогало ему самому. Они прошли через множество трудностей, бок о бок пробираясь через дворец к башне. Рядом был и Эссен, но он вечно был недоволен, озлоблен и никак не расположен к общению. И, хотя порой Фара тоже казалась ему высокомерной и с характером, он принимал это как вызов. Но, несмотря ни на что, она оставалась почти беззащитной и напуганной девушкой, которой нужна опора. Сейчас Принц думал: «Я бы мог на ней жениться. Она ведь тоже царской крови!». В этом вопросе он рассуждал, как ребёнок, хотя его чувства были неподдельными.

На секунду Принцу показалось, что всё вокруг него тает и вокруг появляется чудесный сад, всё залито мягким серебряным светом полной луны. И они с Фарой неторопливо идут среди этого великолепия, молча, изредка обмениваясь взглядами. Даже Пески и визирь переставали быть такими важными. Отчётливей всего Принц чувствовал, как бешено колотится его сердце.

С огромной неохотой он вспоминал, что реальность совсем не похожа на его видение, о том, что визирь не отступится и ещё вернётся. Интересно, где он прячется всё остальное время? И о

том, что впереди на каждом шагу у них теперь есть шанс столкнуться с Дахакой – эта встреча означала верную смерть.

Но они вместе нашли то, что давало им хоть какую-то уверенность, опору под ногами. Они нашли друг друга. И теперь ни за что не хотели бы потерять. Но вряд ли визирь просто так отступит. Теперь он просто будет аккуратнее и не придёт сам, но в его власти целая армия чудовищ, которые найдут и убьют любого. Если Принц может справиться с десятком, значит, он подошлёт сотню. И может быть, не одну. Только на один вопрос не удавалось найти ответа: почему же Амар до сих пор так не поступил?

Мысли о визире вызывали в нём гнев. Даже присутствие Фары не смягчало его. Гнев, смешиваясь с подозрениями из его видения, застилал его разум, как облака затянули всё небо в эту ночь, делая её невероятно тёмной.

***

Не зная, сколько точно прошло времени, Принц решил разбудить Фару.

– Нам пора идти, – сказал он.

Фара встала и подошла к ближайшему окну. До рассвета было ещё далеко, но облака немного рассеялись, звёзды уже угасали, и небо слегка посветлело. Сон мало помог ей, но идти стало легче.

– Я боялась, что ты не вернёшься из своего сна. Оставишь меня одну, – сказала Фара, не поворачиваясь.

– Пойдём, – сухо сказал Принц. Язык никак не хотел его слушаться, он не мог выразить свои мысли и чувства.

Они зашли в ближайшую к ним дверь, и, пройдя по небольшому коридору, тускло освещённому сквозь небольшие решётчатые окна, Принц и Фара оказались на балконе внутри большого зала. Чуть поодаль вниз уводили две лестницы, которые соединялись в одну широкую. Балкон на другой стороне от них превращался в закрытую зигзагообразную лестницу, уводящую куда-то наверх. Этот зал чем-то напоминал Принцу тот, в котором он повстречал Фару, только вместо огромного окна из пола росла каменная стена, и лишь кое-где у верха виднелись узкие вытянутые окна, сквозь которые сюда проникал свет. Но его было вполне достаточно: зал был белоснежного цвета, а оттого никогда не казался слишком тёмным, а солнечные лучи днём даже делали его ослепительным.

Стена была украшена огромным замысловатым узором, который оплетал окна. В нём перемешивались зелёные и желтые цвета. Во всём зале не было ни капли чёрного. И очень странным

для Принца было то, что он чувствовал себя от этого неуютно. Может быть, он даже почти не осознавал это, но в нём жило неугасимое желание бороться с тьмой, изгонять и побеждать её. Но сейчас казалось, что кто-то словно бы сделал всё за него. Но что если тьма вовсе не ушла? Спряталась, затаилась? И сейчас они спустятся с Фарой по ступенькам вниз и тотчас окажутся окружёнными толпой чудовищ, каждое из которых сейчас представлялось Принцу ужасным бесформенным пятном, причём обязательно чёрным и грязным. Да, именно грязным. Любое из этих чудовищ будто бы пачкало мир своим существованием. Мир, ещё совсем недавно такой прекрасный, такой же, как и этот чудесный зал.

Принц взглянул на Фару. Она дарит ему целый мир. Такой же чистый и ослепительный. И он чувствует, как что-то обхватывает, обволакивает его и его сердце. Сотни нитей оплетаются вокруг него, словно бы давая ему какую-то защиту и уверенность. Уверенность в том, что он сможет справиться с чем угодно. С любым врагом, подосланным визирем, с самими Песками, даже если те всецело обрушат на него свой гнев. Но порой человек слишком сильно ищет то, с чем ему легко справиться, не видя того, что по-настоящему представляет опасность. Принц постоянно озирается вокруг и ищет тьму. Но что если она там, где он совсем не ждёт?

И, словно бы вторя его мыслям, в сознании Принца начинают мелькать странные вспышки и видения. Вот он видит визиря, но его лицо кажется очень странным. Оно смотрит на юношу с непонятным торжеством. И сам Принц на какие-то мгновения теряет ненависть к этому лицу, и мгновенно всё застилает тьма, он чувствует головокружение и чуть ли не падает.

– Что с тобой? – слышит он встревоженный голос Фары.

– Ничего… всё в порядке, – отвечает ей Принц, не в силах объяснить происходящее.

Ещё минуту назад этот голос был бесконечно приятен ему, но сейчас он видит в себе что-то иное. Он сомневается в том, хотел ли он услышать этот голос. Или хотел утонуть в своём видении, запутаться в его сетях и остаться в этой тьме? Фара же удержала его на грани. Но грани между чем и чем? Ведь он не стоит у края пропасти, в которую можно сорваться, а идёт по твёрдому мраморному полу. Все эти странные сомнения словно бы тянули его в разные стороны. Принц сдерживал себя, пытаясь не подавать виду. Он не хотел пугать Фару. То, что происходит с ним, обязательно пройдёт, её любовь согреет его, и он забудет свои видения.

Но ощущение неуверенности не отступало, Принцу начинало казаться, что пол под его ногами кажется жидким, вязким и он постепенно тонет в нём.

– Прошу, объясни мне, что происходит? Я же вижу, что ты словно сам не свой! – в словах Фары слышались едва сдерживаемые слёзы и неподдельное волнение. – Неужели это из-за того, что я…

– Нам… нам надо двигаться дальше. Туда! – Принц неожиданно выбросил руку вперёд и указал на что-то. С этой стороны это нечто походило на крупную чашу. Уже издали было видно, что от неё по полу растекается странный дым, напоминающий скорей утренний туман.

Выпустив руку Фары, Принц ещё быстрей двинулся вперёд. Ему хотелось побежать, но чувствовал, что ему не хватит сил, и ему по-прежнему казалось, что он вязнет в каменном полу. На секунду он обратил внимание, что пол был намного белее и ослепительнее стен, и был очерчен серебряной полосой по краям. Всё это напомнило ему луну в ночном небе. Царственная, серебристо-белая, она резко выделялась среди тьмы и миллионов крошечных огоньков.

Что-то тянуло Принца вперёд. Он ощущал, что вокруг него сплёлся огромный узел, и чтобы распутать его, он должен заглянуть в эту чашу. Непонятным для него образом он чувствовал, что Фара не сможет ему сейчас помочь. И даже он сам не сможет. Он сам и есть главная причина этого необъяснимого противоречия, загадки.

А может, отец подсказал бы ему, что следует делать? О, если бы он вдруг оказался здесь! Принца опять затрясло от бессильного гнева. Гнева на себя, на визиря, на происходящее. И тут же в его душу сквозь маленькую щёлочку хлынул целый поток тёплых чувств, таких, которые двигают вперед, несмотря ни на что. Бороться! Он должен бороться! Сейчас он уже чувствовал, что Фара может ему помочь. Но помочь ему не победить, а лишь набраться храбрости и уверенности, чтобы выдержать любое испытание, любой удар судьбы. Она могла поддержать его, направить, но не избавить от чего-то. Побеждать он вынужден сам, это лишь в его силах. Почему Фара так действовала на него? Легко ли это объяснить силой любви или тайна гораздо сложнее и лежит за границами этого мира? Если так, то что это за мир? Есть ли в нём люди и во что они превращены? И сможет ли обычный человек когда-либо осознать хоть часть этой тайны, прикоснуться к ней или окунуться в неё?

А может, ему уже позволено проникнуть в эту тайну? И оттого эти странные видения, непонятные чувства? Заглянуть в чашу! Как можно быстрее! Но откуда он знал, что она из себя

представляет? Этого он не понимал, но уверенность уже была в нём и твёрдо вела его к цели. Но принадлежит ли эта уверенность ему самому?

Принц уже давно чувствовал, что всё происходящее не ограничивается простой действительностью, искажённой Песками. Есть что-то ещё, высшее, сокрытое от взора и вечно таинственное. И он, обхватив руками тёплый камень, из которого была сделана чаша, был готов заглянуть в это и увидеть… Истину? Ответы на свои вопросы? Путь к решению всех проблем? Или самую Великую Тайну? А может, свой потерянный сон? Каждую отобранную у него секунду жизни, которую он не помнил? Именно это он и крикнул Фаре:

– Я хочу вспомнить свой сон!

Ответа не последовало.

Принц увидел себя. Своё отражение, так, как будто бы это было зеркало. Через мгновение он понял, что эта чаша действительно была зеркалом, непонятно зачем здесь поставленным, да ещё таким причудливым образом. Он увидел не только собственное лицо и руки, но и всё вокруг – стены, потолок и … себя! Нет, он видел не просто своё отражение, он словно бы мог заглянуть в себя изнутри, мог прикоснуться к собственной душе. Он увидел этот узел непонятных противоречий в своих глазах, которые из голубых неожиданно сделались сначала чёрными, а потом серыми, как у его отца. Стоило мысли об отце пронестись в его голове, как вместо себя он уже видел его. Такого живого, близкого, что Принцу немедля захотелось протянуть руку, прикоснуться к нему. Но вместо этого он ощутил обжигающий холод: зеркало оказалось чем-то вроде воды, но более вязкой и необычайно холодной. Такой, что вырваться обратно оказалось не так то уж просто, а самым страшным было то, что на секунду в голове Принца скользнула мысль о том, что он то ли не хочет, то ли не может – с этим ему так и не удалось разобраться – разъединиться с этим зеркалом. А холод пробирался куда-то под кожу, впиваясь в разум и затуманивая сознание.

– Мой сын, – услышал Принц знакомый голос. Он видел, как отец разговаривает с ним, но звук исходит не от его лица, а из-за спины Принца. Он развернулся, вмиг наполненный сладостной надеждой и увидел перед собой отца. Ему на мгновение показалось странным то, что он не видит и не слышит Фары, но эта мысль проплыла мимо него почти незаметно.

«Как это может быть?» – думал Принц, а меж тем какой-то внутренний голос говорил ему, что после всего того, что уже произошло, в этом нет ничего неожиданного. Может, Фара – это

просто видение? Может, всё это лишь сон, подстроенный как испытание? Или очередной обман визиря?

Сделав шаг навстречу отцу, Принц вздрогнул. Знакомые черты лица враз перестали быть таковыми, кожа начала ссыхаться, трескаться, в глазах загорался огонь и что-то мерзкое, скрывавшее того человека, которого любил Принц.

Ещё шаг, и Шахраман превратился в того самого монстра, которого Принц уже убил однажды. Что это значило? Ему предстояло выдержать ещё одну схватку? Он не боялся за свою жизнь – он знал, что сможет победить во второй, в третий и даже в десятый раз, но он страшился того чувства, которое кроется за этой победой – боли от потери, от разочарования, от ненависти к себе. Неужели его судьба отныне – вечно испытывать одни и те же уничтожающие чувства, бегая по этому замкнутому кругу? Что же такое происходит в конце концов?

Всё это время кинжал молчал, а Принц даже не вспоминал о нём.

Внезапно лицо чудовища осыпалось – никак иначе увиденное Принц описать не мог – и Принц увидел визиря. И в ту же секунду ему захотелось вцепиться в него голыми руками и разорвать его, превратить в пыль. Глаза налились злобой, и он побежал к визирю, но сколько бы Принц ни делал шагов, визирь находился всегда чуть поодаль и отвратительно усмехался. Так продолжалось до тех пор, пока Принца что-то не отбросило назад, сбив с ног. Поднявшись, он увидел, что Амар сделался вдвое выше него ростом и продолжает расти, а вместе с ним растёт и весь зал, который, сохранив очертания, стал противного зеленовато-серого цвета, тёмным и холодным.

– Нет! Ты не сможешь отобрать у меня всё! – вновь набрался решительности Принц.

Он чувствовал, как его уверенность растёт и делает выше его самого. Выше и крупнее, таким, как визирь. Сравнявшись с ним, Принц выхватил меч и замахнулся. И вот, когда лезвие было в мгновении от цели, Принц увидел вместо врага… Фару! Это мгновенно остановило Принца и не просто пошатнуло его уверенность, а уничтожило её. Что происходит? Против кого он всё-таки сражается? Почему он увидел Фару, если он видел и продолжает видеть Амара? Его охватило отвращение, и мгновенно захотелось избавиться от него, поскольку оно было попросту невыносимым, диким. От обуревавших им эмоций он взревел, подобно зверю, и с силой бросил меч на пол. Но он знал, что этого мало. В его голове вертелся лишь один вопрос, требовавший немедленного решения: «Что же делать?». И сию секунду ответ сам пришёл к Принцу: он увидел, как всё вокруг расплывается, чаша превращается в большую лужу или даже

озеро и он, не раздумывая, нырнул в него, оставив позади искажённую, ненатуральную действительность, в которой он уже не мог пребывать. Ещё несколько секунд он словно бы освобождался от цепей, сковавших его, затем почувствовал резкий прилив сил, появившихся благодаря почти неожиданной свободе, и провалился в темноту. Впервые она не показалась ему забытьем, просто вокруг было темно и тихо. Верней, почти тихо – рядом слышалось знакомое дыхание, от которого сердце Принца вновь затрепетало радостью.

– Какколуккия, – произнесла Фара, и Принц ощутил прикосновение её тёплой руки.

Глава 21. Замки в облаках

– Сны нам действительно зачем-то даны, не просто так?

– Да.

– Так зачем же?

– Чтобы увидеть реальность!

– Но разве мы не видим её днём, когда смотрим собственными глазами вокруг себя, разговариваем с кем-то?

– Сон помогает забыть ненужное, порождённое тьмой разума, показывает реальность в другом виде, не так, как мы привыкли и не так, как мы бы хотели. Причудливо, неузнаваемо, преувеличенно. Но правдиво!

– Тогда почему они так быстро забываются и теряются?

– Ты не сможешь жить одними лишь снами, они мгновенно сведут тебя с ума. Но и совсем без них ты не сможешь. Твой разум сгниёт, а ты – вместе с ним!

– Так, стало быть…

– Да!

Полоска лунного света медленно проползла по стене и очутилась на лице Аши. Чуть поморщившись, он резко открыл глаза. Кажется, он задремал, но совсем ненадолго. В его глазах по-прежнему не было страха. Наоборот, уверенность в нём выросла. Аша ощущал себя живым, как никогда. И вместе с тем выросло его любопытство. Он столкнулся с чем-то особенным, невероятным. Его жизнь не будет прежней, он вообще вышел за рамки обычной жизни!

Аша постарался восстановить ход событий. Уже через несколько мгновений он понял, что это не так-то просто. Он чувствовал, что чего-то не помнит и обрывки воспоминаний никак не хотели выстраиваться по порядку. Сначала он вспомнил, как заглянул в фонтан и в воде увидел своё отражение. Мгновенно его мысль скакнула вперед, и он очутился перед чашей. Вот сейчас он заглянет в неё, опустит руку, и что-то произойдёт. После этого перед ним возник какой-то туманный образ, и он заново увидел странные белые нити, опутавшие всё. Скользнув по ним, он наконец добрался до главного – раз уж не удаётся упорядочить что-то, то неплохо бы найти самое нужное – ему пришла мысль о каком-то даре, о проводнике, указавшем ему путь. Он видел его в отражении!

Где-то в глубине души Аша удивлялся самому себе – никогда прежде он не задумывался о подобном и не пытался столь глубоко постичь происходящее вокруг него. Но поток мыслей одолевал его. Теперь он понял. Теперь он всё понял! Это было нечто вроде испытания. Да, ему грозила смертельная опасность;

да, он даже слегка испугался и чуть не погиб. Но он прошёл его. Прошёл хотя бы потому, что всё ещё жив и сохранил рассудок, который помог ему осознать произошедшее. И этот странный проводник, присутствия которого он даже не чувствовал, – он всё же реален. Да, реален! Он указал ему путь, и, возможно, укажет ещё раз!

Аша уже чётко определил, что есть две силы, находящиеся за чертой человеческого сознания и возможностей. К одной из них принадлежал его дар и проводник, а к другой – чудовища и что-то ещё. Что-то единое, огромное и всепроникающее. И Аша понимал, что, хотя бы частично овладев первой силой, он сможет дать отпор второй. Теперь самое время найти принцессу и спасти её. Теперь, когда он нашёл оружие и уже не был так беззащитен перед неизвестностью.

Осознав всё это, приняв за точку опоры, нерушимую и неопровержимую, индиец сконцентрировался на том, что сам называл даром. Он видел души, покидающие тела. Возможно, он был тому причиной. Но как это поможет ему? Помочь ему мог только Аджит. Но тот ужасный зверь убил, буквально уничтожил его… Или нет? Может, его тело ещё лежит там?

Именно этот вопрос, который Аша задал сам себе, породил в нём самую важную идею. Верней, она была недостающим звеном в цепочке. Он несколько раз видел, как весь мир превращался в нечто таинственное, непонятное, как люди становились чудовищами, и видел своё отражение в воде. Только сейчас Аша понял, что это практически одно и то же. Есть нечто называемое настоящим, а есть отражение этого. И если отражение человека в воде безобидно и обыденно, то в других случаях оно может быть ужасным или невероятным. Сначала ему хотелось назвать это противоположностью, но эту мысль Аша быстро отбросил – именно отражение. Только отражения бывают абсолютно схожими с тем, что они отражают, и искажёнными до неузнаваемости. А отражением его дара, его способности окончательно обрывать связь души с телом могло быть только одно: возможность вновь связывать их. Он оживит Аджита! Он видел, как работает чаша, и сможет сделать это!

Одно лишь было недоступно внутреннему взору Аши – то, с какой уверенностью он делает все выводы. Это не простая надежда и даже не уверенность. Это вера. Человек, который обретает веру, способен идти за ней куда угодно. И даже если для этого потребуется оживить мертвеца, это не остановит обретшего веру.

На ощупь, продвигаясь медленно и осторожно, Аша нашёл выход. Выйдя из очередного коридора, он обнаружил, что очутился в прекрасном саду. Если бы не произошедшее

несколько часов назад, ничто бы и не заставило его поначалу подумать, что вообще что-либо происходит. Вокруг царили умиротворение и тишина. Вот только тишина была непривычно всеобъемлющей, давящей на слух. Сад был мёртв, и отличался от спящего так же, как пустота отличается от простора. Поэтому Аша слышал каждый свой шаг, каждый случайный шорох. Уверенный, он всё же продолжал соблюдать осторожность.

Ему следовало решить – куда двигаться дальше? Кроны деревьев, нависавших над головой, скрывали практически всё от его взора, Аша даже не видел дворца, поэтому следовало бы забраться куда-нибудь повыше.

Вскоре, тропинка, по которой он шёл, повернула в сторону, огибая покатую скалу, практически голую, с кое-где растущими островками зелени. Глыба казалась выше деревьев, и Аша решил взобраться на неё, чтобы осмотреться.

Появился лёгкий ветерок, а вместе с ним и прохлада – предвестники близящегося утра. Трава была влажной от росы и дышала свежестью. Не хватало лишь предрассветного щебетания птиц.

Добравшись до верха скалы, Аша окинул взглядом всё вокруг. Оказывается, что он ушёл далеко в сторону от того места, где он покинул Аджита. Сейчас он был позади дворца. Впереди виднелась огромная роща, а за ней – какие-то постройки, невысокие башенки, а уже за всем этим, в отдалении, высился дворец, тёмный силуэт которого не потерял своей внушительности до сих пор. Справа от Аши виднелись клетки – это был зверинец султана. На самой большой, состоявшей из нескольких ярусов и замыкающейся вверху решётчатым куполом (похоже, в ней держали птиц), в нескольких местах были вырваны или погнуты прутья. Кто-то или что-то стремительно вырвалось наружу, оставив искореженный металл торчать в разные стороны.

Однако всё это Аша осмотрел бегло, его внимание почти мгновенно привлекла высокая башня чуть правее и дальше дворца. Несмотря на чистое небо, на котором были видны серебристая луна и звёзды, над ней сгустились тяжёлые чёрные облака, то и дело освещаемые всполохами гигантских молний. Они одна за другой били в вершину башни, бросая на землю огромные тени, имевшие странные, а порой и чудовищные очертания. И одновременно с этим из башни вверх, в центр огромной воронки, вырывался пульсирующий столб света. Верх башни было трудно рассмотреть из-за яркого свечения.

Всё это напомнило Аше то, что они с Аджитом увидели, приближаясь к городу. Но он собственными глазами видел тогда, как столб света ударил в купол дворца, а на сей раз он вырывался

из башни, стоящей в стороне от него. Но как бы то ни было, это, вероятно, единственное место, которое может дать ему все необходимые ответы и попав в которое они смогут остановить весь этот хаос. Да, именно они, он и Аджит – Аша совершенно не сомневался в том, что ему удастся его невероятный, на первый взгляд, план. Поэтому он тут же решил, что не следует медлить и нужно поскорей найти тело Аджита.

Едва он повернулся обратно, чтобы спуститься – другой склон был обрывистым, и спуститься по нему было невозможно, – он услышал позади себя нарастающий гул, сопровождаемый дрожанием земли. Резко обернувшись, Аша увидел, что по башне сверху вниз бегут какие-то волны, сила которых ближе к земле нарастала. Достигнув её, волны выросли, превращаясь в гигантскую бурю, и с удвоенной скоростью понеслись во все стороны от башни.

Аша даже не успел подумать о том, как ему повезло, что он оказался так далеко от башни. Он бросился вниз, скользя на сырых от росы ногах и, не раздумывая, бросился за какой-то камень, валявшийся у подножия, и упал на мокрую землю, накрыв голову руками и боком прижимаясь к камню. Через мгновение он почувствовал, как удар колоссальной силы содрогнул скалу. Послышался треск откалывающихся камней, дрожь земли усилилась в несколько раз. И ещё через мгновение всё вокруг застлал песчаный вихрь. Буря, вроде той, что бывают иногда в пустынях. Не было слышно ничего, кроме пронзительного гула и свиста. Если бы не он, то наверняка было бы слышно, как ломаются стволы деревьев, катятся и раскалываются камни. Но буря поглотила всё это. Ничего, кроме неё.

Стараясь не терять разумного спокойствия, Аша ждал, когда она закончится. Любая буря должна заканчиваться, он знал это. Иначе быть не могло. И действительно, вскоре гул затих, и Аша поднялся с колен, отряхивая с себя песок и понимая, что ему сильно недостаёт глотка свежего воздуха. Но, сделав первый же вдох, он почувствовал, как множество песчинок и пылинок прилипают к его горлу изнутри и не дают дышать. Аша закашлял, пытаясь выплюнуть противную пыль.

Сад вокруг него был почти полностью уничтожен – многие деревья были вырваны с корнем, повсюду виднелись небольшие горки песка, засыпавшего траву.

«Нельзя больше ждать!» – подумал Аша и побежал. Он успел запомнить, куда ему надо двигаться, а бежал он ещё и потому, что так ему меньше грозила опасность. Но быстро передвигаться ему мешали две вещи – песок и ветки под ногами, которые делали каждый шаг тяжёлым и опасным. А пыль в воздухе, которая ещё

не успела осесть, мало того что мешала дышать, так ещё и забивалась в глаза, отчего Аша видел всё перед собой довольно расплывчато. Казалось, что пыль вовсе и не собирается оседать, а кто-то наоборот сверху подсыпает ещё и ещё. Вроде дождя.

Зверинец казался сейчас намного ближе, а от того стал представлять большую опасность – Аша не знал и не желал узнавать, что за существа могут там находиться. Тех, что он уже успел повстречать, было ему достаточно.

Вскоре он выбежал из того места, где ещё недавно был сад, и сразу почувствовал, что бежать стало легче, потому что ноги перестали вязнуть в песке и цепляться за что попало.

Внезапно позади него раздались какие-то странные глухие звуки. Аша обернулся и увидел, что из земли резко вырываются высокие песчаные столбы, и, одновременно с этим к нему пришло ощущение, что земля под ногами становится какой-то ненадёжной, готовой в одно мгновение обрушиться и унести всё в бездну.

Аша пересёк широкую дорогу, отделявшую сад от жилой части дворца, продолжая слышать хлопки за спиной. Что это? Неужели земля действительно вот-вот уйдёт из-под ног?

Заскочив в какой-то переулок и сделав наудачу несколько поворотов, Аша очутился на небольшом дворике, с четырёх сторон окружённом домом прямоугольной формы, с длинным балконом, неразрывно охватывающим все четыре стены и подпёртым снизу редко посаженными колоннами. Пересекая его, Аша внутренне удивился: почему он до сих пор не повстречал ни одного чудовища? Эта мысль его радовала, но меж тем безмерно удивляла. Может быть, всё оттого, что волна уничтожила не только деревья и разрушила некоторые дома, но и развеяла в прах самих чудовищ? Стало быть, это не волна-убийца? Она спасла его. Но кто её вызвал? Неужели он?

Аша безгранично верил в своего таинственного спасителя и был готов приписывать ему каждую удачу, произошедшую с ним. Но он не задумывался о том, готов ли он к неудачам, считая, что самое страшное и ужасное с ним уже случилось. А теперь он и какая-то неведомая сила, открывшая ему путь к Дару, должны исправить то, что произошло.

***

Порой сны заменяют реальность или так дерзко закрадываются в неё, что трудно различить, где же сон, а где явь. Но что происходит с ними? Ведь реальность тоже забирается в них, они строятся на ней. Были бы сны, если бы не было реальности? Была бы реальность, если бы не было снов? Могут ли

противоположности существовать друг без друга? И так ли нереальны сны, как кажется?

Очнувшись, Аджит почувствовал приятную лёгкость во всём теле. Сердце билось ровно и спокойно. Мягкий полумрак не давил на глаза, а лишь ещё больше успокаивал. Но спать уже не хотелось. Аджиту казалось, что он отдохнул за всю жизнь. Отдохнул не только телом, изможденным длинным путешествием, схваткой с чудовищем, но и душой, израненной и истерзанной.

Конечно же, он помнил каждую деталь в своём сне, помнил каждый шаг, сделанный им, каждую случайную мысль, витавшую в его голове. И главное – помнил умиротворение, охватившее его и не отпускавшее до сих пор. Но, несмотря на кажущуюся сонность, он был готов ко всему. Случись сейчас ещё одно сражение – он готов! Он может идти вперёд, может дышать полной грудью.

Отчего, погрузившись в прошлое, от которого он бежал всё это время, Аджит наконец нашёл покой для своей души? Отчего оно не терзало его больше? Позволило в последний раз крепко обнять всем сердцем и растаяло в вечернем тумане. Может оттого, что он не гнал его прочь? Не думал о своей боли, не думал о том, что было и будет. Позволил чему-то близкому и родному напитать себя, открыл нараспашку свою душу и … проснулся. Жаль, что это был всего лишь сон, не имевший ничего общего с реальностью.

Встав на ноги, Аджит пошёл к выходу из комнаты, вглядываясь в темноту. Он опасался, что сейчас откуда-нибудь вырвется Дахака и может произойти что угодно. Но то, как чудовище вело себя, несказанно поразило Аджита. Он понимал, что со зверем что-то происходило, но вот что именно, не мог даже вообразить. Он отлично помнил эти бесовские глаза, напоминавшие два огня и наливавшиеся красным от гнева. Помнил обжигающие прикосновения острых щупалец. И не мог понять, почему всё это превратилось в почти человеческие глаза, бережные руки и мирный нрав.

Однако, выйдя из комнаты, он обнаружил, что поблизости нет никого, и ему остаётся лишь найти путь наружу. Раз Пески кто-то открыл, то в городе должен быть и кинжал, открывший их. Необходимо заполучить его и остановить безумие. Именно это слово пришло ему на ум, хоть он и знал истинную природу Песков. Смутно, но всё же достаточно отчётливо, чтобы осознать: Пески – воплощение разума. Сухого, чёрного, безжалостного и разрушительного. Разума, оторванного от тел, от чувств и от жизни. Когда-то Аджит уже сполна убедился в этом.

Пройдя по коридору налево и повернув на развилке направо, он почти вышел из дворца, очутившись в небольшом садике, залитом лунным светом. Впереди виднелся ещё один проход, ведущий наружу.

Внезапно земля дрогнула, и стены начали непрестанно дрожать. Откуда-то катился всё нарастающий гул, и от неожиданности Аджит остановился. Через секунду гул оказался совсем близко и стены, окружавшие его, начали ломаться, а отколовшиеся куски посыпались вокруг Аджита. Через секунду над ним пронёсся огромный вихрь, бросавший всюду песок и мелкие камни. Аджит постарался найти, на его взгляд, самое надёжное место и замер. Через какое-то время вихрь пропал так же быстро, как и появился.

Постояв с минуту в ожидании второго вихря, Аджит прошёл сквозь увиденные им ранее ворота и осмотрелся. Слева от него высилась башня, из верхушки которой сочился столб света. Аджит мгновенно понял, что Часы наверняка находятся там. А может быть, и кинжал. Но вот добраться туда нелегко. Со всех сторон башня казалась неприступной, за исключением одного моста, который висел высоко над землёй и выходил из другой башни, пониже и стоявшей чуть поодаль.

Чтобы добраться до неё, Аджиту придётся пробраться через постройки впереди него. Никому не известно, на что он может натолкнуться в них.

И внезапно реальность всё-таки кольнула ему в сердце. Аша – что с ним? Он наверняка погиб: выжить в этом безумии можно лишь чудом. Аджиту хотелось верить в чудеса, но он был не настолько горяч, более рассудителен и реальней смотрел на вещи. Однажды он уже испытал на себе, что такое Пески. А то, что происходило сейчас, только лишний раз доказывало то, что он знал.

Меж тем незаметно для себя самого Аджит помнил этот юношеский пыл, сверкающие глаза. Он вспоминал об Аше, как о собственном сыне. Сейчас их ссора казалась ему такой пустой, такой несерьёзной. Ему было даже слегка стыдно, что он повёл себя так, пошёл на поводу у случайной эмоции и пытался таким глупым трюком переубедить Ашу.

***

Аша продолжал двигаться в сторону дворца. Песок то и дело попадал в обувь, сильно натирая ноги. Песок, песок, песок повсюду! О, как он его ненавидел! И возненавидел бы в тысячу раз сильней, узнай он, что именно тот из себя представляет.

В свободные секунды он обдумывал то, что произошло. Ведь не всякий человек способен увидеть души, выйдя из собственного тела. Мало было сказать, что это было невероятно. Это было просто невозможно! Но тем не менее это произошло.

Размышляя, Аша ещё и удивлялся тому, как о многом он не задумывался раньше в своей жизни. А сейчас, когда с ним произошло столько странных событий, он словно бы стал другим человеком. Или стал уже не совсем человеком, сделал шаг в сторону.

Его размышления прервали звуки шагов впереди. Мгновенно среагировав на посторонний звук, он увидел перед собой двух чудовищ, почему-то без оружия в руках, медленно, без открытой ненависти приближавшихся к нему. Сначала он схватился за меч, но, подумав мгновение, вложил его обратно. У него было оружие получше.

Закрыв глаза, Аша увидел перед собой два белых пятна, причём ему почему-то показалось, что они перевязаны верёвками. В прошлый раз он не видел всё так чётко. Теперь он чувствовал и понимал, что ему нужно усилием воли разорвать эти путы и освободить пленные души.

Но происходило всё не так быстро, как в его мыслях. Сначала он чувствовал, как он сам потихоньку словно бы вытекает из своего тела. Потом сосредотачивается на верёвках и начинает их разрезать. И вдруг что-то позади него идёт не так, что-то мешает ему, что-то держит его. Его собственное тело не отпускает его. Но почему? Ещё через мгновение он открыл глаза, уже отчётливо осознавая, что земля под ним рушится и уходит из-под ног.

Однако такое резкое возвращение не прошло для него даром. Тело не могло резко принять душу, и Аша сначала согнулся от резкой боли, потом почувствовал приступ тошноты и то, что его ноги не слушаются его. Попытавшись сделать шаг, чтобы спастись, он рухнул на землю, лицом в песок. Песок попал в рот, прилип к зубам, но возникшее чувство омерзения вернуло Ашу в сознание. Вцепившись пальцами в рыхлый песок, он всё-таки встал и побежал, пытаясь выплюнуть грязь изо рта.

Где-то среди хаоса мыслей, мечущихся в голове Аши, была одна, сильно пугавшая его, – тело не возьмёт просто так душу обратно. Он не верил, что это совсем невозможно, но отражение его дара оказалось не таким простым. Может быть, ему вообще не удастся оживить Аджита.

Вдруг на одну счастливую секунду к нему вернулось самообладание. Он развернулся и побежал что есть сил, прочь от этого места, чувствуя, что и сейчас земля под ним готова упасть

вниз и утянуть его с собой. Чудовища позади него превратились в пыль, которая, покружившись в воздухе, осела на землю.

Неожиданно что-то резко потянуло его в сторону. Ему потребовалась бы вечность, чтобы в таком состоянии сообразить, что это Аджит потянул его за руку и влечёт к себе. Вдруг Аша почему-то вновь вспомнил про грязь во рту. Но не успел что-либо сделать, как почувствовал, что его рот зажат чем-то и он не может даже покашлять. Сейчас юноша находился в таком состоянии, что не мог осознать, что это всего лишь рука Аджита, закрывающая ему рот, для того чтобы он не кричал и не выдавал себя. Аше казалось, что Песок забирается внутрь него, что нечто мешает ему от него избавиться. Столько всего за последние мгновения – это было чересчур для него, и он попросту перестал сопротивляться и обмяк.

Через несколько минут Аша начал приходит в себя, причём от того, что кто-то энергично хлопал его по щекам и тряс. Сначала он даже не представлял, кто это мог быть, но уже через минуту он ясно увидел Аджита, с улыбкой на лице, живого и невредимого.

– Аджит! Я, я…, – внезапно на Ашу свалилась груда всех его воспоминаний с одновременным чувством того, что он непременно должен рассказать всё это Аджиту, отчего у него опять закружилась голова, но на этот раз не сильно, и всё ограничилось тем, что окружающая действительность едва заметно вздрогнула.

– Вставай. Я рад, что ты жив. Теперь нам нужно найти кинжал и положить этому конец! – сказал Аджит с трудно скрываемой радостью в голосе и одновременно с привычным покровительственным выражением.

– Какой кинжал? – спросил Аша и тут же, сбившись, воскликнул: – Ты не представляешь, что со мной произошло!

Проигнорировав восклицание, Аджит ответил:

– Я думаю, пришло время рассказать тебе кое-что.

– Обо всё этом? – аккуратно спросил Аша.

– Да, и не только. Всё вокруг – это Песок Времени!

Аша не задумался над тем, как удивительно метко Аджит произнёс эти слова. Теперь всё окончательно вставало на свои места. Всё вокруг – Песок! То единое и всепоглощающее, что он искал. Та самая вторая сила. Вот почему вокруг столько песка! Но что насчёт его дара? Казалось, что у него была совсем другая природа.

Аджит продолжал:

– Кинжал, о котором я говорю, привёз Магараджа с одного острова. Когда-то, когда я был так же юн, как ты сейчас, я отправился с ним на Остров в поисках необычайных сокровищ, о

которых гласила легенда, нашёптанная визирем. Кроме кинжала, мы украли с Острова огромные Песочные Часы, которые Магараджа спрятал в своей сокровищнице. Он знал о страшной силе, которая в них хранится, и никого не подпускал к Часам. Ещё на Острове визирь несколько раз пытался завладеть кинжалом, но ему повезло, и Магараджа ничего не заподозрил. С тех пор Амар вынашивал план, и я готов отдаться на растерзание всем этим чудовищам, если это не его рук дело! Кинжал вставляется в Часы, которые как тюрьма для Песков, и высвобождает их.

Аша сразу же захотел спросить про медальон, но от удивления настолько не владел своей речью, что едва смог пошевелить ртом.

– Я знаю, всё это звучит дико. Но всё именно так, и поэтому нужно найти кинжал и вернуть Пески внутрь Часов, – закончил Аджит.

– А что за чудовище напало на нас? И как тебе удалось выжить? – спросил Аша.

– Не знаю как. Я помню лишь то, что, когда я очнулся, поблизости его уже не было, – ответил Аджит.

Аша чувствовал, что Аджит вновь чего-то недоговаривает, но не стал приставать к нему, чувствуя, что это не слишком важно, а у Аджита есть причины молчать.

Аджит молчал оттого, что единственное, чему он не видел объяснения, так это своему чудесному спасению. И это его пугало. Пугало настолько, что хотелось просто выкинуть из головы, не произнося ни одной из своих догадок вслух. Он вздохнул, указал рукой на башню и произнёс:

– Нам надо попасть туда, пошли.

Они двинулись вперёд, и Аша принялся рассказывать о том, что произошло с ним. О том, что он прошёл через казармы, о том, как несколько раз проваливался в какую-то пустоту, не чувствуя земли под ногами. Когда начал рассказывать о том, как путешествовал вне своего тела и освобождал души, заточённые в уродливых телах, он, неожиданно для себя самого увидел улыбку на лице Аджита.

– Смотри! – вдруг удивлённо крикнул Аша и указал вперёд рукой.

Башня перед ними вдруг начала двигаться вниз, словно бы проваливаясь в землю. Через мгновение оба – Аша и Аджит – осознали, что это они поднимаются вверх. Целый островок оторвался от земли и поднимается ввысь.

Аджит, увидев впереди край, подбежал к нему и увидел, что внизу остались лишь песок и обломки домов. Они были отрезаны от башни – она осталась далеко внизу. Их единственный шанс –

как-то добраться до другого острова. Он старался не думать о том, насколько необычно происходящее. Чуть поодаль в воздух взмыло ещё несколько песчаных островов вместе с постройками на них. Огромные струи песка сыпались с них вниз, подобно гигантским водопадам. Особенно невероятным всё казалось из-за восходящего солнца, придававшего песку багряный оттенок.

Удача улыбнулась им, и остров с башней тоже начал стремительно подниматься. Самым удивительным было то, что всё происходило в абсолютной тишине.

– Это наш единственный шанс. Вперёд!

Аджит отлично держал инициативу в своих руках. Не случайно он был начальником охраны на службе у Магараджи. Он отлично справлялся со своей должностью. Он трезво смотрел на вещи и знал момент, в который нужно действовать. Единственное правило, которое он определил для себя давно – он не верил в чудеса и на удачу полагался только в крайнем случае.

Аджит схватил Ашу за руку, жестом показал ему, что нужно прыгать, сделал шаг для разбега и прыгнул. И мгновенно оказался на другой стороне. Развернувшись, он увидел, как вниз уносится тот островок, на котором они только что стояли.

Теперь трудно было разобраться, где точно находится земля, где небо: всё перемешалось. Башни, парящие на островах в небе, никак не походили на тот обычный мир, к которому привыкли их глаза. Аджит многое повидал на острове; Аша тоже увидел немало чудес в своих видениях, но то, что они видели сейчас, захватывало сильнее. Что за сила заставляет эти острова держаться в воздухе? Отчего земля, потерявшая свой привычный вид, стала прекрасней и походила на какую-то сказку, на чудесную фантазию?

Аше казалось, что он мог бы часами наблюдать за могучими песчаными потоками, сползавшими вниз и разносимыми в разные стороны ветром. Он почувствовал, что воздух наконец стал чище, им стало приятней дышать, его свежесть слегка дурманила. Наверное, утром воздух всегда самый необычный, самый лучший.

– Мы совсем близко. Я не знаю, что нас ждёт впереди, но прошу тебя, будь аккуратней и не задавай слишком много вопросов, особенно если они не вовремя. Если всё закончится удачно, то я обещаю ответить на каждый!

Аджит закончил фразу и побрёл вверх по песчаному склону, чувствуя, как при каждом шаге его ноги вязнут в нём. Аша повернулся и торопливо зашагал вслед за Аджитом, чувствуя, что он всё-таки очень рад видеть его живым, несмотря на его командный тон.

Поравнявшись с Аджитом, Аша начал дальше рассказывать ему о произошедшем. Через какое-то время он заметил, что по

лицу Аджита вновь то и дело скользит улыбка. Он рассказал о странной чаше, боясь спрашивать, чем же она была на самом деле, о том, что произошло, когда он опустил в неё руку.

Аджит слушал молча, но когда Аша начал рассказывать ему о своих догадках, о том, что их кто-то сопровождает, и о том, что он задумался о своём даре, Аджит внезапно… рассмеялся, причём очень громко:

– И ты что, решил оживить меня?!

Аша очень смутился, но всё же выдавил из себя неуверенное «да».

– А тебе не кажется, что это уже слишком? Да, многое произошло за эти дни; всё вокруг выглядит совершенно невозможно, но оживлять мертвецов… Нет, это просто безумие! – сквозь смех договаривал Аджит.

Он сам не понимал, почему он так смеётся. Он знал, что сильно задевает гордость Аши, что тот может опять вспылить и уйти (хотя куда можно было уйти с острова в небе?), но продолжал хохотать. Хотя его глаза отчего-то не смеялись.

– А как же те души, которые я освободил? И те два монстра, что я встретил за несколько минут до тебя? Я придумал всё это? – Аша говорил с нескрываемой обидой.

– Эти чудовища не могут существовать долго, они просто распадаются на песчинки. На их место приходят другие, способные продержаться дольше. Ты мог видеть именно это. Бывает даже так, что Пески пытаются создать подобие людей, наделив их душой. Но поначалу эти тела страдают и ведут себя очень странно. Они уже не могут вот так запросто читать наши мысли, зато они легко слышат и видят. Твой Дар, – на последнем слове Аджит добавил в голос явную усмешку, – лишь в том, что ты видел всё это не своими глазами, а каким-то другим способом. Может быть, Пески пытались запутать тебя, ведь так легче от тебя избавиться! – Аджит рассказал то, что, по его мнению, на самом деле происходило с Ашой.

Внезапно Аша вспомнил свой случайный страх – что если он ошибался насчёт того, что сможет оживить Аджита? Насчёт своего дара вообще? Сейчас Аджит сам вызвал в нём этот страх, а вместе со страхом и это странное видение. Аша закрыл глаза и понял, что он перестал что-либо видеть. Никаких белых нитей, пятен, душ. Обычная, слегка красноватая темнота. Будто бы он лишился глаз, но не тех, которыми смотрел то на Аджита, то вдаль, то себе под ноги, а какого-то внутреннего зрения, открывавшего ему загадочный мир. И почти сразу это ужасающее видение перестало его пугать: он увидел его смысл. Он даже не знал, благодарить ли ему Аджита, который натолкнул

его на эту важную мысль, или вновь копить обиду. Ведь он задел главное – его веру.

Аша не потерял надежду, хоть она и была сейчас надломлена. Он надеялся, что Аджит хоть в чём-то ошибается. Он не стал говорить ему про своё видение и решил, что больше не будет упоминать того, кого он назвал Проводником.

Наконец, они добрались до вершины склона. Оставалось обогнуть одну башню, перейти мост и подняться на другую.

Вновь воцарилась тишина. Аша замолчал, а Аджит перестал смеяться. Оба понимали, что сейчас не лучшее время для ссор, когда они так близко к цели. Но их целью было спасти принцессу. Где она? Что с ней?

Посмотрев случайно друг на друга, они поняли, что думают об одном и том же и вовсе не вспоминают об обидах.

– Если она жива, то она там, на вершине. Вряд ли визирь любил её настолько, чтобы сохранить ей жизнь, но всё же он не упустит шанса сначала показать ей всё своё величие и силу, – задумчиво проговорил Аджит.

– Она жива! – сказал Аша, смотря куда-то в сторону.

– Уж не решил ли ты, что твой дар спас и её? – Аджит вновь чуть не засмеялся.

Но Аша, непривычно спокойно и, может быть, даже холодно ответил:

– Нет.

***

– Что? – спросил Принц. – Что это значит?

Он уже привык, что понимает Фару, и поэтому был удивлён. Если бы он видел Фару сейчас, то заметил бы, как она покраснела.

– Моя мама в детстве говорила мне, что это волшебное слово, – ответила девушка. – Она говорила: «Если ты не можешь найти выхода – оно поможет. Просто произнеси его вслух!»

Принц усмехнулся.

– Тебе кажется это смешным? – чуть возмущённо спросила Фара.

– Если честно – это самая глупая вещь, которую мне доводилось слышать в жизни! – Принц старался придать голосу мягкости, он не хотел обидеть Фару, но то, что она рассказала, действительно веселило его.

– Да, может быть это всего лишь просто глупые детские сказки! – ответила Фара и тоже посмеялась.

Внезапно где-то совсем рядом раздался металлический скрежет и в нескольких шагах от них распахнулась дверь.

– Что это? Это ты что-то сделала? – спросил Принц.

Ответа не последовало, но по удивлённому лицу Фары он понял всё сам.

– Как ты думаешь, что там? – Фара произнесла эти слова, не отводя глаз от двери.

– А где мы вообще? Что произошло? Я ничего не помню после того, как коснулся чаши.

– Каким-то чудесным образом мы перенеслись прямо в сокровищницу, но появился визирь, выпустил песчаный вихрь, и я очнулась здесь, рядом с тобой. Ты и вправду совсем ничего не помнишь?

– Да. А я хоть пытался запечатать Часы?

– Да, визирь появился в самый последний момент, ты уже начал вставлять кинжал в Часы, но что-то остановило его. Словно бы какое-то препятствие мешало лезвию войти до конца.

Повисла тишина. Принц обдумывал услышанное. Вот оно! То, о чём говорил визирь. Он не сможет сам! Он не закроет Часы. Но Принц не помнил ничего из того, что сказала Фара. Она же не могла солгать ему? Значит, он действительно ничего не запомнил.

Откуда-то потянуло приятным сладким ароматом. Принц и Фара одновременно пошли к двери, и попали в небольшой коридорчик, в конце которого виднелась круглая лестница, ведшая вниз. Неожиданно для Принца Фара развернулась, встала к нему лицом, провела ладонью по его левой руке, улыбнулась и побежала.

Принц не сразу понял, что произошло. Он остановился и несколько секунд в растерянности смотрел на убегавшую Фару. Потом он понял, что она просто веселится, играет с ним, и на его лице появилась почти такая же улыбка. Он побежал вслед за ней.

Лестница оказалась очень длинной, и Принц не понимал, как вообще кому-то пришло в голову её построить. Но он слышал перед собой звонкий смех Фары и её быстрые шаги и, не сомневаясь, продолжал спускаться.

– Здесь так красиво! Быстрей иди сюда! – вдруг раздался голос Фары, полный нескрываемого восхищения. Она говорила негромко, но вокруг стояла такая тишина, что Принц отчётливо разобрал её слова. Пробежав наконец последние ступеньки, Принц понял, откуда взялось это восхищение. Он оказался в маленьком зале, освещаемом десятком свечей, от которых исходил этот самый приятный аромат. В центре зала был небольшой бассейн. Вода в нём отражала огоньки свеч и разбрасывала по стенам сотни бликов.

Фара была уже в воде. Она смотрела на Принца, перебирала ногами и руками, чтобы оставаться на плаву, и улыбалась.

Её лучезарная улыбка была для Принца сейчас лучшей наградой. О, если бы он мог сохранить её навечно! Он так сильно хотел этого и не подозревал, что в своём сердце он запомнил её навсегда именно такой, какой она была сейчас: искристой, весёлой и бесконечно милой. Такой, ради которой ему ничего не стоило пройти через любое испытание. Вновь оказаться в ледяной воде, справиться ещё с сотней чудовищ – что угодно, лишь бы ещё на секунду увидеть её.

Принц снимает пояс с мечом и кинжалом, стягивает порванную и испачканную кровью рубаху и, закрыв глаза, ныряет в воду. Он с удивлением чувствует, что у неё какой-то особенный вкус. Сладкий, как у мечты. Он знал, что когда вынырнет и откроет глаза, он окажется рядом с Фарой. Принц желал этого, хотя они были разлучены всего лишь несколько минут. Он знал, что ничто сейчас им не помешает.

Вынырнув из воды, Принц глубоко вдохнул и открыл глаза. Фара, вот она перед ним. Он протягивает руку и касается её. Смотрит в её глаза, в которых тоже играют блики от воды. Видит, что тонкая прядь волос, прятавшая последнюю тайну Фары, прилипла сбоку её лица и теперь не мешает прикоснуться к этой загадке. И время застывает. Пусть всего лишь на мгновения, но они кажутся вечностью для этих двоих, в которой они могут укрыться от всех невзгод, деля каждый вздох пополам. Нет дворцовых сводов, нет слёз, нет боли и ужаса, нет Песков, нет визиря, есть только они и безумно сладкий воздух, который ещё сильней гонит прочь суровую реальность. Нет ничего, кроме них. Они и есть Вселенная. Двое влюблённых заслужили это. Потому что они нашли друг друга в этой Вселенной.

Принц чувствовал, как его охватил жар, когда лицо Фары оказалось совсем близко к нему. И вот она ещё ближе. Ещё и ещё. И его губы обжигает робкий поцелуй. Тонкий. Бесконечно нежный. Со вкусом мечты. У него сразу же закружилась голова, ему казалось, что всё его тело колют тысячи игл, оно перестало его слушаться, и он с трудом мог пошевелить даже рукой, отчего движения получались скованными и неуклюжими; на секунду ему даже показалось, что трясётся земля.

Но он уже знал, что это лучшее из того, что он испытывал в жизни. В глазах Фары он видел точно те же чувства, что горели в нём самом.

Он закрыл глаза, сделал резкий вдох и сразу же открыл.

Принц лежал на голом полу среди каких-то развалин. Фары рядом не было. И пропал кинжал. Не понимая, что произошло, Принц медленно выдохнул и встал на ноги. Не могла же Фара всё это время притворяться?

«Что это было? Сон? Но почему он так реален, почему он помнит каждый его кусочек? И может ли быть так, что Фара тоже видела этот сон?», – задавал сам себе вопросы Принц.

Глава 22. Честь и слава

– Принцесса, не бойтесь нас! – вдруг закричал Аша.

Аджит решительно не понимал, что происходит, но повернулся туда, куда смотрел Аша. Он увидел невдалеке молодую девушку в красном платье, с чёрными волосами и выразительными, красивыми глазами. Уже давно, увидев их, она замедлила шаг.

Аша и Аджит пошли ей навстречу.

– Не приближайтесь ко мне, вы… – Фара выхватила кинжал и наставила на незнакомцев.

– Мы не чудовища, не бойтесь! Мы верно служим вашему отцу, принцесса; мы спасём вас! – ещё раз сказал Аша.

– Это правда, мы из Каши, из дворцовой охраны, – добавил Аджит.

– Невозможно! Вас подослал этот мерзкий визирь? Чего он хочет? Я не отдам ему кинжал и не сдамся до последней капли крови! – в словах Фары слышалось больше храбрости, чем было на самом деле. Она просто была в отчаянии. После того, что произошло с Принцем, после того, как он чуть не убил её… Она не могла просто так поверить двум незнакомцам.

Ей тяжело далось решение оставить Принца. Она проклинала себя за то, что всё же решилась. Вдруг сейчас ему грозит опасность? Что если он погибнет по её вине? От этих мыслей ей не хотелось жить, не хотелось что-либо менять. Но она всё же шла вперёд. Её вела надежда на то, что всё кончится, что Принц останется жив и она сможет увидеть его вновь. Но почему он пытался убить её? Что с ним сделали Пески? Неужели он стал одним из чудовищ? Или вот-вот станет?

Появление Аши и Аджита отвлекло Фару от тяжёлых мыслей, хоть и не доставило особой радости. Она не могла поверить, что перед ней люди, причём из её родного города.

– Принцесса, мы не собираемся забирать у вас кинжал! Не собираемся вас убивать! Мы поклялись защищать вас! – продолжал Аджит. – Я вместе с вашим отцом путешествовал на Остров Времени.

Фара чуть шире открыла глаза. Отец рассказывал ей про Остров. От него она немного знала о Песках.

«Но как? Неужели этот незнакомец говорит правду?» – думала Фара.

Увидев изменение настроения во враждебно настроенном лице Фары, Аджит чуть осмелел и стал рассказывать дальше:

– Вместе с ним и ещё несколькими людьми, включая визиря, мы привезли Часы, кинжал и… видите, медальон у вас на шее?

Фара посмотрела на медальон, хотя и так отлично знала, что он на ней. После слов Аджита она, наверно, ждала чего-либо необычного.

– Он тоже оттуда. Но он – не настоящий. Я нашёл на Острове другой медальон, по-настоящему древний и связанный с Песками глубже.

За этими словами Аджита удивлённо следила уже не только Фара, но и Аша. Сейчас он получил ответ на ещё один свой вопрос. И тут уже у него возник новый – почему он сам не догадался, откуда у Аджита медальон? Ведь он уже слышал про Остров.

«Сейчас или никогда!» – решил Аджит.

Он подошёл к Фаре, протянул руку и коснулся медальона, сказав перед этим:

– Смотрите, я докажу, что он настоящий. Он уничтожит фальшивый простым прикосновением.

Медальон исчез на глазах. Фара потрогала цепочку – медальона действительно не было.

– Я говорю правду, принцесса. Мы поможем вам остановить визиря, если ещё не слишком поздно. Жаль, я ведь знал, что это всё однажды случится, – продолжал убеждать принцессу Аджит.

– Но если ты знал, то почему никого не предупредил, и не остановил его? – удивлённо, но уже с некоторым доверием спросила Фара.

– У меня не было никаких доказательств. Только догадки и то, что я видел на Острове, – разъяснил Аджит. – Хоть ваш отец и доверял мне, но таких безосновательных заявлений в адрес своего визиря он бы не потерпел.

– Что же ты видел на Острове?

– Визирь чуть не выпустил Пески, когда мы были там, попытавшись завладеть кинжалом. Но Магараджа вовремя вмешался – он уже знал, к чему это может привести. Напоследок Амар украл с Острова какую-то книгу, которую нашёл в книжном зале Острова. Но потом он больше никак не проявил себя, не дал ни малейшего повода для подозрений. Всё забылось, и я потерял бдительность.

Фара вновь удивилась, хотя в её лице проявилось какое-то безразличие. Не к Аджиту и к их разговору, а ко всему. Однако она ответила:

– Я знаю, о чём ты говоришь. Я видела эту книжку, визирь случайно выронил её и не заметил. Но она осталась у Принца.

– Кто это? – спросил Аджит. Аша стоял рядом и внимательно смотрел на Фару.

– Он – Принц Персии. Это он напал на наш город в ту ночь с войском отца. И почти единственный, из тех, кто выжил и

помогал выжить мне. Я люблю его, но… – Фара уронила одну слезу, поморщилась, стараясь сдержать другие, но остановилась, чувствуя комок в горле, мешавший говорить.

Аша и Аджит были ошеломлены. Она так говорит о том, из-за кого случилось всё это?

Повисла тишина. Каждый о чём-то думал. Первым захотел что-то сказать Аша, но Аджит жестом пресёк его попытку, уже зная, о чём он хочет сказать. Аджит понял, что несмотря ни на что Фара уже сделала свой выбор. И ничего нельзя поменять. Аша смолчал.

– Но что-то произошло, так? – продолжал спрашивать Аджит. Уговаривать её сейчас идти было бессмысленно. Принцессе стоило успокоиться, а лучший для неё способ сделать это сейчас – рассказать незнакомцам всё о том, что же случилось:

– Мы добрались до верха этой башни. И вот, когда цель уже была совсем близка, он зачем-то опустил руки в странную чашу, и с ним начали происходить жуткие вещи: он то кричал в пустоту, то от боли перегибался пополам. А потом он достал меч… и попытался убить меня. Я отбежала назад, и вдруг он потерял сознание. Я не могу себя простить за то, что ушла. Забрала кинжал и бросила его там. Но ведь нужно избавиться от Песков! Только я не понимаю – что же такое с ним произошло?

Фара опять остановилась, и воцарилась тишина. Аша и Аджит выжидающе молчали.

– Он часто говорил о каком-то сне, которого не помнит, но хочет увидеть, – наконец продолжила Фара.

– Пески дарят много видений. Но все они лживы. Похоже, они победили его и… – начал Аджит, но, увидев, как на глазах принцессы вновь наворачиваются слёзы, не стал заканчивать и лишь медленно добавил так, чтобы отвлечь внимание: – Пойдёмте. Нужно покончить с этим!

Аша молчал всё это время. У него появился вопрос, важный и действительно серьёзный, но он не стал задавать его Аджиту. Он размышлял над ним сам. Его интересовало, что же будет дальше – вопрос, о котором наверняка задумывается каждый человек в своей жизни, причём не раз. Что произойдёт, когда они закроют эти Часы? Всё вернётся на свои места? Но как? Земля вновь станет единым целым, чудовища исчезнут, а мертвецы оживут? Ему с трудом верилось, что такие события, в разы крупнее тех, что уже произошли, могут вдруг случиться. Что тогда? Опять неизвестность, опять страх перед ней? Или ему, наконец, удастся увидеть своего таинственного спасителя?

Несмотря ни на что, сейчас лучше было согласиться с неизвестностью. В сравнении с неизбежностью она даёт хотя бы один шанс на миллион, слабую надежду. Аша всегда выбирал

надежду. В самые сложные минуты она вела его, поддерживала и давала опору, даже если саму надежду никто не поддерживал, и под ней не было опоры. Только вот что случится с ним самим, если у него отобрать надежду?

Им оставалось пройти по мосту и подняться на верх башни Рассвета, в сокровищницу.

Фара не пыталась узнать то, как Аджит догадался, что им надо двигаться туда. Она не заметила того, что происходило над башней. На её лице было всего лишь одно – усталость.

Тишину и задумчивость внезапно разорвал противный птичий крик. Аджиту он показался знакомым, хотя он не помнил никого, кто бы мог издать такой звук. Аша, который задумчиво брёл позади них в отдалении, от неожиданности остановился.

– Быстрей, беги сюда! – закричал ему Аджит. – Спрячемся в башне.

Сделав шаг, Аша почувствовал уже знакомое, но до невозможности ненавистное и несвоевременное ощущение – земля уходила из-под ног. Мост под ним рушился.

Аша не обратил внимания, на то, как, помимо птицы, тишину нарушил громкий смех, злобный, раскатистым эхом разносившийся вокруг. Аджит и Фара, к своему сожалению, узнали голос визиря.

– Покажись! – Аджит не вытерпел и закричал.

Но ничего не изменилось, и смех продолжался.

Аша постарался прыгнуть на крупный осколок впереди него, который ещё казался надёжным. С него он хотел допрыгнуть до другого края моста. Но каменная глыба оказалась совершенно ненадёжной. И в тот момент, когда всё уже было безнадёжно и Аджит с болью закрыл глаза, не желая верить в происходящее, Аша увидел, что птица пролетает под мостом. Это был его единственный шанс на спасение. Он прыгнул и попал огромной чёрной птице на спину, сразу же обхватив её могучую шею. Конечно же, ей не понравился непрошеный наездник, и она начала извиваться в воздухе, всячески пытаясь сбросить Ашу. Тот покрепче вцепился в шею, решив, что упадёт вниз только вместе с птицей. И вдруг ему в голову пришла дерзкая мысль. Уже по привычке он закрыл глаза. Но его ждало разочарование – он не увидел ничего. Второй раз ничего не происходило. Может, Аджит прав? Всё это его вымысел и лживые видения?

Но, открыв глаза, он понял, что заблуждается. Он видел мир не собственными глазами, а глазами птицы, на которой сидел. Он был в её теле, он чувствовал силу в гигантских крыльях. И самое невероятное чувство – он продолжал чувствовать, как сидит… у себя на шее! Или не у себя, а у той птицы, которой он сейчас был. Было трудно сообразить, но одна из мыслей больше других

понравилась ему. Он чувствовал, что птица и он сам сейчас – единое целое.

Он сделал взмах крыльями.

О, как прекрасно! Он парит, он может летать! Как это великолепно! Каждая секунда доставляла ему невероятные ощущения, восторг, радость. Он облетел вокруг башни, взмыл вверх, увидев краешек восходящего солнца. Затем стрелой рванул вниз и у самой земли опять стал подниматься вверх. Несмотря на свою радость, он понимал, что так не может продолжаться вечно. Он поднялся над мостом, повисел на месте, выбирая место, в котором лучше сесть. Удивительно! Ни одному человеку прежде не приходилось испытывать такого. Не приходилось думать о том, что нужно медленнее махать крыльями перед приземлением.

Внезапно Аша почувствовал резкую боль в груди и услышал:

– Получай!

Это была Фара – она выпустила стрелу из лука и попала прямо в Ашу. Верней она стреляла и попала в птицу, но лишь оттого, что не знала, что же произошло на самом деле. Ещё через мгновение он оказался в собственном теле, хотя ощущение того, что у него есть крылья, отказывалось покидать его сразу. Спрыгнув с исчезающей на глазах птицы (сейчас Аша не осмелился бы назвать её чудовищем), он подбежал к Фаре и Аджиту. В его глазах, вместо ожидаемого ими испуга, сияла радость.

– С каких пор близкая смерть стала делать тебя счастливым? – спросил Аджит.

– Я радуюсь не ей. И не своему спасению. А тому, что мы в шаге от цели, принцесса с нами и… – Аша выплеснул свою радость в слова, но он не хотел рассказывать Аджиту правду. Он заметил, как между ними образовалась какая-то пропасть, росшая с каждым недоверчивым словом Аджита. Тот не хотел выходить за границы своих познаний. А Аша знал, что есть что-то ещё, кроме Песков.

– И что? – ждал тот продолжения.

– И нельзя медлить! – закончил Аша, подумав меж тем, что эту фразу ему доводится произносить и слышать уже больше десяти раз, отчего она порядком ему надоела.

К этому моменту смех визиря утих, и вновь всё обволокла предрассветная тишина. Но то, что он раздался, предупреждало их о том, что впереди их что-то ждёт.

– Фара! – раздалось где-то вдали, едва различимо.

Фара вдохнула и закрыла глаза. Она знала, что ей не кажется. Это Принц зовёт её. Но, стиснув зубы, она сделала шаг прочь и первой вошла внутрь башни.

***

Принц позвал ещё раз, но увидел, что маленькое красное пятно исчезло из виду. Потерян, потерян… Он уже не находил места, хотя надежда, что он может догнать её, может что-то исправить, была жива. Он заметил, что почти потерял чувство страха. Он стоял на краю, в полушаге от пропасти, и не боялся. Он не боялся умереть, не боялся убить. Он боялся лишь не успеть.

– Нет…, – шептал Принц. Ему не хотелось верить в произошедшее. То, чего он больше всего боялся, произошло – они оказались разделёнными. Принц подумал о том, как прекрасно было бы, если бы люди умели летать. Тогда между ними стало бы намного меньше преград.

***

Много раз Фара, смотря на башню Рассвета, поражалась её величественности и красоте. Она, как часовой, высилась над всем городом. И волею судьбы именно она оказалась обителью Песков, принесших хаос и разрушение в эти места.

Она боялась, что то же самое случится и с её сердцем. Что в один злосчастный миг всё может оборваться, и пути назад уже не будет, будет незачем пытаться и не на что надеяться. Всё рассыплется на сотни безжизненных осколков, собрать которые воедино вновь будет уже невозможно. И сейчас, когда ей начинало казаться, что этот миг наступил, она встретила Ашу и Аджита. Двух спасителей, которые, поклявшись в верности Магарадже, защищали его дочь.

***

Принц тоже много размышлял. Он смотрел на их единственную цель и на множество дорог, ведущих в ней. Как нити, они опутывали башню. Все дороги так или иначе приводили к башне. Почему так происходит? Какой бы дорогой ты не пошёл, ты попадаешь в определённое место, хочешь ты того или нет. Вся судьба построена из подобных точек, которые нельзя обойти. Это случалось и раньше – Пески. Он так или иначе открыл бы их, каким бы образом это ни произошло. И Фара… Он мог встретить её совсем при других обстоятельствах. Но Принцу вдруг не захотелось верить в такую предопределённость. Неужели ему ничто не подвластно? Что если – от этой мысли его передёрнуло – он бы не встретил Фару? Что если всё это – просто случайности, а он видит в них неизбежность?

И сейчас Принц чувствовал, что без неё его мысли текли как-то странно, затягивая его в пучину размышлений, где царствовал разум, не умеющий чувствовать, радоваться жизни, а лишь строящий бесконечные рассуждения, догадки и убивающий свет в душе. Человек счастлив до тех пор, пока живёт и не слишком задумывается о том, как он живёт.

Вдруг его недавние мысли вернулись к нему, но сейчас они вселяли в него ещё большую надежду. Если Фара – это неизбежность, значит, он обязательно найдёт другую дорогу. Он чувствовал, что тончайшая нить между ними сохранилась. Её не хватит, чтобы перебраться на ту сторону, но её хватит для надежды. А надежды хватит, чтобы совершить невозможное. Принцу нужно было спуститься вниз, но какая-то неведомая сила чуть не разрушила башню, отчего все выходы оказались заваленными. Единственный путь – внешняя стена.

Он прыгнул на деревянную балку, торчавшую из стены чуть ниже. Быстро и точно. Увидев рядом целый ряд из балок, он привстал и прыгнул на следующую. Затем перебрался на третью. Остальные были расположены кучнее, и Принц просто бежал по ним. Его не волновало то, что всё вокруг приобрело такие диковинные очертания – острова в воздухе вместо уже привычного, хоть и ненавистного города. Повиснув на руках, он обхватил ногами колонну и перебрался на неё. Дальше дороги не было. Совсем. Если только он не…

Принц прыгнул вниз. Пролетев почти целый этаж, он резко выбросил руки и ноги в стороны и попытался остановить падение, уперевшись в стены. И ему это удалось, но от боли, ударившей в суставы, он чуть не сорвался, и его лицо исказилось страшной гримасой.

Теперь оставалось спуститься вниз, всё так же упираясь в камень. Почти у самой земли вниз тянулась толстая цепь. Принц вцепился в неё и, быстро перебирая руками и ногами, вскоре очутился на земле.

– Что, торопишься? – Принц услышал за спиной знакомый голос.

Он повернулся и увидел Эссена. Его разум отказывался верить в то, что видели его глаза. Эссен жив? Как?

– Торопишься умереть? Что ж, я помогу! – сказал Эссен.

– Что? Почему? – только и успел спросить Принц, прежде чем Эссен набросился на него, пытаясь убить мечом.

Принц сразу же заметил, что Эссен не похож сам на себя в битве. Он вёл себя уверенно, напористо, был ловок и быстр. Принц то и дело выставлял меч перед лицом, защищаясь от ударов. И Эссен использовал его же приёмы. Принцу всерьёз начинало казаться, что он дерётся с самим собой. Но он вообще

не желал сражаться с Эссеном. Он защищался. И ждал. Ждал, пока станет ясным хоть что-либо.

– Ты начал всё это! Ты умрёшь! Но не за то, что начал. А за то, что не закончишь. Кинжал теперь в руках у врага! Ты думал Фара – друг тебе? Она просто ждала момента, чтобы украсть кинжал! Что если она заодно с визирем? В твоих руках был шанс, но ты упустил его и не сможешь ничего исправить! Я предупреждал, что тебе не стоит попадаться мне на глаза!

Сказав это, Эссен бросился на Принца, занеся меч над головой, но тот уже знал, что он резко ударит им снизу, а сейчас просто отвлекает внимание, и приготовился отбить удар. Но Эссен с разбега ударил Принца, и тот упал на спину. Ещё секунда, и он может быть убит. Трудно сражаться с самим собой.

Внезапно позади Эссена послышался шум, и Принц увидел, как к ним приближается Дахака. Эссен обернулся – он явно не ожидал этого, хотя поначалу Принц подумал, что это та смерть, которую ему приготовил визирь, как и обещал.

Воспользовавшись моментом, Принц вскочил с земли и отбежал в сторону. И он знал, что ему даже не понадобится кинжал.

Принц бросил взгляд на Дахаку. Тот внимательно следил за ним, готовясь напасть. Эссен что-то неразборчиво бормотал, пытаясь держаться на ногах. По нему было видно, что его неизвестно отчего охватила слабость. Он почти не мог стоять. Его слабость напоминала слабость умирающего. Дахака внезапно громко зарычал и выбросил из-за спины огромные щупальца, направив их прямо в Принца. Но он отпрыгнул в сторону, так что зверь попал в Эссена. Мгновенно ударила вспышка яркого белого света, и Принц не видел, что происходит там, где только что были Эссен и Дахака.

Однако теперь путь перед Принцем был свободен. С вершины он видел, что один из мостов разрушен, и пробежал по соседнему. Остановившись у входа, он бросил последний взгляд назад. Позади ничего и никого не было.

Забежав в башню, он услышал, что где-то высоко слышны удары клинков. Его сердце сжалось, и он рванул наверх.

Он пытался отогнать от себя мысли об Эссене, но полностью ему это не удавалось. Слишком странным было то, что только что произошло.

Пытаясь сбросить поток мыслей, Принц крикнул:

– Фара!

Ему казалось, что он хочет выкрикивать это имя сотни раз. Слыша, как где-то наверху она сражается с чудовищами, он не мог быть спокойным. Его тело пробивала дрожь, и он клял себя за то, что не может бежать быстрее.

***

Когда Аша, Аджит и Фара зашли внутрь башни, каждый из них почувствовал, что не хочет произносить больше ни слова. Сковывающий ужас витал здесь. И на сей раз он имел вполне реальный образ. Перед ними в центре зала стояло огромное чудовище. Верней для Фары это было просто чудовище. Для Аши и Аджита это был загадочный Дахака.

– Твой медальон! Он опять светится! – прошептал Аша.

Дахака зашагал в направлении Аджита. Потом он вытянул руку и перевёл внимание на медальон.

– Ему нужен только твой медальон! – чуть громче сказал Аша. – Отдай его!

По лицу Аджита было ясно, что он не хочет этого делать. И в самом деле, глупо было лишать себя последнего оружия.

– Отдай ему то, что он хочет! Нам не справиться с ним! – Фара присоединилась к словам Аши.

Аджит взял медальон в руку и наклонил голову. В эти короткие секунды он размышлял. Размышлял о том, что говорил ему Аша о своих странных видениях. О том, как они сильно не похожи на те, что могут подарить Пески. И о том, как опасно им доверять.

– Надеюсь, что ты окажешься прав! – сказал вдруг Аджит и, сдёрнув с шеи медальон, бросил его перед Дахакой.

Аша понял, что имел в виду Аджит. Его сердце даже заликовало оттого, что он поверил ему. Выходит, он притворялся? Или пытался быть главным? Или не желал просто так доверять свою жизнь чему-то невидимому? Так или иначе, но Аша почувствовал свою резко возросшую ответственность.

Медальон за мгновения растаял от прикосновения зверя точно так же, как и тот, что был на шее у Фары, пока Аджит не коснулся его.

После этого Дахака прошёл мимо Аджита и внезапно исчез.

Не говоря ни слова, все трое побежали наверх, по огромной винтовой лестнице, спрятанной в стене. Башня состояла из множества ярусов, в центре каждого из которых, на полу, была огромная дыра, оттого с самого низа можно было видеть последний ярус.

Лестница, по которой они поднимались, то и дело проводила их мимо балконов и залов. Когда она кончилась, они выбежали на один из балконов, который тоже был круглым, и стали искать путь дальше.

В сокровищницу вела отдельная лестница, упиравшаяся в большую дверь. Дверь, по невероятно счастливой случайности, была открыта. Но вдруг…

***

Поднимаясь наверх, Принц думал о том, что произошло. Он с диким азартом бросился в свою первую битву, желая показать отцу свою храбрость, ловкость, доблесть, преданность. Заслужить славу себе и ему. В одиночку расправиться с множеством врагов. Ему это удалось, но вместо индийских солдат ими оказались чудовищные песчаные создания и собственный отец, превратившийся в одно из них. Он увидел, как один человек может разрушить весь мир. Запросто превратить его из обычного мира в ад. Теперь в его руках был последний шанс – он должен был покарать визиря. Этим, возможно, он хоть как-то закрасит то пятно, что легло на его душу. И, чёрт возьми, что сейчас такое произошло? Как ожил Эссен и почему он напал? И почему Дахака дал ему возможность уйти?

***

Повсюду стали раздаваться хлопки и прямо из воздуха стали появляться чудовища. От неожиданности и обиды Фара закричала.

– Быстрей, в сокровищницу! – крикнул Аджит, подхватывая Фару за руку. Она чувствовала, что всё вокруг неё вот-вот потеряет очертания. Она забыла о том, что у неё кинжал, она в шаге от Часов и может положить конец кошмару.

Зал, в котором стояли Часы, оказался выше предыдущего, но уже его. Повсюду были разбросаны золотые монеты, украшения, драгоценные камни. Но всё это не шло в сравнение с главной ценностью для всех троих – их жизнями, которые были под угрозой. Чудовища в один миг заполнили сокровищницу, отрезав путь к Часам. Единственным путём к спасению была ещё одна лестница, уводившая куда-то наверх. Им придётся сражаться, каждый знал это. Но там, наверху, у них было больше шансов – в потолке была проломлена огромная дыра. Возможно, она образовалась из-за луча света, который ещё совсем недавно исходил из Часов.

***

Принц подбежал к двери в сокровищницу и зашёл внутрь. Дёргая за ручку, он почувствовал, как его стал обволакивать

золотистый туман. На мгновение он почувствовал нечто необъяснимо странное. Ему показалось, что он был сейчас как никогда близок к истине. Но к какой истине? Где она? Вокруг царила тишина. По центру зала стояли огромные Песочные Часы. Принц хорошо их запомнил – они ни капли не изменились. Изменился лишь он. Вдруг он услышал звон клинков где-то наверху и побежал по лестнице наверх.

***

Фара вложила стрелу в лук и выстрелила в монстра, размахивавшего цепью над головой. Тот мгновенно упал и превратился в пыль. Так было со вторым и с третьим, но чудовищ становилось всё больше и больше. А потом они подходили друг к другу, что-то происходило, и вместо них появлялось одно большое чудовище в полтора человеческих роста. Удивительным было и то, что при этом их оружие тоже становилось больше. Будто они сами и их мечи были сделаны из одной и той же сущности.

Аджит и Аша отчаянно сражались с врагами, но что они могли? Без медальона их оружие было ничем для этих созданий.

– Ну и где он?! Где твой спаситель?! Я доверил тебе и ему наши жизни! Его нет! Слышишь?! Его нет! – грубо прокричал Аджит в лицо своему другу Аше. – Это обман!

Аджит вовсе не желал быть грубым с Ашой. Все его насмешки и замечания – это лишь тщательно скрываемое отчаяние. И в порыве он мог наговорить много ужасных слов самому близкому сейчас для него человеку. Трудно было не испытывать того, что происходило внутри Аджита, с учётом того, что в его жизнь вернулся самый страшный из кошмаров, о котором он надеялся ни разу в жизни больше не услышать, не говоря уже о том, чтобы второй раз пережить его.

Внутри Аши что-то лопнуло. Пошатнулось, треснуло и рухнуло. Погасло пламя свечи, подпитывавшей его душу. Всё, что он видел, – обман? Аджит был прав, когда смеялся над ним? Все эти глупые видения – ничто? Надежды были пусты? И вся жизнь? Закрыв глаза, он увидел лишь тёмное пятно, которое вряд ли могло ему помочь. У Аши потемнело в глазах. Он не терял сознания. Он умер. Его кожа мгновенно потеряла свой цвет, и тело стало рассыпаться на части. Лишившись своего выдуманного дара и несуществующего спасителя, он стал беззащитен. Так, словно бы отражение из чаши захватило его самого и сделало песчаным чудовищем. Песок поглотил его.

Аджит не заметил, как сильно за последние дни он успел привязаться к этому юнцу. Он относился к нему, как к собственному сыну, он почти по-отечески любил его. И даже

больше – он зависел от Аши. Увидев, как юноша умирает, Аджит почувствовал, что его сердце занялось резкой болью. И он понял, что не может жить дальше без той надежды, которой сияли глаза его друга, без него самого. Он упал на колени и попрощался с жизнью. С жизнью, в которой ничего не осталось. Аджит лишь видел, как принцесса, окружённая чудовищами, пытается спастись и пробраться к выходу. Но вряд ли ей это удастся. Все их попытки были обречены на неудачу изначально. Ему захотелось попросить прощения у Магараджи за то, что он не смог до конца защищать его дочь. Через секунду Аджит ощутил, как его плоть прорывает острый меч. Ощутил вкус собственной крови. Ощутил пустоту мира, который он покидает, и упал замертво. Последнее, что он почувствовал, – резкую жажду. Его губы так давно не прикасались к влаге.

***

Дахака спутал ему все планы. Опять. А схватка в теле Эссена одновременно с Принцем и с Дахакой почти лишила его сил. А их было и так мало после того, как он спас Принца от силы, заключённой в чаше. Он не смог быстро добраться на верх, башни и всё, что ему оставалось, – смотреть, как погибает сначала Аша, а затем и Аджит. Он стоял в стороне как безучастный наблюдатель. Его самого мало заботило, как он выглядел, но если Аша успел бы взглянуть на него перед смертью, то он больше не увидел бы привычного серебристо-белого пятна. Его истинный облик походил скорее на живого мертвеца. Практически на истлевший труп. Странное чёрное пятно. И сам он сильно ослаб. Только его глаза сохранили свой белый цвет.

Сейчас он видел, как в верхний зал вбегает Принц, пытаясь спасти Фару. Всё как по расписанию. Время – это враг, которого ему не удалось победить. Он даже подумывал о том, что судьба всё-таки существует. И что если уж чему-то суждено произойти, то оно произойдёт. Его план оказался провальным. А теперь, когда Аша мёртв, он вновь стал совершенно невидимым для людей.

«Что ж, мне остаётся только наблюдать», – подумал Призрак.

А Джатта там, внизу, сможет какое-то время сдерживать Дахаку. Нескольких минут будет достаточно.

***

Принц, забежав наверх, увидел Фару, отчаянно отмахивающуюся кинжалом от чудовищ. Она была в шаге от

падения. Вдруг одно из чудовищ резко махнуло мечом, Фара отшатнулась и упала, едва успев зацепиться руками за край.

– Фара, нет! – закричал Принц.

Принц выставил свой меч над головой поперёк удару чудовища, который предназначался для Фары. Оттолкнув монстра к остальным, он бросился в кучу врагов, размахивая оружием. Увернувшись от удара, Принц распорол грудь первому. С силой оттолкнув второго и освободив проход, он побежал к краю разлома, на ходу нанося удар по ногам ещё одного чудовища. Двух мёртвых солдат рядом Принц даже не заметил, его мысли были заняты только одним.

Фара держалась за каменный край из последних сил. Принц свесился вниз и попытался схватить её за руку. Он вновь ощутил приятное тепло её рук. Казалось, это тепло переходило даже на кинжал. Но от страха, волнения и напряжения руки Принца были сырыми, и его ладонь соскользнула на лезвие кинжала. Потекла кровь, но он не собирался отпускать её. Фара уже не держалась – вторая рука соскользнула, и её жизнь была в руках Принца. Верней даже в одной. Капелька крови упала ей на лицо, скользнула по нему и зависла на подбородке. Ещё мгновение, и она упадёт.

Принц стиснул зубы и, превозмогая боль, попытался втащить Фару обратно.

– Всё будет хорошо, – шептал он. – Я вытащу тебя!

Принц совсем забыл о чудовищах вокруг него. Они не собирались ждать, пока он вытащит Фару. Увидев, как над Принцем заносится меч, она закрыла глаза и прошептала:

– Какколуккия!

«Это был не сон!» – пронеслось в голове Принца.

После этого она отпустила рукоять кинжала и полетела вниз. Через несколько бесконечно долгих для Принца мгновений послышался звон разлетающихся монет. В эти мгновения Принц ловил последние капли жизни в бездонных, любимых им чёрных глазах. Он понимал, зачем Фара отдала себя в жертву. Он схватил кинжал, но тот вообще не поддавался попыткам Принца вернуться в прошлое на несколько секунд назад.

«Всего несколько секунд, раньше это работало!» – думал он.

Но кинжал молчал. Так, будто вовсе утратил свою силу. Секунды утекали, и Принц ничего не мог поделать. Магия кинжала не работала. Тогда, когда она была нужнее всего. Кинжал лишь отдавал непривычным теплом вместо обычного холода. Это тепло напоминало ему прикосновение Фары.

Он чувствовал горечь, распиравшую его горло, и ему хотелось кричать. И, перевернувшись на спину и увернувшись от удара меча, он закричал. С криком он вонзал кинжал в тела

чудовищ, прыгая, как молния, с одного на другое, пока те ещё даже не успевали превратиться в пыль. Перед его глазами не было отдельных врагов. Не было стен, неба и пола. Вокруг него всё было одним единым врагом. Он лишь знал, куда нужно нанести удар, чтобы поскорее расправиться с ним.

Через минуту вокруг не осталось ничего. Взгляд Принца прояснился, и он подошёл к краю башни и посмотрел вдаль. На востоке рождался новый день. И только что закончилась его жизнь. Без Фары это не могло быть жизнью.

Принц сражался храбро и мужественно, он победил даже в такой неравной битве. Но дерись он хоть до тех пор, пока пески пустыни не станут красными от крови, ему не удастся оживить умерших. Пришла пора всерьёз задуматься о том, чего он желал раньше и желает сейчас, что для него значит своя и чужая жизнь, умеет ли он любить, нужны ли ему честь и слава? Нужны ли они ему сейчас? Сейчас, когда он победил, но остался наедине со своей победой посреди царства пустоты. Для кого его победа? И кто восславит его за неё? Сейчас он желал, чтобы никто вообще не знал о ней. Жаль, что любая мудрость даётся огромной ценой. Только пройдя сквозь боль и утраты, Принц познал истинные ценности.

Но, несмотря ни на что, он собирался покончить с Песками. Немедленно.

***

Ничего не изменилось в зале, в котором стояли Часы. Всё та же тишина: в зале никого не было. Песок всё так же, словно туман, рассеивался в разные стороны. Сквозь высокие длинные окна ярко светило восходящее солнце.

Но ничто более не занимало разум Принца: он увидел Фару. Она лежала среди россыпи золотых монет неподалёку от Часов. Казалось, в её теле ещё теплилась жизнь. Но, увы, жизнь покинула её. Принц опустился на колени и в исступлении зарыдал. Он никак не мог смириться со смертью Фары, хотя и понимал, что вернуть он её не сможет. Она погибла, погибла, как и многие дорогие Принцу люди.

– Нет! Нет… – повторял он хриплым, сдавленным от рыданий голосом. – Почему?! За что?! Нет… Нет…

Безмолвный и невидимый Призрак наблюдал за ним откуда-то сверху.

Единственное, чего теперь желал Принц, – убить визиря (о, как он желал его смерти!). Убить визиря и запечатать Часы. Он хотел увидеть Амара сию же минуту.

«Ведь это именно он виноват во всех бедах! – проносилось в голове у Принца. – Он жестоко поплатится за всё!»

И тут, словно кто-то услышал желание Принца, появился визирь. Услышав шаги, Принц поднял голову. Глаза Принца налились кипучей злобой, почернели. Он был похож на разъярённого быка. От этой дикой ненависти рука, сжимавшая кинжал, затряслась, и Принц выронил его. Но Принц не колебался. Ещё секунда – и он бросился на визиря и повалил его наземь. Спасло визиря от мгновенной смерти лишь то, что он держал в руках свой посох, иначе Принц просто растерзал бы его. Но визирь лишь успел выставить посох и взять его в обе руки перед тем, как Принц, налетев на него, схватился за этот же посох и пытался им задушить ненавистного врага.

Поваленный визирь мерзким придушенным голосом, понимая, что с Принцем ему не справиться, отчаянно пытался ввести его в заблуждение:

– Отдай мне кинжал! И я подарю тебе вечную жизнь, она будет твоей!

«Как он смог выстоять?» – подумал визирь.

Теперь он надеялся, что его последний план сработает. Он был слаб. Пески отказались подчиняться ему, и защитная сфера буквально взорвалась, окончательно лишая его власти. Теперь их сила была свободной, неконтролируемой. Она поднимала в небо целые острова и нещадно била тех, кто стоял на её пути. Поэтому визирю оставалось лишь разозлить Принца, отвлечь его на себя так, чтобы он вонзил кинжал в него. Не меч, а именно кинжал. Будь у визиря больше сил сейчас, он бы предстал перед Принцем в виде песчаного монстра, против которого кинжал – единственное оружие. Визирь сожалел, что он не обладал нужными знаниями раньше, когда у него ещё хватало сил!

Но Принц, сбитый с толку последними словами визиря, отскочил в сторону, поднял с пола кинжал и на секунду остановился в раздумье:

– Кинжал? Вечная жизнь… А те, кого я любил, кто был мне дорог, будут мертвы? По тво… по… моей вине?

Голос Принца треснул. Словно волна ледяной воды окатила его в следующую секунду. Вот так, в один миг, простые слова сделали наконец всё предельно ясным. Его глаза, брызжущие всё той же дикой яростью приобрели свой прежний цвет и раскрылись шире обычного. Человеческое начало в нём победил, хотя бы на данный момент. И последний план визиря провалился. Единственное, что Принц сказал, было:

– Я могу всё исправить!

Ещё мгновение, и Принц бросился к Часам: он буквально взбежал по гладкой мраморной колонне и, отпрыгнув от неё,

оказался на самой макушке Часов. «Ни секунды промедления! Никаких больше ошибок!» – роились мысли в голове Принца. И он вонзил кинжал в отверстие на верхушке Часов, от которого исходил мягкий голубоватый свет. Это решение родилось как-то само, интуитивно, никто не подсказывал ему, что надо делать. И терять ему было уже нечего. Последним, что услышал Принц, были слова или скорее крик визиря:

– Остано…

Секунда, мгновение – и всё вокруг исчезло: ни Часов, ни визиря, ни Фары.

Принц очнулся в лагере. Его рука по-прежнему сжимала кинжал. От него всё ещё исходило тусклое голубоватое свечение. На плотной синей ткани палатки были отчётливо видны силуэты двух охранников. Как и некогда, с неба крупными редкими каплями сыпался дождь. Тут неожиданно одна из капель просочилась сквозь верх палатки и попала в глаз Принцу. Всё ещё в напряжении, Принц невольно вздрогнул и, оглянувшись по сторонам и убедившись, что всё было по-прежнему, начал осторожно и тихо пробираться к выходу. Почему всё произошло именно так? Хотел ли он именно этого? Хотела ли этого Фара?

Выйдя наружу, Принц обнаружил, что один из охранников спал, опершись на алебарду, а другой стоял спиной к Принцу и, съёжившись от прохладного дождя, что-то бормотал. Воспользовавшись этим, Принц выбрался из лагеря незамеченным и направился в гущу тропического леса.

Поначалу Принцу показалось, что лес спит и лишь дождь, звонко стуча по листьям, нарушает его спокойствие. Но лес жил. Он был полон звуков, слаборазличимых из-за шума дождя. Вдали слышалось чьё-то глухое рычание, время от времени мимо Принца пролетали стайки небольших длиннохвостых птиц. Лес, шелестевший листьями под ударами капель дождя, казался большим, могучим, живым существом.

Принц обернулся: неподалёку были видны факелы лагеря, который он покинул совсем недавно.

– Лагерь… Война… Отец… – чуть слышно шевелил губами Принц. – Он жив! Быстрее к нему. Я так давно его не видел!

Принц стремглав кинулся в сторону лагеря.

Глаза Принца горели яркими огоньками, они были полны радости. Словно бы кто-то там, наверху, увидел Принца, его страдания и решил дать ему второй шанс. Казалось, всё вернулось в прежнюю колею. Но тут Принц, ослеплённый радостью и бежавший, не смотря ни по сторонам, ни себе под ноги, растянулся во весь рост на земле – он не заметил коряги торчавшей из размытой дождём грязной лесной почвы.

С досадой Принц поднялся с земли и попытался оглядеть себя. Но в ночной тьме да ещё находясь в лесу, он так ничего и не увидел. Лишь когда молния на краткий миг блеснула в небе, Принц разглядел свои грязные колени и руки. Потерев одну об другую, он двинулся дальше.

Но прошёл он немного.

«Я пойду к отцу, а визирь предаст своего Магараджу вновь! И всё повторится! И я потеряю всё вновь…», – жестокая правда посетила голову Принца. – «Во дворец! К Фаре! Убить предателя! Я хочу её видеть. Я успею до утра! Да! Она поверит мне!».

Теперь Принц понял, почему время вернулось именно в эту точку. Ну или, во всяком случае, в этом появился некий смысл. На этом размышления Принца просто кончились, он побежал, полный решимости покарать врага, вернуть то, что он отобрал у него.

На долю секунды весь лес осветился вспышкой молнии. Еще секунда, и стали слышны раскаты грома. Они напугали кого-то из лесных жителей, послышался треск ветки, чьё-то уханье, а затем ещё вспышка, и ещё раскат, и ещё, и ещё.

Но Принц не замечал этого, ещё несколько секунд он стоял в нерешительности, просто ничего не делая, а затем рванул с места туда, где был дворец. Он не знал, что вело его, он не был здесь ни разу, а лес мешал разглядеть что-либо, и даже вспышки молний ничего не меняли, но он знал, куда бежать, и просто бежал, ему всё время казалось, что слишком медленно, но не каждый бегун был способен обогнать его; одну из канав он преодолел так, будто это была маленькая ямка, хотя со стороны этот прыжок казался просто невозможным. Именно тяга совершить невозможное двигала им сейчас, и он бежал дальше, не обращая внимания на усталость, боль в колене и скользкую землю. Сейчас в его глазах можно было увидеть всё: вспышки молний, искры гнева и радости и пламя любви.

Впереди замерцал свет. «Да! Это дворец!» – даже нельзя сказать, что подумал, а просто понял Принц. И вдруг странное чувство: а не был ли он здесь раньше? Секунда промедления, вспышка молнии, и вот звуки его бега уже не были слышны под очередные раскаты грома.

И тут Принц понял, что находится к дворцу уже даже ближе, чем думал. Непонятно почему, но он без колебаний полез наверх. В его голове просто не хватало места на мысли об ошибке, о том, что что-то может пойти не так.

Ещё вспышка, и он на балконе. Мягкий свет освещал всё вокруг, пробиваясь изнутри сквозь полупрозрачные занавески. Опять секунда замешательства, вспышка и он уже там, за занавеской. Только сейчас он заметил, что промок до нитки, у

него болит колено и что он наконец-то достиг того места, куда он стремился, сам не зная как попал туда. Вмиг перед ним пронеслись все события этих дней. У него подкосились ноги, они ныли от страшной усталости.

–Нет! Не сейчас! Это ещё не конец! – раздалось слабое бормотание Принца. – Я должен рассказать ей правду!

***

Ещё один человек не спал в эту ночь.

Сначала тишина, затем звонкий тяжелый удар первой капли по листу. Тишина. Капля скользнула по листу, и вновь звонкий удар уже по мрамору. Вспышка. Ещё капля. Ещё. Ещё. Небо разразилось страшным раскатом грома. Фара проснулась. Тишина. В её глазах отразилась ещё одна вспышка. Опять гром. Она вздрогнула. Тишина. Шорох листьев за окном нарушил её, но лишь на мгновение, и вновь режущая слух тишина.

Фара приподнялась с ложа и пошла к занавескам, ей хотелось постоять под дождём, послушать звуки леса. Мраморный пол был холоден, но, сама не зная почему, она не шла по ковру. Мрамор приятно холодил её ноги и успокаивал. Однако у неё было задумчивое лицо, она смотрела вперёд, но как бы сквозь всё сущее и просто шла. Самой ей казалось, что она засыпает. Внезапный порыв ветра вздёрнул занавески, несколько капель дождя попали ей на лицо. Это заставило Фару вмиг вернуться к реальности. Она отошла от занавесок, её охватила непонятная тревога. Нет, она, конечно же, уже не была маленькой девочкой, чтобы бояться темноты или верить в каких-то чудовищ, но чувство тревоги было явственным. И Фаре почему-то казалось, что ей следовало быть где-то в другом месте. Она обернулась к тому месту, где ещё недавно спала, – всё было по-прежнему, однако некое чувство, вернее предчувствие, мучило её.

Она даже не сразу поняла, что ощутила прикосновение, что здесь есть кто-то ещё. Она опять смотрела сквозь всё. Она обернулась. Раскат грома поглотил её вскрик. Но её напугало скорее не наличие постороннего, а его вид: промокший, в грязной одежде, с дикими глазами.

– Кто ты? И что ты здесь делаешь? – страх Фары сменился любопытством.

Он опустил руку с её плеча. Ему вновь стало тяжело понимать её язык.

– Не бойся, – вскоре заговорил Принц. – Я не причиню тебе никакого вреда!

«Посторонний», – подумала она. Только сейчас это слово произвело на неё хоть какое-то впечатление. Скорее всего ещё несколько секунд, и она бы закричала, зовя на помощь. Но тут Принц достал кинжал. И сразу же – ни тени страха в её глазах, лишь удивление.

– Это принадле… – не успел Принц договорить, как услышал голос этого удивления:

– Откуда ты взял его?! Он должен находиться в сокровищнице моего…

– Знаю, – он оборвал Фару на полуслове. – И он будет там вновь очень скоро. Обещай мне, что он останется там навсегда!

– …отца… – по инерции договорила она свои слова.

Повисла небольшая пауза.

– Но откуда? Как? – возглас изумления Фары звоном отдался от мраморных стен.

Вспышка молнии бросила две тени на стену. Две тени, по отдельности, далеко друг от друга. Секундная тишина.

– Всему своё время, скоро ты всё поймёшь, – прошептал он.

И вновь всё заглушил раскат грома. Молчание. Её глаза. Бесконечный миг. Ни одного звука, ни одного вздоха. Ещё секунда, ещё шаг, и всё понесётся с бешеной скоростью. Будто капля, скользнувшая по листу до самого края, вытянулась, застыла на мгновение и сорвалась, звонко ударив о водную гладь, разрушив все иллюзии о спокойной жизни, о тишине, о покое.

И он начал рассказывать. Всё – от начала и до … нет, это не могло быть концом, тогда как ещё ничего не началось. Стрела ещё не пущена в воздух, отец Фары жив. На секунду он даже задумался – представил, каково будет рассказать все эти события. Их в одном дне было больше, чем может быть во всей жизни.

– Многие люди думают, что Время – это река, несущая свои воды в одном направлении. Но, могу уверить, они ошибаются, – начал Принц свой рассказ. Фара лишь слушала.

– Время – это океан, объятый бурей, это могущественная и неукротимая стихия. Я видел истинное лицо времени, и могу поведать историю, подобную которой ты ещё никогда не слышала! – продолжал Принц.

И он рассказывал почти до самого утра. Он всячески старался не показать своих чувств к Фаре, чтобы не отпугнуть её. Он не видел, как порой на её лице мелькала улыбка. Конечно же, она не могла вот так запросто поверить во всё, что говорил незнакомец. Но он рассказывал так красиво и складно, что всё это напоминало ей сказку, которую было приятно слушать. Рассказ казался ей невообразимым, смешным, неправдоподобным, но у него был кинжал, и казалось, что он знал больше, чем должно быть известно простому незнакомцу.

Закончив рассказ, Принц встал и произнёс:

– Нужно помешать визирю! Он собирается тайно открыть ворота и выпустить сигнальную стрелу.

И он жестом пригласил её за собой. Она уже почти собиралась пойти за ним, как вдруг послышался чей-то кашель.

– Так, так! Персидский солдат, жаждая чести и славы, пробрался во дворец Магараджи! Похитил его дочь и кинжал! – проговорил неожиданно появившийся визирь. – Я думаю, у тебя нет выбора: или я сейчас же позову охрану, и ты пожалеешь, что попал сюда, или ты отдашь мне кинжал! – последние слова он произнёс с особой ноткой в голосе – с ноткой злобной мечтательности.

Фара слушала и не понимала.

– Чего ты ждёшь? Брось девчонку! Я всё устрою так, что ты убежишь отсюда живым, я получу кинжал, а она, – Амар нахмурил брови и испепеляюще посмотрел на Фару, – она уже слишком многое знает. Она будет убита мною! Но никто не узнает этого! Персидский солдат пробрался в покои Фары, убил её, добрался до сокровищницы – пропавший кинжал станет отличным тому доказательством! А утром стрела будет пущена в воздух и никому уже не будет никакого дела до таких мелочей!.

Бедная Фара… Её разум помутился, в глазах стояли слёзы, непонимание, страх. Она отошла на несколько шагов. Визирь – предатель. Ночной гость – кто он? Что он скажет? Неужели он обманул её?

– Можешь убить её сам! Я не буду против! – говорил визирь. Его глаза были страшны, в них сидел сам дьявол, ничего человеческого, огромная пустота, холодная и страшная.

Фара заледенела от этих слов и от этих глаз.

Принц потянулся к поясу, раздался холодный звук скользящего по ножнам меча. Фара вздрогнула и отступила ещё и резко вздохнула от неожиданности – она наткнулась спиной на стену. Он достал меч, повертел его в руках – хладнокровный взгляд его был непроницаем – никто не решился бы точно сказать, что он собирался сделать в следующую секунду. Тишина. Молчаливое ожидание. Свист рассекаемого мечом воздуха. Фара вскрикнула. Визирь, тяжело дыша, осел на пол – удар меча пришёлся в грудь, но попал в медальон и поэтому не уронил ни капли крови. Раздался лишь глухой удар. Последний для визиря. Он закашлялся, плюнул кровью, что-то невнятно пробормотал и умер. Сам того не понимая, Принц сделал так, что казалось, будто его враг умер своей смертью, от болезни, давно и нещадно мучившей его.

Она не ошиблась в нём. Он нарушил её покой, но, кажется, только что спас ей жизнь. А может быть, даже всему городу.

Прохладный ветерок ворвался сквозь окно. Он предвещал скорый рассвет. Листья какого-то растения вторили ветерку, качались вслед за ним и что-то шептали. Фара прошла мимо, не заметив ничего из этого. Она была погружена в мысли, только разве что почувствовала, что ей стало легче дышать – воздух после грозы был необычайно сладким на вкус. Молчание длилось около минуты.

Далёкий одинокий луч восходящего солнца прорвался сквозь щель в занавесках, поддуваемых всё тем же предрассветным ветерком. Он не просто осветил всё вокруг. Казалось, он бил изо всех сил, один-одинёшенек он смог прорвать пелену ночи, медленно уходившей куда-то далеко, прочь из этого мира. Ещё луч. Он плавно проскользил от самого балкона по полу, по стене. Ещё луч. И ещё. Миллион лучей. Рассвет. Вся комната наполнилась блеском, бликами, маленькими вспышками и теплом.

– Так это правда… Он был предателем! – сказала она.

«Пора! Пора!» – вопреки своим желаниям, Принц поскорее рвался оттуда, навстречу рассвету и боли. Он знал, что ждёт его там – он не сможет совладать с собой, со своими чувствами, он будет выть, как дикий зверь и проклинать всё на свете.

Он посмотрел на Фару. Он так привык смотреть в эти глаза, искать в них ответ, понимание… И не увидел того, чего ждал. Для неё это было чуть ли не игрой, простой шуткой. Он потерял ту Фару, теперь он понял это окончательно, не смирился, но понял. Он в последний раз посмотрел ей в глаза – они были широко раскрыты от удивления, в них можно было прочитать множество вопросов, но никаких чувств.

– Мне пора идти, – выдавил из себя Принц.

«Странно, – подумала она, – он пришёл и ушёл. Как вспышка молнии. Рассёк всю жизнь на *до* и *после*».

Постояв в нерешительности, она пошла за ним. Ноги не слушались её. Столько всего произошло меньше чем за одну ночь! Сейчас её сердце билось так, что оно могло вторить недавним раскатам грома, но гроза кончилась, и стихия уже отступила.

«Она меня не помнит! Ничего обо мне не знает. Она для меня – всё, я для неё – ничто. Таинственный ночной гость. Пройдёт время, и Фара даже не вспомнит этот случай!», – будто тяжёлые камни падали на Принца мысли. Ему стало трудно идти: вновь занывшее колено давало о себе знать.

– Что случилось? – слегка приподняв брови, спросила она.

Принц ничего не ответил, ничего не изменилось в его лице, в его глазах, но не оттого, что нечему было меняться. Всё застыло – время, мысли и сам Принц. Штиль в целом океане.

– Держи. Верни это в сокровищницу твоего отца и хорошо охраняй! – сказал Принц, развернувшись к ней и протягивая ей кинжал. Но сердце звало его поскорее уйти. И он пошёл к краю балкона, к лесу, к лагерю… к отцу.

– Я так благодарна тебе, ты… – начала была говорить Фара, но он жестом заставил её замолчать. Каждое её слово для него было как удар ужасной силы, он не смог бы выдержать этого долго.

Однако Фара не унималась и через несколько секунд продолжила:

– Скажи мне, зачем ты выдумал такую фантастическую историю? Ты думаешь, я ребёнок и поверю в такую чушь?

Принц понял, что больше не может себя сдерживать. Он должен хотя бы попробовать. И одним быстрым движением он поцеловал Фару. Её глаза широко раскрылись от возмущения, она оттолкнула Принца, и он окончательно всё понял. Время – это враг, которого ему не удалось победить. Ему придётся сдаться. И он в последний раз использовал кинжал, чтобы вернуться назад на каких-то десять секунд, когда Фара договаривала свои слова:

– … фантастическую историю? Ты думаешь, я ребёнок и поверю в такую чушь?

Принц сделал маленькую паузу, вдохнул поглубже и протянул Фаре кинжал со словами:

– Да. Ты права. Это всего лишь сказка. Прощай! – он напустил на лицо маску весёлого безразличия и прыгнул с балкона на высокое дерево, по которому собирался спуститься вниз.

– Постой! Кто же ты? Назови хотя бы своё имя! – она не могла спокойно говорить, видя, что он уходит. Нет, он не был ей нужен, но он породил столько вопросов, что у неё кружилась голова, стучало в висках, и мысли отказывались полностью подчиняться ей.

– Называй меня просто… – ответил Принц и секундой позже добавил: – Какколуккия!

2005-2016